

5 572
АКАДЕМИЯ НАУК СССР
КОМИ ФИЛИАЛ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

Н. Д. Конаков

КОМИ
ОХОТНИКИ И РЫБОЛОВЫ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ
XIX-НАЧАЛЕ XX В.

*Культура промыслового населения
таежной зоны
Европейского Северо-Востока*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1983

Монография посвящена изучению культуры промыслового населения комп во второй половине XIX — начале XX в. В ней впервые обобщены уже опубликованные, а также новые архивные и полевые материалы, освещающие быт, производственную деятельность и духовную культуру охотников и рыболовов, рыболовные снасти, методы охоты и рыбной ловли и т. д. Книга богато иллюстрирована.

Ответственный редактор
Л. Н. ЖЕРЕБЦОВ

ВВЕДЕНИЕ

Автономная республика Коми расположена на северо-востоке Европейской части СССР и проходит своей восточной границей по западным склонам Полярного, Приполярного и Северного Урала. До Великой Октябрьской социалистической революции коми-зырянское население было произвольно раздроблено административными границами царской России и лишь при Советской власти обрело территориальную целостность [1].

По рельефу территория Коми АССР делится на две неравные части: большая представляет собой слабохолмистую низменность, относящуюся к Русской равнине, а меньшая, восточная, характеризуется полугорными и горными ландшафтами Урала. В направлении с востока — юго-востока на север — северо-запад всю территорию Коми пересекает древний полуразрушенный Тиманский кряж высотой 300—350 м. Речная сеть развита хорошо и относится к бассейнам трех крупных рек Европейского Севера: Печоры, Мезени и Северной Двины. В отличие от Европейского Северо-Запада СССР крупных озер на территории Коми нет, наиболее значительные озера — Ямозеро (49 км²) и Синдорское (35 км²). Климат определяется северным положением Коми АССР и близостью Северного Ледовитого океана. Среднегодовая температура в районе с. Усть-Цильма — 2,6° С, в районе г. Сыктывкара — +0,1° С. Продолжительность дня на севере от 0 до 24 часов, на юге республики — от 6 до 18,5 часов. Преобладающую часть территории, около 90%, занимает таежная зона, крайний северо-восток республики относится к зоне тундры, лесотундра проходит узкой полосой вдоль северной и северо-восточной окраины. Непосредственно лесом покрыто 65% всей площади республики. Леса республики относятся к четырем подзонам таежных лесов: крайней северной (7,9%), северной (29%), средней (54,4%) и южной (8,7%). Основу растительного покрова лесной части составляют хвойные леса с преобладанием в них сосны и сибирской ели, в южных районах встречается пихта, а в Усть-Куломском и Троицко-Печорском районах — кедр. Животный мир Коми АССР по составу ближе к сибирскому, европейские виды распространены лишь на юге и западе. К настоящему времени на территории Коми края учтено 56 видов млекопитающих, 197 видов гнездящихся птиц и 38 видов рыб (не учитывая вновь акклиматизированных). Многие виды птиц и зверей имеют промысловое значение. Издавна Коми край заслужил репутацию одного из главных поставщиков пушнины. Белка, куница, горноста́й, колонок, хорь, выдра, норка, лисица, песец, заяц и поныне составляют основной ассортимент добычи

коми охотников. Приняты меры по восстановлению промыслового значения соболя и бобра. В значительном количестве встречаются крупные копытные и хищные животные: лось, дикий северный олень, медведь, росомаха, рысь и волк. Из птиц добываются глухарь, тетерев, рябчик, серая и белая куропатки, а также различные виды водоплавающей дичи. Разнообразна фауна рыб, большая часть их относится к пресноводным. В водоемах республики обитают рыбы 12 семейств. Наиболее ценные из них (в семействе лососевых): семга, нельма, сиг, пелядь, омуль. По добыче семги Печора занимает первое место среди северных рек — свыше 30% всего улова семги в стране.

В традиционном природопользовании народа коми отрасли, использующие естественные биологические ресурсы, вплоть до недавнего времени занимали одно из ведущих мест. Высокая экономическая значимость добывающих промыслов в хозяйстве обуславливала сохранение и преемственность промысловых традиций, способствовала консервации основных элементов культуры промыслового населения. Один из исследователей быта народа коми писал в конце прошлого века: «Если бы нужно и можно было писать историю зырян, то надо бы было писать историю их охоты» [2]. Автор данного высказывания несколько преувеличивал значение охоты в прежней жизни коми, так как даже на ранних этапах этнической истории промысловое хозяйство предков коми было комплексным, и наряду с охотой они занимались рыболовством, собирательством, а позднее — земледелием и скотоводством. Ф. Энгельс справедливо заметил, что «исключительно охотничьих народов, как они описываются в книгах, то есть таких, которые живут *только* охотой, никогда не существовало; для этого добыча от охоты слишком ненадежна» [3]. Тем не менее если оценивать вклад культуры промыслового населения в традиционную культуру коми, то нельзя не признать его действительную ценность и многообразие. Реконструкция традиционной культуры коми охотников и рыболовов имеет более широкое значение, чем детальное этнографическое изучение одного из видов хозяйственной деятельности данного народа. Сходные географические, историко-экономические условия и длительные этнокультурные контакты были причиной большого сходства в прошлом основных элементов культуры всего населения таежной зоны Европейского Северо-Востока. Падение роли охоты и рыболовства в хозяйственной жизни привело к утрате и забвению многих промысловых традиций. В то же время коми сумели сохранить их в относительно мало деформированном виде и донести до исследователя. Коренная ломка традиционного хозяйственного уклада коми крестьянства, происшедшая за годы Советской власти, и продолжающийся процесс естественной убыли представителей старшего поколения, помнящих детали прошлого традиционного быта, требуют особой оперативности в заполнении пробелов.

В качестве объекта исследования выступает коренное население Коми края — коми (зыряне). По возможности исследуются аналоги в культуре промыслового населения соседних народов. Хронологические рамки исследования (вторая половина XIX — начало XX в.) обусловлены недостаточной полнотой этнографического материала по предыдущим эпохам, с одной стороны, и существенными изменениями в жизни промыслового населения, связанными с общей перестройкой экономики Коми края за годы Советской власти — с другой.

При работе над темой был применен комплексный подход. Положив за основу сведения из литературных, исторических и архивных источников, автор постарался дополнить и расширить их с помощью полевых материалов. Помимо этнографических источников, использовались данные смежных наук: языкознания, фольклористики, археологии. Руководствуясь методологическими принципами марксизма-ленинизма, автор, особенно в разделах о духовной культуре, исходил из одного из основных положений исторического материализма — о первичности бытия. При освещении роли добывающих промыслов в хозяйстве коми в качестве основополагающих были использованы труды В. И. Ленина о развитии капитализма в России.

Источники и историография вопроса. Этнографическое изучение Коми края началось лишь в XIX в. Более ранние литературные сведения о коми-зырянах крайне скудны и представляют больше исторический интерес, чем этнографический, хотя и на их основании можно сделать некоторые выводы о роли охоты и рыболовства в хозяйстве коми-зырян [4] в различные периоды. Первое упоминание о территории Коми края в русских письменных источниках содержится в Повести временных лет, где во вводной части среди «иных языки иже дань дают Руси» упомянуты Пермь и Печора [5]. В 1133 г. Изяслав Мстиславич был послан отцом из Киева в Новгород, чтобы получить «дани печерские» [6]. В Новгородских летописях начиная с XII в. часто упоминается о походах за данью в «Печору». Пушная дань, выплачиваемая населением Коми края русским княжествам, несомненно способствовала выделению пушной охоты в специфическую отрасль путем ее отделения от мясной охоты. Видимо, к этому времени пушнина добывалась уже не только для выплаты дани, но и для товарообмена. Ценным источником по позднему средневековью Коми является «Житие Стефана, епископа Пермского», написанное в конце XIV — начале XV в. [7]. Специфика агеографической литературы не помешала автору «Жития» донести до нас ряд наблюдений Стефана из жизни пермян, в том числе по интересующему нас вопросу. Так, например, косвенным свидетельством ведущей роли охоты в хозяйстве древних коми служит описание приношений в жертву идолам различных мехов и характеристика языческих божеств народа коми, как дарующих прежде всего удачу в промысле. После вхождения Коми края в состав Русского государства, по сообщениям

многих иностранных авторов, пушная охота получила в Коми еще большее распространение. О том, что из Перми и Печоры в Москву в XV—XVI вв. поступала лучшая пушнина, писали Павел Иовий и Сигизмунд Герберштейн, Джильс Флетчер и Матвей Меховский, Даниил Принц и Александр Гваньини. На доминирующую роль присваивающих форм хозяйства у коми в это время указывает, в частности, сообщение, что «пермяки... получают хлеб из стран, лежащих к югу» [8]. Некоторые сведения по интересующему нас вопросу можно почерпнуть из Писцовых книг. Так, в известных нам сотных на земли Яренского уезда в конце XV—XVI вв. при описании отдельных населенных пунктов всегда учитывалось количество имеющихся в наличии у местного населения самоловных приспособлений: плашек и слопцов, а также перевесий — сетей на птиц. Представление об ассортименте поступающей из Коми товарной продукции рыболовного и охотничьего промыслов дают таможенные книги Московского государства XVII в. В то же время вплоть до посещения Коми края И. И. Лепехиным во время академической экспедиции в 1771 г. в письменных источниках как материальный, так и духовный мир промыслового населения коми оставался практически неосвещенным.

«Дневные записки путешествия Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства» являются ценным этнографическим источником, дающим сведения о многих видах хозяйственной деятельности коми крестьянства, в том числе и охоте. В частности, И. И. Лепехиным достаточно подробно описаны добыча яиц диких уток с помощью искусственных гнездушек, сооружение изгородей с ловчими ямами на крупных копытных и пр. Вслед за И. И. Лепехиным в первой половине XIX в. Коми край посетили с исследовательскими целями в составе научных экспедиций видные ученые того времени А. Шренк и Э. Гофман. Хотя в задачи этих экспедиций не входило изучение вопросов, связанных с историей и этнографией народа коми, в книгах, которые написаны указанными авторами как обобщение итогов научной работы экспедиций [9], встречается большое количество описаний жизни и быта местного населения. А. Шренк, например, очень подробно зафиксировал способ охоты на линных гусей по берегам тундровых рек. Э. Гофман дал тщательное описание с рисунками основных самоловных ловушек печорских охотников и т. д. В 40-х годах XIX в. на Печору дважды ездил с целью оценки ее пригодности для промышленного освоения купец В. Н. Латкин. В его дневниковых записях встречаются достаточно подробные описания отдельных орудий и способов лова рыбы и некоторые другие сведения о промыслах коми [10].

Во второй половине XIX в. печатная информация о Коми крае резко возрастает. В Вологодских, Архангельских и Вятских губернских ведомостях и в центральных периодических изданиях были опубликованы десятки статей, написанных учителями, чи-

повниками, лесничими, священниками. Во многих из них в той или иной мере освещалась промысловая деятельность населения Коми края. К сожалению, лишь отдельные статьи демонстрируют добросовестный подход и детальное знание автором предмета исследования. Тем не менее некоторые, зачастую фрагментарные сведения, встречающиеся в статьях, заслуживают пристального внимания. Перечисление статей, в которых встречаются сведения о промысловой деятельности коми, заняло бы слишком много места, поэтому отметим лишь наиболее значительные. Прежде всего речь идет о статьях вологодского лесничего К. М. Сонни, усть-сысольского учителя М. И. Михайлова, В. Аврамова, Ф. Е. Ежова, Н. Иваненко [11]. Из работ указанных авторов и ряда других статей можно почерпнуть многие ценные данные о жизни коми охотников и рыбаков, хотя в каждой из них, как правило, описывался лишь узкий регион.

Существенный интерес представляют произведения некоторых писателей. О промысловой деятельности коми имеются сведения в книгах С. В. Максимова, А. В. Круглова, П. В. Засодимского [12]. Многие свои работы посвятил описанию охотничьего и рыболовного промыслов писатель Ф. А. Арсеньев. Им же была сделана попытка монографического описания охоты и рыболовства у коми [13]. Несмотря на ряд ценных наблюдений, сделанных лично автором, в целом работы носят компилятивный характер. Большинство сведений заимствовано без переработки из статей других авторов, опубликованных в периодической печати. То же самое относится и к рисункам охотничьих ловушек, которые большей частью взяты без ссылок из книги Э. Гофмана. В целом исследования получились схематичными и далеко не полными.

В начале XX в. непосредственно по теме «Охота и рыболовство у коми» количество работ незначительно. Следует отметить книгу Н. А. Варпаховского о рыбном промысле на Печоре, в которой даны подробные описания сетных орудий лова [14]. В. А. Русанов в своей статье о промыслах попытался рассмотреть причины возникновения форм артельной охоты у коми [15]. Отдельные ценные сведения можно извлечь из трудов землеустроительных экспедиций по определению промышленной пригодности Коми края, трудов Архангельского общества изучения Русского Севера, Вологодского общества изучения северного края, из губернской и центральной периодической печати.

В начале века стали появляться первые сугубо этнографические работы. Их авторы (К. Ф. Жаков, В. П. Налимов, П. А. Сорокин и др.), будучи сами выходцами из коми, пытались осмыслить с научных позиций (правда, не всегда удачно) собранный ими лично и известный из литературы материал по культуре и быту коми. В их трудах нашла частичное отражение и духовная культура промыслового населения [16]. Заслуживает внимания тот факт, что одним из указанных авторов было обращено внимание на существенные отличия в духовной культуре промыслового и земледельческого населения. Рассматривая вопрос о языке-

ских верованиях, К. Ф. Жаков отметил: «То, что рассказывается о деяниях «лешего» (лесного бога) у верховьев Выми, Пожега (преимущественно промысловые районы.— Н. К.), отличается серьезностью и глубиной, суеверия же и рассказы в селах по среднему течению Вычегды (район развитого земледелия.— Н. К.) — шутливым характером, определяющим безбоязненное отношение к бывшему своему богу» [17].

Помимо отечественных авторов, в рассматриваемый период культурой народа коми заинтересовался и ряд зарубежных этнографов и филологов. Ими были совершены поездки на территорию Коми края с целью сбора материала, который впоследствии был опубликован в научных работах. Исследователи коми фольклора Ю. Вихман и Д. Фокош-Фукс ввели в научный оборот большое количество промысловых быличек [18]. У. Сирелиус собрал ценные данные об орудиях охоты и рыболовства и промысловых жилищах, которые использовал в своих обобщенных работах по культуре финно-угорских народов [19].

В 20—30-е годы XX в. отмечался подъем краеведческой работы. В этнографические исследования включались местные энтузиасты, статьи которых публиковались в «Записках общества изучения Коми края» и в журнале «Коми му». В Усть-Сысольске активно работали профессора В. П. Налимов, А. Н. Грен, начал научную деятельность А. С. Сидоров. Последним достаточно подробно исследованию были подвергнуты ранние верования народа коми, в том числе связанные с промысловыми культами [20]. Хотя промысловая культура коми в целом не привлекла особого внимания А. С. Сидорова, необходимо поставить ему в заслугу четкое осознание особенностей религиозного мировоззрения промыслового населения и высоко оценить богатейший фактический материал, собранный им лично по этой теме. Со второй половины 30-х до начала 50-х годов в связи с отсутствием научных кадров и соответствующих учреждений на местах этнографическая работа на территории Коми края практически не проводилась [21].

С 1945 г. в составе экспедиций центральных научных учреждений в Коми АССР работала видный этнограф В. Н. Белипер. В результате проведенных ею исследований была написана обширная монография «Очерки по этнографии народов коми. XIX — начало XX в.», вышедшая в свет в 1958 г. Работа эта заслуживает самой высокой оценки, но широта охвата всех аспектов как материальной, так и духовной культуры сразу двух народов не позволила автору осветить все стороны промыслового быта. В 1950 г. к планомерным исследованиям в области этнографии приступил Коми филиал АН СССР. В настоящее время сотрудники сектора этнографии Института языка, литературы и истории КФАН успешно трудятся над различными этнографическими проблемами [22].

Из наиболее ценных источников можно отметить труды верхневыхегодской охотоустроительной экспедиции, в которых

даны подробные описания самолетных приспособлений, охотничьей избушки и хозяйственных построек в промысловом уголке [23].

Наряду с литературными сведениями одним из основных источников для написания монографии послужили полевые материалы, собранные автором во время этнографических экспедиций в 1976—1981 гг., организованных сектором этнографии ИЯЛИ КФАН СССР. Полевые материалы хранятся в личном архиве автора и даются в тексте, как правило, без ссылки на источник. В ходе полевой работы было обследовано промысловое население практически всей территории Коми АССР, как районов, в которых охота и рыболовство играли видную роль в хозяйственной деятельности вплоть до недавнего времени (бассейны рек Мезень, Вашка, Вымь, Вишера, Нившера, Верхняя Вычегда, Илыч, Ижма, Печора), так и районы с преобладающим значением земледелия (Прилузье, Сысола, Средняя Вычегда), что позволило выделить самые характерные и стойкие элементы промысловой культуры.

Помимо исторических, литературных и архивных источников и данных, собранных в экспедициях, автором были использованы материалы вещественных коллекций в музеях г. Ленинграда (МАЭ и ГМЭ), Коми республиканского краеведческого музея в г. Сыктывкаре, краеведческого музея в г. Печоре, а также краеведческих музеев в селах Ижма, Троицко-Печорск, Подчерье, Важгорт, Княжпогост, Визинга и Объячево.

1. Автономная область Коми была образована Декретом Советского правительства от 22 августа 1921 г. бывших Усть-Сысольского и части Яренского уездов Вологодской губ. и части Печорского у. Архангельской губ. 5 декабря 1936 г. Автономная область Коми была преобразована в Коми АССР в составе РСФСР.
2. Попов К. Зыряне и зырянский край.— ИОЛЕАЭ, 1874, т. 13, вып. 2, с. 71.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 29.
4. В дальнейшем коми в отличие от «коми-пермяки».
5. Повесть Временных лет. М.; Л., 1950, с. 13.
6. Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951, с. 49.
7. Епифаний Премудрый. Житие святого Стефана, епископа Пермского. СПб., 1897.
8. Флетчер Д. О государстве русском. СПб., 1905, с. 11.
9. Гофман Э. Северный Урал и береговой хребет Пай-Хой. СПб., 1853—1856. Т. 1, 2; Шренк А. Путешествие к северо-востоку Европейской России через тундры самоедов к северным Уральским горам. СПб., 1855.
10. Латкин В. Н. Дневник во время путешествий на Печору 1840 и 1843 гг.— ЗРГО, 1853, кн. 7.
11. Сонни К. М. Об охоте зырян.— ЛЖ, 1840, ч. 4; Михайлов М. И. Промыслы зырян Усть-Сысольского и Яренского уездов Вологодской губернии.— ЖМВД, 1851, кн. 4, ч. 33—34; Аврамов В. Жители Яренского уезда и их хозяйственный быт.— ВГВ, 1859, № 31, 34, 35; Ежов Ф. Е. Заметки и воспоминания заезжего о зырянах.— Вят. ГВ, 1857, № 30, 41; Иваненко Н. Охота как промысел в Яренском и Сольвычегодском уездах Вологодской губернии.— ЛЖ, 1877, ч. 5.
12. Максимов С. В. Год на севере. М., 1890; Круглов А. В. В северных лесах. М., 1908; Он же. Лесные люди. М., 1910; Засодимский (Вологдин) П. В. Лесное царство.— Слово, 1878, сентябрь — октябрь — ноябрь.

13. Арсеньев Ф. А. Зыряне и их охотничьи промыслы. М., 1873; *Он же*. Рыбная ловля у зырян. Нижний Новгород. 1875.
14. Варпаковский Н. А. Рыбный промысел в среднем течении р. Печоры. СПб., 1900.
15. Русанов В. А. Очерк промыслов по Усть-Сысольскому уезду.— В кн.: Русанов В. А. Статьи, лекции и письма. М.; Л., 1945.
16. Жаков К. Ф. Этнологический очерк зырян.— ЖС, 1901, вып. 1; *Наликов В. И.* Загробный мир по верованиям зырян.— ЭО, 1907, т. 72, № 12; *Сорокин П. А.* Пережитки анимизма у зырян.— ИАОИРС, 1910, № 20; и др.
17. Жаков К. Ф. Языческое мирозерцание зырян.— НО, 1901, № 3, с. 70.
18. Fokos-Fuchs D. R. Volksdichtung der Komi (syrjanen). Budapest, 1951; Wichmann Y. Syrjänische Volksdichtung.— MSFOu, 1916, B. 38.
19. Sirelius U. T. Über die Sperfischerei beiden finnisch-ugrischen Völkern. Helsingfors, 1906; *Idem*. Über die primitiven Wohnungen der finnisch und ob-ugrischen Völkern.— FUF, 1907, B. VII, H. 1–3; *Idem*. Jagt und Fischelei in Finland. Berlin; Leipzig, 1933.
20. Сидоров А. С. Следы тотемистических представлений в мировоззрении зырян.— КМ, 1924, № 12; *Он же*. Пережитки культа промысловых животных у охотников коми.— КМ, 1926, № 5; *Он же*. Знахарство, колдовство и порча у народа коми. Л., 1928.
21. Жеребцов Л. Н. Этнографические исследования на Европейском Северо-Востоке СССР.— НД, 1975, вып. 18.
22. Конаков Н. Д. Снаряжение коми охотника.— ВК, 1978, № 8. На коми яз.; *Он же*. Охотничьи артели у коми.— В кн.: Традиционная культура и быт народа коми. Сыктывкар, 1978; *Он же*. Охотничье право собственности и охотничья мораль у коми.— Там же; *Он же*. Не забывать хорошие обычаи.— ОИОХ, 1978, № 12; *Он же*. О пережитках культа духов-хозяев в промысловой среде.— В кн.: Вопросы финно-угроведения. Сыктывкар, 1979; *Он же*. Водные средства сообщения народа коми.— НД, 1979, вып. 45; *Он же*. Присваивающие отрасли хозяйства коми в конце XIX—начале XX в.— В кн.: Вопросы социально-экономической истории Коми края. Сыктывкар, 1980.
23. Верхне-Вычегодская экспедиция.— ТСЭ, 1932, вып. 1.

Глава первая

ПРИСВАИВАЮЩИЕ ОТРАСЛИ ТРАДИЦИОННОГО ХОЗЯЙСТВА КОМИ

Присваивающие формы ведения хозяйства, к которым в первую очередь относятся охота и рыболовство, были присущи всем без исключения народам на ранних стадиях их существования. С ростом производительных сил роль добывающих промыслов у большинства народов уступала главенствующее положение производящим формам: земледелию и скотоводству. У народа коми в силу ряда причин развитие производящих форм сопровождалось сохранением существенного значения охоты и рыболовства на протяжении почти всей истории, вплоть до недавнего времени.

Основными факторами формирования системы традиционного природопользования являются уровень социально-экономического развития и природные условия среды обитания. Сохранявшаяся у коми вплоть до начала XX в. специфическая модель комплексного присваивающе-производящего хозяйства, сочетавшего земледелие и скотоводство с охотой, рыболовством и домашними ремеслами, в прошлом была типичной для оседлого населения практически всей таежной зоны Северо-Восточной Европы. Данная модель оказалась наиболее жизнеспособной, обладающей наилучшими адаптационными возможностями в период освоения (понимая под этим процесс создания постоянных поселений) обширной территории Русского Севера с его суровым климатом и малоплодородными почвами.

Коми население не было аборигенным на данной территории, а появилось где-то на рубеже I и II тысячелетий н. э. из Прикамья. Как свидетельствуют археологические, этнографические и лингвистические данные, комплексный тип присваивающе-производящего хозяйства в Коми крае сложился еще до его включения в состав Русского централизованного государства. Население, непосредственно предшествовавшее летописной Перми Вычегодской и оставившее памятники ванвиздинской культуры (IV—VIII вв. н. э.), принадлежало к более древнему на данной территории хозяйственно-культурному типу охотников и рыболовов тайги [1]. Ванвиздинцы вели полуседлый образ жизни, базировавшийся на развитом промысловом хозяйстве. Приемы охоты и рыболовства в результате распространения металлических орудий труда были достаточно совершенны, хотя для обработки шкур еще использовались грубые массивные кремневые скребки.

В результате анализа костного материала, найденного при рас-

копках ванвиздинских поселений, можно прийти к выводу, что охота у них имела как мясное, так и пушное направление. Так, например, на стоянках Вис II и Кузьвомын были найдены кости бобра, куницы, северного оленя, бурого медведя, лося, соболя, выдры, лисицы, волка, белки, зайца (в порядке убывания количества определенных особей). Из птиц в фаунистическом комплексе ванвиздинского времени преобладали: глухарь, тетерев, рябчик, белая куропатка, дикая утка, гусь и лебедь. Остатков водоплавающей дичи больше, чем боровой. Находки костей единичных особей домашних животных — лошади, коровы и овцы или козы — свидетельствуют о зарождении животноводства [2]. К основным орудиям охоты у ванвиздинцев относились копье, лук и стрелы с наконечниками различной конфигурации из железа и кости, возможно, была праща. Находка во II Висском торфянике полоза от копыльных саней предполагает их использование при дальней охоте. Средством передвижения охотников зимой служили лыжи. К рыболовному инвентарю принадлежали металлические крючки из железа, бронзы и латуни, а также крючки из отрезков веток с сучком под острым углом, костяные жерлицы, гарпуны с костяным наконечником, сети, от которых были найдены поплавки и каменные грузила, ловушки типа верш. Широко практиковалось заборное рыболовство [3].

У коми переселенцев была более совершенная система традиционного природопользования и выработанная на ее основе модель хозяйства. В Прикамье к началу Родановской культуры (IX—XV вв.), т. е. ко времени переселения коми в Вычегодский бассейн, скотоводство, охота и земледелие уже имели примерно одинаковый удельный вес в хозяйстве [4]. Адаптация к новым природным условиям у пермских групп происходила в основном за счет приспособления к ним традиционной культуры. Какую-то роль, видимо, сыграло и поглощение коми в ходе этнической истории ранних засельников этой территории, предположительно западнофинских, а возможно, и угорских племен. Выделить приобретенные в результате ассимиляционных процессов компоненты культуры в настоящее время крайне трудно, но можно предположить, что они внесли определенный вклад в формирование культуры промыслового населения коми.

Эпоха позднего средневековья на территории Коми края изучена еще недостаточно. Судя по археологическим материалам, комплексное хозяйство Перми Вычегодской было в этот период преимущественно экстенсивным, хотя появление в XII в. пахотных орудий позволило частично перейти от подсеки к перелугу. Существенное место в хозяйственной жизни занимала торговля. Об этом свидетельствуют как привозные украшения, так и найденные в могильниках западноевропейские и среднеазиатские монеты. Согласно вещественным находкам в развитии торговли Перми Вычегодской существовало два этапа. На первом из них (X—XI вв.) преобладали связи с Прибалтикой и Поволжьем, на втором (с XII в.) — господствовали славянские вещи [5]. Учитыв-

вая местную специфику, следует отметить, что преобладающим предметом обмена со стороны древних коми была пушнина.

Победа Москвы в борьбе с Великим Новгородом и включение его в 1478 г. в состав Русского государства ознаменовали собой и вхождение в состав Русского централизованного государства территории Коми края. Уже в 1481 г. Иваном Гавриловым была произведена перепись Вычегодско-Вымских земель, а в 1485 г. Иваном III жителям Перми Вычегодской была выдана жалованная грамота «на владение реками, озерами и угодиями, которыми владели их деды и отцы» и назначены «государевы дани... за соболы и за белку, и за бобровые гоны, и за рыбную ловлю, и за кречатн садобища... с лука по соболу. А не будет соболь, ино за соболь четыре гривна» [6]. Количество луков (хозяйств), облагаемых данью, позволяет судить как о территории расселения народа коми в конце XV в., так и о его численном составе: на Вычегде — 438 луков, Вымы — 367, Вишере — 228, Сысоле — 536, Верхней Сысоле (Ужговские земли) — 92 лука [7].

До начала освоения Коми края торговые и культурные связи коми с русскими носили спорадический характер, но с присоединением к Московскому государству постепенно налачился достаточно тесный экономический и культурный контакт. В обмен за пушнину стали поступать соль, лен, конопля, железные изделия. С пушнинной связаны первые шаги коми торгового капитала. Пушнина, добываемая на охоте, сбывалась главным образом на рынках Устюга и Сольвычегодска. Кроме того, с XVI в. коми играли роль торговых посредников с населением Западной Сибири [8]. Замена примитивных орудий более совершенными повысила производительность земледелия. Тем не менее и в XVI в. основу питания составляют продукты натурального рыболовства и мясной охоты, а «хлеб употребляется весьма редко» [9]. Во второй половине XVI в. зарождающийся всероссийский рынок и увеличившийся спрос на пушнину вызвали усиление русского продвижения на восток, а так как известные в то время пути в Сибирь через Уральский хребт проходили по территории Коми края, то коми население оказалось вовлеченным в пушную торговлю особенно тесно. Промысел пушного зверя, окончательно приобретший товарный характер с установлением регулярной рыночной связи, вышел в экономике на первый план. В связи с возможностью реализации продуктов промысла на близлежащих рынках рыболовный промысел у коми также постепенно превращался из индивидуального рыболовства в системе замкнутого хозяйства в мелкотоварное производство. Развитие товарных связей повлекло за собой более широкое использование производительных сил края и в то же время поставило коми население в сильную зависимость от результатов добывающих промыслов.

Одновременно активизировались этнокультурные контакты коми и северорусского населения. Хронологически близкое начало освоения территории таежного Европейского Севера, общая историческая судьба и нивелирующиеся различия в уровне раз-

вития производительных сил были причиной большого сходства в культурно-хозяйственном укладе обоих народов. Доминирование русской культуры естественно имело место в силу того, что социально-экономическое развитие Коми края на протяжении всей его истории все же отставало по темпам от европейской части царской России. В результате коми-русских этноконтактов произошел ряд прямых заимствований культурных явлений. Данные заимствования коснулись таких элементов культуры, как одежда, жилище, отдельные предметы и орудия, производственные навыки и т. д. Тем не менее за почти тысячелетний период со времени появления предков коми в бассейне Вычегды и отделения их от предков коми-пермяков материальная и духовная культура обоих народов не утратила общих традиционных черт, что свидетельствовало о ее стабильности. В то же время за этот период на Европейском Северо-Востоке сформировалась территориальная историко-культурная общность (историко-этнографическая область) — хозяйственно-культурный ареал с характерным типом присваивающе-производящего хозяйства. Основную системообразующую роль играл тип традиционного хозяйства, выработанный на основе сложившейся системы природопользования. Этнокультурные контакты способствовали диффузионному распространению основных производственных идей и хозяйственных навыков, в результате чего они в значительной мере унифицировались, что, впрочем, не исключало локальных различий в конкретной форме отдельных предметов и орудий. В XVI—XVII вв. данная этнографическая область включала в себя значительную часть таежной зоны Европейского Северо-Востока, но она уже начала интенсивно сокращаться.

Отличительной чертой комплексного присваивающе-производящего хозяйства является необходимость наличия резервной территории освоения, без которой его экстенсивные отрасли не способны обеспечить абсолютный прирост населения. Основной причиной кризиса этой системы хозяйства на Европейском Северо-Востоке послужило сокращение площади, пригодной к освоению, в зоне максимального для нее экологического благополучия. В первую очередь кризис выражался в падении рентабельности охотничьего и рыболовного промысла в виду резкого сокращения популяций зверя, птицы и рыбы в результате усиленного промысла. С увеличением феодального гнета возрастающая потребность в денежных средствах в наиболее рано обжитых районах с наибольшей плотностью населения уже не могла быть удовлетворена за счет товарной продукции присваивающих отраслей. С другой стороны, «увеличение плотности населения толкало на расширение запашки, но рутинное средневековое земледелие не могло заметно расширяться в условиях плохой земли и обилия лесов и болот» [10]. Нарушение сбалансированности отдельных элементов хозяйственного комплекса вынуждало к изменению системы природопользования, в основном за счет интенсификации производящих отраслей и замены присваивающих вновь возникающими

промыслами. Указанная тенденция была характерна и для Коми края. Но наличие большого количества еще не освоенных земель послужило причиной того, что процесс вытеснения присваивающихся отраслей из хозяйственного комплекса протекал у коми менее интенсивно, а уже изживавшая себя на смежной территории Русского Севера система природопользования продолжала функционировать на вновь осваиваемых землях Коми края.

Обратно пропорциональная зависимость динамики развития присваивающих отраслей хозяйства коми и динамики естественного прироста населения существовала уже в начале XVII в. Так, в 1608 г. население Сысолы численно превышало население Удорского края в 1,8 раза, а население Выми и Вишеры в 1,6 раза, в то время как территории этих районов в принципе адекватны. Обеспеченность основными промысловыми орудиями — слопами в сысольских хозяйствах была соответственно в 4,1 и 2,1 раза меньше [11]. Слопы служили для добычи дичи, которая в основном шла на внутривозвращенное использование, поэтому данные о ее количестве могут свидетельствовать лишь о значении мясной охоты. Но снижение роли продукции охоты в пищевом рационе могло компенсироваться лишь более высокой продуктивностью сельского хозяйства либо более высоким выходом товарной продукции. Рост производительных сил в земледелии не успевал за естественным приростом населения. Хлеба не хватало даже в южных, наиболее плодородных районах. Проезжавший в середине XVII в. через Коми край в ссылку в Сибирь Адам Каменский отмечал, что у коми «поля мало что имеют», а потому милостыню пленным они давали «больше всего рыбой, так как хлеба у самих мало» [12]. Поскольку пушная охота составляла основной товарный продукт, возможность сбалансировать крестьянский бюджет в основном ложилась на нее. Одновременно к активизации пушной охоты принуждала экономическая политика государства: в течение XVII в. на севере все натуральные сборы были постепенно заменены денежными; учитывая слабое развитие сельского хозяйства, налог взимался не по размеру пашенных земель, а подворно.

Общее количество пушнины, поступающей в XVII в. из Коми края, определить по годам и в целом за столетие затруднительно. Тем не менее представление о размерах пушной торговли в XVII в. дают сведения в сохранившихся таможенных книгах. Так, например, только лишь один торговец пушниной В. Ф. Гусельников в 1652—1653 гг. предъявил в Устюжской таможне на продажу 1067 соболей «сысольских», 148 пупков собольих*, 137 куниц и 99 соболей «сургутских», купленных у сысольских промышленников [13]. Устюжанин Иван Матвеев совершил с 28 декабря 1679 г. по 17 июля 1680 г. четыре поездки на Сысолу и вывоз оттуда в общей сложности 15 240 шкурок белки, 124—

* Пупки собольи — менее ценная часть, брюшко, отделенное от хребтовой части, и хвосты собольи продавались отдельно.

зайца, 463 — горноста, 31 — норки, 6 — выдры, 3 — куницы, 20 лап росомахи и шкуру лоса [14]. Крупные партии пушнины продолжали поступать из Коми края и в конце XVII в. Так, например, за зиму 1684—1685 гг. Кирилл Павлов и Сидор Федоров закупили на Вишере 2200 белок, «полтретья сорока горноста, 200 заячин чистых и серых, 10 норок, одна недолиска»; Леонтий Давыдов — 2000 «белок чистых» «и пошел тот товар к Москве»; лалетин Бажен Коловкин на 70 р. купил 3000 белок, 280 горностаев, 36 куниц, 2 лисицы [15]. Наряду с иногородними скупщиками в таможенных книгах XVII в. часто фигурируют скупщики, выдвинувшиеся из среды местного крестьянства. Так, зимой 1633 г. лузенин Афанасий Симонов продал в Устюге 3500 белок, 2 выдры, 20 норок. 13 декабря 1634 г. крестьянин Лузской Пермцы С. Смирнов привез в Устюг для продажи 5 тыс. белок. В 1646 г. сысонец П. Комаров явил на продажу в Устюге 80 сысольских соболей, 120 соболевых пупков, 200 соболевых хвостов [16].

Добыча пушных зверей в размерах, превышающих их природу, в первую очередь сказалась на поголовье наиболее ценных пород. Леса на Сыsole были в XVII в. уже единственным районом Поморья, где добывали соболя [17]. Его перепромысел диктовался конъюнктурой рынка, а отлов даже 40—45% всего осеннего поголовья соболя приводит к сокращению популяции через 18—20 лет до 2—3% первоначального запаса [18]. Уже в 1679 г. в соль-вычегодских и Устюжских таможенных книгах отмечено всего 477 сысольских соболей [19], в дальнейшем добыча соболя неуклонно падала. Аналогично обстояло дело с добычей бобра. Товарная продукция рыболовного промысла могла лишь в некоторой мере компенсировать падение доходности пушной охоты, хотя таможенные книги XVII в. регулярно фиксируют поступление с Сысолы и Вычегды рыбы в соленом и сушеном виде.

Первым проявлением надвигающегося кризиса в крестьянском хозяйстве коми было резкое увеличение миграционных процессов к середине XVII в. По данным переписи 1608 г., из жителей Коми края в Сибирь переселилось 48 человек, а к 1646 г. отход в Сибирь коми населения достигал уже 10% (за 14 лет покинули родные места 762 человека). Особенно много ушло из вымских сел — до 36,5% населения [20]. Наблюдавшийся в 30—40-х годах XVII в. наивысший подъем сибирских соболевых промыслов в условиях существенного уменьшения количества зверя ценных пушных пород в Коми крае повлек за собой временную переориентацию и большей части оставшегося промыслового населения на охоту за «Камнем». Из ушедших в Сибирь часть оседала там на постоянное жительство, многие же через несколько лет возвращались обратно. Так, в 1636 г. через Верхотурье и Березов в Сибирь проехало 108 промысловиков коми. В этом же году через Обдорскую заставу возвращалось с сибирских промыслов 44 коми промысловика [21]. Окончание сибирского «пушного бума» знаменовало собой начало активного освоения территории

севера Коми края. Данный процесс происходил как в широтном направлении (освоение притоков и верхнего течения Вычегды), так и в меридианальном (заселение Печоры). В 1646 г. перепись отметила семь новых поселений на Верхней Вычегде, а к 1720 г. их число уже превышало несколько десятков [22]. В 1674 г. появился починок Кузьминский (основа с. Троицко-Печорска) — первый коми населенный пункт на Верхней Печоре, вслед за которым в 1719 г. возник Савинобор, в 1743 г. — Пырединская, Скаляб и Кодач, затем Сойва, Покча, Подчерье, Шугор, Усть-Сопляс, Овининская, Евтюгинская и Позориха (Даниловка) [23]. В 1787 г. на Верхней Печоре в вышеперечисленных деревнях проживало уже 1047 душ. Основная масса переселенцев на Печору была из бассейна Вычегды, больше всего из сысольских селений [24]. Активизация процессов расселения вела к ускорению эволюции сложившихся традиций в трудовых процессах и быту, поскольку они переставали удовлетворять в изменившихся климатических и ландшафтных условиях. Одновременно возрастала роль прямого заимствования культурных явлений, особенно при резкой смене хозяйственного уклада. У сравнительно рано переселившихся (в конце XVI в.) в бассейн Печоры коми-ижемцев заимствования охватывают целые отрасли хозяйства (оленоводство) с полным совпадением как отдельных элементов, так и терминологии [25]. Причем в данном случае заимствования происходили не путем ассимиляции (а следовательно, взаимодействия культур) и не по причине более низкого уровня развития хозяйственно-бытового и социально-экономического уклада (чем объясняется большая часть ранних заимствований от русских), а вытекали из неприспособленности коми переселенцев к резко изменившейся экологической среде. В данном случае проще оказалось перенять трудовые навыки и отдельные элементы культуры аборигенного населения данной экологической ниши (ненцев), чем идти по пути постепенного приспособления своей традиционной культуры к новой природной среде.

В то же время инфильтрационное освоение территории Верхней Вычегды и ее притоков, а затем и Верхней Печоры в основном за счет создания поселений на территории промыслового освоения (охотничьи и рыболовные угодья) вело лишь к постепенному изменению места в общем хозяйственном комплексе отдельных отраслей, но мало затрагивало сложившуюся культуру народа коми. Сохранялись без существенных изменений одежда, трудовые навыки и т. д., исключая лишь локальные этнотерриториальные особенности, если переселенцы были из разных мест. Таким образом, сохранялся хозяйственно-культурный комплекс, выработанный в местности первоначального освоения. Но необходимо учитывать, что процесс вторичного расселения коми, понимая под первоначальным их переселение из бассейна Камы, во всех случаях шел по пути освоения земель, все менее пригодных к земледелию. Поэтому значение в хозяйственной деятельности добывающих промыслов на вновь освоенных землях прева-

дировало над земледельческой деятельностью. Жители вновь основанных селений, как правило, первоначально занимались исключительно промысловой деятельностью и лишь в дальнейшем по мере возможности начинали совмещать охоту и рыболовство с земледелием. На преобладающее значение добывающих промыслов во вновь заселенных верхневыхгодских и печорских волостях указывают, в частности, цены на пахотную землю и сенокосы, которые были ниже в 5—10 раз, чем в земледельческих районах [26]. Для успешного выхода продуктов промысла на рынки сбыта большое значение имели пути сообщения с торговыми центрами. Поэтому расселение шло по берегам основных водных артерий Коми края — Вычегде и Печоре, подтверждая этим процессом слова Маркса, что переселенцы *«ищут не самый плодородный район, а лучше всего расположенный район, в пределах же этого последнего, естественно,— при прочих равных условиях местоположения — ту землю, которая является наиболее плодородной»* [27].

Расширение промысловой территории за счет вновь освоенных земель, высокая роль добывающих промыслов в процессе адаптации к новым природным условиям при продвижении на север таежной зоны способствовали сохранению значения традиционных форм природопользования в хозяйственной жизни коми в целом. Но в южной, наиболее густо заселенной преимущественно земледельческой части Коми края традиционный опыт природопользования уже не мог обеспечить значительную часть населения.

Крестьянские хозяйства юго-западных земледельческих районов в XVIII в. в качестве основного источника платежа податей по-прежнему использовали охоту и рыболовство. Оскудение фауны и увеличение населения ставили крестьянство в бедственное положение. В наказах в Екатерининскую законодательную комиссию в 1767 г. крестьяне Усть-Вымской волости жалуются, что вследствие упадка пушного промысла они имеют платежные недоимки: «Прежние годы многие крестьяне звериных промыслов имели: белкою, горностаем и зайцем, тем подушные деньги платили, а нынешние годы крестьяне в промыслу, за умалением зверей белки, горностаю и зайцев, весьма находятся малое число и то не всегодно. А других зверей в нашей волости никаких в промысле не имеется, от чего пришли и наипаче в крайнюю скудность». Об этом же говорят наказы крестьян других волостей [28]. Упадок добывающих промыслов в земледельческих районах способствовал постепенному увеличению отхода населения на заработки, создавая новые отхожие промыслы. В конце XVIII в. крестьяне коми из южных районов отправлялись на заработки на серебряные рудники в Усольском уезде, на пермские заводы Походяшина, уральские заводы Осокина и других [29].

Несмотря на упадок добывающих промыслов в южных районах, Коми край в XVIII — начале XIX в. продолжал играть роль поставщика мехов для внутренних и внешних рынков России. Основная часть пушнины проходила через руки местных купцов,

выделившихся из среды скупщиков. О размерах производимых ими операций наглядно свидетельствует список товаров, сгоревших при нападении на дом Сухановых в Усть-Сысольске в 1730 г.: «Да под горницую было покупного товару, а именно: 15 тысяч белки чистой, по 20 рублей тысяча, того на 300 рублей; один пуд струи бобровой сухой, по 3 рубля фунт, того на 120 рублей; 500 горностаев по 8 рублей сто, того на 40 рублей; 100 куниц по 3 рубля десятков, того на 30 рублей; 30 лисиц красных, по рублю 20 коп. одна, того на 36 рублей; 150 норок по 25 копеек одна, того на 37 рублей 50 копеек; 200 вервезей бобровых, деланных по 20 рублей сто, того на 40 рублей; 5 росомах, по 2 рубля 10 копеек одна, того на 10 рублей 50 копеек; двадцать винтовок, по рублю 50 копеек одна, того на 30 рублей; 25 пудов табаку, по 2 рубля 50 копеек пуд, того на 50 рублей; выше показанного товару на 694 рубля» [30]. Заслуживает внимания тот факт, что среди сгоревших товаров, предназначенных, по всей видимости, для обмена на пушнину, в челобитной Елисея Суханова упомянуты двадцать охотничьих ружей. На то, что речь идет именно об охотничьих винтовках, указывает перечисление сгоревшего в доме оружия, данное отдельно: «20 фузей, 4 пары пистолей, 3 пары мушкатеров, 6 шпиг, 15 копий, 10 луков и стрелы, 2 пушки чугунные, 1 железная» [31]. Сравнение цен на пушнину, данных в челобитной (белка — 2 коп., горностаи — 8 коп., куница — 30 коп., лисица — 1 руб. 20 коп., росомаха — 2 руб. 10 коп.), с ценой винтовки (1 руб. 50 коп.) позволяет сделать вывод об относительной доступности огнестрельного оружия для промыслового населения в это время. Наряду с Сухановыми на пушной торговле в XVIII в. обогащались и другие купцы. Так, например, А. Т. Осколков в 1741 г. послал на Макарьевскую ярмарку в Нижнем Новгороде 12 040 белок, 66 лисиц, 2 рыси, 20 подчеревики бобровых, 33 куницы, 15 норок, 55 оленей, 50 пар лап рысых, 450 горностаев, 12 бобров, 1270 песцов белых, 28 песцов голубых; всего на сумму 1365 руб. В 1751 г. он же отправил с приказчиками до Москвы и Севска 55 670 шкурок белчих, 3010 горностаевых, 3000 заячьих, 80 норок [32].

К началу XIX в. наряду с пушниной товарное значение все более приобретает добыча дичи, прежде всего рябчиков. Наличие регулярной торговой связи с Москвой и Петербургом позволяло местным купцам с установлением санного пути поставлять на столичные рынки пользующуюся спросом свежемороженую дичь. К середине XIX в. добыча рябчика в Усть-Сысольском у. превышала 50 тыс. пар ежегодно [33]. Большую роль в сбыте продуктов промысла играли скупщики. В. Н. Латкин отмечал, что охотник-промысловик большей частью отрезан от рынка экономической зависимостью от крестьян-торговцев [34]. Товарное значение рыболовства уступало охоте, хотя на местные ярмарки постоянно приезжали торговцы из Соль-Вычегодска, Яренска, Каргополя и Устюга для закупки рыбы [35]. На центральных рынках страны большим спросом пользовалась рыба ценных

пород: семга, пелядь, чир, омуль. На первое место по добыче рыбы на продажу в Коми крае стала выходить Печора. В 1730 г. Усолъе, Чердынь и Соликамск получали уже ежегодно не менее 100 бочек (свыше 2000 пудов) рыбы «печорского улова» [36]. В конце XVIII в. монополия на печорскую торговлю перешла к Чердыни. Возраставший спрос на печорскую семгу резко увеличил ее добычу, которая к середине XIX в. превышала 10 тыс. пудов ежегодно.

Конец XVIII — первая половина XIX в. характерны для Коми края резким приростом населения. За 60 лет — с 1799 по 1859 г. — в Яренском уезде население увеличилось на 45,3% (с 23 418 человек до 34 029), в Усть-Сысольском уезде выросло более чем в два раза (с 34 029 человек до 70 155); в северных волостях края — Ижемской и Усть-Цилемской — с 1829 по 1855 г. население увеличилось в 2,2 раза [37]. В конце XIX в. зырянское население Усть-Сысольского и Яренского уездов Вологодской губ. насчитывало 82 936 и 31 592 человека, что составляло 92 и 69% от общего числа жителей уездов соответственно. В Печорском у. Архангельской губ. проживало 21 947 человек коми-зырян из 34 992 человек всего населения уезда (63%). Подавляющая часть населения Коми края относилась к сельскому, в единственном уездном городе — Усть-Сысольске в 1897 г. проживало всего 4464 человека [38]. Промышленность в крае оставалась слабо развитой. Низкий уровень развития производительных сил в сельском хозяйстве не позволял резко увеличить запашку даже в наиболее плодородных южных районах. В 1886 г. максимальное количество пахотной и сенокосной земли, приходящейся на одну душу мужского пола, в Яренском и Усть-Сысольском уездах было менее трех десятин, а в 17 волостях — менее одной десятины [39]. Нужда в привозном хлебе была характерна для большинства крестьянских хозяйств. В 1884 г. крестьянами Усть-Сысольского у. только в ссуду было взято 74 087 пудов хлеба на сумму 109 088 р. В 1894 г. в сысольских волостях количество дворов, бравших хлебную ссуду, колебалось от 15 до 86,4%. На Печору ежегодно ввозилось с Камы до 300 000 пудов хлеба на сумму около 400 тыс. р. деньгами и продуктами промыслов [40]. Кроме того, постоянно существовала необходимость в наличных деньгах для уплаты государственных податей, земских и мирских повинностей и т. п. В той или иной мере почти каждая крестьянская семья была вынуждена заниматься внеземледельческими промыслами, подразумеваемая под промыслами «все и всяческие занятия крестьян вне надела» [41].

Добывающие промыслы, особенно пушная охота, позволяли на протяжении ряда столетий балансировать крестьянский бюджет. Но в наиболее густо заселенных, издавна земледельческих районах Коми края они к началу XIX в. потеряли свое ведущее значение ввиду явной диспропорции между площадью промысловых угодий и численностью населения. Поэтому в южных районах на первое место в качестве основного источника наличных денежных

средств постепенно выходят отхожие промыслы. Данные о размерах крестьянского отхода с территории края за первую половину XIX в. отсутствуют, тем не менее отдельные сохранившиеся сведения по волостям и уездам позволяют сделать вывод о явной тенденции к возрастанию отхода. Так, в Остаповской (Объячевской) вол. Усть-Сысольского у. в 1825 г. было выдано 8 годовых паспортов, в 1828 г.—18, в 1841 г.—69. Кроме того, в 1841 г. на заработки из волости ушло еще 662 человека с краткосрочными билетами [42]. В середине XIX в. местным отходом в пределах края на заготовку дров и выжигание из них древесного угля для Сереговского солеваренного завода в Яренском у. и Кажимского, Нювчимского и Нючпасского заводов в Усть-Сысольском у. было занято около 7 тыс. человек [43].

Заметный качественный скачок в развитии отхожих промыслов в Коми крае был связан с развитием капитализма в России и с проникновением капиталистических отношений в сельское хозяйство. Быстрое развитие капитализма в Центральной России, который особенно интенсивно стал развиваться вглубь и вширь после падения крепостного права, в той или иной мере затронуло и северные окраины Европейской России, хотя они «вследствие громадных расстояний и дурных путей сообщения — крайне еще слабо связаны в хозяйственном отношении с центральной Россией» [44]. Рост внутреннего рынка в стране вследствие превращения в товар, с одной стороны, продукта торгового предпринимательского земледелия, с другой стороны — вследствие превращения в товар рабочей силы, продаваемой несостоятельным крестьянством, вызвал рост внеземледельческих промыслов, основанных на продаже рабочей силы: «...Капитализм необходимо создает подвижность населения, которая не требовалась прежними системами общественного хозяйства и была невозможна при них в сколько-нибудь широких размерах» [45].

Особенности социально-экономического развития Коми края заключались в том, что наличие элементов капиталистического уклада, как правило, не выходило из рамок выделенной В. И. Лениным низшей стадии капитализма, когда «промышленник обыкновенно еще почти не дифференцировался от крестьянина» [46]. Подобное соединение промысла с земледелием было характерно для комплексного хозяйства коми крестьянства и в прошлом, но существенное отличие заключается в том, что на смену присваивающим отраслям, т. е. охоте и рыболовству, в эпоху капитализма приходит преобладание работы по найму.

Пореформенные годы XIX—начало XX в. представляют собой временные рамки объекта исследования. Указанный период более подробно освещен в статистическом отношении, что позволяет при определении состояния и места в хозяйстве у коми добывающих промыслов оперировать конкретным цифровым материалом.

Продолжавшийся уже около двух столетий затяжной кризис комплексного присваивающе-производящего хозяйства в южных районах Коми края вступил в последнюю фазу. Решающим фак-

тором обострения кризисной ситуации послужило резкое увеличение численности населения ко второй половине XIX в. В северных районах края этот вопрос в значительной мере разрешался дальнейшим расширением освоенной территории. В течение XIX в. было основано множество населенных пунктов на Печоре (Щельяюр, Кыдзькар, Няшабож, Кожва, Вертеп, Кипиево, Мутный Материк, Чаркабож, Щельябож, Чаркауовом, Усть-Лыжа, Акись, Бызовая, Родь, Усть-Уса, Порог, Усть-Ляга, Аранец, Конецбор, Медвежская, Красный Яг) и ее притоках — Илыче (Антон, Еремеево, Сарьюдин), Усе (Колва, Абезь, Роговая, Петрунь) и др. [47]. В южных, наиболее плотно населенных районах резкий прирост населения не мог не привести к окончательному упадку присваивающих отраслей, а ввиду того что интенсификация сельского хозяйства была незначительна, бурный рост внеземледельческого отхода тем не менее не соответствовал потребностям населения в промысловой деятельности. Об этом убедительно свидетельствуют показатели уровня миграции: по данным экономического обследования населения, в начале 80-х годов XIX в. в земледельческих волостях Усть-Сысольского у. (Койгородская, Визингская, Киберско-Спаская и Ношульская) процент крестьян, переселившихся после последней ревизии в другие губернии и уезды, колебался по обществам от 12,3 до 66%. В то же время из промысловых районов Усть-Сысольского у. (волости Шуторская, Савиноборская, Троицко-Печорская, Помоздинская, Усть-Немская, Керчемская и Богородская) переселилось лишь от 1 до 7%, а в Яренском у. наибольший процент переселений по волостям составлял лишь 5,2% [48].

К последней четверти XIX в. рост и дифференциация промысловой деятельности населения Коми края достигли определенной стабильности. Статистические данные за 1879 и 1890 гг. дают по Усть-Сысольскому у. следующую картину: в 1879 г. из 34 989 человек мужского населения уезда промысловой деятельностью вообще было занято 14 903 человека (42,6%), в том числе охотой — 5266 человек, или 15% мужского населения [49]. В 1890 г. мужское население уезда составляло 40 693 человека, промысловой деятельностью было занято 16 966 человек (41,4%), в том числе охотой 5885 чел., или 14,4% [50]. От общего числа промысловых регистраций занятие охотой составляло в 1879 г. 35,3% и в 1890—34,7%. Несмотря на существенные колебания в численности лиц, занятых отхожими промыслами по видам, процентное соотношение доли промыслового населения в общем мужском населении уезда, с одной стороны, и доли лиц, занятых охотой — с другой, за данное десятилетие особым изменениям не подверглось. В целом по уезду число лиц, занимающихся охотничьим промыслом, превышало одну треть всех промысловых регистраций. Почти половина зарегистрированных в 1890 г. в Усть-Сысольском у. охотников (49,9%) принадлежала к населению верхневычегодских (Мординская, Богородская, Деревянская, Усть-Куломская, Керчемская, Усть-Немская, Помоздинская) и верхне-

Деревянской (64,5; 33,7%), Богородской (63,9; 27,5%) волостях на Верхней Вычегде и ее притоках и в Савиноборской волости на Печоре (55,5; 28,1%). К началу XX в. рост внеземледельческих промыслов вызвал существенные изменения в соотношении числа лиц, занятых охотой, к общему числу промысловых регистраций и в промысловых районах. Так, например, на Верхней Вычегде в 1902 г. занятие охотой в общем числе промысловых регистраций снизилось в Усть-Куломской вол. до 12,3% (в 1890 г. — 51,9%), в Усть-Немской — до 11,5% (33,8%), Помоздинской до 24,7% (40,9%). Тем не менее общее число охотников в указанных волостях (743 человека) [51] по сравнению с 1890 г. (610 человек) даже увеличилось, т. е. процент лиц, занятых охотничьим промыслом, за прошедшее десятилетие не уменьшился. Данный вывод подтверждается материалами и по другим верхневыхегодским волостям. В Богородской вол. на рубеже столетий лесозаготовкой, отходом по ремеслу на пермские заводы было занято в два раза больше людей, чем в 1890 г., в то время как число охотников также возросло почти на 40% [52]. В Мординской вол. в 1900 г. число отходников насчитывало 185 человек (прирост за десятилетие на 131%), а число охотников возросло на 27% [53]. В то же время к началу XX в. охотничий промысел окончательно упал в тех земледельческих волостях, которые дали относительно высокий процент лиц, занятых охотой в 1890 г. Анализируя состояние промыслов в Усть-Сысольском у. в 1900 г., В. Ф. Попов отмечал, что упадок охотничьего промысла более всего заметен в волостях, ближе лежащих к Усть-Сысольскому (Богоявленская, Вильгортская, Благовещенская, Корткеросская), а в волостях Межадорской, Вотчинской и части Воронцовской отхожие промыслы сравнительно давно преобладали над охотой [54]. Таким образом, развитие внеземледельческого отхода лишь подвело итог продолжавшегося уже несколько столетий процесса дифференциации территории расселения народа коми на районы с различными хозяйственно-экономическими укладами.

Упадок охотничьего промысла в целом по Усть-Сысольскому у. к началу XX в. можно отнести практически полностью за счет вытеснения охоты местными и отхожими промыслами в земледельческих, южных районах уезда, в то время как население бассейна Верхней Вычегды и Верхней Печоры по-прежнему интенсивно занималось охотой, совмещая ее с вновь возникающими промыслами. Кроме того, необходимо учитывать, что охотничий промысел сильно зависел от количества дичи в данном году, поэтому наблюдалось резкое снижение численности охотников в малоурожайные годы и, напротив, резкое их возрастание в годы, обильные дичью и зверем. Сокращение численности наиболее ценных пушных зверей в результате интенсивной добычи — один из основных факторов падения доходности охотничьего промысла на территории края в XVII—XVIII вв. — во второй половине XIX в. существенного значения не имело [55]. Преобладающую часть товарной продукции составляла добыча белки

и рябчика, численность популяций которых в указанный период еще легко восстанавливалась. Большее значение имели циклические колебания количества зверя и птицы, связанные с природными факторами: урожаем ягод и шишек, климатическими особенностями года и т. д. Поэтому приведенный в первом издании истории Коми АССР пример неуклонного вытеснения охоты отхожими промыслами — в 1899 г. по уезду насчитывалось лишь 4500 охотников, что составляло около 30% всех промысловых регистраций против 5885 охотников в 1890 г. [56], — следует признать не вполне удачным. В последующие годы численность охотников по уезду не только не снижалась, но, напротив, в отдельные годы значительно возрастала. Так, в 1910 г. в Усть-Сысольском у. охотой занималось 9000 человек, или 44,1% всего промыслового населения [57].

Рыболовный промысел, бывший традиционным занятием практически каждого хозяйства коми, на большей территории Усть-Сысольского у. во второй половине XIX в. резко снизил товарность. Конъюнктура общероссийского рынка определяла в этот период повышенный спрос на рыбу более ценных пород, прежде всего печорскую семгу. В Усть-Сысольском у. в 1890 г. из 28 волостей добыча рыбы на продажу была зафиксирована лишь в 11, в том числе в трех волостях юго-западной окраины уезда (Уркинская, Койгородская и Ношульская), издавна имевших тесные торговые связи с соседними с ними Пермской и Вятской губерниями, в двух волостях близ г. Усть-Сысольска (Ибская и Богоявленская), в трех верхневыхегодских волостях (Керчемская, Деревянская и Усть-Куломская) и во всех трех верхнепечорских. В Савиноборской и Шугорской волостях добычей рыбы на продажу в 1890 г. было занято 23,4 и 27,6% соответственно от всех лиц, занятых промыслом вообще. В 6 волостях из 11 рыболовство дало менее 5% всех промысловых регистраций, в Деревянской вол. — 7,1%, в Керчемской — 13,2, в Уркинской — 39,5%, но доход на одного промысловика в последней был равен всего 25 коп., в то время как по остальным волостям он в среднем превышал 10 руб.; 48,2% от общего числа промысловых регистраций рыболовства и 74,1% денежного дохода принадлежали верхневыхегодским и печорским волостям. О развитом товарном рыболовстве в Усть-Сысольском у. конца XIX в. можно говорить лишь на примере печорских волостей. Рыбная ловля для собственного потребления, имевшая более широкое распространение, так же как и «мясная» охота, официальной статистикой не фиксировалась. В целом по уезду выручка от продажи рыбы в конце XIX в. уступала доходу от охотничьего промысла более чем в 10 раз. Так, в 1890 г. от продажи рыбы было выручено 3222 руб., а от продажи пушнины и дичи — 39 012 руб., в 1894 г. — 5000 р. и соответственно 59 000 руб. [58].

Среди волостей Яренского у., имевших в основном коми население, в конце XIX — начале XX в. охотничий промысел сохранял ведущее значение лишь в верхневыхемских (Княжпогостская

и Турьинская) и удорских (Важгортская и Ертомская на р. Вашке, Разгортская и Готовская на р. Мезени) волостях. Нижневычегодские (Айкинская, Жешартская, Палевицкая и Коквицкая) и нижневымыские волости (Усть-Вымская, Сереговская, Серегово-Горская) были наиболее густо заселены и принадлежали к району с древними традициями земледелия. Удорский край, напротив, в силу слабого развития земледелия из-за малоземелья и сурового климата на протяжении всей своей истории был преимущественно промысловым районом с особо развитым охотничьим промыслом. Аналогичное состояние дел было и в верхневымыских волостях.

В первой половине 80-х годов XIX столетия в промысловых районах Яренского у. занималось охотой 2990 человек и 1200 человек — рыболовным промыслом [59]. От общего числа промысловых регистраций занятия охотой составляли 46,6, рыболовством — 18,7%. Преобладание охотничьего промысла над остальными внеземледельческими занятиями сохранилось в северо-западной части Коми края и в конце XIX в. Так, в 1896 г. в Удорском лесничестве охотой промышляло около 3 тыс. человек [60]. Сумма доходов от продажи продуктов промысла охотниками Княжпогостской вол. и Удорского края (48 тыс. р.) в 1895 г. превышала выручку от заготовки и сплава леса (30 тыс. р.) более чем в 1,5 раза [61], в то время как в целом по Яренскому у. в 1895 г. рубка, вязка и сплав леса к Архангельску дали 37,22% общей выручки от промыслов, а охота — лишь 11,19% [62]. На рубеже XIX и XX вв. уменьшение количества охотников-промысловиков в Удорском крае можно отметить лишь в Важгортской вол. (за десятилетие в среднем снижение на 40%), в остальных волостях численность охотников даже несколько возросла. В то же время в Важгортской вол., имевшей наибольшую плотность населения, был отмечен максимальный отход на заработки среди удорских волостей [63]. В целом по краю широкое распространение охотничьего промысла сохранилось вплоть до первой мировой войны. В 1913 г. в Удорско-Мезенском районе насчитывалось 2500 промышленников, выручивших от продажи пушнины и дичи около 50 тыс. р. [64]. Товарность продукции охоты в это время превышала 75%.

Как и на всей территории Коми края, в Яренских волостях широко практиковалась рыбная ловля для собственного потребления. В Удорском крае, где в реки Мезень и Вашка заходила семга, осенью на первое место выходила добыча семги на продажу. В вымских и нижневычегодских волостях товарное значение рыболовства было незначительно, хотя о его размерах для внутрихозяйственного использования можно судить по сообщению Н. Волкова, что только в Синдорском озере в конце 70-х годов XIX в. вылавливалось ежегодно до 4000 пудов ерша, окуня и прочей мелкой рыбы [65].

Особенно велико значение присваивающих отраслей было в хозяйстве населения Средней Печоры. Земледелие в Печорском у.

повсеместно было развито крайне слабо, хозяйство носило промыслово-скотоводческий характер. Наиболее видное место в хозяйстве занимали товарное оленеводство, скотоводство, охотничий и рыболовный промыслы. В целом по Печорскому у. среди добывающих промыслов доминировало рыболовство, в особенности семуля ловля, которая давала основной доход от промысловых занятий. Развитие лесного и отхожих промыслов в конце XIX—начале XX в. в Печорском у. отличалось меньшей интенсивностью, чем на остальной территории Коми края. Суммарный доход от охоты и рыболовства превышал 75% всей выручки от промысловых занятий.

ТАБЛИЦА 1
ВЫРУЧКА ОТ ПРОМЫСЛОВ В ПЕЧОРСКОМ У. В КОНЦЕ XIX в. *

Год	Выручено от промыслов, всего р.	От рыболовства		От охоты	
		р.	%	р.	%
1898	242 908	152 354	62,7	37 460	15
1899	282 805	179 950	63,6	36 889	13
1900	299 590	193 717	66,6	33 404	11,5

* Таблица составлена по данным С. В. Мартынова [66].

В 1902 г. в Усть-Цилемской вол. Печорского у. рыболовством было занято 726 хозяйств из 1129 (64,3%), охотой — 215 хозяйств (19%); в Красноборской вол. рыбной ловлей занималось 191 хозяйство из 483 (39,5%), охотой — 159 (32,9%); в Усть-Кожвинской вол. рыболовством — 349 хозяйств из 458 (76,2%), охотой — 252 (55%). Преобладание охоты над рыболовством имело место у населения притоков Печоры и в некоторых среднечорских селах, расположенных на правом берегу реки, вблизи от тундровой зоны. Так, в 1902 г. в с. Кычкара из 130 хозяйств охотой было занято 47, ловом рыбы 36 хозяйств; в с. Кипиево (43 хозяйства) — 17 и 9 соответственно; в Мутном Материке (21 хозяйство) — 8 и 7; в Денисовке (9 хозяйств) — 9 и 8 [67]. В целом по Печорскому у. преобладание рыболовного промысла над охотой выражалось как в количестве людей, занятых им, так и в сумме денежного дохода от промыслов. В конце XIX в. выручка от охотничьего промысла в Печорском у. была менее 40 тыс. р. в год. Рыболовный промысел стабильно давал денежный доход в 4 и более раза.

В начале XX в. расширение торговых связей Печорского края с Центральной Россией существенно повысило товарность охоты. Наряду с пушниной из края стала поступать дичь, крылья куропатки, птичье перо. Денежный доход от охотничьего промысла в целом возрос более чем в 1,5 раза, хотя по-прежнему значительно уступал выручке от рыболовства.

ТАБЛИЦА 2

ВЫРУЧКА ОТ ОХОТЫ И РЫБОЛОВСТВА В ПЕЧОРСКОМ У. В НАЧАЛЕ XX в.*

Год	Выручка в рублях		Год	Выручка в рублях	
	от охоты	от рыболовства		от охоты	от рыболовства
1905	65 017	131 891	1907	56 315	229 104
1906	105 982	213 880	1908	70 377	259 261

* При составлении таблицы использован ряд работ [68].

ТАБЛИЦА 3

РАЗВИТИЕ РЫБНОГО ПРОМЫСЛА В ПЕЧОРСКОМ КРАЕ *

Год	Выловлено пудов рыбы			Всего
	семги	наваги	речной и озерной	
1840	12 500	—	21 400	33 900
1841	12 000	—	24 400	36 400
1842	15 000	—	30 000	45 000
1898	14 658	840	39 827	55 325
1899	16 378	900	47 647	64 925
1900	11 351	800	39 670	51 821
1906	13 654	2 800	51 560	67 214
1907	12 143	1 600	56 920	70 663
1908	9 728	2 700	60 419	72 847

* Таблица составлена на основании ОАГ и АГВ [69].

По данным обзоров Архангельской губ., в Печорском у. количество людей, занятых охотничьими промыслами, в первом десятилетии XX в. колебалось от 3000 до 3800 человек, а занятых товарным рыболовством — от 4900 до 7500 человек. В среднем добывающими промыслами было занято около двух третей взрослого мужского населения уезда. В то же время использование промысловых ресурсов Печорского края, по всей видимости, достигло в конце XIX — начале XX в. максимально возможной величины. Об этом говорит практическое отсутствие прироста вылова семги с середины XIX в. даже в наиболее добычливые годы. В среднем на 60% возрос улов речной и озерной рыбы.

Более интенсивная добыча как в охотничьем, так и в рыболовном промыслах могла привести лишь к оскудению природных запасов. Расширение осваиваемой площади промысловых угодий в Печорском крае, происходившее в XIX в., к началу XX в. практически завершилось. Дальнейший прирост населения неминуемо должен был вызвать увеличение отхожих промыслов, которые на начало XX в. были развиты в Печорском крае незначительно.

Социально-экономическая зависимость промыслового населения. Процесс социального расслоения крестьянства, характерный для пореформенной России, протекал в Коми крае значительно слабее, чем в центральных районах страны. Проникновению капиталистических отношений в сельское хозяйство в основном препятствовала сохраняющаяся оторванность края (из-за отсутствия удобных дорог) от центральных рынков сбыта. Развитие товарно-денежных отношений в Коми крае выражалось преимущественно в росте торгового капитала, т. е. «в покупке товара для продажи с барышом *этого же* товара» [70]. Основными предметами вывоза из края в конце XIX—начале XX в. продолжали оставаться продукты охотничьего и рыболовного промыслов. Значительную роль в торговом обмене играли ярмарки и торжки: в 1892 г. в Яренском и Усть-Сысольском уездах имелось 16 ярмарок и 12 сельских торжков, еще три ярмарки — в волостях по р. Печоре [71]. Тем не менее их явно не хватало, и в преобладающей своей массе промысловое население оставалось отрезанным от рынка скупщиками дичи, пушчины и рыбы. «Скупая изделия (или сырье) в массовых размерах, скупщики таким образом удешевляли расходы сбыта, превращали сбыт из мелкого, случайного и неправильного в крупный и регулярный, — и это чисто экономическое преимущество крупного сбыта неизбежно повело к тому, что мелкий производитель оказался отрезанным от рынка и беззащитным перед властью торгового капитала» [72]. В Усть-Сысольском и Яренском уездах наиболее распространена была продажа продуктов промысла скупщикам за деньги. Деньги, как правило, брались заранее в счет будущего промысла, по классификации В. И. Ленина — «вторая форма торгового капитала» («в соединении его с ростовщичеством») [73]. В Печорском крае более практиковалась третья форма торгового капитала — расплата за изделия товарами и выдача товаров в кредит под промысел. Боязнь потерять кредит у местных скупщиков вынуждала промышленников отказываться от зачастую более выгодной продажи добычи посторонним скупщикам [74]. Пореформенный период характеризуется существенным увеличением численности местных скупщиков. С. В. Мартынов отметил при обследовании населения Печорского края в начале XX в., что если раньше продажа и обмен продуктов промысла производились непосредственно с чердынскими купцами, то «теперь положение изменилось. Чердынцы в относительно редких случаях имеют сделки с промышленником, а обычно хлеб и другие товары продают оптом богатому крестьянину-перекупщику, который уже и имеет дело с крестьянином» [75]. Забирая у скупщиков в долг припасы, охотник был вынужден отдавать ему добычу в среднем на 20% ниже ее цены при вольной продаже на ярмарках.

В аналогичной зависимости от скупщиков были и печорские рыбаки. В начале XX в. соль продавали на Печоре от 75 коп. до 1 руб. за пуд, в то время как в Усолье она стоила от 8 до 12 коп. за пуд [77]. В 1903 г. чердынцы и местные скупщики

ТАБЛИЦА 4

ЦЕНЫ НА ОСНОВНЫЕ ПРОДУКТЫ ПРОМЫСЛА В НАЧАЛЕ XX в.*

Продукты промыслов	Цены в рублях						
	у скупщиков				на рынке		
	местных		приезжих				
	на деньги	на товар	на деньги	на товар	Ижма	Якша	Пинега
Рябчики (пара)	0,3—0,35	0,35—0,4	0,35—0,5	0,4—0,45	0,55—0,6	0,5—0,55	0,7—0,75
Куропатки	0,2—0,25	0,25—0,3	0,25—0,35	0,3—0,35	0,35—0,4	0,3—0,35	0,6—0,65
Тетерева	0,3	0,3—0,45	0,35	—	0,4—0,45	0,4	—
Глухаринные хвосты (пара)	—	0,3	0,3	—	—	—	—
Белка (шт.)	—	0,1—0,15	0,1—0,15	—	—	0,2—0,21	0,23
Куница	—	5—6	—	—	—	0,6	—
Горностай	—	0,5—1,0	0,5—1,0	—	—	0,7—1,0	1,0—1,5
Лисица	—	5—8	—	—	—	6—10	10 и дороже
Росомаха	—	7—10	—	—	—	8 и дороже	15
Выдра	—	7—8	—	—	—	7—8	10
Олень	—	3,5—5	—	—	—	—	5—6
Медведь	10	—	—	—	—	—	15
Соболь	10	—	—	—	—	—	—

* Таблица составлена С. В. Мартыновым [76].

платили за семгу 20 руб. за пуд, а скупщики из Петербурга — 24—26 руб. за пуд [78]. Процесс перерастания торгового капитала в промышленный, начавшийся в Коми крае, выражался в большинстве случаев в тесном переплетении торгового и промышленного капитала. Если в первой половине XIX в. скупщик в основном был представителем торгового капитала, то в конце XIX — начале XX в. многие из скупщиков начали вкладывать накопленные капиталы в производство. Так, например, скупщик-ростовщик П. Н. Козлов из с. Турья Яренского у., закабаливший в конце XIX в. всех охотников по р. Вымь, приобрел за вырученные от перепродажи продуктов промысла деньги пароход [79]. Многие из скупщиков становились владельцами мелких кустарных предприятий. Именно из среды скупщиков в Коми крае в основном формировалась сельская буржуазия. Зависимость промысловиков от скупщика в данный период практически ничем не отличалась от зависимости «владельца своими средствами производства хозяина, вынужденного работать на рынок», сущность которой В. И. Ленин называл чисто капиталистической: «...зависимость, которая, как бы она различно ни выражалась (в форме ли ростовщического капитала или капитала скупщика, который монополизировал сбыт), — всегда ведет к тому, что громадная часть продукта труда достается не производителю, а владельцу денег. Следовательно, сущность ее — чисто капиталистическая...» [80].

Таким образом, на основе вышеизложенного можно сделать следующие выводы: в целом по Коми краю к концу XIX — началу XX в. эксплуатация естественных ресурсов природной среды присваивающими отраслями традиционного хозяйства исчерпала практически все возможности для дальнейшего роста. Потенциальные возможности промысловой охоты и рыболовства в условиях резкого прироста населения не соответствовали нужде в наличных денежных средствах, особенно в районах с развитым земледелием, что вызвало резкое увеличение внеземледельческого отхода. Тем не менее добывающими промыслами по-прежнему занималась значительная часть населения края (около трети взрослого мужского населения). Зная, что речь идет лишь о товарном значении охоты и рыболовства, а роль поставщиков продукции для внутреннего пользования не учитывалась, следует признать, что присваивающие отрасли и в начале XX в. продолжали оставаться одним из основных видов хозяйственной деятельности народа коми. В первую очередь данный вывод относится к населению промысловых районов, увеличение территории которых происходило вплоть до начала XX в.

Изменения в экономической структуре крестьянского хозяйства в конце XIX — начале XX в. обуславливались общим ходом социально-экономического развития края. Бурный рост внеземледельческих отхожих промыслов и падение роли охоты и рыболовства были вызваны потребностью населения в расширении промысловой деятельности, которую уже не могли удовлетворить

присваивающие отрасли. В то же время замена традиционных занятий отхожими промыслами происходила неравномерно для всей территории края и отставала по времени и интенсивности от аналогичных процессов у других народов таежного Севера Европейской России. По указанным выше принципам культура промыслового населения коми во второй половине XIX — начале XX в. сохраняла еще многие традиционные черты, уже утраченные соседними народами.

1. Лашук Л. П. Формирование народности коми. М., 1972, с. 67, 85.
2. Буров Г. М. Древний Синдор: Из истории племен Европейского Северо-Востока в VII тысячелетии до н. э. — I тысячелетии н. э. М., 1967, с. 152, 157, 160.
3. Буров Г. М. Вычегодский край: Очерки древней истории. М., 1965, с. 79, 134; Он же. Археологические находки в старичных торфяниках бассейна Вычегды. — СА, 1966, с. 167; Он же. Древний Синдор, с. 156, табл. XXXIII, XXXIV.
4. Оборин В. А. К истории скотоводства и охоты у древних коми-пермяков. — УЗПИУ, 1960, т. 12, вып. 1, с. 223.
5. Савельева Э. А. Пермь Вычегодская: К вопросу о происхождении народа коми. М., 1971, с. 80, 114.
6. Жалованная грамота великого князя Ивана III Васильевича жителям Перми Вычегодской. — ИФС, 1958, вып. 4, с. 243—244.
7. Жалованная грамота... с. 246.
8. Герберштейн С. Записки о московитских делах. СПб., 1908, с. 261.
9. Герберштейн С. Записки... с. 235.
10. Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962, с. 419.
11. Писцовая книга Яренского уезда 7116 (1608) г. — В кн.: Акты времени правления царя Василия Шуйского. М., 1915, с. 290—349.
12. Полесов Б. Н. Забытый источник сведений по этнографии Сибири XVII века. — СЭ, 1965, № 5, с. 123.
13. Таможенные книги Московского государства XVII века. М., 1951, т. 2, с. 173—174.
14. Таможенные книги Московского государства XVII века. М., 1951, т. 3, с. 330.
15. Количество таможенных пошлин, собранных в Усть-Сысольске с 23 ноября 1684 по 28 марта 1685 г. включительно. — ДАИ, 1872, т. 12, с. 284.
16. Мерзон А. Ц., Тихонов Ю. А. Рынок Устюга Великого XVII в. М., 1960, с. 203, 241.
17. Там же, с. 240.
18. Павлов П. Н. Пушной промысел в Сибири в XVII в. Красноярск, 1972, с. 123.
19. Павлов П. Н. Пушной промысел..., с. 75—76.
20. Жеребцов Л. Н. К вопросу о роли коми в открытии и заселении Сибири и Дальнего Востока. — В кн.: Вопросы истории Коми АССР. Сыктывкар, 1975, с. 11.
21. Красильникова Э. Д. Торговля и торговые люди Коми края в XVII в. — НД, 1972, вып. 5, с. 20.
22. Жеребцов Л. Н. Расселение коми в XV—XIX вв. Сыктывкар, 1972, с. 48.
23. Жеребцов Л. Н. Расселение коми..., с. 55—56.
24. Лашук Л. П. Очерк этнической истории Печорского края. Сыктывкар, 1958, с. 113, 115.
25. Жеребцов Л. Н. Этнические и культурно-исторические связи коми с финно-уграми и самодийцами. — НД, 1974, вып. 14, с. 13.
26. Балуева Д. Д. Из истории земельных отношений в Коми крае в XVIII в. — ИФС, 1958, вып. 4, с. 64.
27. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. II, с. 340.
28. Материалы Екатеринбургской законодательной комиссии, т. 11. — Сб. РИО, 1907, т. 123, с. 239—276.

29. Очерки по истории Коми АССР. Сыктывкар, 1955, т. 1, с. 158.
30. *Арсеньев Ф. А.* Усть-Сысольская старина: Разбойники.— РС, 1891, т. 71, № 7, с. 176.
31. Там же.
32. Очерки по истории Коми АССР, т. 1, с. 172.
33. *Бунаков Н. Ф.* Сельскохозяйственный очерк Вологодской губернии.— ВГВ, 1858, № 24.
34. *Латкин В. Н.* Дневник во время путешествий на Печору в 1840 и 1843 гг.— ЗРГО, 1853, кн. 7, с. 43.
35. *Титов И. П.* Ярмарка на Вашке.— ВГВ, 1840, № 38.
36. *Богословский С. С.* К истории эксплуатации Печорского волокa в XIX веке.— ПКС, 1928, вып. 4, с. 177.
37. История Коми АССР с древнейших времен до наших дней. Сыктывкар, 1978, с. 89.
38. *Терюков А. И.* О коми переписи 1897 г.— ВК, 1977, № 6, с. 60. На коми яз.
39. *Балуева Д. Д.* Лесные рабочие Коми края во второй половине XIX в.— В кн.: Вопросы истории рабочего класса Коми АССР.— ИФС, 1970, вып. 12, с. 26.
40. История Коми АССР..., с. 127.
41. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 85.
42. *Беленкина Т. И.* Отхожие промыслы крестьян Коми края в первой половине XIX в.— В кн.: Вопросы истории Коми АССР, с. 52.
43. *Бунаков Н. Ф.* Сельскохозяйственный очерк...
44. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 596.
45. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 600.
46. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 376.
47. *Жеребцов Л. Н.* Расселение коми в XV—XIX вв., с. 54—56.
48. *Индова Е. И.* К истории государственных крестьян Вологодской губернии второй половины XIX в.— В кн.: Материалы по истории Европейского Севера СССР. Вологда, 1973, вып. 3, с. 249.
49. Осенние промыслы и заработки крестьян Усть-Сысольского уезда в 1878 г.— ВГВ, 1879, № 15; Весенние промыслы крестьян Усть-Сысольского уезда в 1879 г.— ВГВ, 1879, № 61.
50. Экономический быт крестьян Усть-Сысольского уезда.— ВГВ, 1891, № 41. Данные за 1890 г., помещенные в последующем тексте без сносок, взяты из указанной работы. Вычисление процентных соотношений произведено автором.
51. Итоги экономического исследования крестьянского населения Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии. Пермь, 1903, т. 1, ч. 4, с. 28.
52. *Жеребцов Л. Н., Лашук Л. П.* Старая Вишера.— ИФС, 1958, вып. 4, с. 106—108.
53. *Жеребцов Л. Н.* Занятия крестьян локчимских селений в конце XIX—начале XX в.— ИФС, 1963, вып. 8, с. 53.
54. *Попов В. Ф.* Сборник сведений о состоянии промыслов населения и характеристика зимы 1900—1901 года и начала весны в сельскохозяйственном отношении. Вологда, 1902, с. 20.
55. Пшнные звери наиболее ценных пород — соболь и бобр к этому времени на территории Коми края уже были истреблены полностью. Последний соболь по западную сторону Урала был добыт коми охотниками в 1871 г., а один из последних бобров, случайно подстреленный верхнепечорским охотником в середине прошлого столетия, был для него столь незнакомой добычей, что добывший бобра охотник снял только шкуру, даже не подозревая о существовании «бобровой струи» (*Гладкова И. Г., Гладков В. П.* Из истории охраны природы в Коми АССР.— В кн.: Природные ресурсы Ухтинского района Коми АССР: Их учет, использование и охрана. Сыктывкар, 1974, с. 42; *Гофман Э.* Северный Урал и береговой хребет Пай-Хой. СПб., 1856, т. 2, с. 22).
56. Очерки по истории Коми АССР, т. 1, с. 228.
57. *И. С.* Краткий экономический очерк Вологодской губернии.— ЕВГ за 1911 г., с. 119.
58. ПКВГ, 1896, с. 54.

59. *Индова Е. И.* К истории государственных крестьян..., с. 295.
60. *Силантьев А. А.* Обзор промысловых охот в России. СПб., 1898, с. 335.
61. ПКВГ, 1896, с. 53.
62. *Балуева Д. Д.* Лесные рабочие Коми края..., с. 27.
63. *Жеребцов Л. Н.* Хозяйство, культура и быт удорских коми в XVIII — начале XX в. М., 1972, с. 74, 76—77.
64. *Бигриц А. А.* Охота и пушной промысел севера Европейской части СССР.— МДИЕС, 1926, № 61, с. 69—70.
65. *Волков Н. Д.* Удорский край.— ВГВ, 1879, № 33.
66. *Мартьянов С. В.* Печорский край: Подворно-экономическое исследование селений Печорского уезда. СПб., 1905, ч. 2, с. 96.
67. *Мартьянов С. В.* Печорский край...СПб., 1904, ч. 1, с. 119—133.
68. ОАГ, 1906—1909; Краткий очерк Печорского края. СПб., 1913, с. 10; *Жилинский А. А.* Крайний север Европейской России. П., 1919, с. 228; ИАОИРС, 1911, № 8/9, прил.
69. Сведения из ОАГ и АГВ.
70. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 368.
71. История Коми АССР..., с. 135.
72. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 359.
73. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 367.
74. *Ермилов Н.* Поездка на Печору: Путевые заметки. Архангельск, 1888, с. 41.
75. *Мартьянов С. В.* Печорский край, ч. 1, с. 101.
76. Там же, с. 168.
77. *Варнаковский Н. А.* Рыбный промысел в среднем течении р. Печоры. СПб., 1900, с. 53.
78. *Мартьянов С. В.* Печорский край, ч. 1, с. 14.
79. Очерки по истории Коми АССР, т. 1, с. 228, 231, 253.
80. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 509.

Глава вторая

ПРОМЫСЛОВЫЙ БЫТ

Главной целью промысловой деятельности была активная добыча зверя, птицы и рыбы — промысловики-любители для коми были нетипичны. В то же время именно у охотников и рыбаков, систематически занимавшихся этими видами хозяйственной деятельности, большое значение приобретала собственно производственная сфера: питание, жилище, отдых и т. д.—весь уклад повседневной жизни на промысле. Основные атрибуты промыслового быта имели многие общие черты с бытом сельского населения, но в то же время отличались от него рядом существенных особенностей. Прежде всего специфика промыслового производства диктовала сведение до минимума потребностей в материальных благах, но так, чтобы этот минимум обеспечивал успешное осуществление трудовых процессов.

Понятия о комфортности промыслового жилища, наиболее удобных типах одежды и обуви, необходимым и возможном ра-

ционе питания были выработаны в процессе многовековой промысловой практики. Многие элементы бытовой сферы коми охотников и рыболовов передавались от поколения к поколению без особых изменений. Это совсем не означало, что изменения в быте сельского населения, связанные с общим развитием производительных сил, вообще не затрагивали промысловый быт. Просто, ставя в основу целесообразность, простоту изготовления и апробированность уже имеющихся элементов, промысловики не всегда охотно шли на новшества, особенно если они требовали дополнительных затрат времени в ущерб промысловой деятельности. По указанной причине именно в промысловом быту сохранялись многие архаизмы, уже утраченные в сельской культуре коми.

Существенные коррективы в промысловый быт (особенно у охотников) вносили широко практиковавшиеся у коми артельные способы добычи. Промысловые артели уходили, как правило, за сотни километров от населенных пунктов, в места предварительно не благоустроенные. Кроме того, большую часть времени артельщики находились в пути, что вынуждало их еще более ограничивать себя в самом необходимом.

Стационарное жилище и хозяйственные постройки. Промысловым жилищем и хозяйственными постройками для хранения инвентаря и добычи было оснащено каждое охотничье угодье независимо от расстояния до места жительства. В наиболее благоустроенных угодьях имелись специально построенные баньки, а у некоторых верхневыхегодских охотников — стойла для лошадей и даже отхожие места в виде небольших загоронок. Так как большинство охотничьих угодий было расположено вблизи рек, служивших для доставки снаряжения и продуктов питания перед началом промысла, охотничьи избушки, как правило, располагались на их берегах. Если размер путиков не позволял заканчивать их осмотр в течение одного дня, то на концах путиков сооружались дополнительные избушки, предназначенные в основном лишь для кратковременного ночлега. Они обычно топились по-черному и были меньше по размеру, чем основная. У многих печорских охотников количество охотничьих избушек доходило до пяти-шести в одном угодье. У охотников Верхней Вычегды практиковалось совместное пользование некоторыми хозяйственными постройками. Например, промысловики из с. Усть-Нем, уходившие по р. Нем за 150 и более километров, свои избушки обычно строили на сравнительно близком расстоянии одна от другой, а на несколько близлежащих угодий сооружали общую баню. Иногда охотничьи избушки и хозяйственные постройки охотников-односельчан, промышлявших в одном районе, группировались вместе, образуя целый охотничий городок. Такой промысловый городок на берегу р. Воль в 75 км от устья, принадлежавший охотникам из д. Вильгорт, был обследован в начале 30-х годов Верхневыхегодской охотоустроительной экспедицией. В его состав входили шесть охотничьих избушек, семь кладовых для инвентаря, одна баня, три одноместных и три двухместных

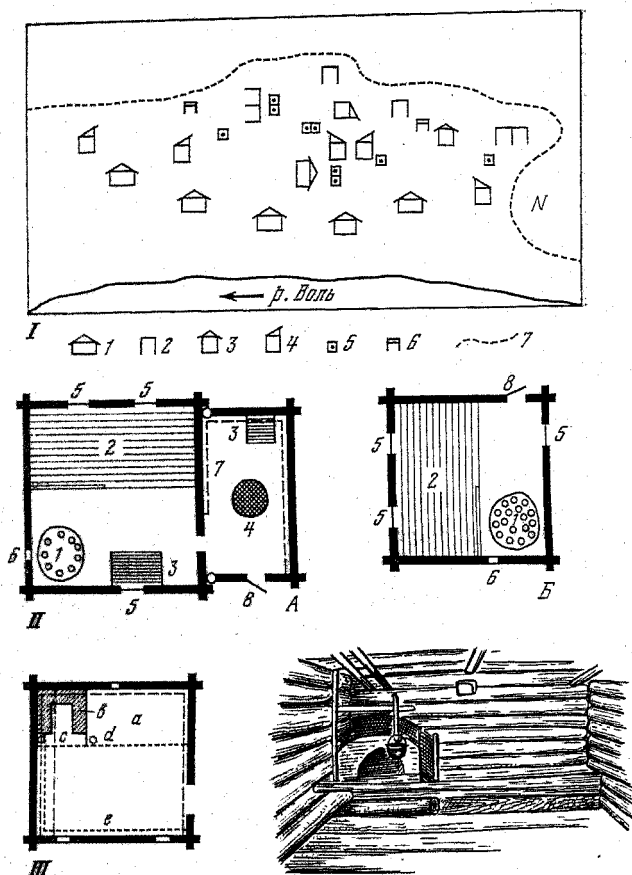

РИС. 2. Оборудованность промыслового угодья:

I — охотничий городок на р. Воль, М 1 : 200 (1 — промысловая избушка; 2 — стойло для лошадей; 3 — амбарчик; 4 — баня; 5 — собачья конура; 6 — отхожее место; 7 — граница леса);

II — план промысловой избушки; А — с сенями; Б — без сеней (1 — печь-каменка; 2 — нары; 3 — стол; 4 — место для очага; 5 — окно; 6 — дымоволок; 7 — полки для вещей; 8 — дверь);

III — план и внутренний вид избушки с «вартан пач» (а — нары; б — глинобитная печь; с — устье печи; d — перегородка между печью и нарами; e — лавки)

собачьих конуры, два двухместных стойла для лошадей и два отхожих места [1].

Промысловая лесная избушка — постоянное жилище находившихся в промысловых угодьях коми охотников — была очень проста по конструкции и в то же время создавала необходимый минимум удобств для длительного в ней проживания. Наиболее употребительным ее наименованием у коми было «вөр керка» (лесная изба), а также «кыйсян керка» (охотничья изба),

на Удоре — «угёдья керка» (изба в уголье), а на Сысолье и Летке — «пывсян» (банька). «Вёр керка» представляла собой бревенчатую постройку 3×3 или $3,5 \times 3,5$ м высотой 2–2,5 м. Наиболее крупные по размеру избушки очень редко превышали в длину и ширину 4,5–5 м. Основная, или базовая, «вёр керка» обычно имела также рубленные из бревен сени («посводз»), находившиеся под одной с ней крышей. Избушки на концах «путиков», предназначенные для кратковременного пребывания, строились без сеней. Недостаток в рабочей силе и трудность доставки материалов (а в прошлом и их дороговизна), были причиной сохранения при сооружении охотничьих избушек многих архангельских элементов домостроительной техники народа коми.

Внутреннее убранство «вёр керка» также сохраняло многие традиционные черты, уже исчезнувшие к этому времени в сельском быту. Основным инструментом при сооружении избушки служил топор. Гвозди не использовались. Бревна соединялись в рубленные углы, на верхней стороне бревен делался паз, в который прокладывался мох. Сруб ставился прямо на землю. Крыша чаще была односкатной, либо двускатной, с незначительным уклоном, для покрытия использовались доски, вытесанные из колотых половинок бревна. Каждая из таких досок имела ровную поверхность с одной стороны и несколько стесанную с обеих краев к центру — другую. Доски клались в два слоя так, что положенная сверху гладкой поверхностью наружу закрывала собой место соединения двух нижних досок, положенных гладкой стороной вниз, и плотно прилегала к ним. По сведениям информаторов, за день работы один мастер изготавливал 10–15 штук таких досок. Если крыша была из горбылей или колотых плах с ровной поверхностью, то между первым и вторым слоем досок для герметичности клали бересту или пихтовую кору. Для укрепления настила крыши поверх него поперек клали толстые жерди, а концы их привязывали вицами к выступающим концам слег, на которые были уложены доски. Потолок и пол обычно делали из колотых плах толщиной 14–16 см, на потолок для тепла насыпался слой земли. Высота избушки внутри, т. е. расстояние от поверхности пола до потолка, соответствовала среднему человеческому росту — 1,7–1,8 м. Дверь делали из тесаных плах, плотно закрывающуюся. Она была, как правило, небольшого размера — $1 \times 1,5$ –2 арш. ($0,7$ – $0,8 \times 1$ – $1,4$ м). Раньше вместо дверных петель использовали вертикально укрепленный, вращающийся вместе с приделанной к нему дверью столбик [2]. Окна прорубались обычно с южной или восточной стороны, количеством не более трех. Размер окон был небольшим — 20 – 40×30 – 60 см. В прошлом при отсутствии стекол в них вставляли бычьи пузыри, а зимой вмораживали плоские тонкие льдинки («йиалом ёшнь»). Внутри избушки имелись: печь, нары, скамейки и небольшой стол с чурбаком для сидения.

Вплоть до 1940–1950 гг. печь в лесных избушках топилась в основном по-черному — «сбод пач» (черная печь). Место для оча-

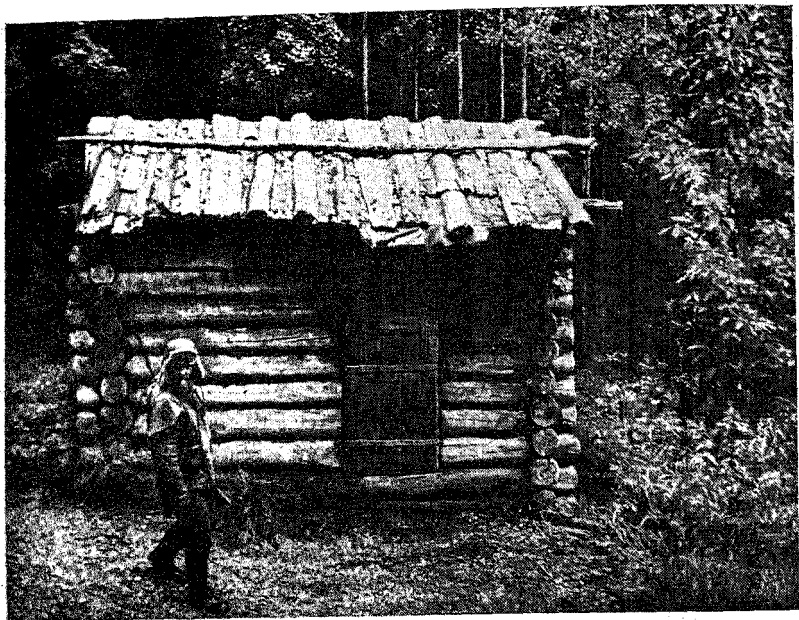

РИС. 3. Охотничья избушка на Илыче

га («бипур») представляло собой сруб в 2—3 венца, высотой 0,4—0,7 м, засыпанный землей. На «бипур» находились либо печь-каменка («горья пач»), либо глинобитный очаг («вартём пач»). Размеры очага были около $1,4 \times 1,4$ м, находился он обычно в дальнем от двери углу. Печь-каменка сооружалась из плоских, поставленных на ребро камней, которые образовывали три боковые стенки, и свода из таких же камней, положенных плашмя сверху. Камни обычно брались из ручья или реки. При отсутствии подходящих для «горья пач» камней в близлежащей местности делали очаг из глины. Вначале изготавливался деревянный каркас, представляющий собой дуги из гибких жердочек, нижние концы которых были воткнуты в место для очага, с продольными ребрами из таких же жердочек, привязанных к дугам. Отверстие последней дуги закрывалось полностью колотой щепой, укрепленной вертикально, а в плоскости крайней дуги с противоположного конца из такой же щепы делалось устье будущей печи. Каркас обмазывали слоем глины, плотно ее утрамбовывали, а после того как глина несколько подсыхала, разводили огонь. В процессе первой топки деревянный каркас выгорал, а глина подвергалась обжигу. Для выхода дыма при топке по-черному в углу, находящемся за очагом, прорубалось отверстие («дымёвёлк», «тшын петан розь») размером $13-15 \times 20-25$ см. Закрывался «дымёвёлк» или подушечкой из тряпки, с защитными в нее сеном и мхом, или деревянной, плотно прилегающей крышкой, или дощечкой,

которая вдвигалась и выдвигалась в пазы, вырубленные в бревнах стены. Перед началом топки открывали и дымоволок и дверь, а после того как огонь хорошо разгорался, дверь закрывали. Так как очаг был приподнят над землей, дым скапливался в верхней половине «вөр керка», а на уровне нар можно было безопасно находиться и во время топки. Нары располагались вдоль стены от печи до угла на высоте 35—40 см, делали их из колотых плах. Спали ногами к очагу, для упора ног на нарах имелся бортик из плахи высотой 30—35 см. Иногда нары делали в два этажа, в основном в избушках, предназначенных для ночлега охотничьих артелей. Около окон находился стол, рядом с ним, в переднем углу — скамья. Под потолком, вдоль свободной стены, было укреплено несколько жердей, на которые клялись на просушку дрова для растопки, обувь и вешалась сырая одежда. В стенах в большом количестве были вбиты деревянные гвозди («тув»), на которые развешивали одежду. Для мелкой хозяйственной утвари на стенах находилось несколько полок.

Сени («посводз») служили дополнительным хозяйственным помещением. В них имелись полки для вещей, стол со скамейками и очаг-костер для приготовления пищи. Дым от костра уходил в открытое отверстие незаделанного фронтона. Длина сеней равнялась 3—4 арш. (2,1—2,8 м). Рубили их обычно отдельно от «вөр керка» в виде трехстенного сруба, два угла которого были связаны в рубленый угол, а свободные концы бревен боковых сторон закреплялись с помощью прямоугольных шипов в продольных пазах в бревнах, вкопанных в землю у края стены избушки. Иногда сени присоединялись с помощью «ложной стены»: примыкающие к стене «вөр керка» углы сеней обычным способом рубленого угла были связаны с короткими отрезками бревен, которые придавали пристройке прочность и в то же время не препятствовали проходу к двери избушки. На Сысоле для сооружения сеней использовались боковые стены самой избушки, для чего их делали с той стороны, где в стене имелась дверь для входа в «вөр керка», длиннее приблизительно на 2 м. Третью, поперечную стену сеней делали не из бревен, а из колотых плах, вкопанных вертикально в землю [3]. Потолок и пол в сенях не настилали. Крыша либо являлась продолжением крыши избушки, либо избушка крылась на один скат, а сени — на другой, так что получалась как бы общая двускатная крыша для всей постройки.

В Прилузье и на Верхней Сысоле в качестве промышленного жилища в прошлом достаточно часто использовалась «кола». Этимологи сопоставляют данный термин с удм. «куала» (хозяйственная постройка для приготовления пищи и хранения ритуальных предметов), мар. «кудо» (шалаш, летняя кухня), мокш. «куд» (дом, изба), фин. «кота» (хижина, шалаш) и связывают его происхождение с допермским названием примитивного жилища [4]. У скандинавских саами наименование «kata» носил конп-ческий шалаш из жердей, крытый толстой парусиной, а зимой —

войлоком. Внутри он имел очаг из камней, дым выходил в отверстие наверху. В таких шалашах у саами жили семьи по пять—семь человек [5].

«Кола» представляла собой сооружение из бревен, по типу близкое к «вөр керка», но имеющее сруб лишь в четыре венца. Крыша двускатная, на бревенчатых фронтонах. Бревна обоих фронтонов связывались между собой жердями, которые исполняли одновременно роль обрешетки скатов крыши. Для покрытия крыши применялась еловая кора, уложенная по скатам и по гребню. Дверь двустворчатая, на ременных петлях, очень маленькая по размеру. Делали ее либо также из еловой коры, либо из колотых досок. Пол, очаг и нары обычно отсутствовали. Огонь разводили перед входом в «кола», а спали на ветвях, постеленных на землю [6]. Иногда в «кола» делали примитивный очаг из камней, но лишь для обогрева, дым удалялся с помощью берестяной трубы-вытяжки.

Для освещения избушек по вечерам применялась лучина. Светец («бипеш» или «пеша») состоял из росошки «пеша чунь» и деревянного корытца для угольков («пеша вор»). У коми-ижмцев и на Средней Печоре для этой цели жгли жир птиц и сало зверей в окрытой коробочке, положив туда фитиль.

У верхневыхегодских охотников в избушке определяли время по своеобразным солнечным часам, представляющим собой две процарапанные ножом в направлении с юга на север и с запада на восток линии на окошке [7].

Хозяйственная утварь, как правило, была самодельная: берестяные и деревянные ложки, берестяные чашки-коробочки, берестяные коробки размером 27×44 или 36×54 см (6×10 верш., 8×12 верш.) для хранения муки, сухарей и замеса теста, берестяная круглая коробка для хлеба и посуды («нянь куд») и т. д. При ночлеге вне избушки в берестяной посуде иногда даже варили пищу, в одном чумане можно было варить до трех раз. Кроме того, в избушке обычно имелся инвентарь для хозяйственных работ: точило, пила, шило, игла, нитки и пр.

Пищу по возможности предпочитали варить вне избушки, обычно рядом с ней имелось специально оборудованное место для костра, нередко снабженное навесом. Для подвешивания котелка над костром служил «мётыр» — вбитый наклонно над костром кол или особое приспособление в виде составного деревянного крюка, который вешался на горизонтальную жердь над костром («ва крэп»).

Рыбачьи избушки, построенные в местах постоянного лова рыбы, вблизи от селений, по конструкции не отличались от «вөр керка», но обычно не имели очага внутри. Вдоль длинных стен в избушке на деревянных гвоздях «тув» развешивали на хранение сети, здесь же иногда хранили зимой лодки. Рядом с «чери кыян керка» располагались вешала для просушки сетей («тыв шётан скамля») — жерди, одним концом положенные на подставку из кола с рогулькой, а другим лежащие на земле.

РИС. 4.
Светец («бипеш»)

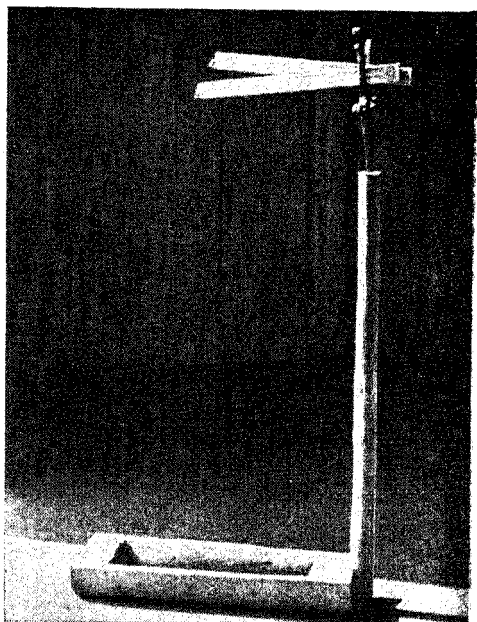
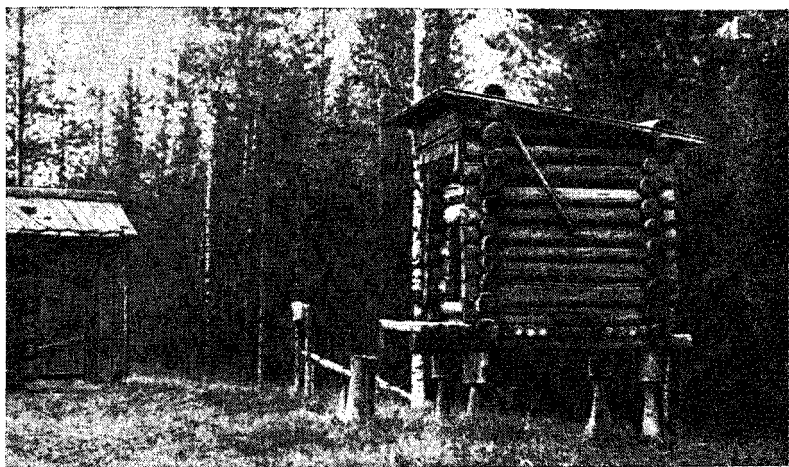

РИС. 5. Промысловая
кладовая у избушки

Промысловые жилища, аналогичные коми «вӧр керка», были у карел [8], вепсов [9], русских переселенцев в Сибирь [10] — четырехугольный сруб с одно- или двускатной крышей, печь-каменка с дымоволоком, нары по стенам. Подобные постройки в сельском быту коми использовались в качестве бань, а в прошлом — и в качестве жилища [11]. По данным М. Б. Едемского,

у русского населения Вологодской губ. (бассейн среднего течения р. Вагп) еще в начале этого века в старых крестьянских избах можно было наблюдать бескосые окна, глинобитные печи на срубе из деревянных брусьев, в форме полуцилиндра, топку по-черному с выходом дыма через дымоволок, односкатные крыши, крытые тесаными досками с одной плоской и другой в виде неглубокого желоба сторонами. Вблизи росчистей крестьяне для ночлега ставили избушки в виде четырехугольного сруба на мху, с односкатной крышей из тесаных досок, маленькой входной дверью, небольшой каменкой и дымоволоком [12]. Сходные черты обнаруживаются в хозяйственных постройках типа «кудо»: четырехугольный сруб с дощатой одно- и двускатной крышей, дверь на фронте — у марийцев [13]; «коа» — легкая постройка из тонких бревен, без окон, пола, потолка и печи, с крышей из драпки — у удмуртов [14].

Для хранения промыслового инвентаря, продовольственного запаса и добытой в угодье дичи служили рубленные из бревен кладовые, приподнятые над землей на ножках-опорах. Кладовая для охотничьего снаряжения конструктивно мало отличалась от сельских хозяйственных построек и представляла собой срубную постройку размером 2—2,5×2—2,5 м из тонкомерных бревен. Потолок и пол изготавливали из колотых плах или из тонких бревен. Крыша всегда была на один скат. Небольшая дверь размером 50—70×65—80 см открывалась наружу. Часто у кладовых такого типа имелось подобие крыльца, образованное выступающими концами настила пола, шириной не более метра. Над ним нависал выступающий край крыши. Внутри в несколько слоев располагались полки, на которых хранились продукты и добытая дичь. На полу и деревянных гвоздях, вбитых в стены, размещались предназначенные для хранения предметы хозяйственного инвентаря. Амбарчик ставился не на землю, а на четыре стойки из вкопанных в землю столбов высотой около метра или больше. Для защиты от мелких грызунов ножки столбов в нескольких местах конусообразно обтесывались. В качестве лестницы использовалось бревно с вырубленными ступеньками. На Удоре часто встречаются сдвоенные кладовые, длина их срубов около 5,5 м при обычной ширине. Внутри имеется капитальная бревенчатая перегородка, делящая помещение на две половины, в каждую из которых ведет отдельная дверь. Закрывались кладовые обычно с помощью деревянного засовчика; на Вычегде часто запор в виде деревянного бруска-здвижки,двигающейся в деревянных скобах, устраивался с внутренней стороны двери. Открывали и закрывали такой запор с помощью веточки, продаваемой в щель в стене рядом с дверью [15]. Общепринятого наименования для таких кладовых у коми не было, обычно их называли так же, как и хозяйственные постройки в сельском быту: «житник» (вв., печ.), «кум» (сс., уд.), «амбар» (уд.) и т. п. На р. Выми, Летке и Ижме они назывались «лабаз», а в Удорском крае — «турыш».

Деревянные складские сооружения на высоких столбовых опо-

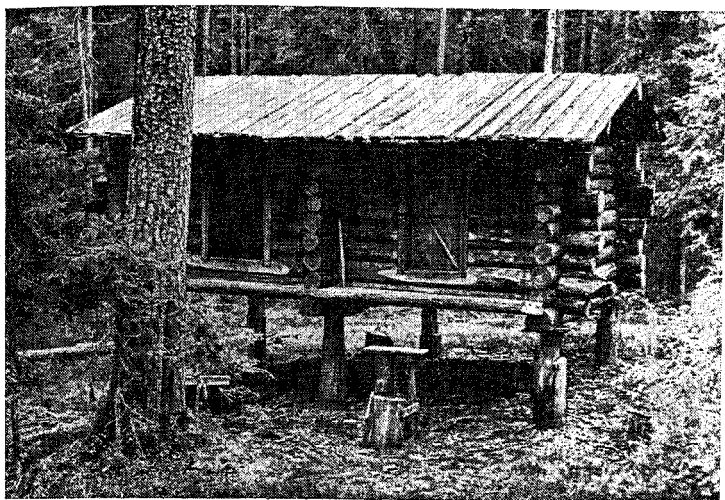

РИС. 6. Сдвоенный «турыш» на Мезени

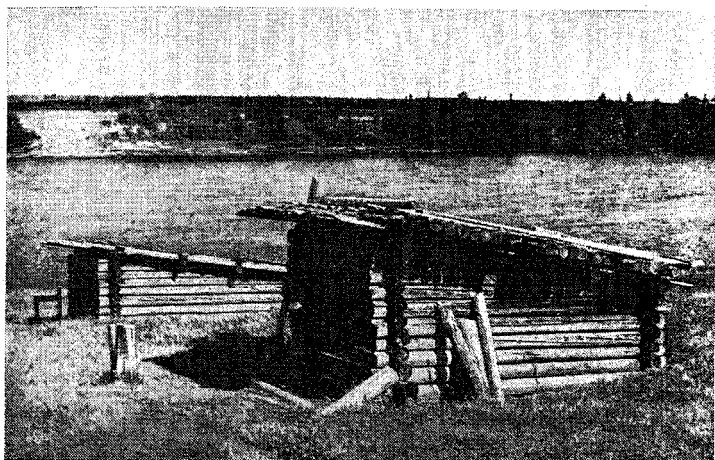

РИС. 7. Рыбачьи кладовые на Выми

рах еще до недавнего времени были широко распространены в селениях Беломорского бассейна, например в Каргопольском и Карпогорском районах Архангельской обл. Как и у коми, они обычно крылись на один скат [16].

Если описанный тип хозяйственной постройки был, скорее всего, заимствован из сельского быта, о чем свидетельствуют как терминология, так и сама конструкция, то охотничья «тшамья»,

вероятно, была чисто промысловым изобретением. Под этим названием на Сысоле, Вычегде и Печоре была известна кладовая для припасов и дичи несколько меньших размеров (1,2–1,5×1,2–1,5 м), на четырех или на одной высоких опорах. «Тшамья» представляла собой сруб из тонких еловых, очищенных от коры бревен в пять-шесть венцов. Крылась она на один скат колотыми досками в два слоя, потолок не делался. Сверху доски крыши укреплялись двумя положенными поперек жердями, концы которых были связаны вищами с выступающими концами слег. Внутри имелось два-три яруса полок. Дверь отсутствовала, а ее роль выполняла выдвигаемая доска в полу. В качестве опор-столбов часто использовали пни от деревьев, специально срубленные для этой цели на высоте от 1,5 до 2,5 м, ошкуренные, а иногда и дополнительно обтесанные для придания грибовидной формы. Если ножка у «тшамьи» была одна, то сруб укрепляли на двух перекрещивающихся плахах. Специальной лестницы обычно не изготавливали, а ставили между опорами короткий столбик, встав на который и отодвинув доску-дверь вниз, можно было по плечи попасть внутрь. У коми-пжемцев кладовые-хранилища такого типа носили название «кокийы лобес» (лабаз на ножке) и попадали в него не через отверстие в полу, а сверху, поднимая несколько досок крыши, поэтому у них обычно имелась еще лестница из бревна. Удорские коми называли аналогичную по конструкции постройку «кокийв турыш» («турыш» на ножке). Ставили «тшамья» обычно несколько в стороне от других хозяйственных построек. Происхождение слова «тшамья» недостаточно ясно, сходное название лабаза на высоких стойках — «sumex», «sumijax» — существуют в мансийском языке [17]. У русского населения Северного Приуралья и Северного Зауралья такие постройки назывались «чамья», «чемья», «шамья», «шумья», «шайма». А. К. Матвеев считает данный термин финно-угорским заимствованием [18]. Такие же кладовые-хранилища в виде сруба на высоких столбах были у охотничьего населения бывшей Олонецкой губ. и русской Карелии [19]. У саами кладовые-амбары на высоком пне высотой до 3 м, носящие название «palla», конструктивно (люк вниз, лестница из деревянного бруса с зарубками) практически не отличались от «тшамья» [20].

Аналогичные срубные амбарчики на высоких столбах-подпорах были распространены и у многих сибирских народов. У эвенков имелись свайные лабазы «дэлкэн» или «нэку» в два-четыре венца из бревен, рубленых в лапу. Они имели плоскую, чуть наклонную крышу из плах или листовичного корья, устанавливались на четырех угловых столбах-пнях высотой 1,5–1,7 м, вход находился в полу и поднимался в него по бревну с зарубками [21]. У северных якутов-оленьеводов для хранения вещей и продовольствия в районах зимовок использовались кладовые в виде сруба из нескольких венцов на четырех столбах высотой 1,5–2 м. Потолок из накатника являлся одновременно и крышей, а незакрытая часть пола служила входом, в который поднимались

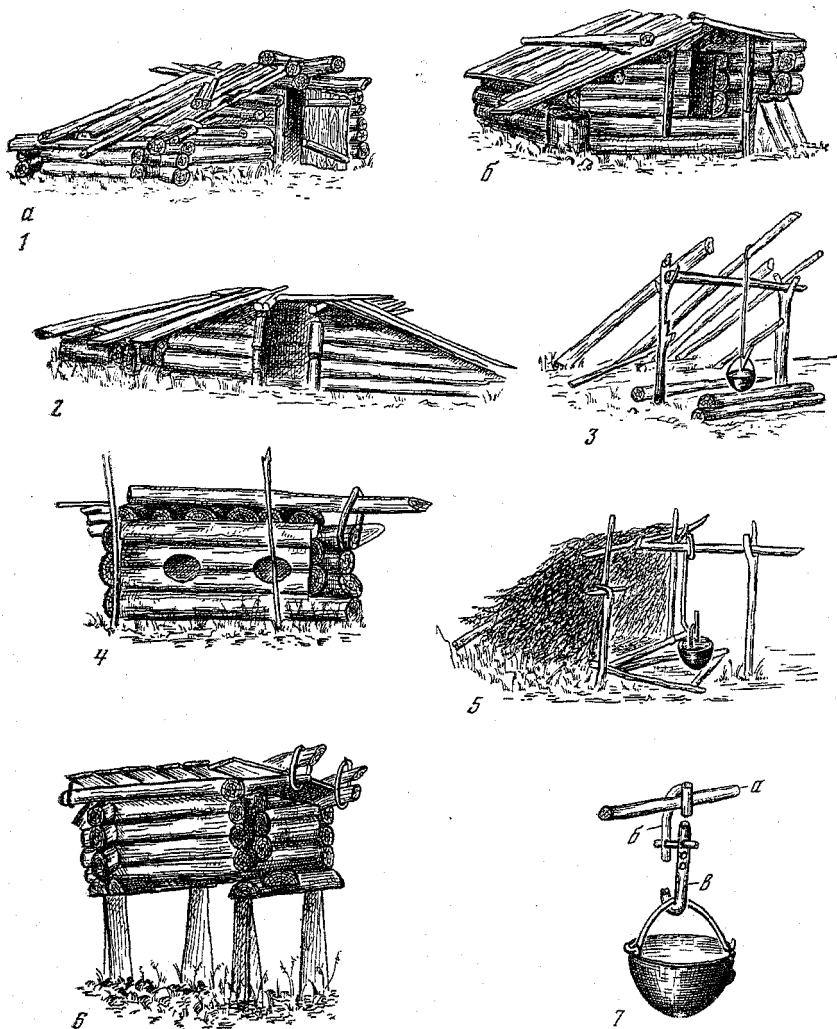

РИС. 8. Промысловые жилые и хозяйственные постройки:

1 (а, б) — «кола» на Локчине (начало XX в.); 2 — рыбацкий «чом» на о. Донты (30-е годы XX в.); 3 — остов шалаша; 4 — двухместная собачья конура; 5 — шалаш; 6 — «тшамъя»; 7 — приспособление для подвески посуды (а — жердь «ва крэг»; б — «кырныр»; в — «частбй»)

по наклонному бревну с зарубками. Такие кладовые назывались «хахаас» или «нооку» [22]. У русского населения Сибири продукты на промысле хранились в «сайве» — амбарчике на четырех столбах-опорах из обрубленных на высоте около 2 м деревьев с ошкуренной корой. Попадали во внутрь «сайвы», вынув нижнюю

доску пола, по приставной лестнице. «Сайва» была распространена у русских охотников по всей Сибири [23]. Происхождение промысловой кладовой данного типа уходит корнями, по всей видимости, в культуру охотников и рыболовов лесо-таежной зоны Северной Евразии, хотя можно предположить и ее конвергентное появление в промысловой культуре различных народов.

Собачью конуру стационарного типа («пон чом») имели в угодьях лишь охотники с Вишеры, Верхней Вычегды и Верхней Печоры. На Удоре, Выми, Сыsole и у коми-ижемцев собаки ночевали снаружи или в сильные морозы в сенях избушки. У охотников с Мезени обычным местом для ночлега собак были прикрытые сверху выступающими скатами крыш участки близ стены избушки. «Пон чом» сооружали из колотых плах, либо из тонкомерного леса. Сруб делали в четыре венца, иногда прокладывая их для тепла мхом. Сверху конура покрывалась на один скат колотыми досками или плахами. В двух средних венцах передней стороны вырубались при изготовлении полукруглые, в полуvinу бревна отверстия. При совпадении их краев получался полный круг — вход в конуру. Если «пон чом» предназначался для двух собак, то таких входов делали два, а посередине конуру разделяли перегородкой. Внутри имелась соломенная или из сена подстилка. Для привязывания собак рядом с конурой был вбит колышек.

Временные промысловые жилища. Оборудовать временный ночлег умел каждый охотник. Особенно часто приходилось ночевать вне избушки во время артельного промысла. На месте, выбранном для ночлега, обычно сооружался односкатный шалаш («чом»). Для кратковременной стоянки служил каркасный шалаш простейшей конструкции: на два кола с развилками на верхнем конце укладывалась жердь, а на перекладину получившегося входа в шалаш опирались жерди остова, нижние концы их лежали на земле или на поставленной на ребро и укрепленной колышками плахе. Для покрытия служили сосновая и еловая кора, ветви и сено. Иногда «чом» покрывали только лапником, тогда он носил название «лыс чом» («лыс» — хвоя). Две боковые стороны закрывались ветвями и лапником, а перед входом раскладывался костер.

При ночлеге артелями часто обходились и без костра, даже при морозе 25°С и ниже. Снег внутри «чома» частью разбрасывался, а частью утаптывался, на пол настилали сухой хворост и лапник, на него стелили лузаны, а поверх них — «дукёсы» или «шабуры». Улаживались попарно, вначале ложился головой внутрь «чома» один охотник, а другой его тщательно закрывал со всех сторон овчинным одеялом. После этого спиной к первому ложился второй охотник и также тщательно закутывал себя со всех сторон [24].

Если охотники собирались провести на одном месте несколько дней, то крыша «чома» и боковые стены изготовлялись из колотых плах («пёв чом»), иногда вход в такой шалаш уменьшали

в размере вертикально врытыми в землю плахами, а узкий проход закрывали сосновой или березовой корой [25]. При ночлеге артелью чаще сооружали «кер чом» — строение в виде сруба из тонких бревен, горбуш или колотых плах, имеющего только три стены. Размер такого «чома» — $2-3 \times 2-3$ м при высоте около 1,5 м. Крыша делалась односкатная, с наклоном назад. Иногда для многочисленных артелей строилось по три «чома» вместе: два входными отверстиями располагались друг против друга на расстоянии, равном ширине «чома», а третий примыкал к ним своим входным отверстием сбоку. Крыши всех трех «чомов» в этом случае делались более выступающими так, что они соединялись встык между собой. Сдвоенный «чом» («воча чом») представлял собой два «чома», поставленных входами друг к другу, с костром между ними.

У охотников северных районов Верхней Вычегды и Верхней Печоры более принято было строить «чом» из жердей, покрытый берестяными полотнищами («киска чом»). Бересту для изготовления берестяных полотнищ («киска») снимали весной или в начале лета во время движения соков, делая во всю длину ствола вертикальный разрез с помощью топора на длинной ручке. Затем снятую бересту варили, очищали от верхнего грубого слоя. По краям полотнища для прочности пришивали узкую полоску бересты. Готовое полотнище имело ширину около 50 см и длину 2–2,5 м. У каждого промышленника дома или в избушке был запас таких берестяных полотнищ более десятка штук. Как правило, «киска чом» сооружался при артельной охоте, для его покрытия требовалось не менее четырех берестяных полотнищ.

Во время зимней артельной охоты верхневыхегодские и печорские охотники, останавливаясь на одном месте на несколько дней, оборудовали временный лагерь. Выбрав для него место, «хозяин» артели отмечал лыжами на снегу квадрат со стороной, равной длине лыж, т. е. около двух метров. Затем он с одним из членов артели вычищал деревянными лопатами снег до земли на отмеченном лыжней участке, выкинутый снег укладывали бруствером с трех сторон. Четвертая сторона должна была служить входом в сооружаемый «чом», и с обеих ее концов устраивались два пологих спуска в снежную яму (ворота) перпендикулярно к боковым сторонам. После этого начиналось сооружение помещения для ночлега. На два ксла с развилками на верхнем конце, вбитых внутри снежной ямы вблизи «ворот», устанавливали перекладину, а на нее клали жерди, другой конец которых укладывали на снежный бруствер с противоположной стороны. На жерди настилали берестяные полотнища, к получившейся крыше подгребали с боковых сторон снег для полной герметичности. Иногда под берестой предварительно натягивали домашнее полотно и насыпали поверх него слой сухой хвои, еще реже ограничивались покрытием из одного полотна. Внутри «чома» на землю настилали лапник, а по бокам устраивали стенки из досечек, наколотых из сухих пней («палчэс»). Затем со стороны входа расчи-

щали участок от снега, равный по площади участку, предназначенному для ночлега: он должен был служить для приготовления пищи и сушки одежды. Напротив входа в крытую часть «чома» у стенки вновь расчищенного участка вбивали три кола с развилками, на них и на перекладину от входа в «чом» укладывали три жерди, центральная из которых («ва креп») служила поперечиной над костром, а на две другие вешали для просушки одежду. Костер делали небольшой по размеру, но жаркий. С задней стороны его укладывался короткий толстый кряж («би мыш»), который служил для отражения тепла в сторону ночлега. Если была возможность, то место для «чома» планировали так, чтобы позади костра находилось большое дерево — в этом случае «би мыш» не требовался. С боковых сторон костра также клали сырые, но более тонкие отрезки бревен, один конец которых упирался в землю, а другой находился на «би мыш». У входа в «чом», между ним и костром, для того чтобы не перегревалась постель, укрепляли обрубок толстого дерева («баб краж»). Рядом с задней наружной стенкой «чома» из сваленного и обтесанного дерева делали скамейку для сидения. Если в артели было более шести человек, то приходилось делать два «чома», один напротив другого, с костром посередине («воча чом»). Поэтому у печорских охотников при походах за Урал многочисленные артели встречались редко. Для собак рядом с «чомом», недалеко от одних из ворот, сооружались конические шалаши, крытые лапником («пон чом»), для каждой собаки отдельный. Снег под ними до земли не расчищали, а лишь притапывали. С противоположной стороны «чома», рядом с другими воротами, устраивали лабаз для хранения продуктов — помост на четырех ножках из кольев. На время сна костер тушили. Спали на оленьих шкурах, положенных на лапник, завернувшись в овчинные «эшкын». Близкий данному способ сооружения ночлега зимой был зафиксирован у русских охотников на Среднем Урале [26].

Довольно часто охотники, промышлявшие в одиночку, при ночлеге в лесу ограничивались загородкой-заслоном от ветра («сай», уд., иж.) и подьей. Между ними стелился лапник, а спали, заворачиваясь в одеяло из меха с мешком для ног. Для сооружения ноды пользовались сухостойным деревом хвойных пород, предпочтительно с выгнившей серединой. Брала два отрезка длиной 2—3 м каждый и клали их друг на друга, предварительно вырубив в их соприкасающихся поверхностях по длинному продольному пазу глубиной до 10 см. В пазах помещалась растопка: сухие смолистые щепки, береста и стружки. Концы бревен закрепляли вбитыми с двух сторон кольями. Чтобы между бревнами оставалась щель, ближе к концам бревен между ними вбивались клинья («чивкас») или в верхнее бревно посередине забивали крюк из обрубка ствола с сучком, за который верхнее бревно несколько приподнималось с помощью жерди, одним концом воткнутой в землю, а другим — зацепленной за крюк. Широкое распространение сходной терминологии для обо-

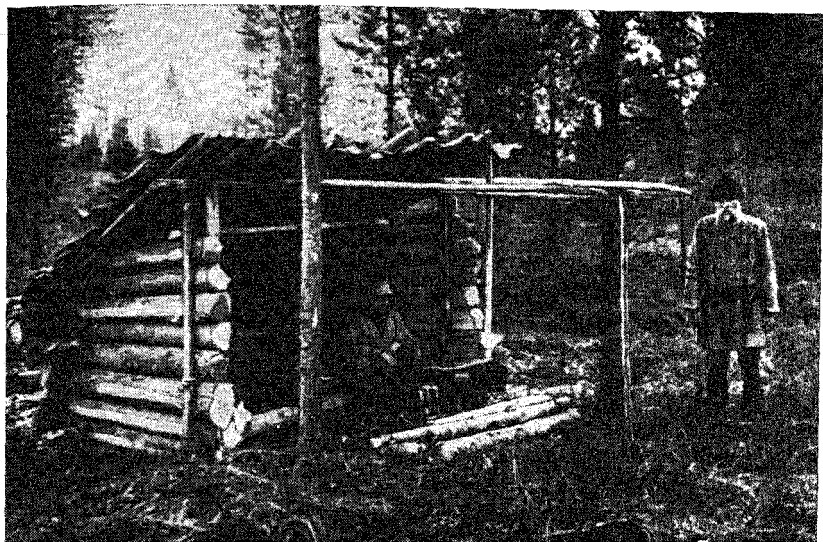

РИС. 9. «Чом» на Локчине (начало XX в.)

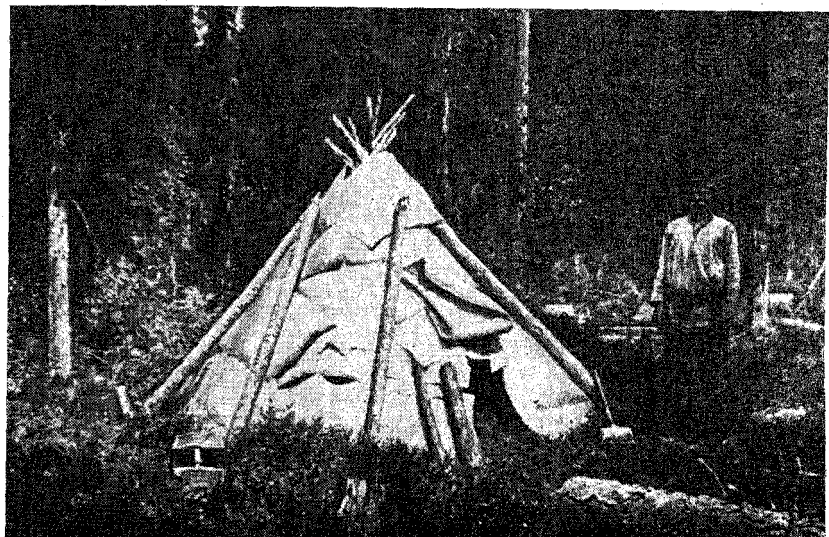

РИС. 10. Конический шалаш локчимских промысловиков (начало XX в.)

значения костра такого типа (коми «нодьдя», «нодья»; фин. «nuotio», кар. «nuodivo» [27]; манс. «нутья» [28]; вепс. «nod'jo» [29], «нодья» у русского населения Европейского Севера СССР и Сибири) свидетельствует о том, что изобретение нодьи относится к весьма древнему времени и связано, скорее всего, с финно-язычным населением.

У верхневычегодских охотников в постоянных местах дальнего промысла, помимо «вөр керка», было принято иметь несколько специально оборудованных мест для ночлега на расстоянии около 20 км от избушки. Там были приготовлены запасы дров и поставлены шалаши («чом»), крытые еловой корой. На полу в шалаше была заготовлена постель из мха и лапника. Комп-ижемцы часто пользовались для ночлега на промысле каркасным коническим шалашом типа ненецкого чума, который и послужил для него образцом. В верхнеусинских выселках местные промысловики с первым снегом вывозили на собаках в тундру за 40—50 км и устанавливали на всю зиму в центре угодий, где собирались промышлять песка, такие конические шалаши, крытые берестой или старыми оленьими шкурами. Потом охотники периодически приезжали в них на три-четыре дня для осмотра старых и настрочки новых ловушек. Для устройства разового ночлега в тундре ижемцы брали с собой кусок брезента или холста, которым покрывали конический каркас из воткнутых в снег лыж и «койбеди» [30].

У. Т. Сирелнус обнаружил наличие конического шалаша у локчимских (левый приток Вычегды) охотников. Его строили летом в лесу на время изготовления ловчих принадлежностей к осени. На подходящей для строительства площадке обламывали на высоте постройки верхушку у молодого соснового или елового дерева. Оставшуюся стоять часть дерева («вожка») очищали от сучьев, лишь на верхнем конце оставляли несколько сучков. Затем вокруг ставили 16 жердей каркаса так, что нижними концами они образовывали круг диаметром 3,2 м, а верхними опирались на остатки сучьев на верху подготовленного дерева. На жерди каркаса клали покрытие из бересты или еловой коры. Чтобы покрытие лежало плотно, снаружи его подпирали толстыми жердями. Внизу у земли в качестве двери и выхода для дыма было небольшое отверстие. Для приготовления пищи огонь разводили перед шалашами, внутри поддерживался тлеющий огонь только для изгнания комаров. Где-либо еще в долине Вычегды такой тип не был обнаружен [31]. Как справедливо отмечает В. Н. Белицер, конические шалаши представляют в истории коми-зырянской культуры явление, скорее всего, новое, вторичное, а наиболее типичны для промыслового быта односкатные «чомы» [32].

Временное жилище под наименованием «чом» было известно населению таежной зоны Европейского Северо-Востока, по всей видимости, издавна. Об этом свидетельствует тот факт, что от него происходит принятый в научной литературе и в разговорной речи северного русского населения термин для обозначения ко-

нического каркасного жилища большинства народов Севера — «чум» [33]. Аналогичные по конструкции «чому» трехстенные шалаши из плах, с покатою назад односкатной крышей из еловой коры были у карел [34] и вепсов [35]. У русского населения Вологодской губ. для временного жилища в лесу строили «шалаш» или «балаган» в форме «покоя» из бревен (две боковых и одна задняя стены, крыша тесовая с крутым скатом назад). Перед шалашом во время сна непрерывно жгли костер. Для разового ночлега делали простой шалаш: на козлах — горизонтальная перекладина, к ней наклонно с одной стороны прислонено несколько длинных кольев, покрытых ветками и травой [36]. Ближкие по типу шалаши встречались у удмуртов и башкир в лесах Среднего и Южного Приуралья [37]. У обских угров односкатные шалаши из двух вертикальных стоек и горизонтальной жерди в качестве основы каркаса употреблялись по всей территории расселения. Строили их зимой на промысле, покрывали чаще лапником, реже — берестяными тисками. Такие же шалаши строили летом в сильный ветер или дождь. Если группа охотников находилась долго на одном месте или была особенно велика, строили два односкатных шалаша друг против друга, с костром между ними. Такие же сдвоенные шалаши (ср. «воча чом») на Вахе строили на местах рыбной ловли, над костром между ними на помосте коптили рыбу [38]. Есть основания считать указанный тип временного жилища в отличие от конического чума охотников и рыболовов Сибири одной из отличительных черт промысловой культуры северной таежной зоны Европейского Северо-Востока.

Промысловая одежда. Обязательным предметом промысловой одежды у коми был «лузан» («лаз, лоз») — прямоугольная короткая накидка с отверстием для головы. Изготавливался «лузан» чаще всего из домотканого холста («дѳра») или из сукна. Конструкция «лузана» чрезвычайно проста: в прямоугольном куске материи размером 0,5 м на 1,3—1,5 м прорезалось отверстие для головы либо посередине, либо так, чтобы задняя половина была несколько длиннее. С внутренней стороны «лузана» с обоих концов устраивались карманы, для чего пришивали прямоугольные куски материи, по ширине равные полѳ «лузана». Высота нагрудного кармана была 15—25 см, задний карман («лаз нѳп») делался несколько больше и имел высоту от 30 до 50 см. К нижнему концу нагрудной части («лаз морѳс») пришивался сыромятный ремень с пряжкой на правом боку или две завязки, по одной с каждой стороны, длиной около 1 м. В верхней части задней половины «лузана» имелась ременная петля для топора («лаз козьян»), иногда она пришивалась к специальному клапану. У подростковых «лаз» петля для топора была необязательна. По краям для прочности лузан обшивали узким сыромятным ремешком. Многие «лузаны» имели «крылья», прикрывающие плечи. Для этой цели пришивались в плечевой части дополнительные куски материи. Для большей прочности некоторые «лузаны» обшивались кожей на плечах, груди и под петлей для топора.

Иногда из кожи шили весь «лузан», кроме карманов, на изготовление которых шел холст. Такие «лузаны» из выделанной кожи, как правило, делали специальные мастера. Для зимней охоты обычно использовали лузан с капюшоном, который изготавливался отдельно и пришивался к краям головного отверстия. На Печоре «лаз» иногда ткали из шерсти с помощью челнока-иглы («ем») на поперечном ткацком станке («кись»). Некоторые охотники на левом плече «лузана» пришивали «погончик» для ружейного ремня, а справа на груди — карман для пуль. Для того чтобы задний карман не провисал от груза, у некоторых «лузанов» он прикреплялся за середину ремешком с петлей к застежке-палочке, пришитой немного выше края кармана.

Несмотря на свою простоту, для промыслового быта «лузан» был чрезвычайно удобен. Помимо того, что он предохранял промысловика от дождя и снега, «лузан» исполнял и роль заплечного мешка. В его карманах размещалось до двух пудов груза: продовольствие, ружейные припасы, добытая дичь и пушнина. Обычно охотники помещали в нагрудном кармане различные охотничьи принадлежности и продовольствие, а в заднем — продукты промысла. Для табака, спичек и других мелочей в переднем кармане часто делали специальные мелкие отделения. Срок службы «лузана» доходил до 7—10 лет.

Аналогичная по конструкции промысловая накидка «лаз» была известна коми-пермякам [39], а под названием «лузан» была обязательной промысловой одеждой у русских охотников Урала и Сибири [40]. У хантов и манси охотничья накидка именовалась «лус», она изготавливалась, как правило, не из матерьяла, а из шкур и не имела петли для топора. Для ее изготовления выкраивались два длинных прямоугольника с полукругом посередине правой кромки одного и левой другого. Затем прямоугольники сшивались: полукруглые вырезы совпадали, образуя отверстие для головы. Или выкраивали части «лус», закрывающие грудь и спину, в этом случае шов проходил по плечам. Ворс меха был направлен вниз. Если использовалась вытертая или летняя короткошерстная шкура, «лус» иногда делали, просто вырезая отверстие в середине шкуры [41]. По мнению К. Редей, мансийское «лус» является заимствованием из коми языка [42]. В пользу коми принадлежности данного термина говорит сопоставление его с удм. «лазъяны» («накинуть поверх чего-либо, укрыть»), таким образом, «лаз» можно этимологизировать из пермских языков как «накидка» [43]. В то же время именно конструкции промысловой накидки пермских угров были присущи черты наиболее архаичные, возможно, они объясняются временем заимствования, в таком случае речь идет о наиболее древнем типе «лузана», сохранившемся в силу малого распространения тканых материалов у обских угров, но исчезнувшем уже у коми. В. Н. Чернецов видел в североуральском «лусе» наиболее примитивный вариант глухой одежды, характерной для культур арктической и субарктической зоны, отмечая, что «предположить

РИС. 11. Лузан простейшей конструкции (внутренний вид)

РИС. 12. Лузан из кожи (вид сзади)

РИС. 13. Лузан с капюшоном (вид спереди)

РИС. 14. Лузан с капюшоном (вид сзади)

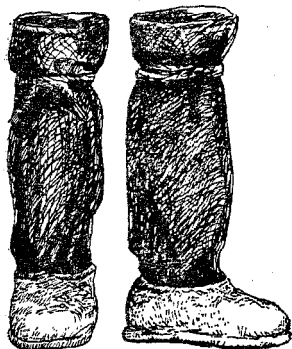
независимое возникновение глухой одежды среди уральцев трудно» [44]. Вывод о заимствовании финно-угорскими народами глухой одежды у аборигенного населения субполярной зоны при передвижении этих народов на север трудно оспорить. Но промысловая накидка типа «лузана» локализуется на достаточно узкой территории лесо-таежного Предуралья и Зауралья, сведенной о наличии подобной одежды у каких-либо других народов, помимо коми, обских угров и северорусского населения смежных областей не имеется. Поэтому более логично предположить ее изобретение именно в промысловой среде данного региона.

За исключением «лузана», верхняя одежда промысловиков практически не отличалась от применяемой при хозяйственных работах в сельском быту: рубашка и штаны из холста, старый пиджак; поверх пиджака надевался «шабур», а при холодной погоде — еще и «дукос». «Шабур» шился из толстого, некрашеного домотканого холста и представлял собой свободную, туникообразного покроя рубаху, одевающуюся через голову. Ворот и пуговицы, застегивающие разрез для головы, отсутствовали. Для изготовления «шабура» кусок холста длиной около 2 м перегибали пополам и на месте сгиба делали круглый вырез для головы. Затем пришивались прямые, из одного куска рукава, подмышками вшивался клин («кунлос»), иногда из ткани другого цвета, а по бокам делались трапецевидные вставки так, что получался шире плеч.

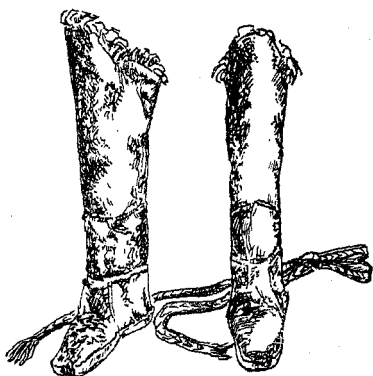
Рабочая одежда из домотканого холста сходного покроя и с близкими названиями (ср. мар «шавыр», чув. «шупор», зап. слб. тат. «шабыр») была широко известна по всему Русскому Северу, в Поволжье, у карел, обских угров, западносибирских татар, алтайцев и ряда других народов [45]. Этимологи объясняют столь широкое распространение данного термина заимствованием из вожско-пермских языков [46].

«Дукос» обычно делали из домашнего изготовления сукна или шерсти. Он представлял собой верхнюю одежду распахнутого типа, длиной до колен или несколько ниже. Полы «дукоса» имели правый глубокий запах, застежками обычно служили круглые деревянные палочки или, реже, крючки. Полы и спина изготавливались из трех одинаковых полотнищ. Спина была прямой, между ней и полами вставлялись широкие клинья. Ворот делался из узкой полосы сукна, стоячий. Как и коми, «дукосом» называли кафтан из домотканого сукна удмурты [47].

Верхнюю одежду подпоясывали кожаным ремнем («йй», «тасма») с железной или медной пряжкой. К «тасме» всегда был привешен чехол для ножа и кожаный чехольчик для точильного бруска. Поясной нож («пурт»), применяемый для хозяйственных работ и снятия шкур, делали местные кузнецы из обломков кос, пил, старых подпилыльников и т. п. Прямое одностороннее лезвие было длиной 10—15 см, рукоять длиной 10—12 см вырезалась из дерева или лосиного рога. Ножны («пуртос») изготавливали из кожи или из дерева, обтянутого кожей, с петлями для

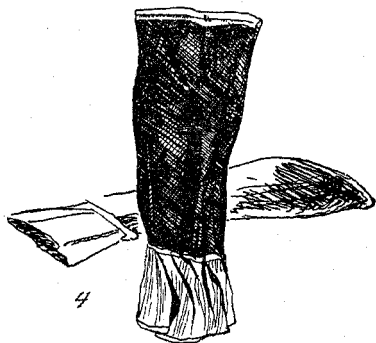
1

2

3

4

5

6

РИС. 15. Промысловая обувь:

1 — «ишим»; 2 — «липтича»; 3 — «чёрёс»; 4 — «нойпиздёс»; 5 — меховые «тобёки»,
6 — «тобёки» с суконным голенищем

подвески к поясу. Носили нож на поясном ремне с правой стороны.

У коми-пьемцев на промысле часто использовали в качестве верхней одежды старые, потертые, потерявшие ость и ставшие от этого более легкими и менее теплыми малицы («лёк-малича»). Они имели пришитые к рукавам рукавицы из камусов и капюшон, плотно облегающий голову, обшитый сверху «пыжином». Поверх малицы для предохранения ее от намокания одевалась «рубаша» — чехол из темной бумажной материи, доходящий до «панд» (полосы шириной 15—20 см из летней шкуры оленя, отличающейся низким и плотным волосом, пришитой к нижнему краю подола малицы). Малица подпоясывалась широким ремнем («тасмой») и при этом немного подбиралась под него. Приподнятая выше колен малица делала движения охотников совершенно свободными [48].

Головным убором являлась старая шапка обычного образца, но имелась и охотничья шапка особого покроя — «ур кыян шапка», которая шилась из домотканого сукна. Она имела четырехугольный верх, а сзади — кусок сукна, закрывающий шею и затылок. Уши прикрывались не плотно, чтобы слышать голос собаки. Летом для защиты от комаров обычно повязывался шейный платок. Существовал и специальный глухой капюшон из холста, закрывающий голову и шею, с открытым лицом («ном дора»). Такой же капюшон с сеткой из конского волоса на лицевой части носил название «ситка».

Из нижнего белья с собой на промысел коми охотники брали по две-три пары сшитых из ситца или тонкого холста нижних рубаш и кальсон. На руки надевались «кушеньча» — холодные рабочие рукавицы, а в сильные морозы — меховые рукавицы шерстью наружу из собачьей шкуры («кушеньча кепысь» или «пон ку кепысь»).

К оригинальному, чисто промысловому типу обуви у коми относились «лызя көм» — специальная обувь для ходьбы на лыжах. Изготавливались они из одного куска толстой сыромятной кожи в виде грубых башмаков с цельной толстой подошвой и загнутыми кверху носками. На задник пришивали сложенный в несколько слоев кусок кожи. Обычно они также имели и пришитые суконные голенища с ремешками-завязками в верхней части. Для водостойкости обувь после изготовления выдерживали два-три дня в смоляной воде («сир ва»). Одевали «көм» на длинные шерстяные носки или на «чөрös» — теплые чулки с суконными или холщовыми голенищами и вязаными шерстяными головками. Срок службы «лызя көм» был около пяти лет.

Ближайшую аналогию этому виду обуви у коми можно найти в финских пьексах. У карел для хождения на лыжах употреблялись сходные с «көм» сапоги с загнутым носком под названием «pieksut», или «кенги» [49]. У русских промысловиков в Сибири в качестве специальной лыжной обуви использовались «уледы». Перед и подошва у них изготавливались из одного куска

кожи, носки были с крючками из кожи, чтобы нога не выскакивала из крепления, а над пальцами пришивался дополнительный кусок кожи, чтобы их не давило крепление [50]. У современного русского населения Верхней Печоры «уледами» называется промысловая зимняя обувь в виде «кетов», к которым пришиты суконные, длиной до колен голенища [51]. В сильные морозы ($-35^{\circ}-40^{\circ}\text{C}$) коми охотники носили «ишим», которые состояли из катаной из овечьей шерсти головки («тюнь») и пришитых дратвой голенищ из сукна или холста («ишим идз»). Голенища имели ремешки-завязки в верхней части. Иногда завязки к голенищу не пришивали, а употребляли сплетенные из шерстяных разноцветных ниток подвязки («чөрвöнь»), такие же, как для поддержания шерстяных чулок. Помимо коми, «ишимы» были известны русским сибирским охотникам. Под этим названием в Енисейском округе была распространена обувь с кожаной головкой и голенищами из толстого холста, употребляемая при зимней охоте [52].

У коми-ижемцев зимой охотники обычно носили меховые сапоги — «тöбöк», сшитые из оленьих камусов или, реже, из шкур шерстью наружу, с подошвой из оленьих лбов. Внутри их надевали «липтiча» — чулки из меха «пыжика» или иногда собачьего меха шерстью внутрь. Для сырой погоды голенища у «тöбöк» делали из сукна и пришивали их к меховой головке. На ноге «липтiча» и «тöбöк» закреплялись с помощью пришитых завязок либо «чөрвöнь». При ходьбе на лыжах ижемские промысловики часто употребляли так называемые «вылысь тöбöки» («верхние тöбöки»), доходящие только до щиколоток и одеваемые поверх обычных «тöбöкöв». Подошвы «вылысь тöбöкöв» делали из старой оленьей постели, они употреблялись как против холода, так и против сырости. При входе в теплое помещение их снимали, как галоши. Сходная меховая зимняя обувь («пива»), надеваемая на меховые чулки («либт»), была у ненцев [53], от которых она, видимо, и была заимствована ижемскими оленеводами.

В осенний период обычной обувью на промысле были «бакилö» — кожаные сапоги на подшивной мягкой подошве, без твердого задника и каблуков, с мягкими голенищами несколько выше колен. С началом похолоданий на ноги надевали «кыс». Головка «кыс» изготавливалась из снятой чулком с ноги коровы шкуры, шерстью наружу. На подошвы шла шкура со лба или груди коровы, каблуков у «кыс» не было. Шили их без колодки. Специальной выделке кожа не подвергалась, кожу головки пропитывали смоляной водой. Голенища делались из сукна или кожи, длиной выше колен. На концах голенищ были пришиты подвязки для привязывания к поясу. Отличительная черта коми промысловой обуви: кожаная, меховая или валяная головка и пришитое голенище из сукна или толстого холста были характерны для обуви многих народов Сибири (алтайцев, шорцев, хакасов, хантов, кетов, селькупов), из европейских народов такая

РИС. 16.
Овчинное промысловое
одеяло («быж ку эшкын»)

обувь зафиксирована у башкир [54], карел [55] и северорусского промыслового населения.

В качестве спальных принадлежностей в промысловых избушках служили шкуры лосей, оленьи постели и овчинные одеяла. Для ночлега при дальних промыслах с собой брали «быж ку эшкын» — одеяло, сшитое из овчин в виде спального мешка. На одно одеяло уходило до 12 штук овчин. Внизу оно было сшито в виде мешка («эшкын подлос»), в котором помещались ноги, а края набрасывали на грудь внакладку. Подобные одеяла из шкур с мешком для ног делали северные якуты-оленоводы, звенки, эвены и долганы [56].

Пища. Большую часть продуктов питания промысловики брали с собой из дома. Запасы продовольствия доставляли в угодье непосредственно перед началом осеннего промысла. Если охотничья избушка находилась на значительном расстоянии от реки и подвоз продуктов на лодке непосредственно к ней был затруднен, то

груз от реки до «вөр керка» переносился в «пестерях» из бересты, «нопах» — мешках из лосиной шкуры или «крöшнях», сплетенных из прутьев черемухи или ивы и надеваемых на спину при помощи лямок, сшитых из нескольких полосок бересты. На Мезени для этой цели использовали котомки из домотканого холста.

При дальних походах артелями весь запас продуктов питания везли с собой на нартах. Печорские охотники при артельной добыче рябчика брали с собой на четыре недели (в фунтах): муки ржаной — 5—10, сухарей (печеного хлеба) — 80, масла — 8—10 свежего мяса — 20, сухой рыбы — 20, крупы — 15, солоду — 5, соли — 2—3 и молока кислого с творогом — 3 ведра в бочонке [57]. На человека в месяц приходилось около 86—89 кг продуктов, или 21,5—22,25 кг на неделю. При осенней охоте в предгорьях Урала на рябчика и белку на два месяца каждый из артельщиков имел следующий запас продуктов (в пудах): сухарей — 2, печеного хлеба — 1, муки ячменной — 1, муки ржаной — 1; (в фунтах): сушеных пирогов — 30, соли — 10, мяса свежего — 20, рыбы сухой — 5, гороху — 2, масла — 12,5, крупы ячневой — 5, а также кислого молока и творога по одному ведру [58]. В этом случае на человека приходилось всего около 130 кг продуктов, или по 16,3 кг на неделю. При дальних походах за Урал длительностью в три месяца печорские промысловики брали

с собой каждый (в пудах): сухарей — 4, сушеных пирогов с крупой — 1, ячменной муки — 1, ржаной муки — 1; (в фунтах): крупы — 10, масла — 12,5, свежего сала для блинов — 2,5, сухой рыбы — 15, говядины сырой — 30, соли — 10 [59]. Всего 144 кг или по 12 кг на неделю.

Питание было двухразовым: плотный завтрак перед выходом на промысел и поздний ужин после возвращения в избушку или лагерь при ночлеге в лесу. Готовили обычно на костре, для которого перед избушкой было стабильно оборудованное место, нередко снабженное навесом для защиты от осадков. Котелок на перекладине («ва крәп») подвешивался с помощью специального приспособления — деревянного крюка, состоявшего из двух частей. В артелях все члены варили по очереди, иногда большая часть хозяйственных работ выпадала на долю наименее добычливого охотника. На Мезени школу кашевара в течение сезона обязательно проходил новичок независимо от его возраста [60]. Дежурить по приготовлению пищи называлось «парить», а дежурство — «парный день». Дрова и растопку дежурный заготавливал еще с вечера, а на следующий день вставал раньше всех и до подъема должен был успеть приготовить пищу. Охотился он в этот день неподалеку от лагеря и возвращался раньше других, чтобы успеть к их приходу сварить ужин. Для приготовления пищи служил ведерный котел, воду топили обычно из снега. Меню было однообразным, основу его составляли различные каши и похлебки: пироги с начинкой из ячневой крупы, разваренной на молоке, на ржаной корке («шыдöса пирог») или для приготовления каши «сюра рок»; корки пирога употребляли вместо хлеба. Из обычной ячневой крупы варили кашу «ид шыдöса рок», в которую добавляли немного мяса. В праздники варили кашу из белой муки «еджыд пызярок». Из ячменного толокна делали «гежень» — похлебку из толокна, разведенного водой или квасом, и «сорöм» — такую же похлебку, но более густую. Из крупы и небольшого количества мяса, а в великий пост из сухой рыбы варили суп. При кратковременных остановках охотники и рыбаки часто делали болтушку, размешивая ячменную муку в кипятке («нуръя шыд»). Во время ближней охоты на боровую дичь меню несколько разнообразили мясные и рыбные блюда: суп из дичи, уха; в пушных артелях мясо в рационе питания было редко, лишь при случайной добыче крупного зверя. Из выпечки в повседневной пище были только хлеб и сухари; в праздники пекли блины из ячменной муки («ид пызь блин»), жарили их на сале, а иногда выпекали шаньги — лепешки со слоем толченой овсяной крупы или картошки, смазанной сверху маслом. Для утоления голода во время промыслового дня с собой брали «сöла пирöг» — лепешку, крутопосоленную и сложенную пополам перед выпечкой. Из напитков обычно употребляли чай, заваренный из листьев черники и брусники или березовой чаги, реже — натуральный. В праздники и в великий пост из ржаной муки варили квас, его приготовлением преимущественно занимался «хозяин» артели.

РИС. 17. Локчимские охотники с «крёшнями» перед отправлением на промысел (начало XX в.)

Собак кормили похлебкой из ячменных отрубей («кыд») на воде с добавлением небольшого количества толченых костей и сухой рыбы. Во время добычи дичи для них готовили суп из муки и птичьих потрохов, а на пушной охоте на корм собакам шли тушки белок. У верхнепечорских охотников специально для собак брали с собой запас мелкой сушеной рыбы, из которой делали похлебку с добавлением ячневой крупы [61].

У коми рыбаков в питании основное место занимали рыбные блюда, остальные продукты (практически те же, что и у охотников) брали с собой из дома. При длительном промысле артелями продукты питания складывались «паями», и рыбаки имели общий «котел», при ближнем промысле в артелях общей была только рыба, а иногда и чай [62].

Немаловажное значение имело поддержание здоровья на промысле. Возвращаясь вечером в охотничью избушку, промысловики первым делом снимали всю верхнюю одежду и вешали ее на просушку. Регулярно устраивались банные дни. Под баньки в угодье отводились отслужившие свой срок промысловые избушки. Существовала конструкция полустационарной баньки, которую сооружали как в личных угодьях, так и в регулярно посещаемых для промысла местах общественных угодий. Ее стены строили из двух рядов колотых досок, между которыми клали бересту и пихтовую кору. Внутри находилась печь-каменка, а рядом — скамья, на которой парились. Если в угодье не было отдельно построенной баньки, парились пихтовыми вениками на нарах в охотничьей избушке, жарко натопив предварительно печь-камен-

ку. В дальних походах артелями мылись у костра. Печорские охотники специально для этой цели изготавливали скребок в виде деревянного кружка с редкими поперечными зарубками и длинной ручкой, которым счищали грязь со спины [63].

Лечебно-профилактические функции северорусской (в том числе и коми) бани общепризнаны, тем не менее предохранить полностью от заболеваний и травм промысловиков она, естественно, не могла. Поэтому практически каждый охотник и рыбак обладал необходимыми навыками оказания первой помощи себе или товарищу в случае получения травмы от зверя или несчастного случая, происшедшего на промысле, после чего пострадавший отлеживался в избушке или товарищи доставляли его домой в село. Для лечения простудных заболеваний почти в каждой избушке хранились средства народной медицины: лекарственные травы, коренья и т. д. Большой популярностью у охотников пользовались народные средства профилактики заболеваний и снятия усталости. Для этой цели они пили медвежью, лосиную и щучью желчь (в день по капле, разведенной в стакане воды); отвар зверобоя, иван-чая, марьяна корня и чаги. От одышки при больших переходах употребляли отвар хвои лиственницы. Мелкие травмы и порезы залечивали с помощью еловой и пихтовой живицы [64]. Сведущие в народной медицине охотники высоко ценились в промысловых артелях.

Свободное время — обычно вечером, после ужина и снятия шкурок — при охоте артелями посвящалось обсуждению итогов прошедшего дня; охотники перекидывались шутками, острили над промахами новичков, рассказывали о своих похождениях [65]. Умелые рассказчики промысловых быличек, знатоки народного фольклора и просто остроумные люди были широко известны и ценимы.

При одиночном промысле в ближних угодьях некоторые охотники брали с собой «си гудок» — трехструнный смычковый и щипковый музыкальный инструмент, на котором играли по вечерам [66].

В крупные церковные праздники устраивались нерабочие дни. Промысловики ходили в гости в ближайшие угодья, занимались по хозяйству в своей избушке, а если были недалеко от дома, возвращались на время праздников в селенье.

1. Бородин Л. Н., Лапин В. А. Промысловый инвентарь. — ТЭС, 1932, вып. 1, с. 304.
2. Сергеев С. В зырянском крае. М.; Л., 1928, с. 37.
3. Супинский А. К. Промыслы коми (зырян): Поверья и обряды. 1935. — АИЭЛО, ф. К-V, оп. 1, д. 102, л. 11—12.
4. Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970, с. 114.
5. Харузин Н. Н. Очерк истории развития жилища у финнов. М., 1895, с. 4.
6. Супинский А. К. Промыслы коми..., с. 14.

7. Лобачев С. В. Охотничье-промысловое население.—ТЭС, 1932, вып. I, с. 241.
8. Гироева Р. Ф. Матерпальная культура карел (Карельская АССР): Этнограф. очерк М.: Л., 1965, с. 97.
9. Пименов В. В. Вепсы: Очерк этнической истории и генезиса культуры. М.; Л., 1965, с. 106, рис. 7.
10. Кривошапкин М. Ф. Енисейский округ и его жизнь. СПб., 1865, с. 46—47; Громыко М. М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII — первая половина XIX в.). Новосибирск, 1975, с. 213.
11. Шипунова Г. Л. Курные избы в верховьях Вычегды.—ЗОИМК, 1930, вып. 5, с. 114—116.
12. Едемский М. Б. О крестьянских постройках на Севере России. СПб., 1913, с. 34—36, 63, 65, 89.
13. Крюкова Т. А. Матерпальная культура марийцев XIX века. Йошкар-Ола, 1965, с. 113—114.
14. Смирнов И. Н. Вотяки.—ИОАИЭ, 1890, т. 8, вып. 2, с. 88.
15. Бородин Л. Н., Лапин В. А. Промысловый инвентарь, с. 303.
16. Маковецкий И. В. Архитектура русского народного жилища: Север и Верхнее Поволжье. М., 1962, с. 205, табл. III.
17. Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь..., с. 289.
18. Матвеев А. К. Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала.—УЗУУ, 1959, языкознание, вып. 32, с. 37.
19. Sirelius U. T. Jagt und Fischerei in Finnland. Berlin; Leipzig, 1933, B. 5, 6; Гироева Р. Ф. Матерпальная культура карел..., с. 114.
20. Лукьянченко Т. В. Матерпальная культура саамов Кольского полуострова конца XIX—XX в. М., 1971, с. 106.
21. Василевич Г. М. Эвенки: Историко-этнографические очерки (XVIII—начало XX в.). Л., 1969, с. 116; Соколова З. П. Заметки об эвенках бассейна Кети.—СЭС, 1962, т. 78, вып. 4, с. 169.
22. Гурвич И. С. Культура северных якутов-оленьеводов: К вопросу о поздних этапах формирования якутского народа. М., 1977, с. 103.
23. Громыко М. М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири..., с. 214.
24. Сидоров А. С. Знахарство, колдовство и порча у народа коми. Л., 1928, с. 139.
25. Супинский А. К. Промыслы коми..., с. 9.
26. Гофман Э. Северный Урал и береговой хребет Пай-Хой. СПб., 1853, ч. I, с. XXXII.
27. Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsingfors, 1915, S. 173.
28. Чернецов В. Н., Чернецова И. Я. Краткий мансийский словарь. М.; Л., 1936, с. 225.
29. Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь..., с. 193.
30. Матусевич И. В. Охотничий промысел на реке Усе: Научный отчет, 1933 г.—НАКФАН, ф. 1, оп. 6, д. 4, л. 8.
31. Sirelius U. T. Über die primitiven Wohnungen der finnisch und ob-ugrischen Völker.—FUF, 1907, Bd. VII, H. 1—3, S. 56—57.
32. Белицер В. Н. Очерки по этнографии народов коми. XIX — начало XX в.—ТИЭ. Нов. сер., 1958, т. 45, с. 220.
33. Долгих Б. О. Традиционное жилище лесных ненцев бассейна реки Пур.—СЭ, 1971, № 4, с. 102; Kalima J. Syryänische Lehnwort im Russischen.—FUF, 1927, Bd. 18, S. 2.
34. Sirelius U. T. Über die primitiven Wohnunden der finnisch und ob-ugrischen Völker.—FUF, Bd. 9, H. 1—3. Helsingfors; Leipzig, 1909, Bd. 150, 151. S. 18—19.
35. Пименов В. В. Вепсы..., рис. 7, 3, 4.
36. Едемский М. Б. О крестьянских постройках..., с. 89—90.
37. Белицер В. Н. Очерки..., с. 217.
38. Sirelius U. T. Über die primitiven Wohnungen der finnisch und ob-ugrischen Völker.—FUF, 1908, Bd. VIII, H. 2/3, S. 9, 12, 13, 15, 17; Bd. 89, 90, 93, 96.

39. Шишкин Н. И. Коми-пермяки. Молотов, 1947, с. 106.
40. Кривошапкин М. Ф. Енисейский округ..., с. 27; Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки: С приложением рапортов, донесений и других неопубликованных материалов. М.; Л., 1949, с. 258; Матвеев А. К. Финно-угорские заимствования..., с. 30.
41. Симченко Ю. Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии: Этнографическая реконструкция. М., 1976, с. 175—176.
42. Redei K. Die syrjanischen Lehnwörter ins Wogulischen. Budapest, 1970, S. 118.
43. Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Дополнения к краткому этимологическому словарю коми языка.— ТИЯЛИ, 1975, вып. 18, с. 29.
44. Чернецов В. Н. К вопросу об этническом субстрате в циркумполярной культуре. М., 1964, с. 4—5.
45. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955, т. 4, с. 618; Белицер В. Н. Очерки..., с. 244, 247; Валеев Ф. Т. Алтайские элементы у западносибирских татар.— В кн.: Этнография народов Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978, с. 112; Тароева Р. Ф. Материальная культура карел..., с. 147; Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Васюганско-ваховские ханты в конце XIX—начале XX в. Томск, 1977, с. 84 и др.
46. Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь..., с. 316.
47. Белицер В. Н. Очерки..., с. 248.
48. Матусевич И. В. Охотничий промысел на реке Усе..., с. 12, 13.
49. Тароева Р. Ф. Материальная культура карел..., с. 64, 154.
50. Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки..., с. 261.
51. Маляревский К. Ф. Отчет экспедиции по колонизационным обследованиям Севера РСФСР, 1926—1927 гг. Т. 2. Район Верхней Печоры.— НАКФАН, ф. 1, оп. 7, д. 3, л. 238.
52. Кривошапкин М. Ф. Енисейский округ..., с. 27.
53. Прыткова Н. Ф. Одежда народов самодийской группы.— В кн.: Одежда народов Сибири. Л., 1970, с. 27—28.
54. Шигова С. Н. Сибирские таежные черты в материальной культуре и хозяйстве башкир.— В кн.: Этнография Башкирии. Уфа, 1976, с. 58—59.
55. Тароева Р. Ф. Материальная культура карел..., с. 154.
56. Василевич Г. М. Эвенки..., с. 121; Гурвич И. С. Культура северных якутов-оленьеводов..., с. 90.
57. Мартынов С. В. Печорский край: Подворно-экономическое исследование селений Печорского уезда. СПб., 1904, ч. 1, с. 161.
58. Белинский Ф. Д., Чубинский П. П., Васильев Д. В., Сонин А. П. Отчет комиссии по обследованию Печорского края в 1867 г. Архангельск, 1867, с. 70.
59. Лыткин В. И. Дневник во время путешествий на Печору в 1840 и 1843 гг.— ЗРГО, 1853, кн. 7, с. 57.
60. Мезенская экспедиция.— ТЛЭ, 1929, вып. 1, с. 372.
61. Маляревский К. Ф. Отчет экспедиции по колонизационным обследованиям Севера РСФСР, 1926—1927 гг. Т. 1. Район Средней Печоры.— НАКФАН, ф. 1, оп. 7, д. 2, л. 20.
62. Мартынов С. В. Печорский край, ч. 1, с. 104.
63. Мельников С. Зырянские бани.— ВГВ, 1853, № 28.
64. Полевые записки И. В. Ильиной.
65. Круглов А. В. В северных лесах. М., 1908, с. 4.
66. Сергеев С. В зырянском крае, с. 51.

СРЕДСТВА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ

Зимние средства передвижения. Специфика охотничьего промысла, подразумевающая обследование возможно большей территории, зачастую удаленной на сотни километров от жилья, в условиях зимнего бездорожья, предъявляла повышенные требования к средствам передвижения. Не случайно у коми фольклорных героев-охотников Пери и Йиркапа на первом месте в промысловом снаряжении стояли необыкновенные лыжи [1]. Причем если у Пери это просто лыжи огромной длины, на которых богатырь обгоняет борзых коней, то Йиркап всеми своими охотничьими подвигами обязан обладанию волшебными лыжами из «живого» («ловья пу») «своего» дерева («аслад пу»). «Волшебные лыжи мчали Йиркапа быстрее и легче ветра. Ни один зверь и ни одна птица не улетала от всемогущего Йиркапа» [2]. Изобретение лыж относится к глубокой древности, на территории Коми края они появились, как свидетельствуют находки в 1 Висском торфянике, еще в мезолите. Эти лыжи имели заостренные, сильно приподнятые концы, снабженные для прочности невысокими бортиками. Остатки одной из найденных в торфянике лыж свидетельствуют, что существовала еще одна конструкция: без бортиков, с выступом на приподнятом конце, в выступе имелось отверстие для привязывания веревочки [3].

У коми изготавливались лыжи двух типов: обшитые камусом («лызь») и «голицы» («лямпа»). Как правило, у каждого охотника имелось лыжи обоих типов: камусные для постоянного пользования и «лямпы» для сырой погоды и ходьбы по насту. Конструктивно «голицы» и подшитые лыжи существенных отличий не имели. Изготавливались лыжи обычно из ели, реже — из березы. Виперские охотники в качестве материала для лыж использовали также осину. Такие лыжи высоко ценились за легкость, но были менее прочны. Длина лыж колебалась от 1,5 до 2 м, при ширине 14—17 см и толщине не более 2 см. Для ног имелась ступательная площадка длиной 38—40 см, шириной 7—8 см и высотой около 4 см. Иногда вместо ступательной площадки прибавляли несколько слоев бересты. На ногах лыжи закреплялись с помощью шнурков («бадь»). Выгибались лыжи, пока дерево еще сырое. Концы лыж распаривали в горячей воде и выгибали на приспособлении в виде колоды с вырезом по нужной дуге изгиба. Распаренный конец заготовки закрепляли в вырезе с помощью деревянных клиньев. В изогнутом положении лыжа фиксировалась с помощью жерди с вырезами на концах, в которые упирались носок и пятка лыжи. При изготовлении «голиц» концы лыж часто не загибали, а выстругивали загиб при изготовлении. Иногда так же делали и «лызь».

Для обшивки лыж использовались оленьи или лосиные камусы («кыс»), а при их отсутствии употребляли камус с ног теленка. При подборе камусов для лыж обращали внимание не только на твердость волоса, но даже и на цвет его — чем он темнее, тем дороже [4]. После снятия с ноги животного камус расправляли на деревянных палочках с заостренными концами, которыми они упирались в края шкуры. С помощью палочек камус растягивали как в длину, так и в ширину. Просохшие камусы сшивали сухожильными нитками. Края обшивки загибались на внутреннюю сторону лыж и прибивались вдоль ее края мелкими гвоздиками. При их отсутствии обшивку пришивали к деревянной основе лыжи с помощью сухожильных ниток и острой трехгранной иглы или узкого сыромятного ремешка, продетого в дырки по краю лыжи. На Печоре ее иногда прикрепляли с помощью рыбьего клея. На пару лыж расходовалось 16—18 камусов, т. е. требовалось не менее четырех животных, поэтому хорошие лыжи стоили в прошлом весьма дорого, их цена доходила до четырех-пяти рублей серебром и выше [5].

Сверху лыжи иногда покрывали слоем краски, а в сырую погоду смазывали салом, чтобы не приставал снег. Если «лямба» делали обычно сами промысловики, то камусные лыжи чаще делали на заказ опытные мастера. Обращение с камусными лыжами было по возможности бережное, ими не пользовались в сырую погоду; пока не просохнут, не вносили в помещение и т. д. Срок службы «лызь» определялся изношенностью обшивки и был обычно не менее пяти лет. Если во время охоты происходила случайная поломка, то сломанную лыжу связывали двумя деревянными дощечками, приколотенными небольшими гвоздиками и пришитыми тонкой льняной бечевкой. Если обшивка не была порвана, то на ремонт уходило примерно полчаса. На то, чтобы сделать в лесу новую лыжу, требовалось полтора-два часа работы на двоих [6].

Специальных лыжных палок не существовало, при ходьбе на лыжах их заменяла «койбедь» — охотничий посох, имеющий с одной стороны лопаточку, а с другой — железный наконечник. Назначение «койбедь» было весьма разнообразным: при ходьбе на лыжах она заменяла лыжную палку, при стрельбе служила как сошка; лопаткой выкапывали из глубокого снега упавшую с дерева белку, раскапывали снег для ночлега в лесу; с помощью «койбедь» устанавливали капканы и маскировали их под снегом, а также вспугивали затаившуюся в ветвях белку; наконечником «койбедь» пробивали лед, для того чтобы достать воду и пр. При случае «койбедь» могла заменить и копые, об этом, кстати, свидетельствует существовавший на Верхней Печоре наряду с общепринятым названием термин «кой-шы» («шы» — копые). Делали «койбедь» чаще всего из березы, иногда — из осины. Необходимым условием было наличие корневого изгиба, из которого изготавливалась лопаточка. Длина «койбедь» колебалась в довольно широких пределах — от 1,6 до 2,2 м, диаметр рукоятки

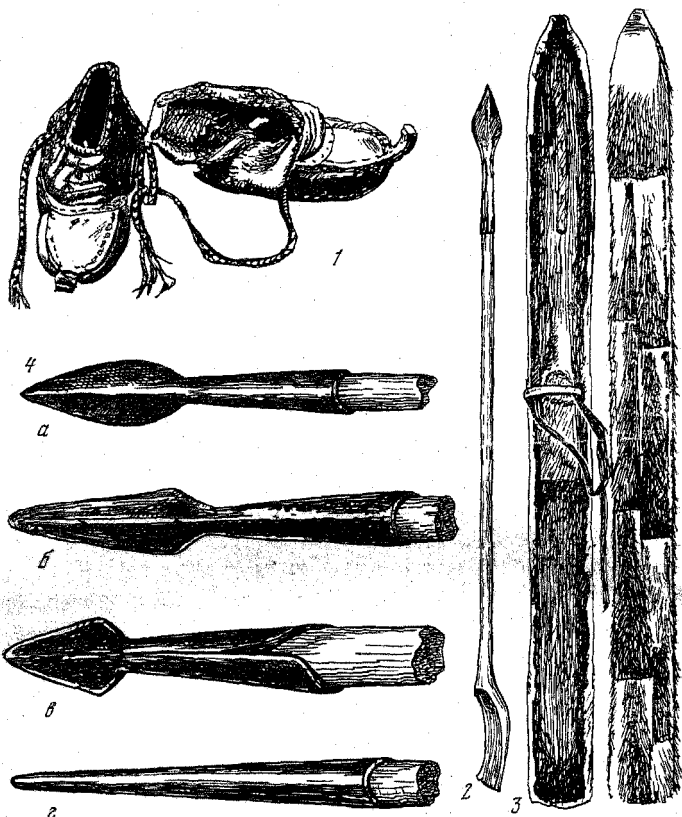

РИС. 18. Лыжное снаряжение:

1 — «лызя кбм»; 2 — «койбедь»; 3 — лыжи с камусной обивкой; 4 (а, б, в) — различные типы наконечников «койбедь»

был равен 35—50 мм. Длина лопаточки доходила до 25—30 см при ширине 8—10 см и толщине около 1 см. Наконечники были двух типов: копьеобразный (по сведениям информаторов, наиболее древний тип) и конусовидный. Изготавливали «койбедь» охотники каждый для себя из специально выдержанного дерева. Срок службы «койбедь» был обычно не менее пяти лет.

По данным Ф. А. Арсеньева, коми охотники пользовались также лыжным посохом, имеющим на нижнем конце обруч, прикрепленный ремешками, а на верхнем — железный крючок, чтобы цепляться им при подъеме за ветки деревьев [7]. Лыжные палки такого типа существовали у енисейских кетов [8], якутов [9], эвенков [10] и других народов Сибири. Под названием «кухтарь» или «костыр» они были известны у русских охотников бассейна Енисея [11]. В то же время, как свидетельствуют литературные источники и опросные сведения, для большей части

промыслового населения коми данный тип известен не был. Есть основания связать его появление с заимствованием во время активного участия коми промысловиков в освоении Сибири.

Коми названия лыж относятся лингвистами к заимствованиям из русского — «лызь» (ср. др. рус. «лыжь», болг. «лъзгам» — скользить, кататься по льду, польск. «лызе» — коньки) [12] и ненецкого языка — «лямпа» (нен. «ламба»). Относительно последнего вывода можно высказать некоторые сомнения. Действительно, ненецкое название лыж «ламба», имеющее также значение «широкая доска» [13], созвучно коми термину «лямпа», но сам тип лыж — короткие и широкие — коренным образом отличается от общепринятого у коми; т. е. о заимствовании наименования вместе с ненецким типом лыж, как произошло у архангельского русского населения, у которого название «лабмы» или «ламды» носили широкие лыжи для промысла моржей и тюленей на льдинах [14], речи идти не может. Напротив, появление у ненецких промышленников лыж другого, нетрадиционного типа уже, но длиннее, обклеенных оленьим камусом (xoptana — lambau), — было связано с прямым заимствованием у коми [15]. Кроме того, такое же, как и у коми-зырян, наименование «голиц» («лямпа») существовало и у коми-пермяков, никогда не имевших прямого контакта с ненецким населением, а также у хантов восточной группы [16]. В составленном Г. С. Лыткиным кратком зырянско-русском словаре рядом с наименованием лыж-голиц (в транскрипции Г. С. Лыткина — «лампа») дается коми слово «лам», имеющее значение «плоский, вогнутый» [17]. В современном коми языке термин «лам» отсутствует, тем не менее если он существовал, то, по нашему мнению, коми название лыж «лямпа» могло быть образовано от словосочетания «лам («лям») — пу», т. е. «плоское дерево». Общепермское название лыж — «kuss» [18] в коми языке сохранилось лишь в удорском диалекте — «кыӧс» (лыжи-голицы), а также у удмуртов — «куас» (лыжи, не обитые шкурой).

Относительно этимологии слова «койбедь» единого мнения у исследователей нет. «Бедь» означает в коми языке палку, посох или трость вообще, а «кой», по мнению Ф. В. Плесовского, связано с охотничьим промыслом, о чем свидетельствуют слова «койны» (токовать) и «койт» (токовище) [19]. Но в нижневычегодском диалекте коми языка термин «кой» означает деревянную лопатку с длинной рукоятью и лопастью в виде совка для бросания в чан горячих камней при варке традиционного напитка «сур» (пиво). В. И. Лыткин приводит целый ряд сходных терминов в родственных коми языках (удм. «куй», мар. «кольмо», эрз. «кайме»), употреблявшихся в значении «лопата» [20]. У удорских коми «койбедь» обычно называют «панябедь» («пань» — лопата, лопаточка, а также ложка — в большинстве коми диалектов). Таким образом, наименование «койбедь», скорее всего, может быть расшифровано как «посох с лопаточкой». На Вычегде «койбедь» иногда называли «вӧралан бедь» (охотни-

чий посох), а у русского населения Печоры существовало название «койёк». Так же «койёк» служило наименованием охотничьего посоха у русского населения Пермской обл. и Сибири, что А. К. Матвеев считает прямым финно-угорским заимствованием [21]. Из родственных коми народов охотничьи лопатки типа «койбедь» были зафиксированы у вепсов [22], карел [23], марийцев [24] и хантов [25]. С. П. Крашенинников, описывая собольный промысел у русского старожильского населения Сибири, отмечал, что, «идучи, подпираются они лыпою, т. е. деревянным посохом, длиною в полсажени и больше, у которого на нижнем конце надет конец коровьего рогу, чтобы он не кололся отолда, у конца деревянное кольцо («шонба») привязано и оплетено ремнями, верхний конец широк, наподобие лопаты, и загнут кверху, чтобы можно было сгребать снег» [26]. По всей видимости, этот элемент охотничьего снаряжения был принесен в Сибирь выходцами с Европейского Севера России.

Лыжи скользящего типа со ступательной площадкой, аналогичные лыжам коми, были распространены также у хантов. По данным В. В. Антроповой, они не имеют аналогий с лыжами других народов Сибири, но такая форма лыж встречалась у саамов и найдена в археологических памятниках на территории Финляндии [27]. В коллекциях МАЭ хранятся мансийские лыжи со ступательной площадкой длиной 210 см, шириной 17 см и толщиной 1,5 см [28]. Сходные по конструкции с коми лыжи со ступательной площадкой были также у башкир [29].

По мнению О. В. Овсянникова, распространение беговых лыж с возвышенной ступательной площадкой, в которой расположены пазы для креплений, у народов Западной Сибири было результатом знакомства с русскими лыжами [30]. Находки в Старой Ладоге (VIII—IX вв.) и Новгороде (XI—XIV вв.) свидетельствуют, что средневековые русские лыжи были двух типов: голицы и обшитые, равновеликие, длиной около 180 см, шириной 11—13 см и толщиной 0,7 см с четко выраженной ступательной площадкой [31]. По данным С. П. Крашенинникова, русские промысловики в Сибири XVIII в. пользовались камусными лыжами со ступательными площадками, обклеенными берестой, длиной около 2 аршин (142 см) и шириною 5—6 вершков (22—26 см). Было связано появление подобных лыж у коми с простым заимствованием, или же они, как и многие другие элементы культуры охотников и рыболовов таежной зоны Европейского Севера, были результатом коллективного творчества, сказать трудно.

Ручные охотничьи нарты так же, как и лыжи, были изобретены еще несколько тысячелетий назад. В 1 Висском торфянике, датированном Г. М. Буровым VI—VII тысячелетием до н. э. (мезолит), были найдены два больших фрагмента санных полозьев, которые принадлежали, судя по конструкции, бескопыльным саням [33]. Речь идет, видимо, об охотничьих ручных нартах простейшего образца. О давнем существовании ручных нарт у финно-угорских народностей говорят и языковые данные (ср.

РИС. 19. Охотник у нарт
«койбедь»

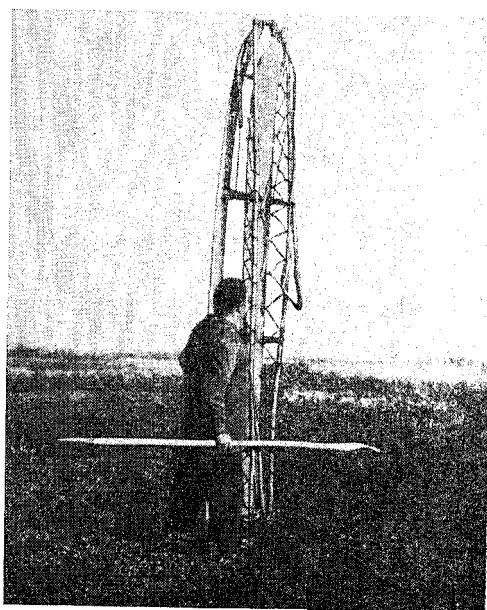
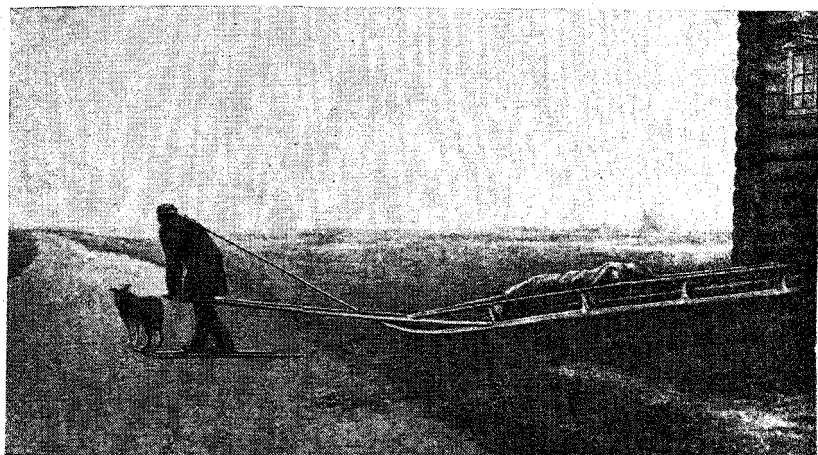

РИС. 20. Охотник, за-
пряженный в нарти (на-
чало XX в.)

коми «норт», удм. «нурт», морд. «нурдо») [34]. По принятой в этнографической литературе классификации [35] коми охотничьи нарти принадлежат к прямокопыльному типу с одной горизонтальной передней дугой. Полозья загнуты только спереди, крепление полозьев с копыльями и вязок с копыльями полужесткое (пазовое, с помощью ремешков), а остальных деталей — мягкое. На изготовление полозьев («норт сюв») шла береза; так как это

была основная деталь нарт, изготавливались они особенно тщательно. Обычная ширина полоза была 7—8 см, но иногда доходила до 10 см; толщина полоза по краям — около 1 см, а в средней части, в которой были долбленные (круглые или четырехугольные) пазы для соединения с копыльями, — около 2 см. Передние концы полозьев, к которым с помощью сыромятных ремешков крепились «баран» нарт, имели загиб около 10 см. Копылья («под») изготавливали обычно из ели, иногда из березы. Высота копыльев была 30—40 см, примерно посередине высоты противостоящие копылья соединялись поперечинами — вязами («пись»). Как с полозьями, так и с вязами копылья крепились с помощью пазов и шипов, а дополнительно — сыромятными ремешками. Верхние концы копыльев соединял нащеп — продольная жердь («селёб»). Крепление нащепа с копыльями, а его переднего конца — с загибом полозьев нарт было мягкое. Вязы, соединяющие копылья, делали иногда также из ивовых или черемуховых виц. На вязы клался настил из еловых досок и скреплялся с ними ремешками. Для предохранения багажа от выпадения пространство между настилом и нащепами оплеталось веревкой или, реже, сыромятным ремешком в виде сетки [вотёд]. К головкам полозьев также с помощью мягкого крепления присоединялись концы горизонтальной дуги — «барана» («обруч»; «норт-меж», печ., «меж» — «баран»; «алачуг», иж.). Обычная форма «барана» полукруглая, но иногда он изготавливался в виде прямоугольника, материалом служила черемуха. К первому копылу с левой стороны прикреплялась ременная петля для привязывания жерди — оглобли («норт-вож»), которая служила для управления нартами. Длина «норт-вож» была около 3,5 м, на более толстом конце вырезался круговой желоб, за который с помощью петли он крепился к нартам. Длина нарт варьировала в довольно широких пределах. Для ближней охоты применялись двухкопыльные нарты, длиной от 2 до 2,5 м и трехкопыльные («куйим подъя норт»), длиной 3,5—4 м. Расстояние между копыльями у нарт не зависело от их количества и было в среднем равно 105—110 см. Для дальней охоты изготавливали четырехкопыльные, а иногда даже пятикопыльные («вит подъя норт») нарты. Длина их достигала пяти с лишним метров. Ширина установки полозьев нарт соответствовала ширине лыжного следа (35—40 см), что позволяло везти их по накатанной лыжне, поэтому грузоподъемность нарт увеличивалась исключительно за счет их длины. Максимальная масса кладки на трехкопыльных нартах составляла 8 пуд., на четырехкопыльных — 10 пуд., а на пятикопыльных доходила до 12 пуд. Передвигали ручные нарты с помощью ременной упряжи («морт-волыс»), которая состояла из сыромятного ремня-потяга шириной около 3,5 см и длиной 2,3—2,5 м и петель для рук по обе стороны от ремня. Конец потяга, к которому пришивали петли для рук, был шире остальной его части (7—8 см). Ремни для петель были также с одного конца шире (7—8 см) и сужались к другому — до 3,5—4 см. Широкие концы для

петель сшивались дратвой между собой, а потом к месту их соединения пришивался широкий конец потяга. Более узкие концы петель были пришиты к потягу на расстоянии 115—120 см от конца. Свободный конец потяга привязывался к «барану» нарт.

Труд по перетаскиванию ручных охотничьих нарт был далеко не легок. Недаром в народе говорили о простой, необременительной работе: «Тайё ёд абу нарт, кыскавы» («Эта работа не нарты таскать») [36]. Основная нагрузка при передвижении нарт ложилась на плечи охотника, руки были заняты «койбедь» и оглоблей для управления нартами. На крутых спусках, для того чтобы затормозить ход тяжелонагруженных нарт, в «баран» втыкали срубленные молодые елочки.

У коми-ижмцев наряду с описанным выше типом существовали еще косо-копыльные ручные нарты без «барана». Вербка для их передвижения закреплялась в отверстиях, сделанных в загнутых концах полозьев. По конструкции они представляли собой уменьшенный вариант ненецких оленьих нарт, которые, по всей видимости, и послужили образцом для их изготовления.

На Верхней Вычегде, Печоре и их притоках издавна практиковалось припряжение собак в помощь охотнику для перетаскивания ручных нарт. Л. П. Лашук в своей работе, посвященной упряжному собаководству у коми, пришел к выводу, что «сколько-нибудь устойчивого и единообразного типа собачьей упряжи выработано не было, поскольку применение собачьей тяги носило раньше более или менее эпизодический характер» [37]. На наш взгляд, данный вывод не вполне правомерен, так как во всех указанных районах наибольшее распространение имел достаточно совершенный тип собачьей упряжи, отнесенный Л. П. Лашуком лишь к району рек Подчерема и Илыча (притоки Печоры) [38]. Указанный тип упряжи («пон воыс») состоял из ошейника, сделанного из шерстяной ткани («пон сийёс»), к которому прикреплялись две идущие вдоль туловища постромки. Под репицей хвоста постромки соединялись с потягом; за лопатками к постромкам был прикреплен поясной ремень, затягивающийся на брюхе собаки, а посередине или ближе к задним ногам постромки соединял еще один поперечный ремень. Иногда задний поперечный ремень был соединен продольным ремнем, идущим вдоль спины собаки, с поясным ремнем и ошейником. При передвижении собаки в зависимости от длины потяга шла позади, рядом или впереди охотника. Обычно длина потяга была около 2,5 м. Практиковавшийся на Нижней Печоре и Ижме способ запряжки собак с помощью «пон сийёс», сделанного из черемуховых прутьев, обмотанных толстой тряпкой, и привязанного к ошейнику ремня-потяга («сюмыс» или «пуйня») с поддерживающим его поясным ремнем, по словам охотников, применялся лишь для передвижения легконагруженных нарт и большого распространения не имел. То же самое относится к встречающемуся на Верхней Вычегде способу запряжки с помощью лямки-петли и потяга, идущего вдоль спины. Как правило, в помощь охотнику к нартам припря-

гали одну-две собаки; приведенные Л. П. Лашуком данные, что на р. Плыч при походах за Урал в нарты впрягали до пяти собак [39], плычские старожилы не подтверждают, указывая на то, что при дальней охоте ни один охотник такого количества собак с собой не брал. Необходимо иметь в виду, что речь идет именно о припряжении собак к ручным охотничьим нартам, а не об упряжном собаководстве в чистом виде. Последнее эпизодически практиковалось лишь в притундровой зоне, в частности по р. Усе и ее притокам. Успенские охотники использовали собачьи упряжки для перевозки промыслового снаряжения и для доставки добытых в силках куропаток. Упряжка обычно состояла из четырех собак, слева, немного впереди других, впрягался «вожатый». Управлялась упряжка по-оленьему — одной вожжей и хореом. Ездовые собаки прекрасно знали свои обязанности: они шли следом за хозяином, дойдя до силков, укладывались и ждали, пока он вернется с обхода. Как охотничьи ездовые собаки не использовались и были специально обучены не обращать внимание на зверя и дичь [40]. Собак к упряжи охотники приучали еще щенками: делали на шею хомутик, привязывали к нему веревку с небольшим грузом и заставляли тащить. Когда собака подрастала, ее припрягали к нартам, первоначально — с другой, уже обученной собакой, а потом и в одиночку.

Ближайшую аналогию коми «норт» представляют собой нарты восточносибирского типа. По данным Иохельсона, нарта восточносибирского типа была распространена русскими, которые в свою очередь заимствовали ее у одного из сибирских племен в XVII в. [41]. Такого же типа нарта была распространена у манси, хантов, селькупов, кетов, эвенков Северного Прибайкалья [42]. М. Г. Левин, обратив внимание на сходство восточносибирской нарты с собачьей нартой старожилого русского населения Западной Сибири и достаточно широкое распространение нарт, сходных по конструкции, у различных групп Западной Сибири, высказал предположение, «что русские, познакомившись с упряжным собаководством в Западной Сибири, видоизменили и усовершенствовали конструкцию нарты, устройство сбруи и способ запряжки, явившись таким образом не только распространителями восточносибирского типа упряжного собаководства, но и его изобретателями» [43]. В пользу данного утверждения говорит и присущая восточносибирскому типу упряжного собаководства конструкция собачьей сбруи (по Г. М. Левину, дорзальный тип), которая была распространена и у коми, весьма сходная с конской сбруей и запряжкой.

Подробное описание нарты витимских русских охотников в первой половине XVIII в. составлено С. П. Крашенинниковым: длина около 2 сажен (426 см), ширина 6—7 вершков (26—31 см); полоз шириной 2 вершка (9 см); 4 копыла высотой 7 вершков (31 см), привязанных к полозу ремешками; в 3 вершка (13 см) выше полоза вязки; на вязках — доска-настил; к верхним концам копыльев прикреплены шестики-нащепы; с боков — веревочная

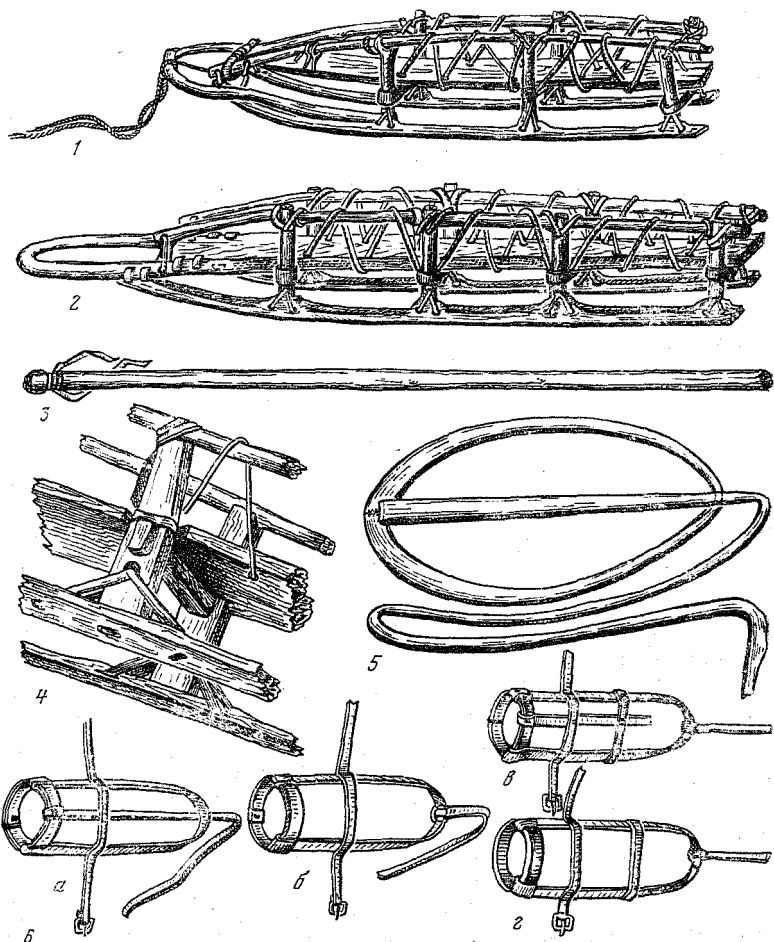

РИС. 21. Охотничьи нарты:

1 — трехкопыльные нарты; 2 — четырехкопыльные нарты; 3 — оглобелка для управления; 4 — крепление копыльев; 5 — ременная упряжь для человека; 6 (а, б, в, г) — варианты собачьей упряжки

сетка; спереди — горизонтальный баран; с левой стороны к передним копыльям и «барану» привязана оглобля для управления нартой [44]. Бросается в глаза полное совпадение, вплоть до мельчайших деталей, указанной конструкции с коми ручной охотничьей нартой. Так же как и у коми, витимские промышленники пользовались ручной тягой, «иной один, а иной с собакою» [45]. Таким образом, речь идет о припряжном собаководстве, от которого, впрочем, один шаг до собаководства упряжного. Собачьи упряжки у русского старожильческого населения низовьев Енисея состояли из точно такой же нарты и отличались лишь нали-

нием специально обученных упряжных собак и их количеством в упряжке. Упряжь полностью соответствовала коми упряжи для припряжения собак к ручной нарте [46].

Как справедливо замечает Г. М. Василевич, припряжение собаки к охотничьей нарте было характерно для всех пеших и малоолених охотников [47]. В то же время видеть в припряжном собаководстве качественно низшую ступень, еще не поднявшуюся до уровня упряжного, нет оснований. Прежде всего отметим тот факт, что упряжное собаководство в чистом виде подразумевает наличие регулярных значительных запасов собачьего корма. Не случайно упряжное собаководство было характерно в преобладающей массе лишь для оседлых рыболовов и арктических охотников, которые во время сезонного лова проходной рыбы могли создавать годовые запасы корма для собачьей упряжки. У пеших охотников таежной зоны такие возможности были ограничены. Кроме того, упряжное собаководство подразумевает наличие значительного по площади открытого пространства и потому мало эффективно в зоне тайги. Вопрос о соотношении различных ХКТ и видов транспорта убедительно рассмотрен М. Г. Левиным [48]. Вывод указанного автора о том, что «закрепленные этнографическими наблюдениями формы являются в значительной мере результатом длительного процесса развития и специализации» [49], не вызывает сомнений. Применительно к вопросу возникновения упряжного собаководства у русского старожильческого населения Сибири необходимо учитывать следующие факторы: начальное освоение Сибири было связано в первую очередь с пушной охотой, переход к оседлости и развитие комплексного северного хозяйства были отдалены от данного этапа по крайней мере на несколько десятилетий. По всей видимости, русские охотники-промысловики имели в своем снаряжении именно ручную нарту и обладали уже опытом припряжения охотничьих собак себе в помощь. Переход к оседлости и смена хозяйственной деятельности и послужили стимулом, а одновременно и дали возможность к переходу от припряжного собаководства к упряжному. Д. К. Зеленин считал, что русское население Северного Поморья в своем движении на северо-восток Европы, а затем и в Сибирь еще в XV—XVI вв. использовало собачьи упряжки и что освоение русскими упряжного собаководства было связано именно с северо-востоком Европы [50]. Р. В. Каменецкая, поддерживая данную точку зрения, уже очерчивает район формирования собачьего транспорта: на стыке границ Архангельской, Вологодской областей и Коми АССР — от Сысолы до Выми [51].

Действительно, на территории Европейского Севера ручные охотничьи нарты существовали с незапамятных времен. Об этом свидетельствуют и синдорские мезолитические находки на территории Коми края и найденные в Финляндии неолитические остатки трех различных видов саней: лодкообразные (типа саамской кережи), одно- и двухполосные. По мнению У. Т. Сирелиуса, некоторые из них принадлежали собачьей упряжке [52]. Еще в

прошлом столетии ручные охотничьи нарты применялись на Северном Урале [53], а сравнительно недавно (в 20-х годах XX в.) — в Архангельской губ. У архангельских охотников это были длинные легкие сани (типа «норт») под названием «чуна»; при спусках к ним приделывали оглобелку [54]. Таким образом, ручные охотничьи нарты наряду с лыжами можно отнести к традиционным транспортным средствам, характеризующим охотничью культуру Европейского Северо-Востока.

Ранние средневековые источники арабских авторов указывают на применение собачьей тяги на этой территории по крайней мере уже в первой половине X в. Так, в сообщении Ахмеда Ибн-Фадлана о путешествии на Волгу в 921—922 гг. говорится о торговле Волжской Булгарии с народами северо-востока Европы следующее: «Для доставки этих товаров они изготавливают повозки, похожие на маленькие тележки, в которые запрягают собак, ибо там много снега и никакое другое животное не может передвигаться по этой стране. Люди привязывают к подошвам кости скота; каждый берет в руки две заостренные палки, втыкает их позади себя в снег и скользит по поверхности, отталкиваясь этими палками, словно веслами, и так достигает цели своего путешествия» [55]. Нетрудно заметить сходство с припряжным собаководством у коми охотников: люди идут на лыжах, а за ними по следу собаки тянут нарты. Хотя в данном случае, исходя из поставленных задач, количество припряжных собак, по всей видимости, превышало практиковавшееся у коми охотников. В рассказе арабского писателя X в. Ауфи о путешествии болгарских купцов к северным народам ису и юра указывается, что «в качестве переносчиков тех товаров существуют приборы, представляющие род небольших телег (саней), которые тянут собаки» [56]. По сообщению С. Герберштейна, в Пермии середины XVI в. «употребляют вместо вьючного скота больших собак, на которых перевозят тяжесть в повозках, вроде того, как ниже будет говориться об оленях» (т. е. на нартах.— *Н. К.*) [57]. Использование собачьего транспорта на территории Европейского Северо-Востока подтверждают и русские источники. Имеются письменные сведения, что в конце XVI — начале XVIII в. «торговые всякие люди со всякими товарами зимним путем ходили на Березов с Выми через Камень на собаках» [58]. В то же время у нас нет основания говорить о существовании на данной территории развитого упряжного собаководства. Речь идет о спорадическом применении собачьих упряжек с торговыми и военными целями, предпосылками к которому послужили выработанные в охотничьей среде ручные нарты и опыт использования для тяги охотничьих собак.

Таким образом, место возникновения восточносибирского типа собаководства со всем основанием можно локализовать на территории Европейского Северо-Востока, в его таежной зоне (в том числе территории Коми края), и отнести к достижению культуры промыслового населения. Окончательное же формирование этого

типа было связано с приспособлением традиционной культуры переселенцев в Сибирь к новым условиям обитания. Учитывая, что первоначальный путь в Сибирь проходил по территории Коми края, а коми промысловики сыграли важную роль в открытии и первоначальном освоении Сибири [59], можно предположить, что распространение восточносибирского типа упряжного собаководства было связано непосредственно и с коми охотничьей средой.

У ильчских охотников во время ближнего промысла в охотничьем угодье вплоть до недавнего времени наряду с нартами использовался «кыс ноп» (камусный мешок), представляющий собой мешок-волокушу. «Кыс ноп» изготовлялся из лосиной шкуры, ворсом по ходу движения. Мешок из шкуры был сшит в виде усеченного конуса, имеющего в широкой части диаметр 35–40 см и длину около 1,2 м. С одного конца «кыс ноп» снабжался завязками, а к другому, зашитому наглухо, привязывался конец потяга от собачьей упряжи. При отлучках из избытки на срок около недели — для проверки капканов, ловушек и т. д. — в мешок-волокушу складывался запас продовольствия на это время. Для передвижения «кыс ноп» использовалась собака, что давало полную свободу действий охотнику.

Водные средства передвижения. Наличие лодки в хозяйстве было обязательно для населения Коми края. Водные артерии были основным средством связи между населенными пунктами, расположенными, как правило, по берегам рек. Без водных средств передвижения не мог осуществляться рыболовный промысел. С помощью лодочного транспорта доставлялись продукты питания и снаряжение в охотничьи угодья.

В оригинальном жанре коми фольклора — «колдовском эпосе» — тема власти над водными путями была одной из центральных. «Колдуны могли проходить под водой большие расстояния и выходить из нее лишь в некоторых местах» [60]. Так, колдун Туныыр Як проплывал от Богородска (село на р. Вишере) до города Усть-Сысольска и обратно [61], а Паляйка плавал под водой от Тыдора до Шежама (населенный пункт в современном Усть-Вымском р-не Коми АССР) [62]. Колдуны умели останавливать заговором лодки своих противников, а колдуны-разбойники с целью грабежа перегораживали реку железными цепями [63]. В этих легендах находила свое отражение важная роль водных средств передвижения в жизни коми.

Как свидетельствуют языковые данные (ср. коми «пыж», удм. «пыж», мар. «пуш» — лодка [64]; фин. «mela», эст. «mõla», мокш. «мпля», коми диал. «mal» — весло [65]), изобретение лодки в качестве средства передвижения связано с допермской языковой общностью (конец III — середина II тысячелетия до н. э.). О внешнем виде, конструктивных особенностях и способах изготовления лодок предками коми достоверных сведений не имеется, но можно предположить, что это были долбленные или выжженные лодки-однодревки. Косвенным подтверждением данного предположения служат этимологические соответствия фин. «kuigi»

(длинная узкая лодка) с удм. и коми «гыр» — ступа, хант. «kshí» и манс. «хига» — корыто, т. е. с названиями ряда предметов, выдолбленных из дерева [66].

Долбленки из соснового бревна длиной 3—4 м в виде колоды со слегка заостренными концами и без развода употреблялись марийцами [67]. У коми-пермяков для ловли рыбы на озерах использовались парные лодки-корыта «өррез», изготавливаемые из двух-трехметровых осиновых бревен с выдолбленной серединой и заостренными концами. Два таких корыта, шириной до 35 см каждое, скрепляли двумя поперечинами. При передвижении на парных лодках-корытах рыбак стоял ногами в обоих корытах и греб одним веслом. Аналогичные лодки встречались еще в 20—30-х годах XX в. на р. Чепце, в Удмуртии, Новгородской, Калининской и Ярославской областях. В последней они бытовали под названием «комяги» или «колоды» [68]. Долбленные колодообразные лодки (кэмэ) были распространены у юго-восточных и отчасти — северных башкир. Они представляли собой плоскую долбленную колоду с заостренным носом и резко обрубленной кормой и иногда имели с внешней стороны боков деревянные брусья-балансиры [69].

У коми еще на памяти старшего поколения по р. Визинге (приток Сысолы) под названием «колода» бытовала архаическая лодочная конструкция, изготавливаемая из обрубка сосны возможно большего диаметра и длиной до 4 м. У соснового бревна слегка заостряли концы и, стесывая топором, уплощали верхнюю поверхность. Затем на ней разводили, подсыпая угли, маленькие костерки, которые постепенно выжигали середину дерева. Выгоревшую древесину дерева стесывали топором. К получившейся «колоде» с боков привязывали с помощью березовых прутьев два бревнышка-балансира. «Колода» применялась для лова рыбы в озерах, находившихся на большом расстоянии от дома. После окончания добычи рыбы они оставлялись на месте до следующего раза.

В прошлом коми изготавливали, видимо, и лодки, шитые из бересты. В таможенных книгах г. Устюга Великого и Устюжского у. и г. Соль-Вычегодска и Сольвычегодского у. XVII в. наряду с наименованиями дощатых лодок различных видов («дощаник», «павоск», «облас», «карбас», «какюк дощаный», «летка крытая», «лодейка») часто упоминаются «берестяные какючки» на одного человека, приплывающие с Вычегды и Печоры [70]. Но уже ко второй половине XVIII — началу XIX в. берестяные лодки, должно быть, вышли из употребления, поскольку сведений о них в литературных источниках обнаружить не удалось. За косвенное подтверждение существования в прошлом у коми лодок из бересты можно признать упоминаемый в предании о чуде, записанном нами в с. Керчемья на Вычегде, факт, что чудо приплывала в «сюмёд пыж» (берестяной лодке). У южнососвинских манси берестянки были во времена Палласа, изготавливали их «из березовой коры, которую они лосиными жилами спивают и смолою пахтают» [71].

В основном у промыслового населения коми имели применение лодки двух типов: осиновые долбленки с разведенными бортами и дощаники каркасной конструкции. Долбленные лодки из осины (реже из пихты) вплоть до недавнего времени были широко распространены по всей территории Коми края. Благодаря малой осадке и небольшому весу они были незаменимы при плавании по малым рекам, их легко было перетащить через волок или доставить в непроточные озера и старицы. У промыслового населения крупных рек (Средняя Печора, Нижняя Вычегда), как правило, осиновые долбленки имелись в хозяйстве и при наличии лодок, спитых из досок, как транспортное средство для мелких притоков и внутренних водоемов. Сравнительно небольшое распространение долбленных лодок у населения верховьев Вымы местные старожилы объясняют тем, что в окружающих лесах осина встречается достаточно редко и уже в начале этого века найти подходящее для изготовления лодки дерево было крайне трудно.

Особого термина для наименования осиновых долбленных лодок в коми языке не зафиксировано, их называли «пипу пыж» (осиновая лодка) или заимствованными из русского языка словами «струг», «стружок» (нв., вым.), «ветки» (иж., печ.). Длина долбленки была 2,5–3 м, грузоподъемность — около 200 кг, что позволяло плавать на ней вдвоем, либо одному человеку с грузом. Гребли на «пипу пыж» двухлопастным веслом («кыклоптыб пельс»). Осиновые долбленные лодки чаще изготавливали сами промысловики, каждый для себя. Изготовление на продажу небольших, с разведенным из цельной осины днищем лодок в незначительном количестве (около 100–120 в год) было характерно в начале XX в. для Часовской и некоторых деревень Палевицкой волостей [72], а также для Прилузья. Цена осиновых долбленок в то время равнялась трем — пяти рублям [73].

Выбрав подходящее осиновое дерево возможно большего диаметра, его срубали и прямо на месте приступали к черновой обработке заготовки для лодки. Отрезок ствола длиной 3 м обтесывали с обоих концов, намечая контуры будущих носа и кормы лодки. Потом топором и теслом на рукояти с прямым («кокасян») или закругленным («керан», «кузьныр») лезвием грубо выдалбливали бревно, облегчая его, чтобы проще было вывезти заготовку из леса. В основном эта работа делалась зимой. При первой возможности по насту заготовку для лодки доставляли к охотничьей избушке либо к реке, чтобы весной с помощью лодки привезти в село, к дому. Нередко долбленки делали прямо в лесу: в охотничьем угодье или вблизи богатого рыбой старичного озера, не соединяющегося с рекой протокой, чтобы потом не тратить сил на доставку лодки к месту лова.

Изготовление долбленки начинали с придания окончательной формы носу и корме. С помощью рубанка («струж») поверхность гладко выстругивалась. Затем из ольхи или сосны делали «оржитув» — круглые деревянные клинышки длиной около 3 см. Буравом («напарья») во внешней поверхности заготовки на расстоя-

РИС. 22. Рыбак в лодке

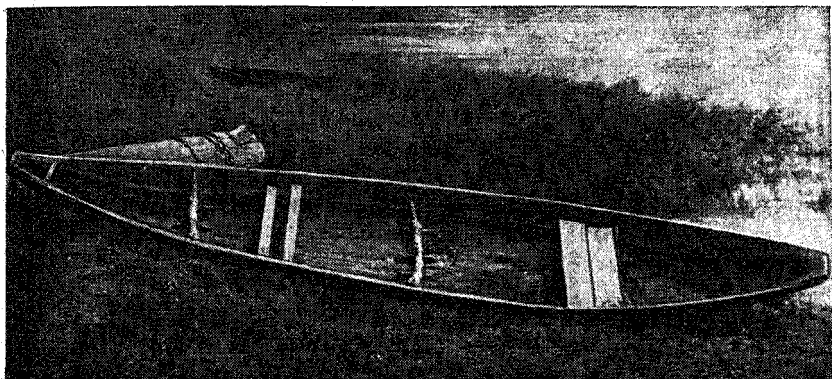

РИС. 23. Осиновая долбленка («пишу пыж»)

нии около 30 см друг от друга в продольном направлении и 5 см — в поперечном просверливали отверстия («оржи рузь») глубиной до 3 см и диаметром около 5 мм. В просверленные отверстия забивали «оржи тув», которые предварительно хорошо высушивали, чтобы они, намокнув в воде, разбухали и не пропускали в отверстия влагу. Древесину изнутри осторожно выскабливали с помощью долота (ёжын) до появления колышков, которые можно было легко заметить, так как они отличались по цвету. Для крепления шпангоутов («упруг», «мегыр») на дне и по бокам с внутренней стороны оставляли выступы длиной 20—25 см, толщиной 1,5—2 см и высотой 5—8 см с просверленными в них отверстиями. «Открывали» («восьтлісны») лодку в теплую, безветренную погоду. Предварительно лодку прогревали у костра. Чтобы она не высыхала и не загорелась, ее обмахивали снаружи мокрым веником. Костер находился сбоку от лодки, поставленной на бок внешней стороной к огню. Иногда лодку подвешивали на веревках или ставили на козлы, а костер разводили под ней. Внутри лодки наливали 8—10 л горячей воды (но не кипятка); если она остывала, для подогрева бросали несколько раскаленных на костре камней. Чтобы вода смачивала всю внутреннюю поверхность лодки, ее постоянно покачивали. Когда хорошо прогретаясь долбленка начинала раскрываться, в нее вставляли упругие распорки, сделанные из еловых ветвей. В течение дня лодка раскрывалась полностью. Чтобы удерживать форму, приданную оболочке, на оставленных внутри выступах устанавливали шпангоуты и с помощью берестяных полос, продетых в отверстия выступов, закрепляли их. К уже готовой долбленке прибавляли с каждой стороны по одной узкой набое из еловых досок. Иногда набой заменяли тонкими гибкими шестами, но тогда «ппцу пыж» получались со слишком низкими бортами и плавать на них можно было лишь по спокойной воде. Ширину набой определяла высота приподнятых после разводки носа и кормы осинового днища. Какое-либо дополнительное их укрепление не практиковалось.

Традиция изготовления осиновых долбленок вплоть до настоящего времени сохраняется на Локчине (приток Вычегды), Лымве (приток Нившеры), в отдельных селениях на Верхней Вычегде, Верхней Сыsole, Летке и Лузе. Тем не менее в целом по краю данный тип лодок стал уже редким явлением. Основными причинами исчезновения долбленок послужили следующие факторы: трудоемкость процесса их изготовления, общий упадок добывающих промыслов, т. е. главной сферы их применения, и широкое распространение водно-моторного транспорта.

Лодки, спшитые из досок («набая пыж», «козь пыж», «пу пыж», «пёв пыж», «тес пыж»), обладают большей вместительностью, чем осиновые долбленки, они более устойчивы, что немаловажно при ловле рыбы сетями. Высокие борта дают возможность плавать по большой воде и в ветреную погоду. Дощатые лодки изготовлялись различной величины. Размер зависел от

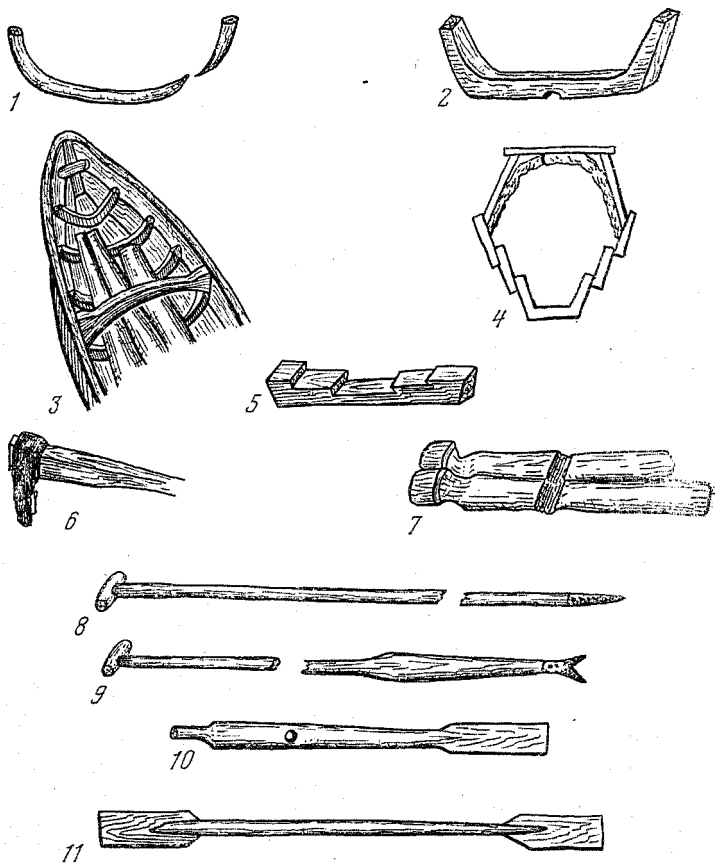

РИС. 24. Инструменты для изготовления и оборудования лодок:

1 — шпангоут из копаного корня; 2 — шпангоут из дерева; 3 — «поручень»; 4 — покрытие лодок из досок; 5 — «жимок»; 6 — тесло для изготовления долбленых лодок; 7 — «клещи»; 8 — шест; 9 — однолопастное весло; 10 — уключинное весло; 11 — двухлопастное весло

назначения лодки: для подъема вверх по рекам и для озер или стариц делали лодки длиной до 5 м и шириной 75–80 см, для лова рыбы неводом на крупных реках — «неводники» длиной в 10–12 м и т. д. Уключинные весла применялись в основном лишь на крупных по размеру лодках. Чаще гребли стоя, однолопастным веслом («пелыс») длиной около 2,5 м, сделанным из ели. Такое весло снабжено на конце лопасти железным вилкообразным наконечником, чтобы оно не скользило по дну, так как им пользовались и в качестве шеста. Конец рукоятки весла имел круглую черемуховую поперечину длиной 10–15 см, чтобы при случае веслом можно было освободить зацепившуюся сеть. На ма-

леньких лодках обычно гребли двухлопастным веслом. Для подъема вверх по течению применялись шесты («зіб») длиной около 3,5 м с железным конусовидным наконечником или с обожженным концом. Делали их из ели, обожженный конец у шеста нередко предпочитали железному наконечнику, так как такой шест создавал меньше шума, что было немаловажно при рыбной ловле. При подъеме лодки обычно использовалось два шеста: с одним стояли на корме, с другим — на носу. На больших лодках ставились иногда разборные крыши, состоящие из широких тесаных досок длиной около 3 м и шириной 60—80 см, укрепленных на обручах из черемухи или березы (две доски по бокам и одна сверху). Вверх по течению крупные лодки часто передвигали с помощью бечевы. В специальное гнездо в днище вставляли шест длиной 4—5 м с продетой в отверстие на его верхнем конце бечевой. Один человек оставался в лодке и рулил, а двое или трое тянули бечеву. Для перетаскивания лодок через волоки иногда применяли специальное приспособление в виде двух деревянных колес, выпиленных из толстого кряжа и надетых на грубую деревянную ось, к которой были привязаны две веревки для тяги [74]. Цены на лодки зависели от их размеров и грузоподъемности. Лодка среднего размера, длиной 10—12 аршин (7—8,5 м), без снастей стоила на Печоре в начале этого века 15—20 р., а на Вычегде — 6—10 р. [75].

Распространение лодок, спшитых из досок, у коми населения, по всей видимости, было связано с русским влиянием. Об этом свидетельствуют русские термины, служащие для обозначения отдельных деталей дощатых лодок: «кокоря» (посовой или кормовой брус, выделанный из дерева, выкопанного с толстым корнем), «упруг» или «копань» (шпангоут), «поддон» (основание лодки), «набой» (набоя), «опасничка» (уключинное, гребное весло), «оключина» (уключина), а также применяемых при их изготовлении приспособлений: «клевщи» (обжимы для бортов), «жимок» (приспособление для укрепления первых досок днища с поддоном) и т. д.

Займствование русской лодкостроительной техники было, скорее всего, ранним явлением. Об этом свидетельствует тот факт, что, несмотря на сходство технических приемов при сооружении лодок, единого для всей территории Коми края типа не существовало. Объяснение наличия нескольких, зачастую узколокальных подтипов (вариантов) дощатых лодок следует искать в этнической истории народа коми. Имея единую историю, связанный общностью происхождения и истоками народной культуры, народ коми тем не менее вплоть до начала XX в. не представлял собой монолитного целого. Расселившиеся по бассейнам рек на обширной территории отдельные группы населения коми на протяжении нескольких столетий жили в относительной изоляции друг от друга. Территориальная разобщенность ввиду отсутствия удобных дорог привела к тому, что культура и быт Удоры, Печоры и Ижмы, Вычегды и Сысолы различались между собой [76].

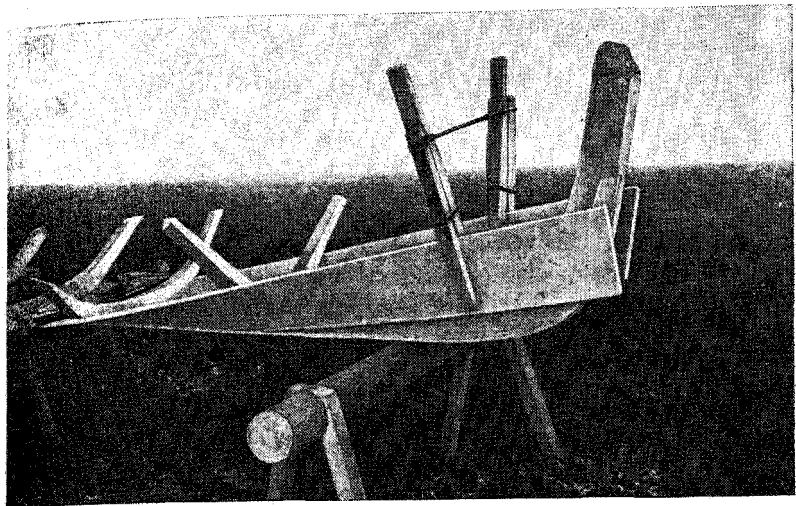

РИС. 25. Строящаяся лодка

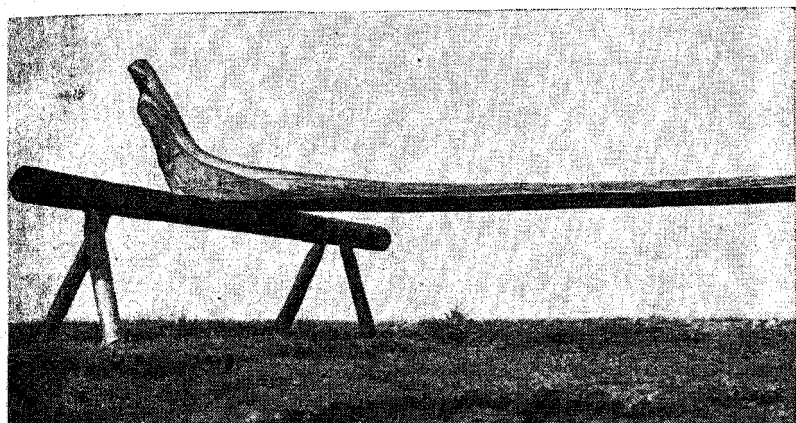

РИС. 26. Кокора с поддоном на просушке

Изготовлением лодок из досок занимались обычно мастера-лодочники («пыж вóчысь»). Например, в д. Аранец на Печоре в начале XX в. были три мастера-лодочника (М. В. Пыстин, Н. П. Тывболеев, П. В. Шахтаров), которые обслуживали близлежащие селения. Зачастую мастерство по изготовлению лодок передавалось по наследству от отца к сыну. В некоторых населенных пунктах лодкостроительством занималась значительная часть мужского населения круглогодично. Такими центрами по изготовлению промысловых лодок грузоподъемностью до 25—

30 пудов на Вычегде и Сысоле являлись деревни Парчетская, Кряжская, Белозерская, Граддорская и села Часово, Гам, Ерозино [77]. Основными инструментами для изготовления лодок были: топор («чер»), рубанок («струж»), бурав («напаръя») и железная планка с отверстиями для расклепывания шляпок у железных гвоздей.

Материал, предназначенный для лодки, вначале выдерживали: еловые доски для набоев сушили один-два года, кормовые (для ахтерштевня) и носовые (для форштевня) брусья из изогнутой комлевой части ели (кокоры) после зачистки сушили летом не менее трех недель. Если форштевень и днище представляли единое целое (кокоря с поддоном), то после черновой обработки их помещали на козлы и сушили более длительный срок. Шпангоуты («упруг», «мегыр») изготавливали также из хорошо просушенных еловых корней, кривослойной ели или пихты (реже березы). Гвозди раньше были деревянные: круглые клинышки — нагеля («пу тув»), которые забивали в просверленные буром отверстия. Но и с появлением железных гвоздей соединенные «упруг» с днищем («ныдöс») и досками, прилегающими к нему, на нагелях считалось предпочтительным. Опытные мастера-лодочники объясняют это тем, что шляпки железных гвоздей от трения днища о дно на перекатах постепенно стираются, и лодка дает течь, в то время как нагеля от нахождения в воде лишь разбухают.

При изготовлении дощаников применялась каркасная конструкция, т. е. шпангоуты вставлялись до того, как была завершена обшивка. Для того чтобы изгиб и размер шпангоутов соответствовали лодке данного размера, у опытных мастеров обычно имелись шаблоны, хотя иногда обходились и без них. В верховьях Печоры ахтерштевень, форштевень и днище часто изготавливали из кедра, а шпангоуты — из смолистого корня ели. Такая конструкция каркаса служила много дольше обшивки из досок, которую меняли на новую по пришествию в негодность, оставив прежний остов лодки. Количество шпангоутов зависело от размеров лодки и колебалось от 3—4 до 12—14 и более, ставили их на расстоянии 50—60 см друг от друга. В зависимости от места нахождения шпангоуты имели свои обозначения: 1-й носовой — «ныр упруг», 1-й кормовой — «бöж упруг», вторые по счету с носа и кормы — «вöрзян упругъяс», средние — «нашетной упруг». Иногда между последним шпангоутом в корме и кормовой кокорой ставили добавочный, особенно круто изогнутый «упруг» — «банкок». В последнее время «банкок» становится обязательным элементом конструкции каркаса лодки в связи с тем, что на лодках, предназначенных под мотор, требуется дополнительное усиление жесткости кормовой части.

Добавления к средним, самым крупным «упругам» назывались «лучок». В нижней части шпангоутов, прилегающей к днищу, прорезались отверстия для стока воды. Кормовая доска, устанавливаемая перпендикулярно к набоям, носила название «тас

тэрмөг». Количество набоев обычно не превышало 3—4, для лодок большего размера их просто делали шире. Доски, предназначенные для набоев, отбирались очень тщательно, выбраковывались имеющие следы от сучьев и косослойные. При прикреплении обшивки к каркасу использовались несложные приспособления: «жим», или «жимок», и «пу клещи». «Жим» представлял собой брусок из дерева с прямоугольными выступами на концах и служил для подгонки первых двух (по одной с каждой стороны днища) досок донной части лодок. Для плотности между одним из выступов и краем набоя вбивался клин. «Пу клещи» предназначались для придания формы боковым набоям. Чтобы закрепить изгиб набой, их соединяли между собой приспособлениями из двух связанных в центре колышков, нижняя половина которых скрепляла набой, а в щель между колышками сверху забивался клин. Если боковые набой соединялись со шпангоутами и брусками ахтерштевня и форштевня железными гвоздями, то у последних обязательно расклепывались шляпки. Для защиты от волн поверх бортов прибывался дополнительный набой («кос набой») с небольшим наклоном наружу. Обычно «кос набой» был короче остальных и его края не доходили до носовой и кормовой вертикальных стоек. На носу и на корме в отверстиях, просверленных в бортах, укрепляли «сёрмёд» — поперечину для вытаскивания лодки из воды. На изготовление «тонневой» (для лова сетями в тонях) лодки длиной около 7 м требовалось 125—145 рабочих часов, или 8—9 дней работы с утра до вечера. Затем лодку конопатили просмоленной паклей и пропитывали внешнюю поверхность «варом», который готовили из смеси смол путем их длительного кипячения. На дно лодки стелили настил из досок, в более крупных по размеру лодках делали скамью для сидения («пуклос»).

Основные конструктивные особенности различных подтипов дощатых лодок заключались в устройстве остова. Если величина лодки, грузоподъемность, высота бортов и массивность килевого основания обуславливались, с одной стороны, назначением лодки, и, с другой — размерами и характером реки, то различия в конструкции остова большей частью объясняются местными традициями. Наиболее распространенным вариантом дощатых лодок в Коми крае вплоть до недавнего времени являлся подтип, имеющий «кокору с поддоном». У данного подтипа основу каркаса составляют форштевень (носовая вертикальная стойка) и килевой брус, представляющие единое целое. «Кокора с поддоном» («пыж пу») вытесывалась из елового ствола, с естественным комлевым изгибом у основания наиболее массивного корня в его наземной части. Киля в подлинном смысле не было, так как килевой брус обтесывался с двух сторон и почти не выступал как с одной стороны днища, так и с другой, хотя для придания устойчивости лодке на крупных реках он делался более массивным. Ахтерштевень (кормовая вертикальная стойка) в данном варианте представлял собой прямой четырехугольный брус, соединенный с килевым

брусом с помощью шипа или «внакладку». Разновидность данного подтипа представлял собой вариант с кормовой вертикальной стойкой не из прямого тесаного бруса, а из комлевого изгиба (кокоры). В этом случае ахтерштевень с килевым брусом соединялись в полушпунт, «по косому срезу» или «пазо-шиповым» способом.

Территориально вариант «кокоры с поддоном» был распространен по всей Вычегде, Выми, Сыsole, Печоре, Илычу, Усе и Ижме. На Илыче, помимо указанного подтипа, достаточно широко встречался вариант изготовления лодочного остова из двух «кокор с полуподдонами». В этом случае изготавливались по единому образцу форштевень с передней половиной килевого бруса и ахтерштевень — со второй половиной. Обе половины килевого бруса соединялись в полушпунт. При такой конструкции остова нос («пыж пыр») и корма («пыж бõж») у лодки были полностью симметричны. На Средней Печоре и Усе встречался вариант, в котором к форштевню с передней половиной килевого бруса (кокорного типа) в полушпунт присоединялась вторая половина, вытесанная из плахи. Ахтерштевень изготавливался отдельно из тесаного бруса и присоединялся на шип или «внакладку», т. е. остов состоял из трех деталей.

Ближайшую аналогию вариантам лодочного каркаса «кокоры с поддоном» и «кокоры с полуподдоном» можно видеть в лодочных конструкциях русского населения Вологодской и Архангельской областей, где они имели широкое распространение. На Мезени практиковалось изготовление лодок, каркас которых состоял из отдельно вытесанных кокорных форштевня и ахтерштевня и основания из плахи. Подобный вариант кокорной конструкции дощатых лодок встречался на Русском Европейском Севере, а также в Карелии [78].

Наряду с лодками, имеющими плоское днище из обтесанной еловой плахи, встречалась конструкция лодок из еловых досок с долбленным корытообразным днищем из осины, которое иногда имело гнездо для мачты с простым прямоугольным парусом [79]. По сведениям старожилов, в прошлом осинового долбления («пишу пыж») имели более широкое применение, чем дощаники («козпу пыж»). Возможно, что дощаники с долбленным днищем представляли собой переходный тип от долбенки к дощанику с плоским дном, выработанный в местных условиях. Хотя более вероятен русский аналог — шитики, имевшие основу из выдолбленного днища, к которому ивовыми прутьями нашивались бортовые доски. Шитики зародились на беломорском побережье и просуществовали там до XVIII в. [80].

Лодки, сходные конструктивно с мезенскими, изготавливало также русское верхнепечорское население. Подтип, характерный для верховьев Печоры, сближало с мезенским наличие сделанных из кокор носовой и кормовой вертикальных стоек и изготовленного отдельно днища из колотых еловых плах. Основные отличия заключались в том, что днище, вытесанное из плахи, было шире,

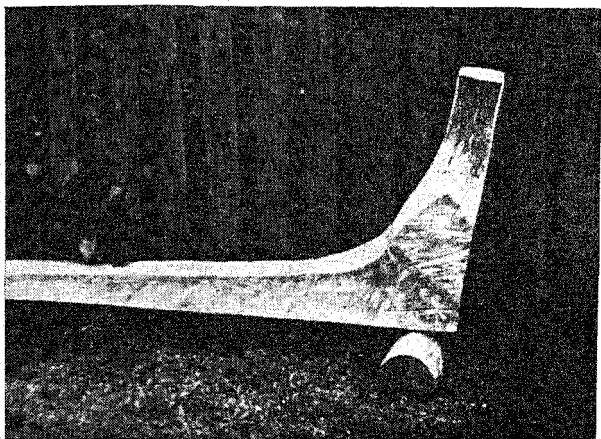

РИС. 27. Кокора, заготовленная для строительства лодки

чем на Мезени, а сама лодка — уже и несколько длиннее. Кроме того, лодочный каркас верхнепечорского подтипа имел дополнительный конструктивный элемент — перекладину в середине лодки («перечень»). «Перечень» представлял собой слегка выгнутую, вырезанную из дерева перекладину, связывающую своими концами концы среднего шпангоута, и служил, с одной стороны, для усиления жесткости каркаса в целом, с другой — как приспособление для облегчения выброса сети. При лове рыбы неводом сеть перекидывалась через «перечень» так, что по одну сторону лежала ее часть с грузилами, а по другую — с поплавками. Через перекладину также перекидывали веревку от невода после выброса его в воду. В целом мезенский и верхнепечорский подтипы можно рассматривать как один вариант лодочных конструкций, хотя генетически они, скорее всего, не связаны или эта взаимосвязь опосредована через вспомогательное звено, например, одинаковую конструкцию первоначально заимствованного типа лодок. Все распространенные варианты конструкций лодочных каркасов обладают общей характерной чертой — использование для изготовления форштевня, а в ряде случаев и ахтерштевня древесных стволов с естественным комлевым изгибом (кокеры). Бескокорная модификация была присуща вашкинскому подтипу. На Вашке и носовая и кормовая вертикальные стойки изготавливались из прямоугольных тесаных брусев и соединялись посредством шипов с плоским днищем из колотых обтесанных плах. Такой же подтип — форштевень («ныр стойка») и ахтерштевень («бож стойка») в виде прямоугольного прямого бруса — был преобладающим на Вишере и Нившере. Но если у лодок на Вашке набои не выходили за стойки, то на Вишере и Нившере, как правило, нижние набои делались длиннее форштевня и, соединяясь концами, образовывали пазуху спереди носового бруса.

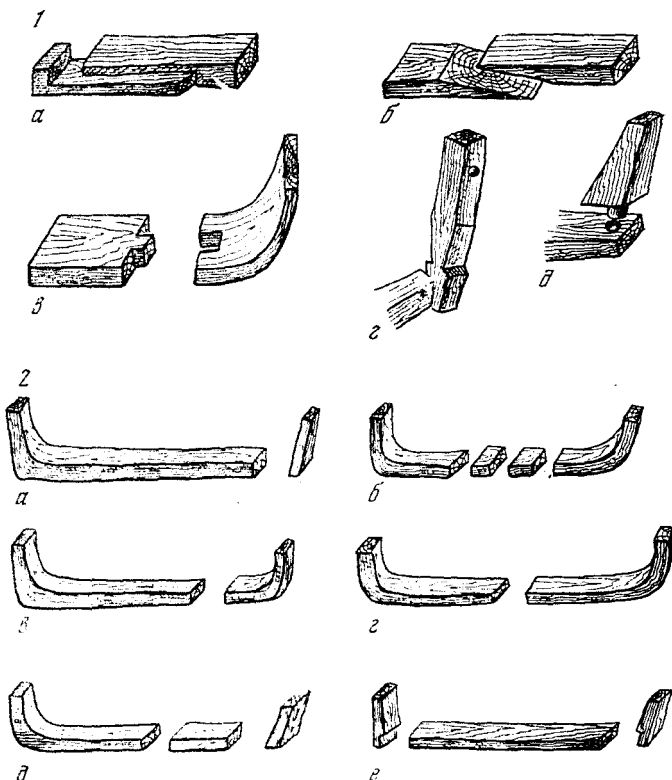

РИС. 28. Лодочные конструкции:

1 — основные способы соединения деталей каркаса (а — в полушпунт; б — по косому срезу; в — пазо-шиповой; г — встык; д — шиповой); 2 — варианты лодочных конструкций (а — кокоря с поддоном; б — носовая и кормовая кокоры и поддон; в — кокоря с поддоном и кормовая кокоря; г — носовая и кормовая кокоры с полуподдонами; д — носовая кокоря с полуподдоном, полуподдон и кормовой брус; е — бескокорный вариант)

Возможно, что бескокорный вариант лодочного остова связан с более поздним появлением дощатых лодок, пришедших на смену долбленным лодкам-однодревкам. В пользу данного предположения говорит и тот факт, что в настоящее время на Средней и Верхней Вычегде и в меньшей степени — на Печоре традиция изготовления форштевня из кокоры уступает место «бескокорному» варианту. Мастера-лодочники объясняют это тем, что данный подтип проще и быстрее в изготовлении, хотя менее долговечен.

На основании вышеизложенного и составленной по материалам исследования таблицы можно сделать следующие выводы. Наиболее древним, традиционным типом конструкции водных транспортных средств у коми были долбленные осиновые лодки.

ТАБЛИЦА 5

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ТИПОВ ЛОДОЧНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

Тип (вариант) лодочных конструкций	Район распространения			Конструктивные особенности
	преобладает	бытует	редко встречается	
Долбленые лодки-однодревки типа «колода» Лодки с долбленным и разведенным осиновым днищем	Верхняя Сысола, Лымва, Муза, Летка	Верхняя Сысола, Визинга Удора, Вычегда, Вишера, Нившера, Нижняя Вымь, Локчим, Средняя и Нижняя Сысола	Верховья Печоры, Средняя Печора, Ижма, Верхняя Вымь	
Дощатые лодки: а) «кокоря с поддоном»	Вычегда, Вымь, Нижняя Сысола, Печора ниже Мамыля с притоками	Средняя Сысола	Вишера	На крупных реках (Средняя Печора, Нижняя Вычегда) клеевой брус более массивный
б) «кокоря с поддоном» и кормовая кокоря		Печора, Вычегда		
в) носовая и кормовая кокоры с полуподдонами		Илыч		
г) носовая и кормовая кокоры и поддон	Мезень, верховья Печоры			У верхнепечорских лодок днище шире, имеется «шоручень»
д) носовая и кормовая кокоры и долбленный поддон		Мезень	Верховья Печоры	На Мезени днище из осины, на Печоре — из кедра
е) носовая кокоря с полуподдоном, полуподдон и кормовой брус		Уса	Средняя Печора	
ж) прямые носовые и кормовые брусья (бескокорный вариант)	Вашка, Вишера, Нившера	Мезень, Средняя Печора, Вычегда		Ни Вишере и Нившере нижние набои длиннее форштевня

Дощатые каркасные лодки появились в результате этнокультурных контактов с Русским Севером. Наиболее распространенным вариантом изготовления лодочного каркаса был подтип «кокора с поддоном» («пыж пу»). Выработка узколокальных подтипов (мезенский, вашкинский, виперский) была связана с культурно-хозяйственной разобщенностью территории Коми края. Различия в конструкциях лодок русского населения верховьев Печоры и верхнепечорских коми объясняются тем, что заселение Печоры происходило относительно поздно и как коми население, так и русское больше тяготело к своему этническому региону, сохраняя уже выработанные элементы культуры.

Широкое распространение подтипа «кокора с поддоном» и преобладание его в районах, связанных с ранними этапами истории народа коми (Вымь, Нижняя и Средняя Вычегда, Нижняя Сысола), а также у населения Русского Севера позволяет отнести данный подтип к первоначальному варианту заимствования. Наличие его у населения Ижмы, Печоры связано с историей заселения этих районов Коми АССР, которое шло в основном через верховья Вычегды и Вымы.

1. Микушев А. К. Эпические формы коми фольклора. Л., 1973, с. 9.
2. Доронин П. Г. Материалы по истории коми, т. 4, тетр. 1.— НАКФАН, ф. 1, оп. 12, д. 25, л. 129.
3. Буров Г. М. В гостях у далеких предков. Сыктывкар, 1968, с. 36.
4. Иваненко Н. Из дневника вологодского охотника.— ПШО, 1878, № 9, с. 563.
5. Иваненко Н. Из дневника..., с. 564.
6. Коми морт. Очерки зырянской охоты.— ЗОИРК, 1928, вып. 1, с. 93.
7. Арсеньев Ф. А. Зыряне и их охотничьи промыслы. М., 1873, с. 34.
8. Donner K. Ethnological Notes About the Yenisey-ostyak (in the Turuchansk Region).— MSFOu, 1933, Bd. 66, fig. 19.
9. Гурвич П. С. Культура северных якутов-оленьеводов. М., 1977, с. 35.
10. Василевич Г. М. Эвенки. Л., 1969, с. 67.
11. Кривошапкин М. Ф. Енисейский округ и его жизнь. СПб., 1865, с. 29.
12. Шамазов С. А. О русской заимствованной лексике в коми языке, характеризующей охоту коми.— УЭКПИ, 1953, вып. 4, с. 48.
13. Антропова В. В. Лыжи народов Сибири.— СМАЭ, 1953, т. 14, с. 26.
14. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955, т. 2, с. 235.
15. Старцев Г. А. Самоеды (Ненча): Историко-этнографическое исследование. Л., 1930, с. 63.
16. Антропова В. В. Лыжи народов Сибири, с. 27.
17. Лыткин Г. С. Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык. СПб., 1889, с. 75.
18. Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970, с. 153.
19. Плесовский Ф. В. Происхождение названий некоторых рек, сел и деревень Коми АССР.— ИКФВГО, 1972, т. 2, вып. 4, с. 105.
20. Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь..., с. 128.
21. Матвеев А. К. Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала.— УЗУУ, языкознание, 1959, вып. 32, с. 25.
22. Пименов В. В. Вепсы: Очерк этнической истории генезиса культуры. М.; Л., 1965, с. 110.
23. Гарова Р. Ф. Материальная культура карел (Карельская АССР): Этнограф. очерк. М.; Л., 1965, с. 64.

24. *Крюкова Т. А.* Материальная культура марийцев XIX века. Пошкар-Ола, 1956, с. 36.
25. *Пекарский П.* Путешествие академика Николая Носифа Дежнева в Березов в 1740 году. СПб., 1865, с. 14; *Дунин-Горкавич А. А.* Тобольский Север. Тобольск, 1911. т. 3. Этнографический очерк местных инородцев, рис. 26.
26. *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки: С приложением рапортов, доносений и других неопубликованных материалов. М.: Л., 1949, с. 262.
27. *Антропова В. В.* Лыжи народов Сибири, с. 32.
28. Колл. 6735-16 (а, б).
29. *Руденко С. И.* Башкиры: Историко-этнографические очерки. М.: Л., 1955, с. 252; *Муллагулов М. Г.* Башкирские лыжи.— В кн.: Этнография Башкирии. Уфа, 1976, с. 125.
30. *Овсянников О. В.* О средневековых русских лыжах.— КСИА, 1971, вып. 125, с. 39.
31. Там же, с. 35—37.
32. *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки..., с. 261.
33. *Буров Г. М.* В гостях у далеких предков, с. 38—39.
34. *Лыткин В. И., Гуляев Е. О.* Краткий этимологический словарь..., с. 194.
35. *Антропова В. В., Левин М. Г.* Упряжное собаководство.— В кн.: Историко-этнографический атлас Сибири. М.: Л., 1961, с. 55—65.
36. Данная поговорка, а также пословицы и поговорки, приведенные в последующем тексте, цит. по кн.: Коми пословицы и поговорки/Сост. Ф. В. Плесовский. Сыктывкар, 1973.
37. *Лашук Л. П.* Упряжное собаководство в Северо-Западном Припуралье.— КСИЭ, 1954, вып. 20, с. 28.
38. Там же, с. 29.
39. Там же.
40. *Матусевич И. В.* Охотничий промысел на реке Усе: Научный отчет, 1933 г.— НАКФАН, ф. 1, оп. 6, д. 4, л. 16—17.
41. *Антропова В. В.* Старинные камчадалские сани.— СМАЭ, т. 10, 1949, с. 88.
42. *Левин М. Г.* О происхождении и типах упряжного собаководства.— СЭ, 1946, № 4, с. 83—84.
43. Там же, с. 90.
44. *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки..., с. 260.
45. Там же, с. 262.
46. *Долгих Б. О.* Езда на собаках у русского старожильского поселения пизовьев Енисея.— КСИЭ, 1960, вып. 35, с. 28—33.
47. *Василевич Г. М.* Эвенки, с. 89.
48. *Левин М. Г.* К проблеме исторического соотношения хозяйственно-культурных типов Северной Азии.— КСИЭ, 1947, вып. 2, с. 85—86.
49. Там же, с. 85.
50. *Каменецкая Р. В. Д. К.* Зеленин и некоторые вопросы этнографии русских старожилов полярной зоны.— В кн.: Проблемы славянской этнографии (к 100-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Д. К. Зеленина). Л., 1979, с. 180.
51. Там же, с. 185.
52. *Sirelius U. T.* Zur Geschichte des prähistorischen Schlittens. Wien, 1928.
53. *Волегов В.* Зверинный и рыбный промысел на Ростесском Урале.— ЖО, 1860, № 1, с. 17.
54. *Томилов С.* Охота в Карпогорском районе.— В кн.: Природа и люди Севера. Архангельск, 1927, т. 1, с. 17—18.
55. *Хеннинг Р.* Неизвестные земли. М., 1961, т. 2, с. 254.
56. *Marguaret J.* Ein arabischer Bericht über die arktischen (uralischen) Länder aus dem 10. Jahrhundert.— UJ, 1924, Bd. 4, H. 3/4, S. 288—289.
57. *Герберштейн С.* Записки о Московии Сигизмунда Герберштейна, изданные в Базеле в 1556 г. СПб., 1866, с. 130.
58. *Андреев А. А.* Заметки по исторической географии Сибири XVI—XVII вв.— ИРГО, 1940, т. 72, вып. 2, с. 154.

59. Александров В. А. Происхождение русского населения Енисейского края в XVII в.— СЭС, 1962, т. 78, вып. 4; Копылов А. Н. Русские на Енисее в XVII в. Новосибирск, 1965; Крисильникова Э. Д. Участие населения Коми края в освоении Сибири во второй половине XVI—XVII вв.— ТИЯЛИ, 1975, вып. 16.
60. История коми литературы. Сыктывкар, 1979, Т. 1. Фольклор, с. 114.
61. Образцы коми-зырянской речи. Сыктывкар, 1971, с. 70—71.
62. Дорогин П. Г. Материалы..., л. 113—114.
63. Там же, л. 118, 120—122.
64. Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь..., с. 235.
65. Реден К., Эдейн П. Сравнительная лексика финно-угорских языков.— В кн.: Основы финно-угорского языкознания: Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М., 1974, с. 431.
66. Реден К., Эдейн П. Сравнительная лексика..., с. 422.
67. Крюкова Т. А. Материальная культура марийцев..., с. 89.
68. Белицер В. Н. Очерки по этнографии народов коми. XIX — начало XX в.— ТИЭ. Нов. сер., 1958, т. 45, с. 130.
69. Шитова С. Н. Сибирские таежные черты в материальной культуре и хозяйстве башкир.— В кн.: Этнография Башкирии. Уфа, 1976, с. 87.
70. Таможенные книги Московского государства XVII века. М., 1951. Т. 2.
71. Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1786, ч. 2, кн. 1, с. 328.
72. Попов В. Ф. Сборник сведений о земельно-экономическом положении и о промыслах населения Яренского уезда за зимний 1915—1916 года период. Яренск, 1916, с. 55.
73. Русанов В. А. Статьи, лекции и письма. М.; Л., 1945, с. 322.
74. Арсеньев Ф. А. Картины дальнего севера: Шугор. Из охотничьих рассказов.— ВС, 1881, т. 2, с. 172.
75. Русанов В. А. Статьи, лекции и письма. М.; Л., 1945, с. 322.
76. Лапук Л. П. Принципы историко-этнографического районирования Коми АССР.— ИКФВГО, 1960, вып. 6, табл. 1.
77. Мартюшов А. М. Краткий очерк кустарных промыслов населения Усть-Сысольского уезда. Вятка, 1904, с. 9; Соснин Н. Внеземледельческие промыслы и занятия населения Коми области.— КМ, 1924, № 7/10, с. 4.
78. Тароева Р. Ф. Материальная культура карел..., табл. 3.
79. Мезенская экспедиция.— ТЛЭ, 1929, вып. 1, с. 374.
80. Михайлов С. В. Древнерусское судостроение на Севере.— В кн.: Летопись Севера. М.; Л., 1949, вып. 1, с. 104.

Глава четвертая

ПРОМЫСЛОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Основные орудия и способы охоты. Промысловый сезон у коми охотников подразделялся на два периода: осенний («арся вора-лём», «арёс», уд.) и весенне-зимний («тöвся-тулысса вора-лём»). Некоторые пожилые промысловики, особенно многосемейные, проводили в угодье все лето, занимаясь ловом рыбы, сбором кедровых орехов, добычей капканами выдры и т. п. А. С. Сидоров отмечал, что «некоторые вымские охотники считают для себя более нормальным пребывание в лесу и тяготятся продолжительным пребыванием в деревне» [1].

Начало охоты на ту или иную дичь было приурочено к постоянным церковным праздникам. Осенняя охота велась преимущественно на боровую дичь в ближних охотничьих угодьях со второй половины августа (после успенья, 15 августа ст. стиля). Основная масса промысловиков выбиралась в свои угодья в начале сентября на охоту на путиках после «пречистой» (8 сентября ст. стиля). В осенний промысловый сезон добывались по месяцам следующие виды: во второй половине августа — рябчик, тетерев, глухарь и незначительное количество уток и гусей. В сентябре продолжался промысел боровой дичи, а также добывали норку и, реже, зайцев и медведей. В октябре — боровая дичь, норка, реже — заяц, медведь, куница, выдра и лисица. В октябре обычно начинался и ближний промысел белки, но массовое белкование проходило в конце месяца. В ноябре главным образом шла добыча белки и других пушных зверей, частично продолжался и промысел боровой дичи [2].

Угодья коми охотников представляли собой районы постоянного промысла отдельных охотников и членов их семей. В центре охотничьего угодья находились промысловая избушка и хозяйственные постройки, а в разные стороны расходились «путики» («туй») — тропы, помеченные затесками на деревьях («лосас»), близ которых размещались различные самодельные приборы, предназначенные в основном для ловли боровой дичи.

Первое время после приезда в угодье промысловики занимались благоустройством и приведением в порядок самодельных. Затем до наступления холодов шла добыча главным образом боровой дичи для собственного хозяйства. В конце сентября, с похолоданием, охотники полностью переключались на добычу продукции для продажи. Старые охотники утверждают, что регулярный промысел на «путиках» более эффективен, чем в неосвоенных местах. Охотоведы также пришли к выводу, что систематический промысел снижает средний возраст животных в популяции. В слабопромышленных районах самки часто спариваются со старыми самцами, что ведет к яловости [3]. Охота в угодьях велась, как правило, в одиночку. Артели для осеннего промысла товарной дичи и пушнины были в ходу преимущественно на Верхней Печоре. Артельная охота печорских промысловиков на рябчиков в предгорьях Урала начиналась с Воздвиженья (14 сентября ст. стиля), за белкой и куницей уходили за Урал после покрова (1 окт. ст. стиля). Возвращались артели около Филиппова заговенья (14 ноября ст. стиля). В это же время и большинство охотников заканчивали осенний промысел в своих угодьях. Полностью осенняя охота завершалась к Николе зимнему (6 декабря ст. стиля), поскольку к этому времени уже выпадал глубокий снег, препятствующий промыслу на путиках.

На весенне-зимнюю охоту коми промысловики отправлялись в начале января (после крещения, 6 янв. ст. стиля) и возвращались лишь в конце марта, к Благовещению (25 марта ст. стиля). Зимний промысел велся преимущественно артельным способом в

дальших охотничьих угодьях. В весенне-зимний период — с января по март — в основном добывались пушные звери, реже копытные и боровая дичь. В тундровой зоне в этот период основу промысла составляли песец и белая куропатка. В апреле часть промысловиков приступала к весеннему промыслу боровой дичи и водоплавающих. Летом промысел, исключая добычу линной птицы, практически не велся. Время, затрачиваемое коми охотниками на промысел в течение года, у большей части промысловиков колебалось от трех до шести месяцев.

Характерной особенностью охотничьего промысла у коми было широкое использование пассивных орудий, т. е. не требующих участия человека в процессе добычи. Самоловные орудия самого различного типа, как постоянные (слопцы, плашки, силки, петли, ямы и т. п.), так и переменные (кляшцы, черканы, самострелы, капканы и др.), были чрезвычайно распространены в промысле коми охотников и имели, по всей видимости, давние традиции. С помощью самоловов добывалось абсолютное большинство боровой и водоплавающей дичи, исключая добычу линных гусей в тундровой зоне. Даже закон от 3 февраля 1892 г. о запрете ловли дичи силками и слопцами не внес каких-либо изменений в общепринятые у коми способы ловли дичи. На продажу по-прежнему поступала в основном давленная дичь, обрызганная для маскировки кровью, с отверстиями в головах якобы от дробы, сделанными шилом или гвоздем. Скупщики дичи, чтобы избежать конфискации давленной птицы полицией, сначала отправляли возы по ночам, а потом стали прибегать к следующему способу: скупленную дичь помещали в амбары, обстреливали дробью, обрызгивали кровью домашних животных, после чего отправляли по назначению [4].

Столь же широкое применение всевозможных ловушек отмечалось в прошлом у многих народов лесостепной зоны Восточной Европы: удмуртов [5], марийцев [6], карел [7], башкир [8] и др. У русского населения Подвинья в XVI в. «более половины деревень (а по некоторым волостям и в каждой) выставляло сотнями ловушки для зверей и птиц» [9]. Широко использовали самоловы и русские переселенцы в Сибири [10]. В то же время коренное население Сибири большинства самоловных орудий до знакомства с русскими не знало [11]. Только после начала появления русских в Сибири распространились «пасть», кулема, слопец, капкан, обмен на соболя, щемиха, кляшцы, перевес, садок и др. [12].

Названия распространенных у коми стационарных деревянных самоловов давящего типа: слопец («чӧс»), плашка («нальк»), кулемка («пыльӧм») — свидетельствуют о значительной давности их изобретения (ср. коми «нальк», удм. «налык», фин. «пакки», манс. «pal», коми «чӧс», мар. «чучаш», хант. «sesa», коми «пыльӧм», удм. «пылыны» [13]).

Принципиальных отличий от общераспространенных ловушек данного типа коми самоловы не имели, хотя зачастую в охото-

ведческих работах некоторые из них выделяют в отдельные под-
типы, основываясь на ряде мелких особенностей, например кон-
струкции сторожка. Конструктивные различия деревянных само-
ловных орудий указанного типа заключаются в следующем: «пасть» имеет деревянный пол и две стенки, гнет (бревно или
плаха) бьет по оси тела зверя; слопцы отличаются от «пастей»
отсутствием боковых стенок и пола; у кулемок гнет бьет зверя
поперек оси тела; плашки близки к пастям и слопцам, но мень-
ше по размеру, боковые стенки отсутствуют, гнет по длине равен
полу ловушки.

Отличительной чертой деревянных самоловов у коми было
стремление к сохранности добычи. Профессор И. Н. Шухов после
обследования орудий промысла у коми переселенцев в Сибири
писал: «Считаю необходимым отметить, что в конструкции лову-
шек видно одно стремление — это сохранить добычу в сохран-
ности, не дать ее испортить другому зверю или птице, а это
значит, что здесь мы не имеем того вреда, который до настоя-
щего времени предписывают ловушкам, базируясь, что часть до-
бычи пропадает» [14]. Помимо регулярного осмотра самоловов,
коми охотники вносили различные усовершенствования в их кон-
струкции для лучшей сохранности добычи. Так, у слопцов име-
лись обычно две боковые стенки, не позволявшие проникнуть
внутрь хищнику (у русских промышленников боковые стенки
присущи только «пастям»), над «чѳсом» часто сооружался спе-
циальный навес. У коми-ижмцев существовала особая система
крытого слопца («коа чѳс»), который отличался от слопца без
укрытия («вѳсь чѳс») тем, что над ним сооружали шалаш,
закрывающий «чѳс» со всех сторон, кроме входа в него. «Нальк»
укрепляли горизонтально на вершине вертикально стоящего кола
или пня, горноста́й мог добраться до ловушки по вбитому сбоку
наклонному колу. По мнению специалистов, «нальк выгодно отли-
чается от обычной плашки тем, что эта ловушка не заносится
снегом» [15].

Ловушки илистораживающие устройства для дичи делали
осенью, перед началом промысла, при помощи ножа и топора.
В день между другими работами делали их штук десять, на из-
готовление одной ловушки в среднем уходило 30 минут [16].
С помощью слопцов (чѳс) добывалась значительная часть боро-
вой дичи, главным образом осенью, до снега, и частично в пер-
вую половину зимы. До выпадения снега приманка в «чѳс» не
требовалась, птицу привлекал песок с мелкой галькой, насыпан-
ный на «чѳс пучкес» (площадку внутри слопца). С установле-
нием снежного покрова для приманки в слопцы помещали ягоды
рябины, шиповника, реже — брусники и клюквы. Количество
«чѳсов» у одного промысловика в среднем насчитывало 200—
300 шт. Срок службы одного слопца измерялся 10—18 годами.
«Путики», оборудованные слопцами, носили название «чѳс туй».

Коми «чѳс» состоял из следующих деталей: расчищенная и
утрамбованная площадка длиной 0,6 м и шириной 35—40 см

(«чѳс пучкес»); четыре колышка-стойки («чепеля») высотой до 1 м, вбитые по углам «чѳс пучкес»; дощечки, соединяющие попарно колышки и образующие коридор по бокам «чѳс пучкес» («пельѳм ордѳс»); опадный кряж («чѳс плака»), настораживающее устройство.

«Пельѳм ордѳс» представляли собой колотые дощечки длиной в расчищенную под slopeц площадку и шириною в 10–20 см, они вставлялись в расщепленные нижние концы стоек и при вбивании последних в землю закреплялись наглухо. Опадный кряж состоял из одного или двух положенных рядом бревен; половины колотого толстого бревна или двух-трех положенных одна на другую и сбитых деревянными гвоздями колотых досок длиной около 2,5 м. Настораживающее устройство состояло из мотыря («карнан») — жерди длиной до 1,5 м и диаметром до 4 см, поводка из березовой или еловой ветки с крючком-зацепом на одном конце («сиян шайт») и непосредственно сторожка. Сторожок, в свою очередь, состоял из рогульки с тремя отростками («калябеч» или «вожка»), вплетенной в свободный конец «сиян шайт», заостренного с обоих концов стерженька из дерева («тувтан») и четырех-шести щепок длиной до 20 см, шириною 5 см и толщиной около 0,5 см («талян»). При соединении деталей сторожка заостренный конец «тувтан» входил в выемку на одном из отростков «калябеч». Иногда выемка делалась на конце «тувтан», тогда заострялся отросток «калябеч».

В зависимости от способа настораживания коми slopeцы подразделялись на три типа. Во всех типах «чѳс» поводок («сиян шайт») закреплялся крючком за один конец «карнан»; «калябеч», вплетенный в другой конец поводка, упирался двумя отростками в засечку на внутренней стороне «пельѳм ордѳс», а его третий отросток соединялся встык с «тувтан». Другой конец «тувтан» упирался в засечку на противоположной «пельѳм ордѳс», перегораживая «чѳс пучкес» поперек. С обеих сторон на «тувтан» накладывались цепочки «талян».

Различия в конструкциях slopeца относились к способу закрепления свободного конца мотыря («карнан»). В типе 1 он опирался на два колышка с перекладиной («чѳс кок») в виде ворот, высотой и шириной около 1 м, расположенных над передним концом падающего кряжа. При настораживании конец «чѳс плака» приподнимался и с помощью петли диаметром до 30 см, скрученной из молодой ели («юр кор»), соединялся с концом «карнан». В типе 2 «чѳс плака» опиралась на жердь («бертѳд») длиной до 4 м и диаметром 3–5 см, один конец которой лежал на земле, а другой — на конце «карнан», опиравшегося в своей первой трети на колышек («чѳс кок») высотой около 1 м. В типе 3 конец жерди «бертѳд», лежащий в типе 2 на земле, также помещался на колышке высотой около 1 м. Для спускания slopeца было достаточно незначительного давления на цепочки «талян». «Калябеч» и «тувтан» разъединялись и освобождали конец «кар-

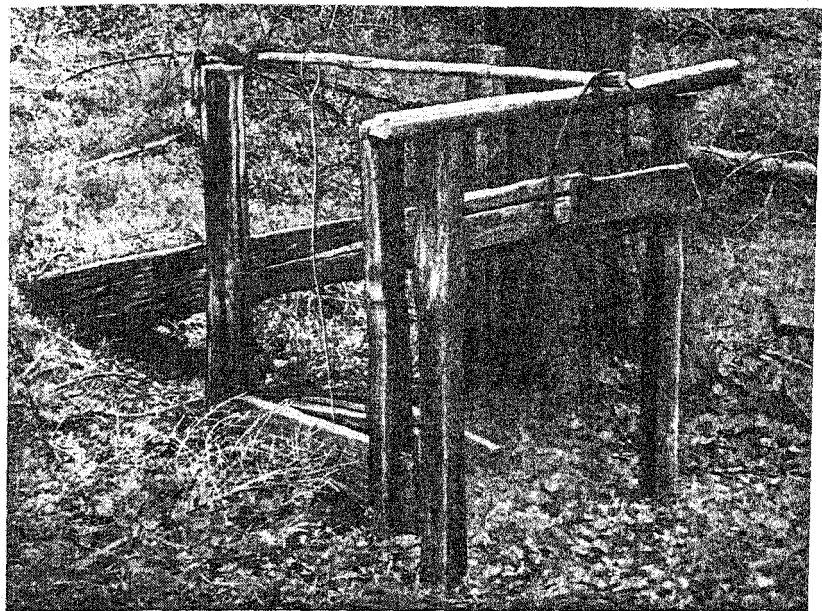

РИС. 29. Настороженный слопец 1-го типа

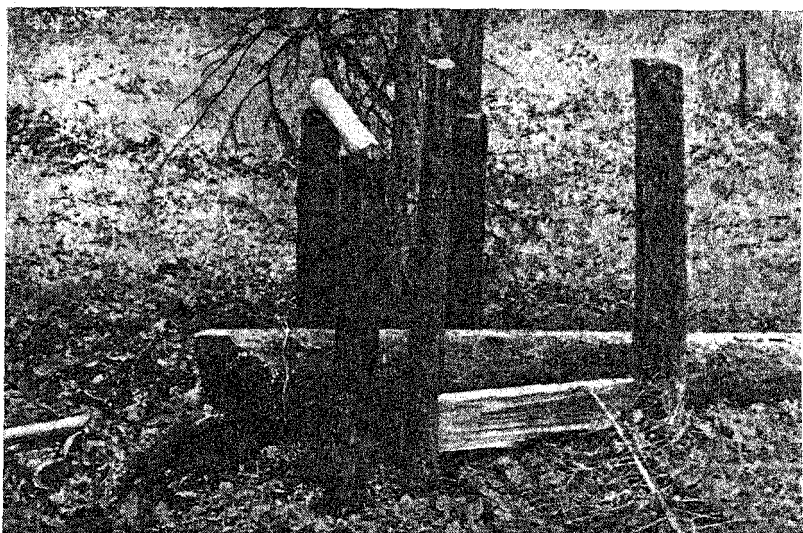

РИС. 30. Слопец 1-го типа с упавшей плахой

нан», что влекло за собой падение приподнятого конца «чос-плаки» [17].

Слопцы типа 1 были более распространены в Удорском крае (на Вашке и Мезени) и на р. Вишере. Типы 2 и 3 были известны на р. Выми, а все три типа — на Вычегде и Печоре.

«Пасти» у коми конструктивно мало отличались от «чос» и обычно носили то же наименование, но служили в отличие от последних для ловли зверей. Под русским названием «пасть» ловушки данного типа были широко распространены в тундровой зоне у северных коми (ижемцев). С помощью «пастей» добывалась значительная часть песцов. Для этой цели использовалась в основном «пасть»-короб, имеющая стенки и пол из колотых плах.

Кулемки («пыльём») применялись чаще всего для ловли зайцев. «Кёч пыльём» сооружалась всегда у основания дерева. По снегу вокруг дерева делали изгородь из хвороста высотой 40—50 см и диаметром около 1 м. Два параллельных ряда вбитых в землю кольев образовывали коридор, упирающийся в ствол дерева. При входе в коридорчик настораживалась слегка, масса которой утяжелялась вертикально поставленным обрубом, другим концом опиравшимся на ствол дерева. В качестве сторожка (он же приманка) служила сосновая или березовая веточка, смоченная мочой.

Более крупные по размеру кулемки из бревен использовались для добычи росомех и медведей. Для изготовления «сана пыльём» срубали два рядом стоящие дерева диаметром 25—30 см на высоте 2—2,5 м. На верхнем срезе каждого пня делали выемки, в которые клали обрубок бревна. На верхней стороне бревна затесывали угол-упор для второго, давящего бревна. Конец давящего бревна поднимался и настораживался с помощью колышка с привязанной к нему приманкой («сам»). Нижнее, опорное бревно соединяли с землей стволом дерева со слегка обрубленными сучьями или сделанными топором вырубками-ступеньками. В целом данная конструкция несколько напоминала охотничью кладовую «тшамъя», что и привлекало к ней росомуху [18]. Был и другой тип кулемки на росомуху — в виде сруба.

Медвежий кулемки («ош пыльём») более распространены были в Удорском и Печорском краях. Существовало достаточно большое количество типов этой ловушки, в основе конструкции которой лежал единый принцип: зверь придавливался несколькими древесными краями, настороженными с помощью кола-сторожка с привязанной к нему приманкой.

С помощью плашек («нальк») добывались мелкие пушные звери (горностаи, частично норка, иногда белка). Количество плашек у одного охотника обычно не превышало 50 шт. «Нальк» из смолистого дерева служил до 30—35 лет. «Нальк» состоял из двух колотых плашек длиной около 1 м, шириной 25—30 см и толщиной до 15 см. На нижней плахе имелась на конце зарубка, в которую упирался конец верхней. При настораживании верхняя

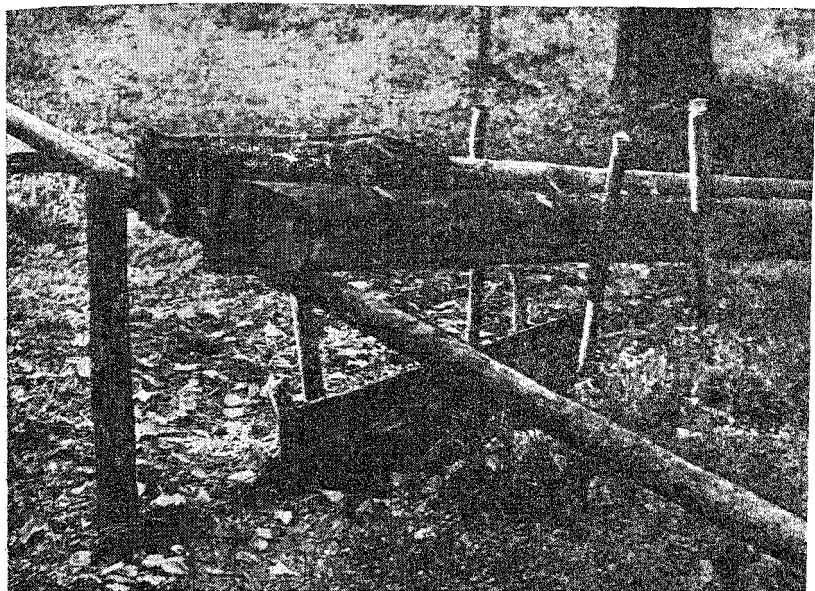

РИС. 31. Настороженный slopeц 2-го типа

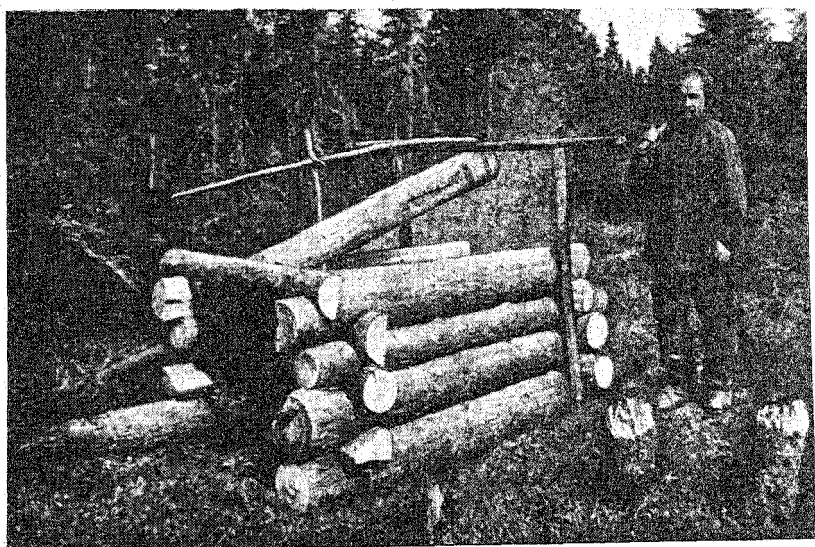

РИС. 32. Кулемка на росмаху (начало XX в.)

плаха приподнималась и ближе к концу между плахами вставлялось настораживающее устройство, состоящее из «чаги» и «кыв» или «самапу». «Чага» представляла из себя две соединенные между собой дощечки длиной около 6 см, одна из которых упиралась концом в выступ-зарубку на другой. «Самапу» — плоская лучина длиной 35—40 см с четырехугольным вырезом сбоку, ближе к концу, с помощью которого соединялись между собой части «чаги». К другому концу «самапу» привязывалась приманка. «Нальк» обычно укреплялся на одной стойке высотой 0,7—1,5 м, иногда количество стоек доходило до четырех штук [19].

Была известна плашка и другого типа. Сторожок у нее состоял из рогульки «калябеч» (или «каля бедь») и узкой планки («кыв») длиной около 0,5 м с выступом на одном конце и неглубоким вырезом на другом. К середине «кыв» привязывалась приманка. При настораживании «кыв» упирался выступом в паз глубиной около 1 см в верхней плашке, а в вырезе на другом его конце закреплялся один из отростков «калябеч». Два других отростка «калябеч» опирались на внутреннюю поверхность верхней плашки. «Нальк» такого типа был распространен на Верхней Печоре. Устанавливался он на двух горизонтальных жердочках, концы которых с одной стороны опирались на вбитые в землю колья, а с другой были привязаны к дереву. Иногда «нальк» использовался и для добычи рябчиков. В этом случае в его верхней плашке выдалбливалось углубление в виде чашки, которым рябчик закрывался и оберегался от порчи.

У печорских охотников для ловли куницы, горноста, а иногда и белок была популярна близкая, с одной стороны, к «нальк», а с другой — к «пыльом» ловушка под названием «лекшес». Для ее изготовления находили дуплистый пенек и на высоте 20—25 см от основания в нем прорубали отверстие. Если не было подходящего пня, то отверстие кубической формы вырубалось топором в живом дереве. Затем лицевая поверхность пня или дерева стесывалась так, что перед входом в отверстие образовывался порожек. Потом устанавливалась давилка — тяжелая слега, один конец которой лежал на вбитой в землю невысокой развилке, а другой настораживался на порожке перед отверстием. Сторожек обычно использовался такой же, как в плашке типа 1. Конец «самапу» с приманкой (мышь, часть тушки белки и т. д.) помещали внутри отверстия. При спуске сторожка слега опускалась и закрывала вход в отверстие, что сберегало добычу от хищников [21].

На Печоре и Вычегде для добычи горностаев широко использовалась также «горностаевая жердка» («сьодббж потш», «сьодббж сёр», «сьодббж кер»). «Сьодббж потш» состояла из горизонтальной жерди, укрепленной на двух пнях высотой около 1,5 м, жерди-давилки и сторожка. Верхняя жердь упиралась одним своим концом в выступ на конце жерди-основания, а другой ее конец был приподнят и насторожен. Сторожек состоял из двух деталей: «чаги» (плоская щепочка высотой 8—10 см)

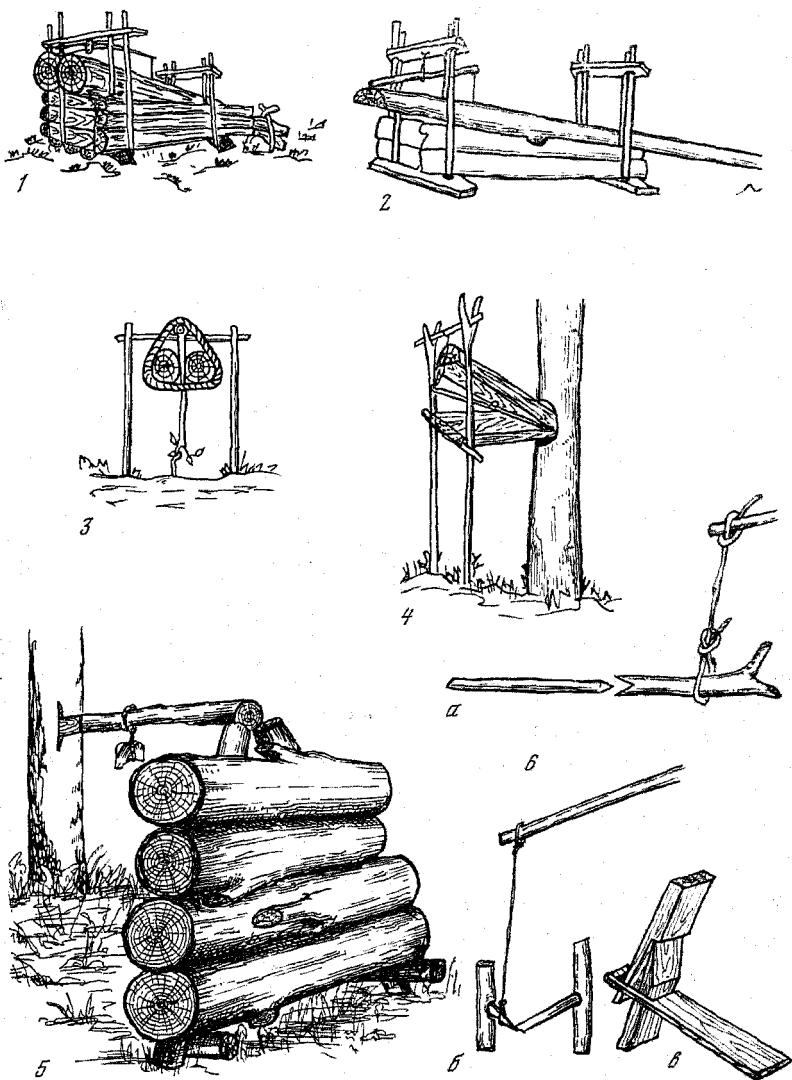

РИС. 33. Деревянные самоловы давящего типа:

1 — коробковая пасть; 2 — пасть на росомаху; 3 — спусковой механизм заячий «пасти»; 4 — плашка на белку; 5 — кулемка на медведя («ош пыльбм»); 6 — сторожки (а — slope, б — «пасти», в — плашки).

и «кыва» или «самапу» (длинная лучина с привязанной к ней приманкой). «Чага» опиралась нижним концом на «самапу», а верхним придерживала давящую жердь. Ловушек такого типа устанавливалось в семейных угодьях до 200, а иногда даже до 500 штук.

Около стогов или в лесу под деревьями устанавливались ловушки на горностае «пырчеган» типа русского «проскока». Зверек ущемлялся в «пырчеган» между ребрами двух вертикально стоящих одна над другой и закрепленных с помощью двух пар вбитых по бокам колышков досок. Сторожок у «пырчеган» был сходен с применявшимся в плашке: верхняя и нижняя сторожевые планочки («чага») и соединяющая их с помощью четырехугольного выреза сторожевая лучина («кыв»). Но вырез делался не сбоку «кыв», а в его торцевой части. На другом конце сторожевой лучины имелся выступ, которым она упиралась в зарубку на ребре нижней доски.

Из переменных самоловных орудий значительное распространение имели деревянные ловушки «чаркан», в которых зверек ущемлялся поперек тела особой давилкой в виде лопатки, опускающейся под действием энергии согнутого лука. Аналогичная ловушка под тем же названием («черкан») была широко известна у русских и целого ряда сибирских народностей. Лингвисты считают, что происхождение данного термина связано с общепермским словом «чарк» — вид ловушки [22]. «Чаркан» коми охотников несколько отличался от общераспространенного типа: его механизм помещался в специальный сквозной короб. Применяли «черканы» в основном для ловли горностаев, ставя их у выхода из нор. Коми-ижемцы с помощью «черканов» ловили молодых песцов.

До распространения железных капканов у коми для добычи крупных зверей (росомах, волков, лисиц, выдр) применяли кляпцы («кляпча»). В прошлом это орудие было широко известно по всей лесотаяжной зоне Восточной Европы. Снабженный железными зубьями рычаг «кляпча» приводила в действие прочная, туго закрученная веревка.

Капканы получили у коми охотников широкое распространение лишь во второй половине XIX в., в основном при охоте на выдру, лису, росомуху, медведя и зайцев. У лесных промысловиков железных капканов было обычно немного — около пяти шт., гораздо больше у тундровых охотников — до 50 шт. и более. Новые капканы вываривали в хвое, их никогда не держали дома, а подвешивали в лесу на деревьях. Ставили капканы в чистых рукавицах, с помощью «койбедь». Способы постановки капканов были общепринятые при капканьем промысле. Несколько оригинальных способов ловли зверей капканами существовало у коми-ижемцев. Так, для ловли горностаев ставили капкан в ледяном домике, для чего на реке или озере вырубали несколько льдин и ставили их наклонно одну к другой с таким расчетом, чтобы внутри можно было пройти только с одной стороны. Приманку

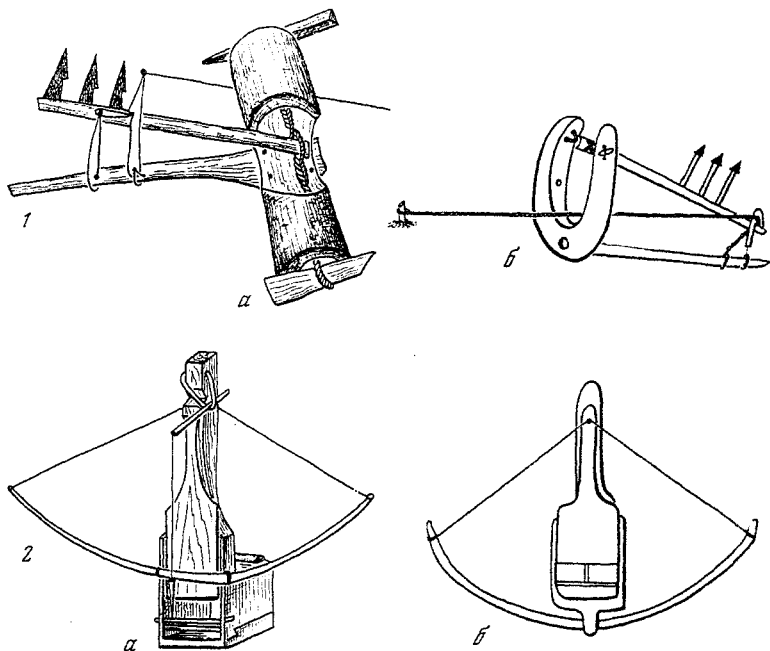

РИС. 34. Копи самоловы:
1 (а, б) — клипец; 2 (а, б) — черкап

класть считали не обязательным, поскольку горноста́й, имеющий привычку осматривать во время жировки все норки и углубления, входил обязательно в «домик» и без нее [23].

Для ловли песцов во время гона в тундре на голом месте втыкали в снег черную палку и устанавливали рядом капкан. Песец, даже далеко пробегающий, заметив палку, сразу направлялся к ней, чтобы обнюхать ее и оставить «метку» мочой, и попадал в капкан. Потребность песца часто мочиться во время гона использовалась и в другом способе: промысловик, идя на лыжах через голое место, держал направление на какой-либо одинокий кустик и бросал на ходу параллельно лыжне кусочки мороженого мяса. За несколько десятков шагов до куста бросание крошек мяса прекращалось, под кустом устанавливался капкан, а через несколько шагов крошка продолжалась уже от куста. Песец, поткнувшись на кусочки мяса, бежал по ним до куста и обязательно останавливался у последнего для оставления «метки».

Весной в тундре с помощью капканов иногда ловили и белых куропаток. Охотники использовали агрессивность токующих самцов, у которых к этому времени выплывали только голова и шея. Капканы устанавливали на проталинах, а рядом в качестве приманки — снежок с воткнутой в него черной палочкой.

Самцы куропаток принимали этот снежок за соперника и, бросаясь на него в драку, попадали в капкан [24].

На медведей настораживали кремневые ружья вблизи медвежьей тропы. Спусковые пружины ружей были соединены веревочкой, натянутой над тропой. Заряд обычно состоял из рубленого свинца.

Добыча рябчиков преимущественно велась с помощью силков («лэч»), укрепленных на горизонтальной жердочке, находящейся на высоте около 1 м от земли. С двух сторон от сплетенной из четырех-пяти конских волос петли на жердочке привешивалась приманка — кисти рябины. Количество таких петель на путиках, оборудованных силками («лэч туи»), у разных охотников превышало 500 шт., хотя чаще их было 200—400 шт. Рябина для приманки заготавливалась заранее, а при неурожае за ней даже ездили в весьма отдаленные места. Например, удорские охотники при неурожае рябины покупали ее в Архангельской губ., за сотни верст от дома по цене 50—80 коп. за фунт [25]. Если не было рябины, то в качестве приманки вешали клюкву, надевая ее на нитку с помощью иглы.

Петли на жердочке устраивали и для ловли горностаев. «Сьодбёж лэч» представляли собой силки, количеством до восьми шт., расположенные рядом друг с другом на второй половине жерди длиной около 1,5 м. Концом, свободным от силков, жердь прикреплялась к дереву на высоте 1 м от земли. Под серединой ряда силков на нитке привязывали приманку — кусок дичи [26].

Петли на боровую дичь, устраиваемые на земле («му лэч»), устанавливались без приманки в местах почвенных обнажений, где птицы любили купаться в пыли и искали мелкую гальку, необходимую им для перетирания пищи. Часто для привлечения птицы такие обнажения делались искусственно. Петли устанавливались в специально сделанных воротцах из веток, с двух сторон от которых устраивалось заграждение из хвойных веток или вершинок молодых елей («лэзёд», сс.; «тымёд», л., вв.; «лэодас», печ.). Петли для ловли тетеревов и глухарей отличались от рябчиковых лишь толщиной, на их изготовление шло по 25—40 конских волосков, в которые для прочности иногда вплетали конопляную тонкую бечеву.

Для ловли тетеревов и глухарей на токах в конце марта их перегораживали целым рядом засек из срубленных молодых елей, соединенных между собой вершинами. В проходах укреплялись нитяные поводки с привязанными к ним волосяными петлями. Осенью петли на тетеревов устанавливали между срубленными и уложенными в виде засек можжевельниковыми кустами с ягодами, которые очень любят тетерева. Петли на куропаток ставили по прибрежным ивнякам и раkitникам, куда куропатки прилетали лакомиться почками. Особенно большое количество куропаток добывалось в притундровой зоне коми-ижемцами. Ловлей белых куропаток занимались преимущественно женщины и подростки, но случалось — и взрослые охотники в свободное

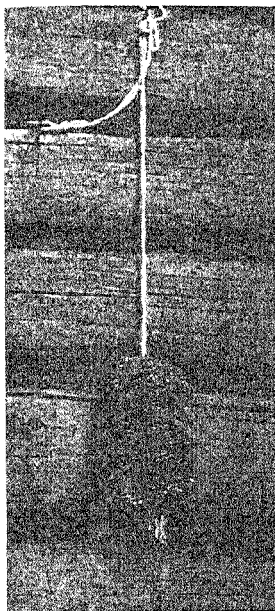

РИС. 35. Рябина, заготовленная для приманки

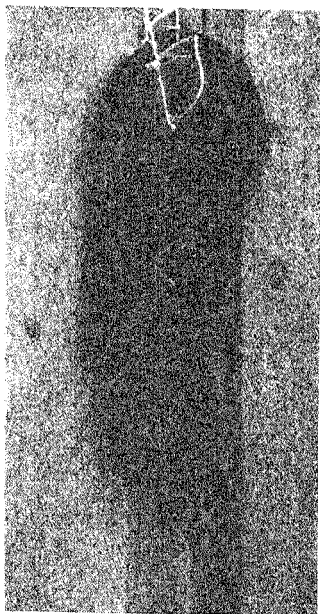

РИС. 36. Конский волос, заготовленный для силков

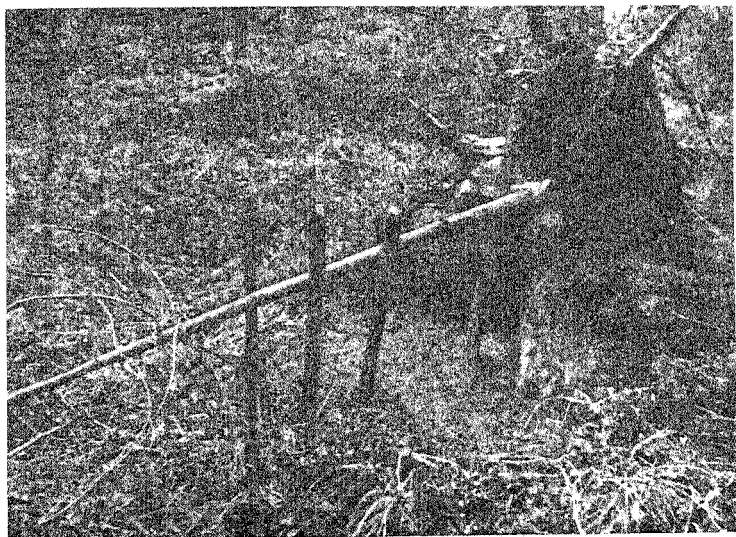
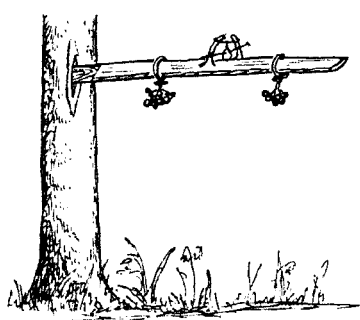
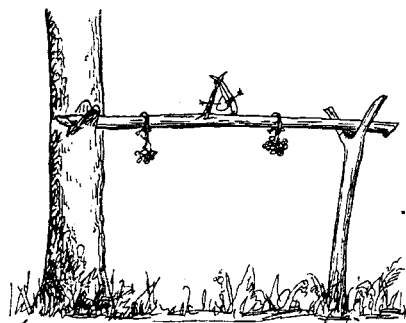

РИС. 37. Наземная петля на боровую дичь («му лэч»)

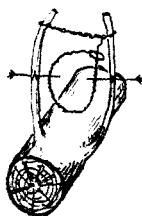

а

1

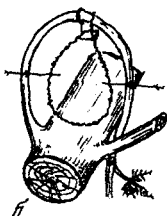

б

а

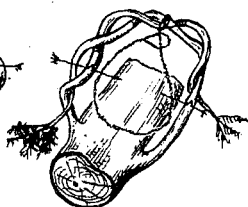
2

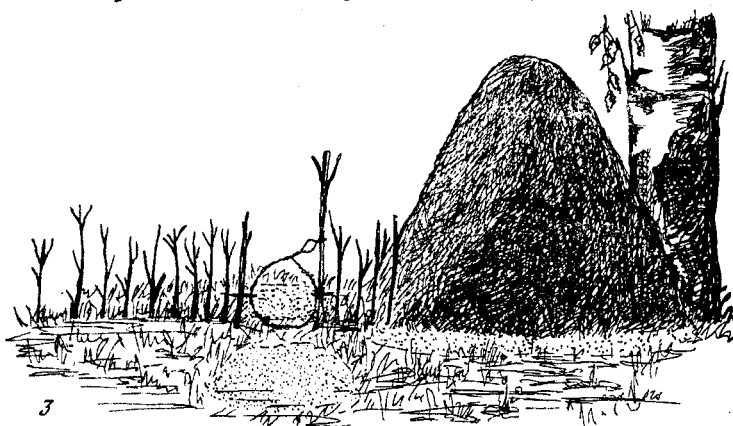
б

в

г

3

РИС. 38. Петли на боровую дичь:

1 (а, б) — силки на рябчика; 2 (а, б, в, г) — способы установки силка на рябчика; 3 — наземная петля

от добычи пушнины время. На р. Усе в урожайный год отдельные семьи добывали по 2—3 тыс. пар и более [27]. По сведениям А. В. Журавского, в начале этого века семьи в выселках на р. Адзьве (приток Усы) вылавливали силками по 7 тыс. пар белой куропатки [28].

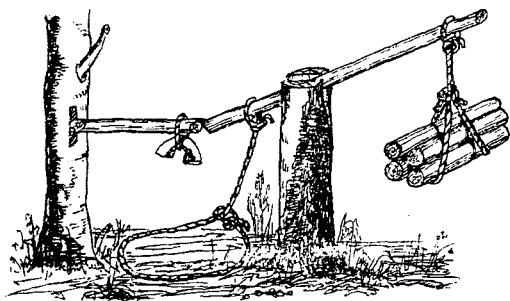
Силки для ловли куропаток также изготавливали из конского волоса длиной 30—40 см. Пучок волоса завязывали на одном кон-

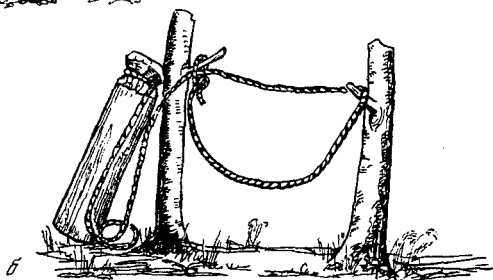
РИС. 39. Очеп («карнава лэч»)

це узелком, разделяли на две половины и клали на правое колено, поверх которого стелили старую малицу или просто кусок оленьей кожи. Ладонью правой руки скручивали волос, а левой рукой придерживали узелок. Когда обе половины были закручены, их соединяли вместе и завязывали второй узелок. Затем обрезали торчащие волоски и делали петлю. Готовые силки привязывали к середине отрезка шпагата длиной около 35 см и надевали на «лэч видзян» — приспособление для ношения силков. «Лэч видзян» делали из оленьего рога, дерева или проволоки в форме треугольника, имеющего вместо одной стороны цепочку, на которую нанизывали силки. Отправляясь на расстановку силков, промысловик одевал «лэч видзян» на шею. Ставили силки на куропаток обычно вдоль зарослей; если они были густые и занимали большую площадь, то среди них специально расчищали дорожку до метра шириной. С помощью «койбець» из снега делали холмик и втыкали по бокам него палочки, к которым привязывали шпагат со свисающей посередине петель. Приманкой служили веточки ивняка, воткнутые с обеих сторон петли. С одной стороны холмик срезался, а иногда еще делали углубление в снегу, чтобы попавшая в петлю куропатка, начав биться, повисла. Ставили такие силки в 2—3 м один от другого, по 100—300 силков в одном месте. Один охотник при промысле куропатки обычно оборудовал силками два — три участка, осматривая их по очереди [29].

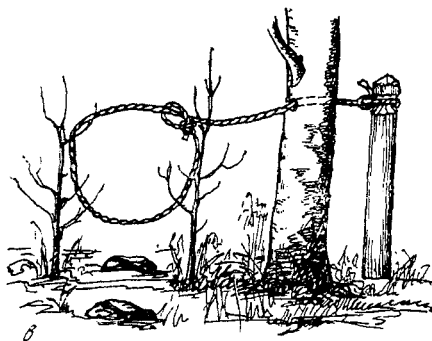
Водяную птицу также в основном промыслили женщины и подростки с помощью петель, прикрепленных к поводкам, натянутым над водой. К прилету уток на реках близ селений стояли

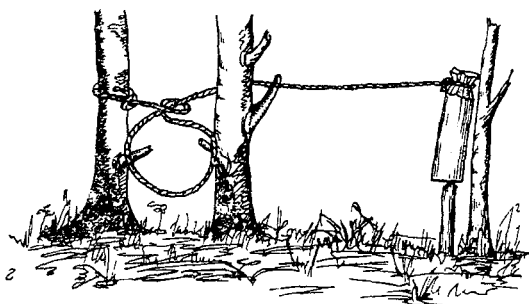
a

б

в

г

РИС. 40. Петли на медведя

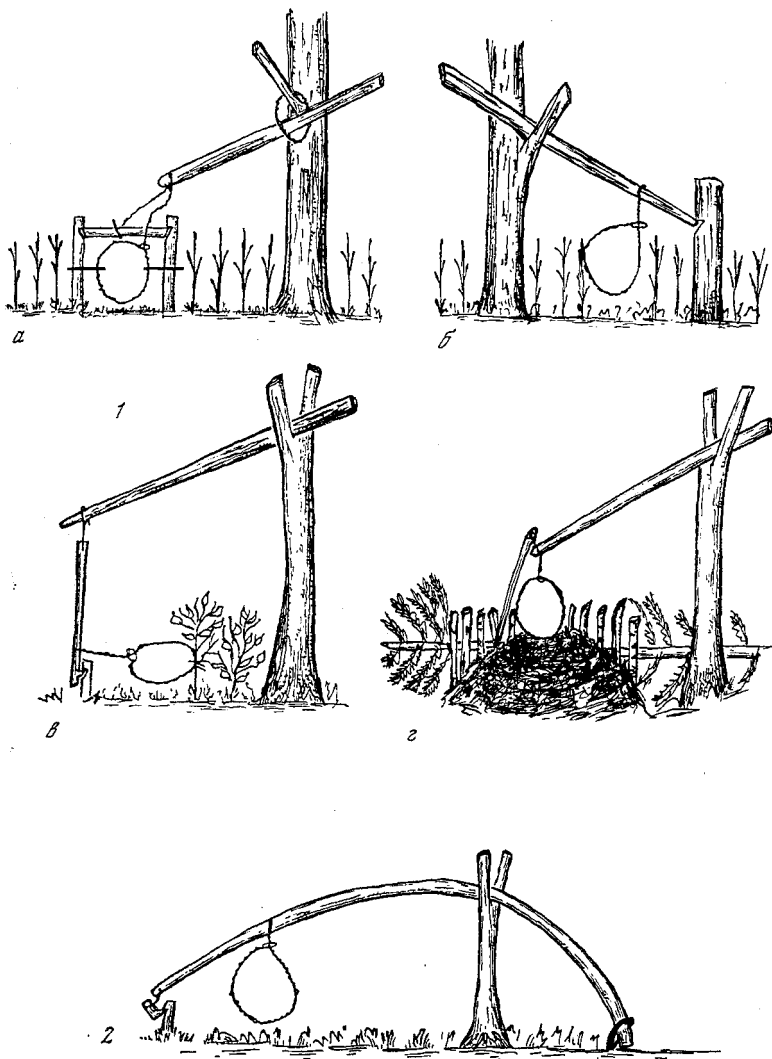

РИС. 41. Коми самоловы:

1 (а, б, в, г) — очеп; 2 — пружок

многие сотни петель [30]. Весной петли на водоплавающую птицу ставили обычно по заливам и курьям, местам кормежки уток. Поводок длиной до 5 м с 10–12 волосяными петлями натягивался между двумя вбитыми в землю колышками так, что половина петель находилась в воде, а другая — на берегу. По вечерам и рано утром в такие петли попадали «горда» (кряква), «көрөг» (шилохвост), «жидач» (чирок), «вöзь» (серая утка) и

«свазь» (связь). Водяную нырковую утку («ва утка») ловили осенью петлями, натянутыми над водой. Поводки привязывали к прибрежным кустам или к вбитым в дно кольям, количество петель на поводке достигало 2—3 десятков. Попадали в них «сювчõж» (гоголь), «турунчõж» (чернеть) и разные нырки [31]. У коми-ижемцев был распространен лов гусей петлями, которые ставили на перешейке между двумя болотами. По конструкции они напоминали петли на боровую дичь: делалась изгородь, петли стояли в «воротках». Гуси попадали в них, переходя из одного болота по суше в другое, находящееся рядом.

Широко применялись коми охотниками петли со вздергивающим устройством — противовесом, типа очепа («карнана лэч», «риа лэч» или «жаравеч»). «Карнана лэч» ставили на боровую дичь, им ловили зайцев, а печорские охотники использовали аналогичное устройство даже для ловли медведей. «Карнана петля» для ловли медведей представляла собой бревно-противовес, укрепленное на столбе. На короткий конец противовеса привязывалась приманка («сам») и веревочная петля, а на длинный — груз, способный вздернуть попавшего в петлю медведя в воздух. Ловили медведей и петлями, укрепленными между деревьями. Для их затягивания обычно служили обрубки деревьев, прикрепленные к одному из концов петли. Такие же петли ставили на оленей и лосей.

У сысольских и вычегодских охотников практиковалась ловля зайцев с помощью пружка («лайкана лэч»), представлявшего собой петлю, прикрепленную к вершине гибкого деревца. При попадании в петлю зайца срабатывал несложный сторожок и деревце, разгибаясь, затягивало петлю и приподнимало зайца над землей.

Значительная часть горностаев добывалась с помощью силянки («дзуг»). «Дзуг» состоял из деревянной рамки размером 15—20 × 7—8 см из сосновых или еловых брусков. В рамке с помощью деревянных колышков было закреплено 10—15 петель из одного скрученного вдвое конского волоса. Боковые бруски «дзуг» часто продолжали за рамку и слегка заостряли на концах для втыкания их в землю. Была известна конструкция силянки без рамки, в этом случае она состояла из двух колышков — боковых стоек и привязанных к ним двух тетив из крученой волосяной бечевы, к которым крепились петли из волоса. Колышки втыкали в грунт, и натянутые тетивы заменяли продольные планки первого типа «дзуг». В охотоведческих работах такую конструкцию силянки иногда выделяют в отдельный вид под пермским наименованием «дзюг» [32]. Устанавливали силянки на земле у стогов, на расстоянии 6—8 м друг от друга, в проходах заграждений из сухостоя.

Для ловли птиц, бегающих на токах, применялись петли, раскладывающиеся по земле. Они состояли из прочного поводка, к которому через 15—20 см прикреплялись петли длиной 45—50 см, сплетенные из 25—40 конских волосков. Петли размещали

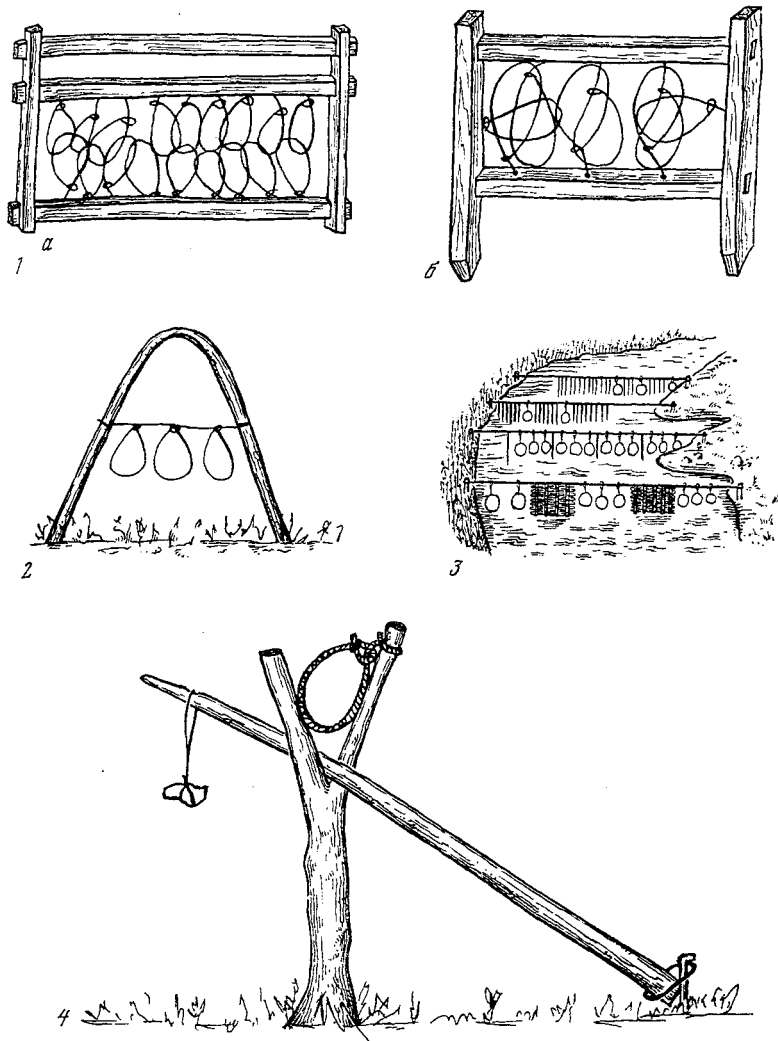

РИС. 42. Коми петельные самоловы:

1 (а, б) — силыанка («дзуг»); 2 — дужка на горностая; 3 — пленки на уток; 4 — петля на росомаху

на поверхности тока, а поводок в нескольких местах закрепляли деревянными колышками. Иногда боровую дичь на токах ловили с помощью крупноячеистых сетей, сплетенных из суровой нитки, которыми окружали токовище.

Помимо самоловов давящего гипа и силков, печорские охотники использовали также садки на боровую дичь (срубы, короба) и падающие «колпаки». «Срубам» ловили тетеревов. «Сруб»

состоял из пяти — семи венцов, очищенных от коры еловых бревен, и был приподнят над землей на четырех столбах высотой 1—1,5 м. Сверху он накрывался соломой и имел замаскированные отверстия в центре. Для приманки над срубом вешали сноп овса. Попавших в сруб птиц доставали, выдвигая одну из плах днища ловушки. Короба со вращающейся на оси крышкой делали из прутьев в виде корзины либо в виде ящика из досок. Они применялись также для ловли тетеревов, которые садились на крышку, привлеченные приманкой — ягодами. С помощью «колпаков» из редкой сетки, натянутой на обруч, ловили рябчиков и куропаток. «Колпаки» подвешивали к веткам дерева так, что при попытке дотронуться до приманки, укрепленной снизу колпака, он падал и накрывал добычу [33]. К началу XX в. эти орудия ловли птиц употреблялись редко. В прошлом они были распространены гораздо шире. Еще в конце XVIII в. И. И. Лепехин отмечал, что на Сысолье «птиц ловят пленницами и кругами» [34]. В середине XIX в. ловля боровой дичи коробами была распространена также у марийцев [35].

Ловчие ямы — несомненно, древнейший способ добычи зверей — применялись у коми в основном для ловли зайцев. «Коч гу» представляла собой яму глубиной до 1,5 м размером 0,6—0,8 × 1,2—1,5 м, прикрытую сверху лапником. Над ямой на шесте укреплялась приманка — молодые осинового ветки. На дно ямы в землю вбивались пять — шесть кольев такой высоты, чтобы попавший в них заяц не доставал ногами до земли и не мог выпрыгнуть. Особенно распространены были «коч гу» у вычегодских охотников. Иногда с помощью ям, прикрытых хворостом с положенной на него приманкой — мясом, ловили росомах [36]. Добывали с помощью ям и крупных копытных: лосей и оленей. Ловля лосей и оленей с помощью изгородей и ям, вырытых в проходах, имела в Северном Предуралье в прошлом, видимо, широкое распространение. Описание устройства изгородей и ям с заостренными кольями у коми [37] совпадает с устройством аналогичных сооружений у русского населения Северного Урала в конце XVIII — первой половине XIX в. [38]. Изгороди и ямы на диких копытных применялись по всей таежной полосе Северной Евразии — этот способ добычи знали саамы, обские угры, селькупы, кеты и якуты [39].

Была известна коми и охота с помощью отравленной приманки, хотя широкого распространения этот способ не имел. С помощью отравы добывали волков и лисиц, применяя отравленные стрихнином куски мяса. Коми-ижемцы для промысла песцов и лисиц закладывали отраву в «почки», для чего насыпанный в папиросную бумагу стрихнин привязывали на нитку и обмакивали в растопленный олений жир. «Почки» развешивали на ветках вдоль следа от протасенной волоком пахучей приманки [40].

Существенное значение для внутрихозяйственного употребления имел у коми сбор яиц водоплавающей птицы. По данным помоздинского лесничего З. А. Смолковского, на одном лишь

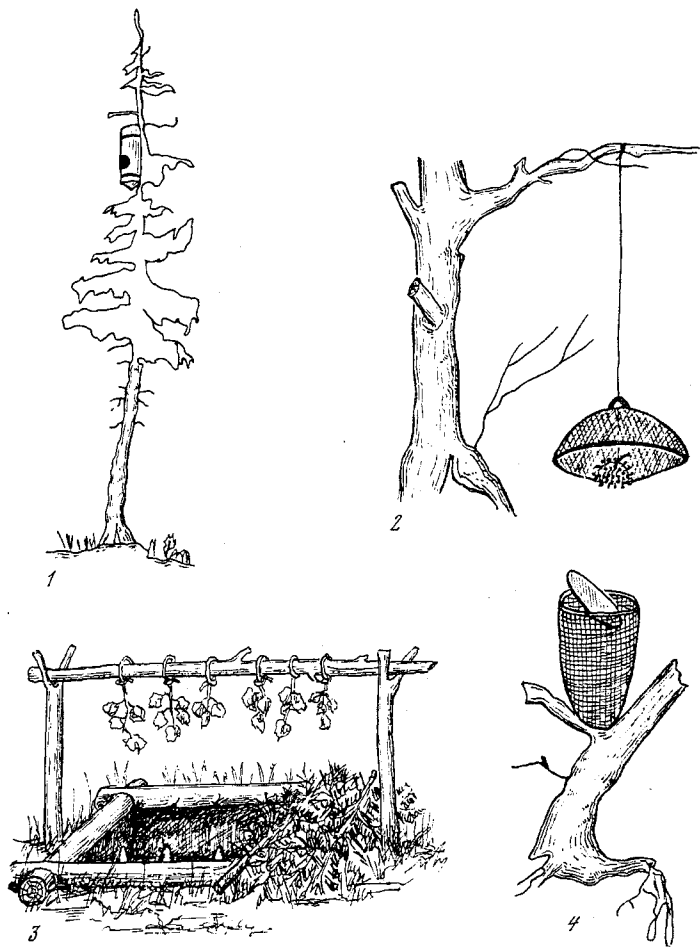

РИС. 43. Коми самоловы:

1 — дуплянка на уток; 2 — колпак для ловли птиц; 3 — ловчая яма на зайцев («коч гу»); 4 — короб

оз. Донты Устькуломской вол. Усть-Сысольского у. за весенний период собиралось до 4000 шт. утиных яиц [41]. Для сбора яиц служили специально изготовленные искусственные гнезда («горс», «душле»). И. И. Лепехин во время поездки в конце XVIII в. по р. Сыsole обратил внимание, что «в лесах первую встречей были нам бураки и кадушки, развешенные по деревьям. Они представляли гнезда диких птиц, а особливо уток, которые с весны кладут свои яйца в оных, почитая их за безопаснейшее место, а зыряне, приобывши знать пору, когда оне совсем вынесутся, обирают яйца, как из-под домашних своих птиц, и употребляют в свою

пользу» [42]. Большое количество «дупле» из березовой коры видел на Печоре в XIX в. Э. Гофман [43]. Согласно сведениям, полученным от информаторов, на Верхней и Средней Печоре сбор яиц с помощью «горс» практиковался еще в начале 30-х годов нашего столетия. «Утка горс» изготавливали чаще всего из бересты, для чего использовали кору со старых пней или снимали бересту с живого дерева и сшивали разрез полоской бересты. Сверху и снизу делались крышки из бересты, а на границе верхней трети «горс» вырезали отверстие диаметром около 10 см. Диаметр самого «горса» был равен 30 см или несколько более. Часто «горс» делали в дуплистом дереве, которое находили простукиванием топора, и, не срубая дерева, вырезали в нем на высоте 3—4 м отверстие, ниже которого прорубали щель и вставляли в нее доску-дно. Ставили «горс» чаще всего на лиственницах, иногда на елях и осинах. У отдельных промышленников количество дуплянок доходило до 30—40 и даже 50 шт. Ставили их как в личном уголке, так и просто на берегах водоемов близ селений. Селились в «горс» преимущественно гоголи и крохали. За сезон отдельные хозяйства собирали до 100 шт. яиц. Из «горс» обычно забирали по две кладки яиц, оставляя третью для вывода птенцов. После вывода птенцов из гнезда вынимали и пух [44]. Аналогичный способ сбора яиц диких уток существовал у карел [45].

К активным орудиям охоты, т. е. подразумевавшим участие человека, у коми принадлежали лук, копьё, ружье и сети для ловли птиц. Лук, относящийся к древнейшим изобретениям человечества, на территории Коми края был известен еще с мезолита, о чем свидетельствуют остатки простых луков, найденные в 1 Висском торфянике [46]. Коми названия лука («вудж») и стрелы («ньов»), по лингвистическим данным, относятся к до-пермскому словарному запасу [47].

Среди русских промышленников XVII в. высоко ценились «луки зырянские». Так, в Березове в 1632 г. по таможенной оценке лук приравнивался к топору или пешне и стоил 20 к., а «зырянские» луки оценивались от 25 до 30 к. [48]. Несмотря на быстрое и повсеместное распространение огнестрельного оружия в первой половине XVIII в. sporadическое употребление лука коми охотниками наблюдалось вплоть до начала XX в. По сведениям В. А. Русанова, в начале этого века с луком и стрелами продолжали охотиться многие раскольники в верховьях рек Печоры и Илыча [49]. Сохранились луки и у многих мезенских охотников, хотя из употребления уже вышли [50]. Ю. В. Гагарин отмечает распространенность охоты с луком еще в начале XX в. среди отдельных староверов на Средней Печоре, причиной которой автор считает религиозные мотивы [51]. По сведениям, полученным от информаторов, сразу после гражданской войны на Верхней Печоре с луками охотились многие охотники, так как наблюдалась острая нехватка боеприпасов.

Луки, применявшиеся коми охотниками в конце XIX — начале XX в., были сложного типа, склеенные из полос березы, лиственницы и рябины. Б. Адлер относил коми лук к самой простой форме сложного лука, когда он склеен главным образом из двух пород дерева и обклеен берестой. Ближайшие аналоги коми луку по материалу, шедшему на его изготовление, указанный автор обнаруживал у обских угров и саамов, а по форме и технологии изготовления — у обских угров, эвенков и эвенов [52]. Тетива («вудж вез») изготавливалась из лосиных жил или кожаных шнурков. Колчан («нюлыс») был сделан из кожи или дерева. Наконечники стрел были чаще всего костяные; для охоты на птиц — металлические, удлиненно треугольной формы, с основанием треугольника в качестве поперечного лезвия (типа рус. «срезней»), и развилчатые; для пушных зверей — с массивным деревянным, реже — костяным наконечником грушевидной формы (типа рус. «томары»). «Срезни» и развилчатые наконечники стрел были известны еще Перми Вычегодской [53], а деревянные «томары» Г. М. Буров обнаружил во II Висском торфянике, в слоях, датируемых первой половиной I тысячелетия н. э. [54]. Правила у стрел изготавливали из тетеревиных хвостовых перьев. Охотились с луком обычно вдвоем: один охотник стрелял, а другой следил за полетом стрелы и при промахе ее подбирал [55].

Копье («шы») применялось коми охотниками главным образом при охоте на медведя, иногда с его помощью добывали попавшуюся в капкан росомуху и загнанных во время охоты гоном лосей и оленей. Медвежье копье («оп шы») имело втульчатый листовидный обоюдоострый наконечник с шириной лезвия около 45 мм и длиной 190—200 мм или также втульчатый, трехгранный, той же длины. Наконечники насаживались на рукоять диаметром около 40 см. Изготавливались они местными кузнецами. Форма наконечников охотничьего копья была близка к наконечникам копий у Перми Вычегодской, известным по материалам археологических раскопок [56]. Подобные железные втульчатые наконечники копий с узким листовидным или граненым пером были характерны и для родановской культуры X—XII в. н. э. предков коми-пермяков [57]. Как метательное оружие копья использовались крайне редко, хотя в XV—XVI вв., по свидетельству иностранных путешественников, охотники коми «добывают диких зверей посредством метательных копий, и в этом искусстве так опытные, что очень редко промахнутся...» [58].

Подъемные сети на птиц — перевесы имели применение у коми с давних пор, первые письменные сведения о них относятся к XVI— началу XVII в. Писцовые книги 1585—1586 гг. и 1608 г. отмечают наличие перевесов у населения Вашки, Мезени, Сысолы и Выми, т. е. практически на всей территории расселения коми в этот период, исключая вычегодские волости. К началу XX в. ловля водоплавающей птицы сетями сохраняла свое значение лишь в Удорском крае.

Перевес («ветös», уд.) устанавливали обычно на перешейке между двумя болотами или старичными озерами в специально прорубленной просеке. Работа по устройству перевесища — места, подготовленного для установки сетей на птиц, — заключалась в следующем: на двух высоких деревьях затесывали сучья и устанавливали два блока, через которые перекидывали веревку, привязанную к сети. Высота установки блоков была около 20 м. Если не было подходящих деревьев такой высоты, то блоки закрепляли на шестах, привязанных к деревьям. Верхний край сети поднимался на высоту 10—15 м, а нижний висел над землей на высоте человеческого роста. Длина перевеса была 30—40 м, размер ячеей — 30—40 мм. Внизу с помощью кольев и положенных на них шестов на высоте 1,5 м натягивался поддон перевеса — крупноячеистая сеть (60—70 мм) размером несколько меньше сети перевеса. Птицелов сидел под сетью в центре, спрятавшись в шалаш («сай»), и смотрел, когда подойдет стая, чтобы опустить сеть с помощью веревки.

Ю. Вихман, этимологизируя соответствия коми «ветös» в родственных языках (ср. удм. «чопари — вотэс» — паутина, тенета, а также диал. «вотэс» — ловчая сеть; мар. «ваптыш» — сеть для ловли зайцев), пришел к выводу о том, что первоначальное значение этого древнего пермского термина — сеть, вероятно, даже охотничья сеть [59]. К аналогичному выводу пришел финский ученый Кустав Вилкуна в своей работе, посвященной ловле птиц сетями у обских угров и коми: «Зырянское «ветös» это не перевод или заимствование русского слова, а речь идет о древнем, широко распространенном пермском слове, область распространения которого простирается до Оби» [60]. Действительно, мансийское наименование перевеса — «патös», «патэ», — видимо, происходит от общепермского «ветös». Предположение Вилкуны о том, что обские угры и коми были знакомы с ловлей птиц сетями типа перевеса еще до знакомства с русскими, заслуживает интереса, тем не менее вывод о том, что как у обских угров, так и у коми в прошлом существовало три типа птицеловных сетей, в отношении коми мало обоснован [61]. Описанные К. Вилкуной типы птицеловных сетей взяты с рисунков на оконных портьерах художника конца XVIII — начала XIX в. Шахова, по национальности коми, но изображают они только жизнь хантов [62], какие-либо сведения о применении изображенных на портьерах различных видов сетей на птиц у коми на настоящий момент отсутствуют. Печорские коми — ближайшие соседи обских угров, по нашим сведениям, ловлю птиц перевесами не практиковали, а «ветös» удорских коми имеет существенные отличия от сетей, изображенных на рисунках.

Первые упоминания о перевесе и перевесищах в русских летописях датируются 946—947 гг., имеются данные о распространении перевесий в Новгородской земле (с XIII в.), в Рязанской, Московской земле и Белоруссии (с XIV—XV вв.). Во второй половине XVIII в. о ловле уток перевесом в Среднем Поволжье и

казаками на зауральских озерах писали И. И. Лепехин и П. С. Паллас. В XIX в., помимо коми, ловля уток перевесом была распространена в Мезенском у. и в бассейне р. Шексны [63]. В Сибири, исключая обских утров, перевес был распространен мало и преимущественно у русского населения. С. П. Крашенинников отметил его употребление ительменами, но в данном случае речь идет не об оригинальной конструкции сети для ловли птиц, а об использовании для этих целей нескольких связанных вместе рыболовных сетей [64]. Сама идея, скорее всего, была заимствована у русских поселенцев Камчатки. В целом данное специфическое орудие промысла водоплавающей дичи можно отнести к достижениям культуры лесо-таежного промыслового населения всей Восточной Европы.

Для ловли боровой дичи весной и зимой использовались также кроющие сети. Их расстилали на гладком ровном месте вблизи рек и озер. Четвертая часть этих сетей лежала плотно на снегу или земле, слегка закрепленная по краям. Середина с помощью палок поднималась аршина на два (около 1,5 м), а остальная часть — на 1,5 и более сажени (3—3,5 м). К верхнему концу сетей привязывалась веревка, с помощью которой скрывающийся неподалеку охотник задергивал их. На земле под сетью разбрасывалась приманка для дичи. Иногда для приманивания привязывали на нитке живых птиц. Чаще же применяли берестяной манок — «чипсан» [65].

Огнестрельное оружие появилось у коми охотников в конце XVII — начале XVIII в. Прочные торговые связи, установившиеся к этому времени между Коми краем и Русским государством, способствовали его быстрому распространению среди всего контингента коми охотников. Терминология, связанная с ружейным промыслом, в коми языке практически полностью заимствована из русского: «пицаль» (ружье), «кремневка пицаль», «пистонной пицаль», «берданка пицаль», «пицаль двухстволка», «централка пицаль», «ствол», «дуло», «лбжа», «приклад», «затвор», «курок», «шомпол», «заряд», «пистон», «капсуль», «патрон», «свинеч-порок», «дроб-порок», «пуля-порок» (огнеприпасы), «порошница», «осечка», «метитны» (целиться) и т. д. [66].

Вплоть до XX в. большая часть коми охотников продолжала охотиться с примитивными кремневыми ружьями. В. А. Русанов писал: «Путем статистического опроса можно убедиться, что во многих верхневыхгодских деревнях на сотню кремневых ружей едва ли приходится более 3—4 пистонных» [67]. Даже в середине 20-х годов нашего столетия у печорских охотников число кремневок составляло около 20—25%, а остальные 75—80% почти поровну распределялись между пистонными шомполками и берданками [68].

Основной причиной столь долгого сохранения кремневых ружей была их безотказность и крайняя простота конструкции, позволявшая легко производить мелкий ремонт подручными средствами либо полностью заменить вышедший из строя замок новым,

изготовленным местными кузнецами. С. В. Керцелли в результате опроса пустозерских охотников, промышлявших в сходных с комп охотниками условиях, пришел к выводу, что практически ни одна из имеющихся в России ружейных систем для охоты на севере не была пригодна. Единственное исключение представляла собой норвежская винтовка Ремпингтона, за которую пустозерцы без сожаления платили по 75 и даже по 100 руб., в то время как значительная часть их продолжала охотиться с кремневыми ружьями, отвергая другие системы за непригодностью [69].

Замок кремневых ружей комп охотников конструктивно близок к карельскому кремневому замку XVII в. (курок, огниво и боевая пружина с наружной стороны замочной доски; курок имеет загнутый хвост, который служит боевым взводом; одна гнутая двуперая или одноперая боковая пружина), но в отличие от карельского замка боевая пружина действовала на крестовину курка не снизу вверх, а сверху вниз, как у русских замков [70].

Изготавливали замки обычно местные кузнецы. Наиболее искусные мастера были хорошо известны по всей округе. Так, на Верхней Вычегде в начале XX в. таким мастером по кремневым замкам был кузнец из д. Руч, который изготавливал замки даже для ильчских промысловиков. Стволы привозились из Вятской и Пермской губерний и покупались на месте по 3—4 руб. за штуку. В начале XX в. в Коми крае появилось несколько кузнецов (в Вильготе — 2, Лозыме — 2, Визпиге — 1, Богородской вол. — 1), которые имели сверла и делали новые стволы для кремневок [71], но их явно не хватало. Ложе изготавливали сами охотники. Для предохранения от попадания влаги на затравку замок оборачивали куском шкуры с пришитым к нему шнурком для завязывания.

Для охоты на крупных животных служили кремневые ружья с диаметром ствола около 12 мм («турки»), для мелких животных предназначались ружья малого калибра (5—6 мм). Отверстие ствола обычно делалось не круглым, а шести- или восьмиугольным. Для «турки» пули отливались, а ружья малого калибра заряжались кусочками свинца, который откусывали зубами от свинцового прута. Из фунта свинца выходило до 180 пуль для узкодульной винтовки [72]. Свинец так же, как и порох, был привозным. Охотники с Ильча и Верхней Печоры отливали пули из шантымской (приток Ильча) свинцовой руды, которую добывали сами [73]. Кремни для замка («бия из») также были обычно местного производства, одно из известных месторождений качественного кремня было в верховьях Ильча и обслуживало, кроме ильчских, также верхнепечорских и верхневычегодских охотников. Другое значительное месторождение кремня находилось на правом притоке Вычегды р. Ваполка. Вапольский кремь употреблялся промысловиками почти по всей Вычегде [74]. Порох коми охотники расходовали очень экономно, при охоте на белок из одного фунта пороха выходило от 300 до 500 зарядов. В качестве пыжей часто использовали древесный мох, растущий

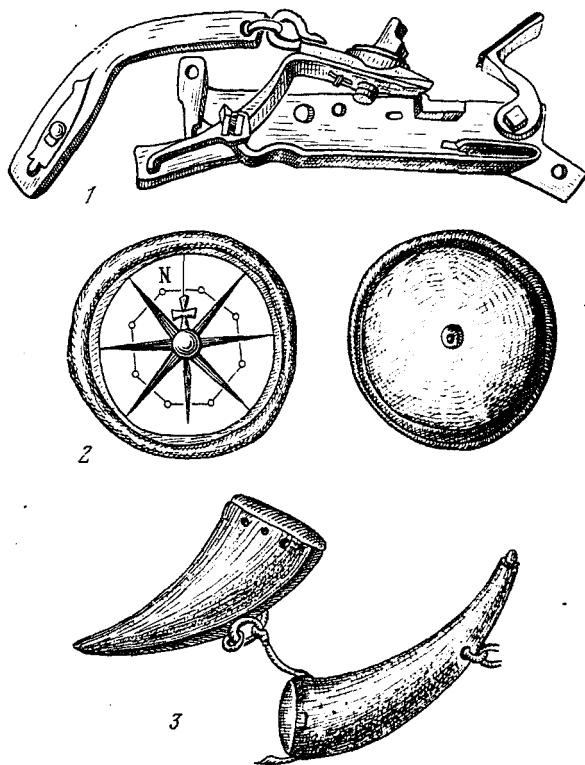

РИС. 44. Снаряжение ружейного охотника:

1 — коми кремневый замок; 2 — компас (матка), увелич.; 3 — пороховница и пистонница из рога

на елях. Для изготовления ружейных шомполов чаще всего служила жимолость.

Заряжали кремневые винтовки в следующем порядке: насыпали в дуло около 1 г пороха, смазывали ствол внутри сальной тряпкой, накрученной на шомпол, потом на дульный срез клали пулю несколько большего диаметра, чем диаметр отверстия ствола, и вдавливали ее внутрь. С помощью пробойника пулю вгоняли в дуло на вершок (4,5 см), а потом шомполом догоняли до заряда пороха и насыпали порох на полку [75]. С руки коми охотники стреляли очень редко, обычно в качестве сошки служил охотничий посох «койбедь», либо ружье опирали на ветку дерева или, реже, на специально срубленную сошку. При использовании в качестве сошки «койбедь» втыкали острым концом в снег и, взявшись за нее на высоте плеча левой рукой, клали на руку ружье.

Для охотников, вооруженных кремневыми и пистонными ружьями, необходимым предметом снаряжения являлась «тасма» —

охотничий пояс. «Тасма» носилась через плечо и представляла собой кожаный ремень с прикрепленной к нему за ушки пороховницей и подвешенными на ремешках кожаными мешочками для кремней, дроби и компаса. Кроме того, также на ремешках к охотничьему поясу были прикреплены кожаная сумочка для огнива, кремня и трута, отвертка, проволока для прочистки ружейного замка, мерки для пороха, а для пистонных ружей — пистонница. На ремне «тасмы» закреплялась и свинцовая спираль для приготовления пуль. Пороховница («порошница», «порок доз») изготавливалась из березового нароста — капа, реже — из корневой части березы. Вначале топором обтесывалась болванка в форме сплюснутого шара диаметром около 10 см, а затем завершали ее обработку острым ножом. После придания болванке окончательной формы на боковой поверхности по окружности сверлились отверстия диаметром 1,5—2 см в количестве трех-шести штук. Через эти отверстия специальной крючкообразной стамеской медленно выбиралось дерево, пока внутри не образовывалась пустота для пороха. Толщина стенок пороховницы обычно не превышала 5—6 мм. Затем выбирался по окружности прямой паз шириной 1,8—2 см для наложения металлического обруча для укрепления «петушка», а отверстия затыкали деревянными пробками, смазанными клеем. «Петушок» представлял собой железную или медную трубку, припаянную к обручу — железной или медной полосе, скрепленной снизу винтом и с боков имеющей кольца для прикрепления к ремню «тасмы». Пружинный клапан, плотно закрывающий отверстие, был укреплен на оси в развилке, которая охватывала трубочку кругом. Делали пороховницы обычно сами охотники, металлические части изготавливали местные кузнецы. Порох в «порошницу» насыпали через воронку, вместимость ее доходила до 300 г. Срок службы пороховницы достигал 10 и более лет. Пистонницы для хранения пистонов делались из кожи, иногда из коровьих рогов. У коми-ижемцев из коровьих рогов изготавливались иногда и пороховницы: после распаривания в горячей воде рога придавали уплотненную форму и присоединяли кольца для подвески к ремню и деревянную крышку. Мерки для пороха были обычно из рога или кости, часто их украшали искусной резьбой. Мешочки для дробы были из кожи в виде плоской бутылочки с деревянной пробкой, иногда пробка одновременно служила и меркой для пороха. Кожаный мешочек с огнивом («бива көрт»), кремнем и трутом («бива тшак») охотники брали с собой даже при наличии спичек. Компас («матка») хранился в кожаном мешочке с крышечкой-клапаном и представлял собой деревянную коробочку диаметром около 3,5 см, в центре дна которой на острие был укреплен вращающийся картонный кружок с изображением румбов в виде восьмиконечной звезды. Коробочка компаса имела деревянную или кожаную крышечку, иногда она была закрыта круглым стеклом. Охотники, вооруженные пистонными ружьями, имели самодельные патронташи на небольшое количество патро-

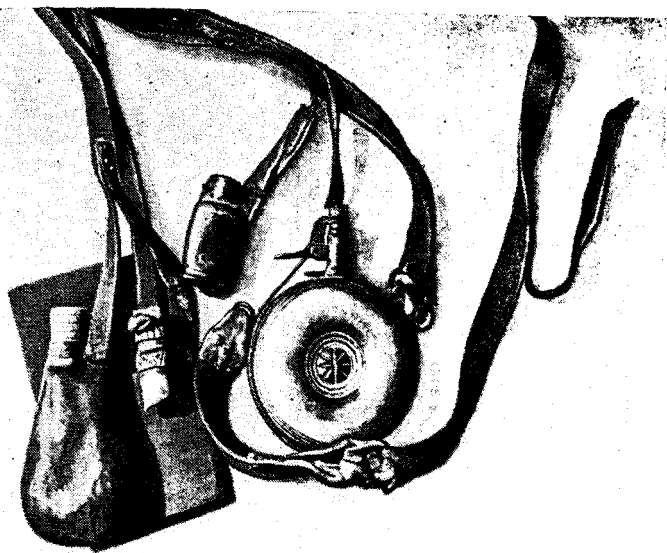

РИС. 45. Пороховница на охотничьем поясе

нов, а все принадлежности носили обычно в сшитых из кож или домотканого холста сумках.

При охоте с ружьем на рябчиков во время собирания их в стаи (в августе-сентябре) охотники использовали свистульки-манок («сьёла чипсан») из махового пера или плечевой кости птицы, коры елового сучка и металла. Аналогичные по конструкции манки («сяла чипсан») были известны удмуртам. Такие же свистульки-манки из плечевых костей птиц и мелких хищных животных были найдены на поселениях чепецкой и родановской культур (IX—XIV вв. н. э.) — предков удмуртов и коми-пермяков [76].

Артельный промысел. Сезонные объединения охотников на время промысла — охотничьи артели были широко распространены практически у всех интенсивно занимающихся охотой народов Сибири и Севера Европейской России. В качестве основных признаков охотничьей артели охотовед профессор Д. К. Соловьев выделяет следующее: договорное начало, причем условия договора выработаны долгой практикой и хорошо известны всем участникам; начало равноправности, в основе которого лежит сходность лиц, соединяющихся в артель, по имущественному положению, по возрасту, по охотничьему опыту и пр.; круговая порука или обязанность каждого члена ручаться за своих товарищей. Равные права участников охотничьей артели выражались в равномерности пользования материальными выгодами, доставляемыми

охотой, т. е. в праве на одинаковую долю в общей добыче. Характерной чертой была взаимная верность артельщиков и честность на промысле. Основными причинами появления артельной формы промысла Д. К. Соловьев считает преимущества охоты артелью перед охотой индивидуальной, а именно: охват в процессе промысла обширной территории, возможность заранее распределить охотничьи участки между артельщиками, чтобы они не мешали друг другу; значительное уменьшение роли случайности и зависимости от природных условий [77].

Артельная охота практиковалась на всей территории расселения народа коми. Особенно широкое распространение охотничьи артели имели у населения Печоры, где, по сведениям Д. К. Соловьева, они охватывали около половины всех охотников. На Средней Печоре артельные объединения охотников встречались не только при дальнем пушном промысле, но и при осенней добыче рябчиков вне «путиков» на расстоянии более 60 верст от селения, при ловле куропаток и при добыче молодых песцов для домашнего выкармливания. Ниже впадения в Печору р. Усы встречались артели смешанного типа — рыболовно-охотничьи, уходящие к северу от Печоры. Часть артельщиков ловила рыбу, а другие добывали птицу (гусей, уток), а потом, с заморозками, и зверей [78]. На Верхней Печоре маршруты артелей лежали обычно к предгорьям Урала, а наиболее опытные охотники ходили и за Урал, где чаще встречались белка, куница, а иногда попадались и соболи. Путь коми охотников за Урал лежал по долинам рек Илыч, Подчерем, Шугор, Уса; во многих местах они спрямляли дорогу помеченной зарубками тропой, идущей напрямую по тайге. На р. Илыч такая тропа начиналась от устья р. Сарь-ю и выводила к устью левого притока р. Ук-ю. Среди охотников эта тропа была известна под названием «низьпас» (соболиная метка). Знаменитый Сибиряковский тракт из с. Шугор на Печоре до д. Ляпино на Оби, сооруженный в 1887 г., был также проложен, по рассказам местных старожилов, на месте такой тропы, носившей название «Васька пас».

Верхневьчегодские охотники уходили за 100—150 км и более по южным притокам Вычегды к границе с Пермской губ., где у многих вычегодских охотников имелись избушки. В артели обычно входили лица, имеющие «вөр керка» приблизительно в одном районе. Сначала охотничья артель жила в одной избушке, пока не истребляла всю дичь поблизости, затем охотники перекочевывали в следующую «вөр керка» [79]. Иногда такие артели из верхневьчегодских селений образовывали сложную составную артель, т. е. две-три артели, охотясь по отдельности, договаривались о совместном возвращении, а после прибытия в селение складывали всю свою добычу вместе и делили поровну между всеми артельщиками [80]. Преимущества такой составной артели были в дополнительной гарантии от неудачи на промысле. Некоторые из охотников Верхней Вычегды с установлением санного пути с. Помоздино — с. Троицко-Печорск на подводах добирались

до д. Еремеево или д. Сарьюдин на р. Илыч и уходили на лыжах с нартами за Урал или охотились на западном склоне Урала.

Промысловые артели удорских охотников отправлялись обычно в верховья Мезени и Вашки, иногда за 200—300 км от дома. Продукты на место промысла доставляли еще летом на лодке и оставляли в построенных там избушках. Многие охотничьи артели из Удорского края отправлялись для добычи диких оленей и лосей, такая охота обычно велась по насту методом гона [81].

Вопрос о причинах и времени появления артельной охоты у коми не привлекал должного внимания исследователей, хотя сведения об охотничьих артелях встречаются практически во всех работах, затрагивающих промысловую деятельность народа коми. В дореволюционный период единственной попыткой рассмотрения вопроса об артельной форме организации труда у коми с материалистических позиций была работа известного полярного исследователя В. А. Русанова «Зыряне», опубликованная уже в советское время, спустя десятилетия после написания. В. А. Русанов опирался на собранный фактический материал, не потерявший ценности до настоящего времени. Взяв за основу марксистское положение о связи общественных отношений с данной формой производства и приводя уравнительный принцип распределения добычи в охотничьих артелях в качестве основного довода, автор приходит к выводу, что «исходным пунктом зырянских артелей является артель коммунистическая» [82]. В примечаниях к статье видными советскими этнографами А. М. Золотаревым и В. Н. Чернецовым данный вывод В. А. Русанова ставится под сомнение и указывается, что в артели объединялись не столько родственники, сколько односельчане. Артели строились на территориальном или соседском принципе, а подобные формы отношений возникают в эпоху перехода от первобытнообщинного к классовому строю [83]. Генетическую связь между простой кооперацией труда в первобытнообщинных коллективах во время облавных охот и промысла крупных зверей и охотничьими артелями можно увидеть лишь в сходстве формы. Но в старую форму было вложено новое содержание, которое определялось в первую очередь новыми отношениями к праву собственности на добычу.

Охота, несомненно, была одним из древнейших занятий человечества, в том числе и племен пракоми. Но именно охота, точнее, ее пушная специализация, связанная с возникновением товарных связей между предками коми и соседними народами, послужила одной из причин разложения родового строя. «Родовой строй отжил свой век. Он был взорван разделением труда и его последствием — расколом общества на классы... Производство на всех предшествовавших ступенях общественного развития было по существу коллективным, равным образом и потребление сводилось к прямому распределению продуктов внутри больших или меньших коммунистических общин... Но в этот производственный процесс медленно проникает разделение труда. Оно подрывает

коллективный характер производства и присвоения, оно делает преобладающим правилом присвоение отдельными лицами и вместе с тем порождает обмен между ними..» [84].

Выделение пушной охоты в самостоятельную отрасль, видимо, и было у коми одним из первых проявлений начавшегося процесса разделения труда и связанного с ним заката первобытнообщинной формации. Впоследствии добыча пушнины для товарообмена или на продажу надолго стала определяющим фактором промысловой деятельности коми охотников. Именно с ней, по всей видимости, и связано как возникновение, так и столь долгое существование коми охотничьих артелей. Не случайно основное правило охотничьих артелей — право на равную долю в добыче — у многих сибирских народностей распространялось лишь на товарную продукцию, но не затрагивало мясную добычу, которая подлежала разделу среди всех соплеменников. У коми общественно-экономические процессы, связанные с резким повышением товарности промыслового хозяйства, начались значительно раньше, чем у сибирских народов. Пушные артели у них сформировались по крайней мере до XVII в, поскольку на соболиный промысел в Сибирь в XVII в. коми отправлялись уже артелями. В. А. Александров обращает внимание на то, что в организации соболиных артелей в Сибири в XVII в. принцип «землячества» проявлялся редко, лишь у выходцев с рек Вымь, Сысола, Вычегда [85]. В отличие от русских промысловиков, которые проникали в Сибирь поодиночке и группировались в артели для промысла уже на месте, коми охотники, по-видимому, создавали промысловые артели еще до отправления в дорогу.

Дальняя охота, которая осуществлялась артельным способом, всегда была у коми посвящена преимущественно добыче пушнины: даже при охоте на медведя и крупных копытных — лосей и оленей — на первое место ставился возможный доход от реализации шкур. Уменьшение численности зверя вблизи мест обитания коми охотников вынуждало их отправляться на промысел во все более отдаленные места. Специфика дальней охоты была причиной сохранения артельных промыслов ввиду их преимущества перед охотой индивидуальной. Во всех других случаях, когда не было в том необходимости, коми охотники предпочитали охотиться в одиночку, именно так велся промысел в ближних угодьях, находившихся в семейной собственности.

Отсутствие родственного принципа при составлении охотничьих артелей указывает на то, что их развитие связано с существовавшей у коми соседской общиной, которая, представляя собой объединение неродственных семей, является последним этапом существования самой общины. Чем более развит обмен, тем, по словам Энгельса, «быстрее община идет навстречу своему разложению, превращаясь в деревню мелких собственников-крестьян» [86].

Коми охотники — добытчики пушнины мало чем отличались от мелких ремесленников, работавших на рынок через посредство

скупщиков, а охотничья артель для дальней охоты представляла собой профессиональное объединение, образовавшееся ввиду его преимущества перед трудом (в данном случае охотой) индивидуальным. Являясь объединением мелких собственников, охотничьи артели ни в коем случае не могли быть носителями первобытнообщинных отношений, которые не соответствовали их сущности, поэтому причину возникновения уравнительного принципа распределения добычи следует искать в другом. Охотничий промысел всегда был связан с элементами случайности, завися как от климатических условий, так и от количества зверя и дичи в данный промысловый сезон в той или иной местности. Сама по себе артельная охота, несмотря на свои преимущества, не могла полностью гарантировать отдельного охотника от неудачи на промысле, но зато эти гарантии в значительной мере представляло право на свою долю в общей добыче путем ее равного раздела между всеми членами артели. Подобный уравнительный принцип распределения охотничьей добычи в корне отличается от распределения продуктов коллективного производства, существовавшего в первобытнообщинном обществе, так как подразумевает право на свою долю в коллективной добыче не каждого из сородичей, а лишь лиц, непосредственно участвовавших в промысле и понесших определенные затраты на снаряжение и пропитание.

Наиболее распространены у коми охотников были артели по добыче пушнины. Численность членов такой артели колебалась от двух до десяти человек, наиболее принятой и удобной считалась артель из четырех—шести промысловиков. Составлялись артели по добровольному соглашению, родство играло незначительную роль, большее значение имели охотничий опыт и моральные качества. Иногда члены артели были даже из разных сел, например, в составе охотничьих артелей д. Мучкас ходили на промысел в верховья Мезени и охотники из соседней д. Мелентьево. У верхнепечорских и верхневьегодских охотников при походах за Урал по р. Илыч особенно ценным считалось иметь в составе артели кого-либо из опытных илычских охотников из д. Еремеево или из д. Сарьюдин. В этом случае он обычно назначался «хозяином», а прежний руководитель артели шел просто участником. Охотничий опыт промысловиков, состоящих в одной артели, обычно был примерно равен, хотя иногда в артель принимали и подростков лет 14—15, но не более одного на артель. В этом случае на него в первый сезон не распространялся принцип общего права на равную долю в добыче, а полагалось лишь от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ пая или подросток получал полный пай, но после раздела добычи должен был выставить артели угощение в виде $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{2}$ ведра водки и одного—двух фунтов кренделей на закуску [87].

Собиралась артель незадолго до начала промысла. Обычно вначале сговаривались двое—трое менее опытных охотников, которые, наметив руководителя, шли к нему и просили принять в артель.

«Хозяин» соглашался или отказывал им. Если согласие было получено, совместно решали вопрос, кого привлечь в артель еще. Иногда членов артели по одиночке выбирал сам «хозяин» [88]. Руководителем охотничьей артели был наиболее опытный промысловик, хорошо знающий местность, куда направлялись на добычу зверя. Общепринятым у коми наименованием вожака охотничьей артели было заимствованное из русского языка слово «хозяин», ему предшествовал, видимо, зафиксированный у охотников Верхней Вычегды и Печоры коми термин «юра» (главный, старший, от «юр» — голова), употреблявшийся в том же значении [89]. Обычно «хозяин» артели был и самым старшим по возрасту, хотя иногда предпочтение отдавалось и молодому, но бывалому и уже ходившему на охоту в район артельного промысла охотнику, если он был среди артельщиков лучшим знатоком тех мест.

На все время промысла «хозяин» артели пользовался правами единоначалия, его указаниям подчинялись беспрекословно. Он выбирал маршрут движения и место для ночлега, распределял районы промысла между артельщиками, следил за соблюдением в артели товарищеской атмосферы. Как правило, особых привилегий во время промысла у «хозяина» не было, он наравне со всеми участвовал в устройстве лагеря, приготовлении пищи и заготовке дров, в добыче зверя. Единственно, от чего он освобождался — это от передвижения нарт, а принадлежащее «хозяину» имущество равномерно было распределено по нартам членов артели. В некоторых более многочисленных артелях «хозяин» освобождался иногда от дежурства по приготовлению пищи. По сведениям Д. К. Соловьева, в прежние времена «хозяин» не участвовал и в оборудовании ночлега, а указав место для остановки на ночлег, садился на пенек специально срубленного для этой цели дерева и лишь следил за действиями других [90].

Охотничьи артели у коми характеризовала узкоцелевая направленность, вся добыча была предназначена для рыночного сбыта, поэтому каждый из артельщиков брал с собой запас продовольствия на все время промысла. Основным средством передвижения у коми охотников были камусные лыжи («лызь») и ручные нарты, которые тащили с помощью ременной упряжи. Грузоподъемность охотничьих нарт достигала 10—12 пудов, но передвижение груза более 8—9 пудов даже с помощью собак было тяжелой работой. При длительных подъемах охотникам приходилось оставлять часть груза и впрягаться в нарты по двое, за оставшимся снаряжением возвращались на следующий день. Поэтому в дальние и особенно длительные артельные походы из продуктов брали только самое необходимое, ограничивая рацион до предела. В среднем на охотника и его лайку при промысле длительностью более двух месяцев бралось около 30 фунтов продуктов на неделю, на более короткий срок норма была несколько больше. Кроме продуктов питания, каждый из участников охотничьей артели брал с собой запас пороха (до 3 фун.) и свинца

(3—4 фунта), если на вооружении охотника было пистонное ружье — то коробку пистонов на 1000 шт. При отсутствии в районе дальнего промысла охотничьих избушек приходилось брать с собой берестяные полотнища «киска» для покрытия «чома» и спальные принадлежности: оленью шкуру для подстилки при ночлеге, одеяло из овчины с мешком для ног внизу («ыж ку эшкын»). Из хозяйственных принадлежностей для всей артели брали котелок, чайник, деревянную лопату для разгребания снега, крючья для подвески посуды над костром. На случай поломки лыж в артельном имуществе обычно имелись одна-две пары запасных. При походах за Урал в снаряжении обязательно была сеть для обмета куницы («казь»), длиной от 80 до 120 саженей (170—250 м), с ячеей до $\frac{1}{2}$ вершка (6,6 см) и высотой 2—3 аршина (1,5—2 м). На Средней Печоре «казь» упаковывали в специальный мешок («казь поп»), спитый из домотканого сукна с клапаном («лапёд») и ремнями, как у рюкзака. В некоторых селениях на Верхней Печоре владельцем «казь» обычно являлся «хозяин» артели, к примеру, в с. Покча это условие было обязательным при выборе «хозяина». На Средней Печоре иметь по 40—80 саженей сети входило в обязанность каждого члена артели: двое охотников, сшив из двух половинок одну сеть, охотились вместе.

Отправлявшаяся на промысел артель стремилась как можно быстрее достичь намеченного района. Охотники двигались с максимально возможной скоростью по лыжне, проложенной идущим впереди налегке «хозяином» артели, с раннего утра до конца светового дня. Через два—три дня по указанию вожака устраивались дневки, во время которых промысловики исправляли мелкие неполадки в снаряжении и отстреливали дичь и зверя в ближайшей местности. Первая длительная остановка делалась лишь после прибытия в район основного промысла. На одном месте артель находилась обычно дней десять. Каждый день после плотного завтрака охотники, взяв с собой по два-три сухаря, отправлялись на весь день в разные стороны от лагеря по направлениям, указанным им «хозяином» по компасу. Вначале они шли в диаметрально противоположные стороны в прямом направлении от «чома», а затем заворачивали по договоренности налево или направо, описывая большую дугу, и к вечеру попадали на свою лыжню, по которой возвращались к лагерю [91]. После полного истребления зверя на этом участке «хозяин» переводил артель на другое место. Такая перекочевка носила название «вешйог». В артели, состоявшей не менее чем из четырех человек, перед передвижением на новое место один из ее членов предварительно отправлялся на осмотр окрестностей [92].

Если выбранный район промысла посещался артелями из года в год, то для ночлега обычно имелись охотничьи избушки, выстроенные в предшествующие годы. При отсутствии «вөр керка» для ночлега и временного лагеря сооружался шалаш («чом»). Такой шалаш, крытый берестяными полотнищами («киска чом»),

был единственным пристанищем на все время промысла у ходоков за Урал.

Основным орудием промысла при коллективной добыче пушны было огнестрельное оружие. Белок отыскивали с помощью собак. Если белка пряталась в кроне дерева, один из охотников вспугивал ее, ударяя о ствол увесистой жердью с толстым комлем («иган»), а его напарник стрелял. Куниц добывали обычно на лыжах в угон, пока куница не устанет и не забьется в какую-нибудь нору. Тогда на колышках, воткнутых вокруг норы на расстоянии в 1,5—2 сажени (3—4 м), развешивали сеть («казь») и старались выгнать зверька из убежища. Для добычи крупного зверя на артель, помимо винтовок — «малопулек», брали одно-два ружья большого калибра. При остановке для промысла на длительное время в одном месте использовали деревянные ловушки и петли, которые расставляли вокруг лагеря. Обнаружив след лисы, охотники окружали лыжной обширный участок леса с таким расчетом, чтобы лиса оказалась внутри круга из лыжни. Затем один из охотников разбивал этот круг своим следом на две части, затем еще на две и т. д. Когда круг делался достаточно малым, лиса начинала ходить внутри него на расстоянии метров четырех от края, не смея переступить лыжню. Тогда на тропе из лисьих следов ставился капкан [93].

Пушная весенняя охота обычно заканчивалась к церковному празднику благовещения (25 марта ст. стиля), к этому времени приурочивалось возвращение артелей. Добытую артелью пушнину делили сразу поштучно, а шкурки соболя, куницы, рыси, медведя оставались у «хозяина», который продавал их и распределял потом уже деньги: «Делят добычу по равным частям, или, продав вообще весь товар, делят деньги, с величайшей честностью и без малейшей утайки» [94]. В год богатый белкой («ура во») на долю каждого охотника выходило по 500 и более штук белок, средняя добыча соболя на артель была не более 6—10 шт., хотя при удачном промысле иногда доходила и до трех десятков. В случае пропажи во время промысла какой-либо снасти стоимость ее также раскладывалась поровну на всю артель [95].

Весной после появления наста широко практиковалась артельная охота на диких оленей и лосей методом гона. Артель составлялась из пяти-шести человек, с собой брали несколько собак. Гон продолжался иногда по несколько суток. Сменяя друг друга, охотники бежали на лыжах за животными нередко по 18—20 часов без еды и отдыха. Загнанных зверей добывали из ружей или закалывали копьём. Прекращалась охота лишь с уничтожением всего обнаруженного стада. Зачастую одна артель добывала до двух десятков оленей и лосей. Так, в 1910 г., по данным лесничего Г. Ф. Роланда, в Сысольском лесничестве несколькими промысловиками было убито за неделю 32 лося, а другая группа за три-четыре дня убила 27 лосей и оленей [96]. Убитых лосей и оленей освежевывали, пока они еще не остыли; снимали «ковром» шкуру, скатывали ее в трубку, завязывали вицами и замо-

раживали. Тушу разрубали на части и увозили на нартах в деревню или, если промысел еще не был закончен, укладывали в «лабазы», устроенные на деревьях, предварительно засыпав мясо солью и снегом [97]. Мясо и деньги, полученные после реализации шкур, делились поровну между всеми участниками промысла.

Загонный способ добычи лося по глубокому снегу был распространен у всех народов таежной полосы [98]. Он широко практиковался у эвенков [99], манси [100], русских охотников Среднего Урала [101]. Не менее распространен был загон дикого северного оленя по насту. Так добывали оленей эвенки и русские промысловики в Сибири [102], саамы Кольского полуострова [103] и русские охотники Архангельской губ. [104]. Данный способ относится к культуре таежных охотников и не был известен самодийским народам [105]. У коми охота на диких копытных, видимо, имела в прошлом существенное значение. Не случайно в одной из пословиц говорится: «Талун тай пӧтэсь-а, аски, дашке, бшинь улэ йӧра воас-да» («Сегодня сыты, а завтра, может, во двор лось придет») [106]. Но к началу XX в. в результате интенсивного промысла поголовье диких оленей и лосей резко сократилось, а в отдельных местах дикие копытные стали столь редки, что когда один из нижневычегодских охотников незадолго перед первой мировой войной впервые увидел следы лося, то принял их за следы коровы [107].

Основные признаки охотничьей артели — договорное начало и право на равную долю в добыче каждого участника — были присущи и кратковременным объединениям охотников для коллективной охоты на медведя. Охотник, нашедший медвежью берлогу («оп гу»), оповещал об этом трех-четырех товарищей и в случае их согласия составлялась кратковременная артель. Охотники занимали удобные позиции вокруг берлоги, а затем, рассчитав отверстие, просовывали внутрь связанные вершинами молодые елочки, которые потревоженный медведь подминал под себя, загоразживая выход и ограничивая себе свободу передвижения. «Замурованного» медведя убивали выстрелом через сделанное «койбедь» или копьём («опш пы») небольшое отверстие. Если медведь все же выбирался из берлоги, то его принимали на копыя и добивали из ружья. Аналогичный способ охоты был широко распространен по всей таежной полосе.

Облавные охоты у коми практиковались мало. Верхневычегодским промысловикам был известен способ добычи зайцев при помощи сетей («кӧч казь»), в котором принимало участие до трех десятков человек. «Кӧч казь» изготавливали из толстых и прочных сученых ниток длиной от 10 до 20 сажень (21—42 м), высотой около сажени (2,1 м) и размерами ячеей от 0,5 до 1 вершка (2—4 см). Около десятка сетей укрепляли на кольях и ветках деревьев так, чтобы они висели свободно и наклонно в сторону гона. Шесты и сети к шестам прикреплялись слабо, при попадании в них зайцев сети легко падали и зверьки запутывались, пытаясь выбраться. Во время гона одна группа охот-

ников стояла у сетей с обеих их сторон, а остальные с помощью собак гнали в сети зайцев. Облавная охота сетями на зайцев в прошлом широко распространена была у марийцев [108].

У коми-ижемцев существенное значение для внутрисемейного использования имела добыча линной птицы, особенно распространен гусиный промысел был у жителей Усы и ее притоков. В июле, в разгар линки гусей, в тундру отправлялись небольшие артели в три—четыре человека на одной-двух лодках в сопровождении собак.

Первые из артелей, выбравшихся в тундру, имели особенно большую добычу. Гуси в период линки обычно пасутся небольшими группами по берегам рек. Первая из артелей, поднимавшаяся по какой-либо речке, начинала медленно продвигаться вниз по воде, сгоняя в нее птиц, пасущихся по берегам. Сзади образовавшегося гусиного стада плыла лодка, а по обоим берегам шли охотники с собаками, не давая добыче выйти на берег и непрерывно пополняя количество птиц, плывущих по реке. Если встречалась боковая река, то с нее таким же способом сгоняли гусей до устья и присоединяли к основной стае. Ближе к ночи в заранее намеченном месте гусям давали выйти на пологий берег и папастись, а рано утром их вновь сгоняли в воду.

Вблизи устья реки оставался один из членов артели, который ко времени пригона гусиной стаи подготавливал загон. На пологом берегу реки, переходившем в крутой подъем, преграждавший птицам дальнейшее передвижение, вбивалось несколько кольев, которые обтягивались сетями, образуя довольно просторный круг. На высоте 60—90 см от земли по направлению к реке делалось отверстие, к которому было проложено несколько наклонных досок, замаскированных сверху землей и травой. Отверстие закрывалось гибкими ивовыми прутьями, падающими при незначительном давлении внутрь загона. Поперек берега натягивалась изгородь из сетей, с одной стороны соединяющая загон с высоким береговым скатом, а с другой — уходящая на некоторое расстояние в реку. При приближении гусиной стаи охотник, оставшийся для сооружения загона, еще издали начинал пугать птиц, ударяя длинной палкой по воде. Остальные члены артели вместе с собаками не давали гусям выйти на противоположный берег, а путь назад преграждал один из охотников, находившийся в лодке. В конце концов у них оставался лишь один путь — на берег и вдоль него до ограждения из сетей, а потом по помосту гуси попадали один за другим в загон. При счастливой охоте количество пойманных гусей превышало тысячу штук [109].

Следует отметить, что, несмотря на кажущуюся простоту, слав гусей требовал большого навыка и осторожности, а также хорошего знания местности, так как неосторожно преследуемая стая рассеивалась во всех направлениях. Кроме того, такой способ был приемлем лишь для небольшого количества артелей, добравшихся до тундры первыми.

Большая часть артелей добывала гусей на месте, охватывая широкую прибрежную полосу. Охотились с хорошо обученными собаками, которые догоняли птиц и перегрызали им шею. Огнестрельное оружие применяли крайне редко, а обходились палками, которыми убивали гусей, подкравшись к ним вплотную. Также гусей добывали с помощью наземных сетей. Сети высотой около 1,7 м и длиной 40—50 м двое охотников ставили вблизи тундрового озера, на котором находилась стая, остальные промысловики с помощью собак спугивали гусей и гнали в круг, образованный сетью. Затем сеть стягивали, а попавших в нее птиц добывали палками [110].

После возвращения домой производился раздел добычи по общему для всех охотничьих артелей принципу равного распределения. Затем каждый из охотников производил засолку своей добычи и либо продавал соленых гусей скупщикам чердынских купцов, либо большей частью они шли для собственного потребления.

Специализированная добыча линной птицы в целом для коми была нехарактерна, хотя и имела место: «Когда птица линяет, тогда они ходят по отмелым озерам, где подлинялых птиц, а особливо гусей бьют палками» [111]. В период линьки уток их били с лодки веслом или острогой. Но, поскольку основные места гнездовий водоплавающих находятся в тундровой зоне, существенное значение промысел линной птицы приобрел лишь с продвижением народа коми на север, у сформировавшейся там в течение XVII—XVIII вв. территориальной группы коми-ижемцев.

Охота на линную птицу была широко распространена по всей зоне тундры. Одинаковы по всей зоне и способы охоты — загон в сети и промысел их на суше близ озер, устьев крупных рек и морского побережья [112]. Так, у долган во время линьки гусей ловили артелями, состоящими из людей одной кочующей группы. Гусей загоняли в изгородь из рыболовных сетей в форме остроугольного угла. Внутри изгороди птицы попадали по земляному холмику, пологому со стороны воды и круто обрывающемуся с внутренней стороны [113].

В то же время нет оснований считать появление данного способа охоты у северных коми результатом прямого заимствования, поскольку возникновение его связано с началом использования сетей. Но их распространение у народов Крайнего Севера началось лишь с появлением там русских [114]. Процесс этот, растянувшийся на XVII—XVIII вв., хронологически совпадает со временем освоения коми новой экологической ниши — тундровой зоны Европейского Северо-Востока. Сетные орудия, в том числе сети для лова зверей и птиц, издавна были известны коми. По всей видимости, именно в результате совместного творчества промыслового населения аборигенов тундровой зоны и промысловиков таежной зоны Европейского Северо-Востока (русских и коми) появился и быстро распространился сетный промысел линной птицы.

К явно заимствованным способам коллективного промысла у коми-ижемцев относилась охота на песцов путем загона с помощью оленьих упряжек на лед озера. В организации загонов участвовали только владельцы оленьих упряжек. 30—50 оленьих упряжек разъезжались широким веером по тундре, и с криком промысловики начинали гон песцов, охватывая их дугой и сгоняя на определенное место, обычно на непокрытый снегом лед озера. Дуга из упряжек постепенно сжималась, пока озеро не охватывалось кольцом. После этого в круг входило несколько стрелков с ружьями. Добыча делилась по паям, поровну каждому участнику загона, выехавшему с оленьей упряжкой. Известны случаи, когда при большом количестве участников — до 50 упряжек из разных хозяйств — за один загон добывали по 300 песцов. Отдельные хозяйства, выставившие много упряжек, получали по паям по 20—40 песцов [115]. У ненцев этот способ облавной охоты носил название «талрава», а у русского населения — «талара» [116]. В «таларе» участвовало 20—50 нарт, все участники получали одинаковый пай [117].

В Усинском крае, где широко практиковалось выращивание крестоватиков, ежегодно весной, сразу после вскрытия рек, собирались артели для добычи песцовых щенков из нор. Численность артелей колебалась от 3 до 15 человек, обычно односельчан. На трех человек полагалась одна большая лодка с крытой серединой, а в больших артелях брали с собой еще несколько маленьких лодок для разъездов. В глубь тундры, нередко за 300—500 км от дома, лодки доставляли бечевой с помощью весел и шестов. Иногда лодки доставляли до места добычи еще осенью, припрягая в бечеву лошадей, а небольшие лодки — ранней весной по снегу с помощью оленеводов,двигающихся на летовку. Места нахождения нор песцов обычно были уже известны из предыдущих поездок. Продвигались с максимально возможной скоростью, делая лишь кратковременные остановки на отдых по три—четыре часа в сутки. Добравшись до первой из песцовых нор в районе намеченного промысла, артель растягивалась по реке километров на 40 и приступала к отлову щенков. У лодки, оказавшейся посередине, устраивался базовый лагерь, к которому съезжались остальные лодки с добычей. Отлов молодых песцов производился на сравнительно узкой полосе вдоль реки, не удаляясь от нее более чем на 10—15 км. В отличие от оленеводов, которые из-за недостатка времени практиковали раскапывание нор или выкуривание дымом, отлов крестоватиков* производился только капканами, поставленными у входа в нору (до распространения капканов их ловили «черканами»). На некотором удалении от песцовой норы строился шалаш, в котором промысловики жили, дежуря по очереди у поставленных капканов. Попавших в капкан крестоватиков переносили в лодку. Ловля заканчивалась, как только все

* В зависимости от возраста песцовые щенки назывались «норники», «крестоватики» (так как их спинка пересечена крестообразно серыми полосами), «голубцы-чалки», «недопески».

норы были осмотрены. Первая из освободившихся лодок отправлялась на добычу линных гусей для питания всей артели. Если песцов было мало, то вся артель переходила на ловлю рыбы и линных гусей. После возвращения в деревню добыча распределялась поровну между членами артели [118].

Выращивание песцов-крестоватиков как промысел было характерно преимущественно для населения Усы и ее притоков, чему способствовало близкое расположение тундровой зоны. На остальной территории Коми края в менее массовом количестве издавна практиковалось выращивание лисят. О наличии домашнего звероводства в конце XVIII — начале XIX в. свидетельствуют многие авторы [119]. У манси, по данным С. В. Бахрушина, выращивание лисят, вынутых из нор, было распространено уже в XVII в. [120]. Лисий молодняк добывали, как и песцов, обычно весной, около Николы (9 мая ст. стиля), раскапыванием нор, так как кашканий промысел был малорезультативен.

Выращиванием «кормежек» занимались, как правило, сами промысловики, продажа добытых щенков практиковалась редко. Песцовый молодняк помещали обычно на чердак жилых домов, реже в амбарчиках. В одном помещении содержали от 2 до 17 зверей, норников от крестоватиков отделяли перегородками. На пол подсыпали песок или опилки, устраивали полати или доски для лежания, чтобы песцы не портили шкурки. В качестве кормушек использовались небольшие долбленные колоды. При долблении внутри колоды оставляли внутренние перемишки, так что в одной колоде получалось несколько отдельных мисочек по числу «кормежек». Воду наливали в круглые деревянные чашки или также в долбленные колоды. Перед линькой песцов вдоль стен помещения ставили наклонно ряд срубленных елочек так, что под ними образовывался узкий коридор, бегая по которому песцы освобождались от старой шерсти. Кормили песцовых щенков по приезде из тундры сырым, лучше парным, молоком и простоквашей, в молоко прибавляли кусочки черного хлеба или картошки. Норников кормили три раза в день, давая около пяти стаканов молока в сутки, крестоватиков — два раза, но большими порциями за раз. Некоторые сразу сажали песцов на «щи» — заваренную кипятком до средней густоты кашу из ячменной муки, которую разбавляли холодным молоком. Впоследствии понемногу давали мясо, хорошей пищей считались мыши и кроты. Перед убоем песцов держали впроголодь, считая, что от этого мех будет лучше. Убой происходил постепенно, по мере линьки, с конца ноября до конца февраля. Если песцы долго не линяли, то их выносили наружу и держали на цепочке. Убивали палкой ударом по носу. Процент гибнущего песцового молодняка у усинцев, по данным Д. К. Соловьева, был равен 13% и не превышал естественных потерь в природе, в то время как у оленеводов гибло до 40—60% [121].

Выращивание лисят носило более эпизодический характер, но как промысел несомненно наносило урон окружающей природе.

В отдельные годы раскапыванием нор добывалось значительное количество лисят. Так, в 1840 г. только в Усть-Усе выкармливалось 90 лисиц. [122]. Держали их так же, как песцов, кормили сначала молоком, сметаной и сливками, потом — «щами», хлебом, кашей, рыбой и мясом. Убивали так же, как песцов; забой производился около 6—15 декабря ст. стиля. Помимо разрушения лисьих нор, промысел этот был вреден большим процентом гибели молодняка, от 30 до 50% [123].

Удачливость охотников на промысле вне «путиков» во многом определялась тем, насколько опытную собаку он имел. Об этом гласит и коми поговорка: «Понтём олёмьд вёрад абу олём» («Жизнь в лесу без собаки — не жизнь»). С помощью собак велся основной промысел белки, без них обходились лишь весной, когда у белок начинался период гона («шагыр»). Такая охота носила у коми охотников также наименование «шагыр». В это время у самцов происходили драки, и на одном дереве собиралось нередко по семь—восемь штук белок, которые легко обнаруживали себя шумом и писком. Кроме беличьей охоты, собак использовали при добыче куницы, выдры и других пушных зверей; при охоте на лосей и оленей; при ружейном промысле боровой дичи, исключая рябчика; при охоте на линных гусей в тундре и т. д. Обязательное наличие собаки у каждого промысловика было в дальних походах артелями.

Охотничьи собаки у коми относились к группе пород лаек, известной в прошлом под наименованием зырянской лайки. В настоящее время чистота породы не сохранилась, а в результате слияния зырянской, архангельской, новгородской, карельской, вотяцкой и других близких пород лаек образовалась русская охотничья лайка [124]. Зырянской лайке были присущи хорошее обоняние, зрение и слух (чутье), упорное преследование найденного зверя или птицы и последующее облаивание (слежка), звучный и доносчивый голос, настойчивость и упорство при поиске, слежке и облаивании (вязкость). Хорошо обученная собака зверя или птицу не рвала, а только «закусывала», за зайцем не гонялась. Искала и хорошо брала выдру. Встретив росомуху, поднимала ее на дерево и держала до прихода охотника. Не боялась медведя, шла на него и «держала».

Обучали молодую собаку в лесу обычно с хорошей, уже бывавшей год-два на промысле лайкой. Иногда охотник натаскивал ее «по следу»: найдя, к примеру, след горноста, он доводил собаку до места, где зверь ушел в землю, и помогал выжить его из норы. Когда собака поймает зверька или поднимет на дерево и караулит его с лаем, охотник, убив горностая, давал его лайке понюхать и куснуть, а потом награждал ее куском хлеба или чем-нибудь другим съедобным. Если собака, подняв зайца, гналась за ним и не возвращалась, несмотря на зов, то охотник старался убить зверька, и, поймав лайку, бил ее мертвым зайцем. При повторении подобного случая ей продергивали с помощью иголки или шпала сквозь оба уха суровую нитку, концы нитки

завязывали узлом, а собаку пускали в место, где много зайцев. Погнавшись за ними, лайка цеплялась ниткой за кусты и ветки и останавливалась от боли или рвала себе ухо [125].

Хороших, обученных собак продавали редко, цены на них были достаточно высоки — в конце прошлого века 15—20 руб. серебром [126]. Чаще ее меняли на скотину, иногда с доплатой с той или иной стороны [127]. Обычно же продаже подлежали лишь щенки. Особенно ценились лайки, однаково хорошо промышлявшие любого зверя, поскольку редкий охотник мог позволить себе содержать несколько собак с различной специализацией каждая. Хороших собак берегли, на промысле «охотник заботливо относится к своей собаке и скорее сам не доест, а ее накормит» [128]. У ижемских охотников существовало обыкновение кастрировать промысловых лаек, чтобы они не покалечились в собачьих драках. У охотников других районов кастрация собак не практиковалась и была заимствована, видимо, коми-ижемцами из оленеводческого быта.

У охотников существовала целая «наука» выбора щенков. Знайки, умевшие по внешнему виду щенка и его поведению определить как его пригодность для охоты вообще, так и на какого зверя он пойдет, когда вырастет, пользовались особым уважением среди промысловиков. Наиболее часто выбор щенков заключался в следующем: еще слепых щенят клали на табурет, оставляли почувших край табурета, и выбраковывали упавших с него; или их бросали в воду и не спасали тех, что барахтались на месте, а не пытались плыть; поднимали щенят за шиворот: если пищит — толку не будет (или наоборот — чем громче пищит, тем лучше). При отборе доброкачественных щенков имели значение и внешние признаки: чем длиннее и толще хвост, тем лучше; у будущих «бельчатниц» должна была выступать затылочная кость, а на нёбе ближе к зубам находиться «ур чут» (беличье пятно); считали количество волосков на подбородке; смотрели ложбинку, идущую от носа к верхней губе («ныр потас») и наличие пятнышек на носу. Особое внимание уделяли строению нёба: выпуклые борозды на нем («ан») должны были выходить на зубы, а не на промежутки между ними; количество борозд предполагалось более 9, у хороших собак — до 12. Имел значение и цвет нёба и десен. Сходные признаки считались показателями доброкачественности собак у хантов: наличие «зарубки» на носу, черный зев и черные десны, наличие от 9 до 12 поперечных рубцов на нёбе или 3 усов на подбородке, выступающая затылочная часть, острые когти, карие глаза, холодный и черный нос [129].

Основные орудия и способы лова рыбы. Приемы и орудия коми рыболовства в большинстве своем были хорошо известны по всей лесо-таежной зоне. Они отличаются большим разнообразием и имеют много общего с чертами древних культур. В ходу у коми были различные сети (ставные, тягловые и плавные), деревянные и сетные рыболовушки, лучение, глушение рыбы подо

льдом, лов рыбы на дорожку и перемет и др. Для увеличения эффективности рыболовного промысла служили сезонные объединения — рыболовные артели.

Лов рыбы путем устройства поперек реки или протоки специальной загородки — «запора» имел у коми большую популярность. Один из дореволюционных авторов писал о «запорах», что этот «способ настолько распространен среди местного населения, что трудно себе представить какую-либо реку в Печорском крае без того, чтобы наряду с этим представлением не вырисовывался ряд кольев, перегораживающих реку» [130]. Количество заграждений на отдельных реках измерялось сотнями. С. Е. Мельников в середине прошлого столетия на р. Вис, вытекающей из Синдорского озера, насчитал более 400 заколов для установки «морд» [131].

Древнейшие орудия коллективного рыболовства — «запоры» или заколы были известны человечеству еще в неолите. Об этом свидетельствуют находки остатков рыболовных заграждений на территории лесной зоны Европейской части СССР [132]. На территории Коми края наиболее древние остатки рыболовных заколов обнаружены во II Висском торфянике (Ванвиздино, IV–VIII вв. н. э.), но есть основание считать, что запорное рыболовство было известно местному населению гораздо раньше. Среди находок в I Висском торфянике, датируемом мезолитом-неолитом, значится часть жесткого мата из тонкой дранки, переплетенной растительными жгутами [133]. Аналогичные по типу щиты из дранки вплоть до недавнего времени служили составной частью некоторых видов рыболовных заграждений у коми. Запорное рыболовство было широко распространено в прошлом у народов, населяющих лесо-таежную зону Евразии. Оно было зафиксировано и описано практически у всех финно-угорских народов [134]. Были знакомы с запорным ловом рыбы и башкиры [135], он был одним из основных способов добычи семги в Русском Поморье [136]. Запорное рыболовство было известно ненцам [137], эвенкам [138], долганам [139], якутам [140], нганасанам, юкагирам [141] и другим народам Сибири.

Наиболее широко были распространены у коми рыболовные заграждения для лова рыбы «мордами» и вентерями в небольших реках, курьях и протоках, соединяющих старичные озера с основным руслом реки. Такие «запоры» носили наименование «тшуп», ближайшие аналоги которому лингвисты видят в удмуртском «чыпет» — плотина, пруд и хантыйском «tšir» — порог в верховьях реки [142]. «Тшуп» представлял собой ряд кольев длиной около 1,5 м, вбитых в дно с помощью деревянной колотушки весом около 10 кг («нõш») и переплетенных прутьями, или же два ряда кольев с проложенными между ними молодыми елками. Сплошная запруда поперек всей реки носила название «кõtшт-шõб тшуп», уд. или «муш тшуп», вв.; закол возле берега назывался «дор тшуп». Для установления ловушек в заграждении оставляли проходы «вуджас», скр.; «воминув», уд.; «гид», иж.

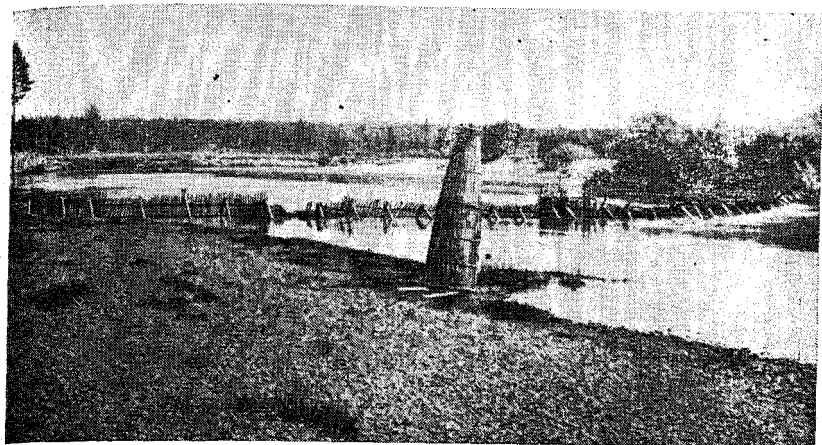

РИС. 46. Рыболовное заграждение на Локчине (начало XX в.)

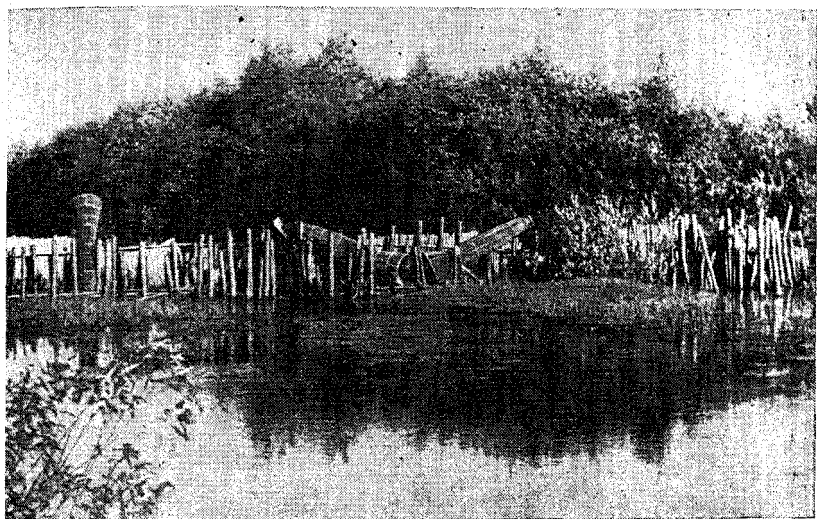

РИС. 47. Рыболовное заграждение на старице Вашки

Изгородь для зимней добычи ставили обычно осенью, иногда «тшуп» делали зимой, прорубая во льду узкую канаву и втыкая в дно молодые елки. Весной «тшуп» сооружали, когда начинала спадать вода.

Запоры для весеннего лова рыбы носили также наименование «тас» — от общеперм. «task» — поперечина, перекладина [143]. «Тас» устанавливали обычно у входа в куры и в протоки. Чтобы

полностью оставить в курье или старице рыбу, зашедшую в них с полой водой, перед началом спада воды «тас» дополнительно закрывали матами из дранки, связанной веревкой или расщепленными сосновыми корнями («радз»). Если старичное озеро имело сообщение с рекой лишь в половодье, то «радз» снимали, маты сворачивали и увозили.

Помимо «тшуп» и «тас», для лова рыбы в висах (протоки, соединяющие старичное озеро с рекой) и на небольших речках использовались «запоры» под названием «ез». Данный термин пришел в коми язык из русского. Еще в XVI в. «ез» был самым распространенным устройством для рыбного лова в Русском государстве [144]. «Ез» состоял из нескольких секций («совина пласт») шириной 1—1,5 аршина (71—106 см), представлявших собой два длинных сосновых шеста с оплеткой из ивовых прутьев. Устанавливали «совина пласт», вбивая шесты в дно. В проходах помещали «морды». Если между «мордой» и шестами «ворот» оставалось свободное пространство, то его закрывали заградкой из молодых елок («запус»).

На Печоре и Вычегде для лова рыбы зимой строились заграждения вблизи берега — «березник», печ; «бережник», вв. «Бережник» устанавливался осенью поперек реки, но не во всю ее ширину, а на длину около 15—20 саженей (30—40 м) и состоял из укрепленных с помощью вбитых в дно кольев «пластов» из сосновой дранки, связанной между собой бечевой или лыком. На Печоре «пласты» делали и из крупноячеистой сети (ячей 6—7,5 см) высотой 2—2,5 аршина (1,4—1,7 м) и шириной 1,5—1,75 аршина (105—125 см), привязанной на концах к кольям. Готовленные «пласты» растягивали между сваями заграждения, концы их кольев вбивали в дно, а сверху привязывали к сваям. Ближе к концу «запора» оставляли свободный пролет для установки «морды» или вентера. В свободном пролете к кольям прикрепляли горло рыболовухи, а ее конец с помощью колышка закрепляли выше по течению. Идущая против течения рыба, встретив заграждение и продвигаясь вдоль него, попадала в «морду» или вентер. Для того чтобы рыба, увидев рыболовуху, не повернула обратно, ниже по течению против горла делали дополнительное заграждение длиной от 3 до 4 саженей (6—8 м) в форме угла вершиной вниз по течению [145].

Аналогичное заграждение через всю реку для лова идущей на нерест семги и нельмы носило наименование «забой». «Забой» делались обычно артелью из односельчан или жителей нескольких соседских сел. Во всю ширину реки с лодки с помощью колотушки «нõш» на мелком месте вбивались колья высотой 1,5—2 м, немного наклоненные против течения. Чтобы укрепить колья, у их нижних концов наваливали камни. Над водой колья возвышались около полуметра. На колья вешались «забой пласт» — куски забойной сети, сплетенные из рогожи или бечевы, с ячейей 60—70 мм, привязанные к кольям. Длина «пласта» равнялась расстоянию между кольями (1,5—2 м), устанавливали

их, вбивая колья «забой пласт» в дно рядом с кольями заграждения. Вверху колья «пластов» и «забоя» связывали друг с другом.

Применялись «пласты» и другого типа, длиной 10—15 м. Они представляли собой крупноячеистую сеть, сплетенную из рогожки, которая прикреплялась к двум кольям, имеющим на концах привязанные деревянные кольца, выжженные из ели или согнутые из черемуховых ветвей. На расстоянии 1—1,2 м для большей прочности «пласта» к нему были прикреплены поперечины из палок диаметром 3—4 см. С помощью колец «пласт» закреплялся на кольях «забоя». В воротах «забоя» ставили «морды» и вентеря большого размера устьями в разные стороны, так как семга и нельма перестаются в разное время, и, когда семга поднимается вверх по реке, нельма уже спускается.

Деревянные рыболовухи — «морды» («гымга») имели у коми повсеместное распространение. Изготавливались они преимущественно из дранки («дзав»), которую получали следующим образом: сосновые чурбаки длиной 40—70 см (иногда больше, в зависимости от длины ловушки) раскалывали по радиусу на несколько частей, затем вымачивали в воде и расщепляли на дранку по годичным кольцам; у полученной четырехугольной в сечении лучины закругляли края. Из прутьев «гымги» делали редко. В качестве перевязочного материала применяли обычно сосновые корни («вуж»), разделенные на две части. На Верхней Печоре для этой цели служили корни кедра. Иногда употреблялась расщепленная черемуховая лоза («сарги»). Для изготовления обручей («гымга кытш») служил можжевельник. Наружный ободок горла «морды» чаще делался квадратной формы, иногда он был прямоугольным, а у «морд» небольшого размера — полукруглым или круглым. Воронка «морды» («гымга чолас») наглухо прикреплялась к конической бочке («гымга эжод»). Добытая рыба вынималась через незаделанное отверстие в нижней части «морды», закрытое берестяной дверцей («сюмодюсь»).

На Сысоле и Вашке наряду с «мордами» обычного типа встречались двойные «морды» («вома гымга»), с двумя направленными в противоположные стороны горлами («чобод»), рыбу из них доставали, снимая одну из воронок. На Вычегде и Печоре достаточно широко применялись «гымги» в виде деревянного каркаса, обтянутого сетью. Воронка у такой «морды» делалась также из сети. Аналогичная конструкция была распространена и у северорусского населения [146].

Диаметр устья и размеры «морд» колебались в достаточно широких пределах. Так, например, для лова мелкой рыбы, шедшей для внутреннего потребления, служили небольшие «гымги» с диаметром устья 40—70 см, длиной 1—2 м. Для лова семги в рыболовных заколах устанавливали «морды» длиной 4—5 м с диаметром устья, достигающим 1,5—2 м. Большие «морды» поднимали с помощью ворота. Чтобы вынуть добычу из таких «морд», рыбак подплывал к ней на лодке и после поднятия «гымги» во-

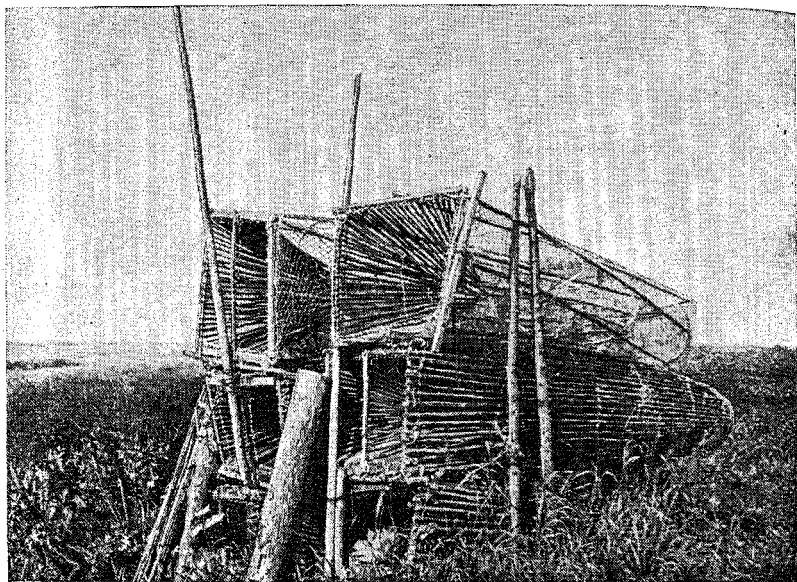

РИС. 48. Гымги на хrapении

РИС. 49. Гымга, установленная в ручье

ротом входил в нее сзади через дверцу, как в клетку, убивал рыбу колотушкой и выбрасывал в лодку [147].

Относительно происхождения коми термина «гымга» единого мнения у лингвистов нет. По мнению авторов «Краткого этимологического словаря коми языка», он является ранним заимствованием из мансийского языка [148]. Венгерский ученый К. Редеи, напротив, относит мансийское «ка́ткя» к заимствованиям из коми языка [149]. В пользу данного утверждения говорит наличие данного термина для обозначения «морд» из ивовых прутьев у марийцев [150].

В Прилузье имелась особая конструкция «морды» под наименованием «пуш». «Пуш» делали из дранки или из рябиновых прутьев, но в отличие от «гымги» данная конструкция изготовлялась без воронки в виде конусообразного мешка. С помощью «пуш» ловили рыбу, когда она спускалась вниз по течению во время спада воды. По мнению лингвистов, данный термин имеет еще допермское происхождение [151].

Из сетных ловушек коми рыбаками широко применялся «ветель» (ср. рус. вентерь, вентель) — ставная рыболовная сеть на обручах. «Ветель» представляет собой сетчатый мешок в виде конуса, связанный вкрутовую, с диаметром ячеи 8—20 мм. Наряду с «мордами» рыболовушки подобного типа имели в прошлом чрезвычайно широкое распространение. Заслуживает внимания сделанное Г. М. Буровым предположение, что найденные в I Висском торфянике деревянные обручи с отверстиями для привязывания сети могли принадлежать к сетным ловушкам типа «ветель» [152].

Наиболее распространен у коми был «ветель» небольшого размера, длиной до 1,5 м, и диаметром входного отверстия 35—55 см. «Ветель» большего размера применяли на Печоре для ловли семги. В зависимости от размера «ветеля» находилось и количество обручей, к которым прикреплялся сетчатый мешок. Обычно их было не более пяти штук. Обручи гнули из можжевельника. В воде «ветель» устанавливали с помощью колышков, одним из которых («ветель сой пу») прикрепляли ко дну глухой конец («хвост»), а двумя другими («ветель пель майёг») — сетчатые крылья («борднёс»). При установке «ветель» одно из крыльев располагалось параллельно берегу, а другое — поперек реки. На Вашке применяли и «ветель» с одним крылом, прикрепленным посередине входного отверстия; такой «ветель» ставили обычно в спокойной воде (в курьях, старицах, на озерах).

Рыбаками Вычегды и Сысолы для лова рыбы зимой применялась рыболовушка оригинальной конструкции — «йи гымга» («ледяная «морда»). Во льду вырубался перевернутый конус с усеченной вершиной, несколько выше нижней кромки льда. Затем в вершине конуса осторожно прорубалось сквозное отверстие, через которое в «йи гымга» вместе с водой попадала, спасаясь от замора, рыба и оставалась в круговой канавке, вырубленной вокруг основания конуса. Затем рыбу вычерпывали с помощью сака.

Этот способ был известен и русскому населению Архангельского у. [153].

Если у коренного населения Сибири в отличие от заповного рыболовства промысел рыбы с помощью сетей был развит мало вплоть до знакомства с русскими, то у лесо-таежного населения Восточной Европы сетные орудия появились с незапамятной древности. Как свидетельствуют последние исследования советских авторов, у большинства сибирских народов названия сетей происходят от обозначений плетеных ловушек для заповного рыболовства [154], что убедительно доказывает их позднее распространение. Правда, у отдельных сибирских народов — хантов [155], манси [156], озерных эвенков [157], камчадалов [158] — было зафиксировано изготовление сетей для лова рыбы из крапивного волокна, но в целом данное явление для аборигенов Сибири не было характерно.

На территории Коми края рыболовные сети появились еще в мезолите, о чем свидетельствует найденный в I Висском торфянике кусок сети, сплетенной из двупрядной веревки, свитой из корешков и листьев осоки. Эта сеть предназначалась для лова крупной рыбы (размер ячеи 50×50 мм) и была связана шкотовым (рыбацким или косым) узлом, которым вяжут и современные сети [159]. Таким же узлом была связана сеть из волокна липовой коры или крапивы, найденная в неолитическом торфянике на западном побережье Ладоги [160].

Практически не изменились со временем и орудия для вязания сетей, о чем свидетельствуют найденные археологами костяная игла для плетения сетей (Пожегдин II, Гляденово, II в. до н. э. — III в. н. э.) и деревянная пластинка для получения ячей одинакового размера при вязке сетей (II Висский торфяник, Ванвиздино, IV—VIII в. н. э.) [161]. Вплоть до появления уже в советское время сетей фабричного производства игла («рöж»), изготовленная из дерева или кости, и деревянная дощечка («таб») оставались необходимым инструментом каждого коми рыбака.

Вязание сетей производилось повсеместно самими промысловиками и членами их семей. Нитки из конопли или льна также пряли обычно сами. Лен и конопля были покупными, хотя частично потребность в них и удовлетворяли выращиванием в своем хозяйстве. В прошлом в качестве заменителя конопли, видимо, использовалась крапива. В ижемском диалекте крапиву часто называли «дикей пыш» — дикая конопля [162]. Во второй половине прошлого века, по данным Н. Ермакова, крапиву вместо конопли при вязании сетей употреблял крестьянин Петр Семенов, живущий в с. Болбан (Петрунь) вверх по р. Усе [163].

По сведениям, полученным от информаторов, на р. Усе рыболовные сети из крапивы изготавливали еще недавно, в разруху после гражданской войны. «Дикей пыш» собирали осенью в лесу, сушили, а потом мочили несколько недель в озерах и опять высушивали. Затем крапиву мяти на деревянной мялке, вычесы-

РИС. 50. Инструменты для вязания сетей («таб и рѡж»).

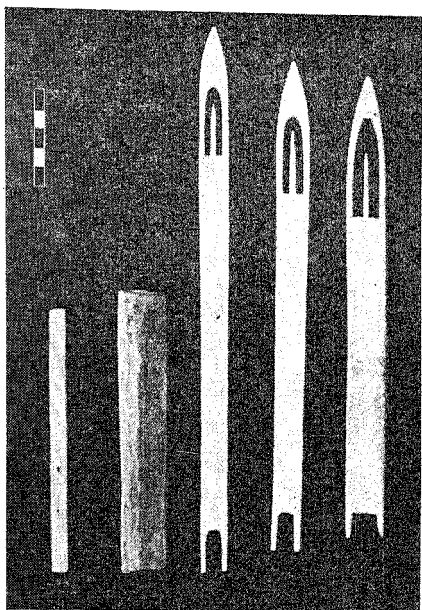

РИС. 51. Рыбак за вязанием сети

вали и делали пряжу и нитки [164]. Данная технология изготовления крапивной пряжи практически полностью совпадает с принятой раньше у манси [165]. На остальной территории коми использование крапивного волокна не зафиксировано. По всей видимости, в данном случае речь идет о «вторичной», регенерированной форме культуры (по определению К. В. Чистова), т. е. явлении уже изживавшемся, но под влиянием каких-либо факторов (в данном случае непроизрастания в суровых условиях севера конопли и слабых торговых связей с южными районами) восстановленном в новых условиях [166].

Вязали сети большей частью зимой, в свободное от других работ время. Производительность труда пряжи была около 1 фунта пряжи в день. Количество изготавливаемой сети зависело от размера ячеи, в среднем за день выплеталось уловного невода около 1 сажени (2,13 м), семужьего невода с крупной ячеей около 2,5 саженей (5,3 м), ботальной сети — трехстенки — около 0,5 саженей (1 м). Рабочий день равнялся 10—16 часам. На 20 саженей семужьего невода (обычный пай в семужьей артели) шло около 1 пуда 10 фунтов конопли, 30 фунтов мочала и 25 саженей веревки; на 20 саженей уловного невода — 1 пуд конопли, 25 фунтов мочала и 12 саженей веревки. Затрата времени была около 60 рабочих дней [167].

Невод («тыв») был наиболее распространенным сетным орудием лова рыбы у коми. Небольшой невод имелся почти в каждом хозяйстве, им ловили семьями. На больших реках применялись невода большого размера, сшитые из нескольких маленьких. На Средней Печоре невода для осеннего лова семги достигали 900 м, невода для лова весной — 150—200 м. На Верхней Печоре длина невода обычно не превышала 100—150 м. Такие невода шивали из сетей длиной около 20 м («дель»), ловили ими артелями. Ширина неводов была различной, обычно от 1 сажени (верховые невода) до 20 саженей (низовые). Размер ячеи зависел от назначения невода: для лова семги применялись длинные (150—350 м), крупноячеистые (50—60 мм, в матице 35 мм); для омуля — длиной 150—250 м и ячеей 45—50 мм; для белой рыбы — 100—150 м и ячеей 20 мм. Мелкие невода длиной 10—15 саженей (до 30 м) делались обычно с мотней, крупные часто бывали без мотни, с одинаковыми на всем протяжении сети размерами ячеи. Основной причиной отсутствия мотни в крупных неводах было то, что их, как правило, шивали из отдельных частей.

Техника лова рыбы неводом была следующая. В зависимости от его величины два — четыре человека оставались на берегу с веревками, привязанными к неводу за один конец, а другим прикрепленными к песту («тыв кляч»), трое или четверо сидели на веслах в лодке большого размера — «неводнике» и двое забрасывали сеть в воду. После заброса невода лодка некоторое время двигалась вниз по реке, а затем поворачивала к берегу. Если оставались свободные люди, то кто-нибудь со второй лодки мень-

шего размера занимался «ботанием», вспугивая рыбу ударами шеста по воде. Когда место для лова не было заранее вычищено, то за лодкой с неводом иногда плыла еще одна — с «отдевальщиком», который «укрюком» отдевал сеть при зацепах. Попадавшую в невод крупную рыбу при вытаскивании убивали с помощью «вачер» — рукояти длиной около 1 м с укрепленными на концах тремя — четырьмя металлическими острями — жалами.

Зимой применялся лов неводом подо льдом. Для этой цели во всю его длину на реках, широких заливах и курьях прорубали поперек их лед в нескольких местах на расстоянии длины шестов у невода. Сеть спускали в первую прорубь, дальнюю от берега, и протаскивали шесты от невода подо льдом до следующей. Таким образом, в конце концов доходили до берега, вблизи которого была прорублена большая прорубь, чтобы вытащить невод с попавшей в него рыбой [168].

Женщинами и детьми практиковался лов рыбьей мелочи с помощью холстяных неводов из домотканой редины длиной 12—15 м и высотой не более 2 м. Верхние и нижние подборы связывали и привязывали к палкам у самой сети. Ловили вдвоем: один человек оставался на берегу, а другой заходил по грудь в воду и, протаскивая сеть некоторое расстояние, шел к берегу. На Верхней Печоре и Средней Вычегде холстяные невода назывались «недотка». Данный термин, видимо, пришел из русского языка. У русского населения Вологодской губ. недоткой также называлась холстяная сеть [169]. На Удоре употреблялся термин «ёс дора» («ёс» — мальки, «дора» — холст), а на Выми — «ёс тыы» (мальковый невод). Из тягловых орудий лова наряду с неводом у коми широко применялся бредень («кóвтым»). Его вязали из более толстых ниток, чем невод, ловили «кóвтым» обычно семьями.

На Выми и Нижней Вычегде при лове рыбы спитым неводом большого размера, не имеющим мотни, применяли вспомогательную сеть — одностенку, спитую в виде мешка, с диаметром входного отверстия до 4 м («сырп»). К нижнему краю входного отверстия в «сырп» прикреплялись три грузила, а к обоим углам верхнего края — две веревки. Техника лова рыбы с помощью «сырп» была следующая: две лодки, по одной с каждого края, сплавляли невод по реке, в третьей лодке вслед за неводом плыл «отдевальщик»; ниже по течению с двух лодок устанавливался с помощью двух шестов «сырп» отверстием против течения; чтобы входное отверстие не складывалось, верхний край его подтягивали веревками. Когда невод приближался к «сырп», то его доставали и вынимали попавшую рыбу, а затем снова устанавливали в 40—50 м ниже по течению. При ловле неводом с мотней «сырп» не требовался. Кроме того, с помощью «сырп» на Выми ловили крупную рыбу: семгу, хариуса и т. д. В этом случае «сырп» использовали как обычную плавную сеть.

Этимология данного слова представляет существенный интерес. У родственных коми народов название «сырп» в значении «сеть» зафиксировано у манси. К. Реден относит его к заимство-

ваниям из коми языка [170]. По мнению В. И. Васильева, «кошелеобразная сетная ловушка — «сырп» — воспринята манси от исчезнувшего ныне финского (или финно-угорского) народа, с которым они соседнили в I тысячелетии н. э. где-то в верховьях Печоры» [171]. Помимо коми и манси, аналогичное по конструкции и способу применения сетное орудие лова под тем же названием «сырп» было в употреблении у населения Среднего Урала (Солнгамский у. Пермской губ.) в середине прошлого века [172].

Таким образом, «сырп» локализуется на довольно узкой территории; в остальных местах как данная конструкция, так и данный термин исследователями не отмечались. Исключение представляет удорское «сірп» (одно из названий холщового невода), но в данном случае речь идет о совершенно другом типе сетных орудий. Близкую аналогию термину «сырп» можно увидеть в вологодской «сурпа», которая представляла собой длинный мешок, сплетенный из ивовых прутьев. «Сурпа», так же как и морда, ставилась в воротах «запоров», но в отличие от последней имела отверстие без воронки [173]. «Сурпа» — плетеная корзина с четырехугольным устьем и постепенно суживающимся глухим задом была известна также русским рыбакам в Енисейском округе [174]. Несмотря на то что «сырп» и «сурпа» изготавливались из разных материалов, они были несколько схожи по конструкции. Присоединяясь к заключению В. И. Васильева, есть основание предположить, что данная конструкция рыболовного орудия и данный термин были изобретением автохтонного населения, вошедшего позднее в состав северорусского и коми народов.

Печорские рыбаки практиковали лов семги, нельмы, омуля и зельди плавной сетью — «плавун». «Плавун» представлял собой одностенную двухтетивную сеть длиной не менее 120—130 м. На средней Печоре — более 200 м и высотой до 4,5 м. Размер ячеи у «плавуна» на семгу равнялся 55—75 мм, на омуля — 45—50 мм, на зельдь — 20—22 мм. Поплавки по сравнению с неводом прикреплялись большего размера, а грузила были легче, но достаточно тяжелые, чтобы низ сети шел ко дну. Один из концов «плавуна» — «пель» (ухо) привязывался к поплавку большого размера («мата пань»), который представлял собой отрезок доски длиной до 1,5 м со вставленным в отверстие крюком для привязывания веревки от сети. Иногда «мата пань» делали из двух крестообразно скрепленных деревянных брусков, через середину которых проходила палка для привязывания веревки от «ушей» [175]. Лодка с «плавуном» выезжала на середину реки, к началу тони, где из нее выбрасывали конец сети с поплавком. Затем лодку направляли поперек реки и выбрасывали весь «плавун», оставляя в лодке лишь второй конец сети [176]. После выброса «плавуна» лодка сплавлялась без помощи весел вниз по течению 1—2 км, затем сеть начинали вытаскивать. Для лова плавной сетью было достаточно трех-четырех человек, ловили ее обычно осенью начиная с конца августа.

РИС. 52. «Сырп»

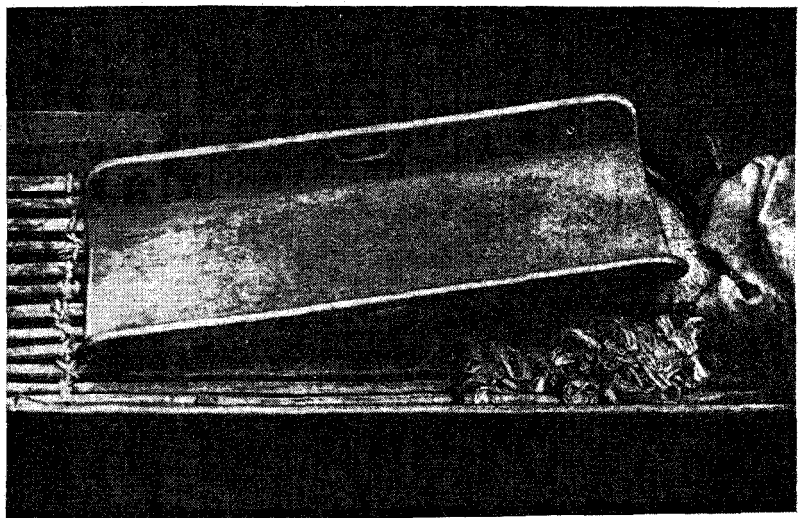

РИС. 53. Лоток для сбора сети («саран»)

Ботальная сеть («ботала», уд.; «ботан», вв. печ. сс.; «трегубеч», скр.; «ботан кулём», вс.) применялась коми рыбаками для лова рыбы в тихих местах: заводях, курьях, озерах. «Ботан» состояла из трех соединенных вместе сетей. Одна из них, помещавшаяся в середине, была крупноячеистой сетью с ячеей до 100 мм, две других — мелкоячеистыми с ячеей около 25 мм. Высота крупноячеистой редко не превышала 1,5 м, мелкоячеистое полотно делалось выше на полметра. Сети с крупной и мелкой ячеей соединяли, крупноячеистую — внатяг, мелкоячеистые — свободно. Рыбу в сеть загоняли с помощью бота («бурскан»). Делали его из тонкого дерева с естественным утолщением на конце, в котором выдавливалась воронка, или составным из двух частей: ручка и выдолбленная изнутри воронка. Этимология слова «ботала», «ботан» достаточно не изучена. М. П. Веске связывал их происхождение с глаголом «бить, колотить»: коми «будкодчыны», «быткыны», эрзя «ботамс», сев.-хант. «поткальэм» [177].

Название широко распространенной у коми ставной сети «кулём» восходит к еще допермской общности, ср. ф. «kalin» «kalime» — часть невода, манс. «kulp» — сеть, хант. «kaiew» — сеть, венг. «halo» — сеть [178]. «Кулём» представляла собой связанную из тонкой нити сеть длиной до 25 м и высотой около 2,5 м с ячеей 20—45 мм. С более крупной ячеей были сети для лова лещей и карасей. Концы «кулём» привязывали к палкам (обычно из сухой молодой пихты). Лов «кулём» более практиковался в весеннее половодье, во время нереста плотвы. Лучшими местами для установки считались молодые поросли хвойных деревьев, залитые водой. Рыбу вынимали, поднимая сеть, после чего ее опять ставили на место.

Грузила для сетей у коми изготавливались из обожженной глины и камней, зашитых в бересту или холщовую тряпочку. Глиняные грузила «из» (камень) предназначались в основном для ставных сетей: «кулём», «ботала» и холстяных неводов «сырп», «недотка». Изготавливались они различной формы: цилиндрические, яйцевидные, дисковидные и т. п. В глину для прочности добавляли иногда мелкорубленый свинец. Перед обжигом, чтобы глина не трескалась, «из» смачивали слюной, а для получения глазури — олифой. Наряду с глиняными грузилами для этих сетей использовались и шитые из холста мешочки, наполненные мелким гравием, или зашитые в тряпочку небольшие камни. Грузила для «ботала» часто делали в виде длинного узкого мешочка из холста, наполненного гравием и мелкими камнями. На Мезени (в Глотова, Мучкасе, Чернутьево) для «кулём» и на Выми для «сырп» применяли грузила, сверленные из камня с помощью специального приспособления «из рузьбдан» (разновидность лучкового сверла). Подростков специально посылали собирать подходящие для сверления камни — голыши. Такие же по типу грузила были обнаружены археологами в торфянике Вис I и в стоянках у с. Чернутьево на Удоре и на р. Шугор [179]. Для неводов («тыв») и для плавных сетей («плавун»), как правило,

РИС. 54. Глиняные
грузила на «кулём»

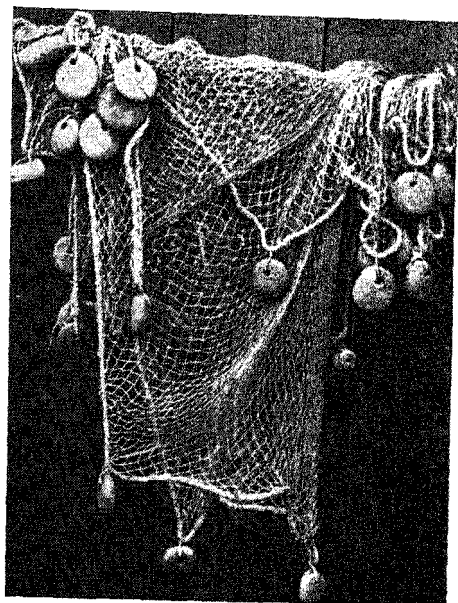
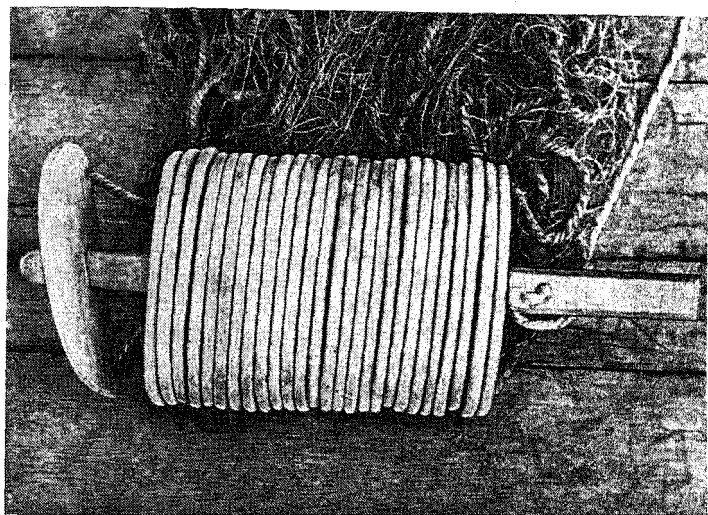

РИС. 55.
Сборные поплавки

в качестве грузил использовались зашитые с помощью кедровых или сосновых корней в бересту камни («кибас», «кебед», иж.). Грузила такого типа применялись в прошлом по всей северной полосе Европейской России под тем же названием. В коми язык данный термин, видимо, попал от русского населения, которое,

в свою очередь, заимствовало его из прибалтийско-финских языков (ср. фин. «kives» — грузило сети) [180].

Поплавки для невода и плавных сетей делались из дерева — плоские, прямоугольной, полукруглой или ромбовидной формы. Для большего удобства при постановке и складывании невода деревянные поплавки («таб») часто делали собирающимися на деревянную ось. Процесс изготовления «таб» был следующим: из елового чурбачка накалывались дощечки толщиной 7—10 мм размером 15—18×7,5—10,5 см; из них вырезались отдельные поплавки в форме полукруга или сегмента. С края у ровной стороны прорезалось два отверстия для прикрепления к верхней подборе сетки, а в центре — отверстие большего диаметра, которым поплавки надевались на деревянную ось («таб беды») длиной около 30 см, имеющую рукоять в 10—12 см. Чтобы поставить сеть, ось вынимали. При складывании на хранение сеть собирали, надевая поплавок за поплавком на «таб беды», привязанную короткой веревкой к концу верхней подборы сети. У ставных сетей поплавки обычно делали из берестяных трубочек, которые изготавливали, опуская кусочки бересты прямоугольной формы в кипящую воду, такие поплавки носили название «тюкд», скр.; «дзав», нв. уд.; «пару», «паруль», «пору», вв.

У населения Вычегодского бассейна было известно сетное подъемное орудие лова рыбы «помча». В дно реки вбивался столб с развилкой или прямоугольным вырезом на вершине, в котором закреплялся длинный шест. В целом конструкция напоминала колодезный журавль. На один конец рычага подвешивался груз, а к другому при помощи трех — четырех веревок прикреплялась провисающая вниз сетка на четырехугольном деревянном каркасе (иногда обруче). Деревянная рамка-каркас (или обруч) была либо одна (только вверх), либо их было две — вторая внизу сетки. Несколько выше по течению устраивался небольшой закол из елок. На дно сетки клали приманку (хлеб, отруби) и, опустив ее в заводь, образующуюся за заколом, закрепляли рычаг в этом положении, привязав к стойке веревку от опущенного конца. Рыбу привлекали не только приманка, но и личинки, которые развивались из яиц, отложенных насекомыми на кусты заграждения [181]. Для осмотра «помчи» подъезжали на лодке. «Помча» широко применялась на Средней и Нижней Вычегде и Выми, особенно ниже с. Усть-Кулом. У русского населения Вологодской губ. она была распространена под таким же названием [182], что может свидетельствовать о направлении ее распространения.

Для лова рыбы во время весеннего половодья в небольших водоемах и в период зимнего замора из прорубей широко применялся «сак» — сетчатый мешок из редкой ткани на черемуховом обруче диаметром 50—65 см, приделанный к длинному шесту. Преимущественно «сак» служил для лова мелкой рыбы. Ловили им, положив в «сак» приманку — кусочек хлеба. Подобное орудие для лова рыбы существовало у карел [183], марийцев [184], башкир [185] и других народов лесной зоны.

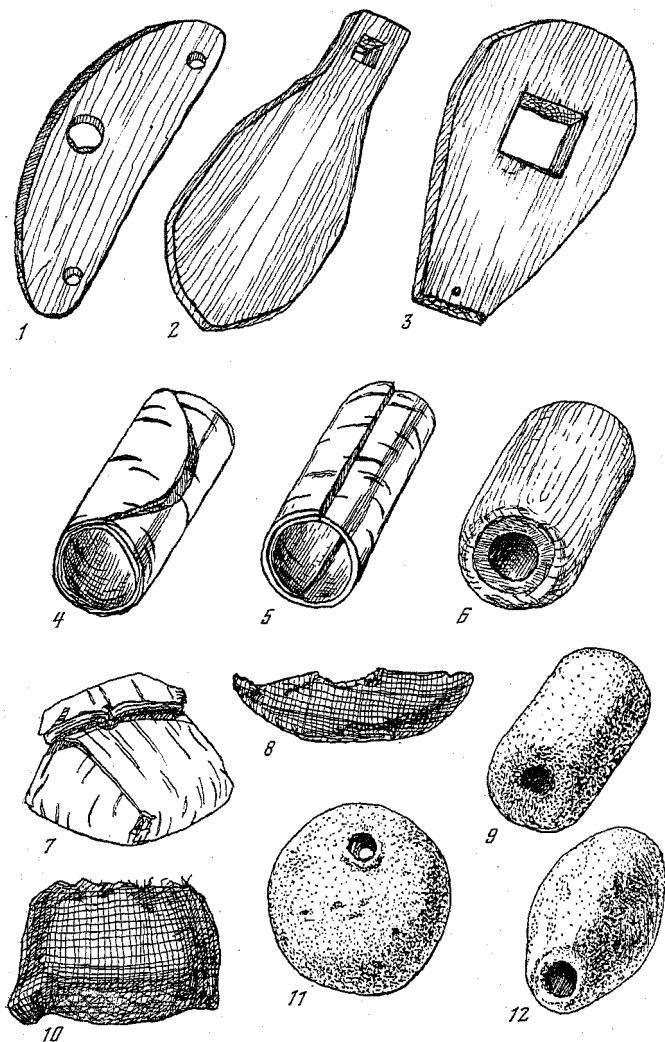

РИС. 56. Сетные полавки и грузила:

1, 2, 3, 6 — дерево; 4, 5 — береста; 7 — камень в бересте; 9, 11, 12 — обожженная глина; 8 — гравий и 10 — камень, обшитые холстиной

Использование рыболовных крючков и острог коми рыбаками имеет давние традиции. Они были обнаружены при раскопках средневековых вымско-вычегодских памятников [186]. Ловля рыбы удочкой («вугыр») была у коми распространена повсеместно, но занимались ей ввиду малой продуктивности в основном дети. Взрослые чаще ловили «дорожкой» (кыснан), пред-

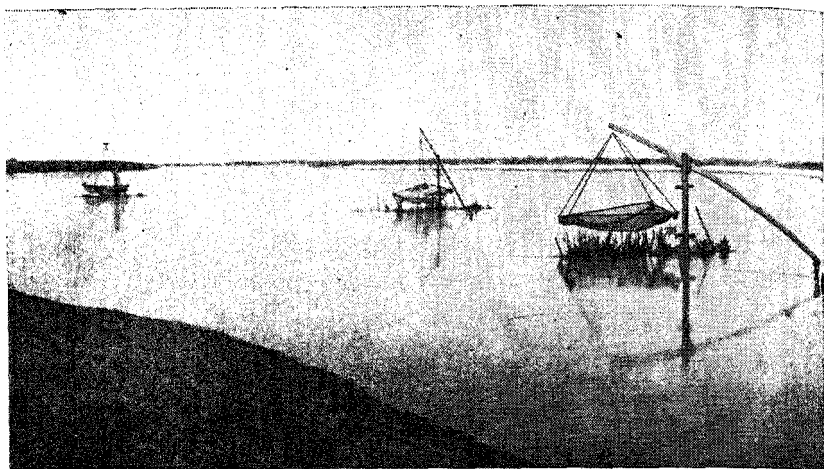

РИС. 57. Помча на Вычегде
(начало XX в.)

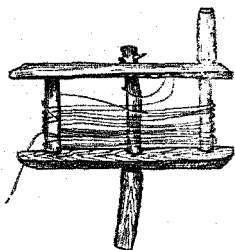

РИС. 58. Дорожка («кыснан»)

ставлявшей собой длинную леску, намотанную на деревянную рамку, которая вращалась на оси с рукоятью. На конце лески были прикреплены блесна — рыбка из свинца или олова и крючок. Размотанная леска с блесной спускались за борт движущейся лодки. Другой конец лески держали в зубах, чтобы почувствовать поклев. Происхождение названия данного орудия связано с общепермским термином «kus» — тащить, тянуть [187]. Близкое с коми наименование дорожки было зафиксировано у обских угров. По мнению К. Редеи, мансийское «kiskän, kaskan» было заимствовано из коми языка [188].

Для лова щук и налимов широко был распространен ставной крючок «октым». Данное орудие состояло из длинной палки с заостренным концом, которым она втыкалась в дно водоема, и привязанной к верхнему концу палки бечевы длиной до 1,5 м с крупным самокованым крючком. На крючок помещалась нажива из мелкой рыбы (плотвы или ельца). Зимой «октым» устанавливали в прорубях, круглых диаметром до 18 см (0,25 арш.) или в узких и длинных (до 6 м), прорубленных вдоль реки. В последнем случае «октым» привязывали к шестам, положенным поперек проруби. На Средней Печоре отдельные хозяйства устанавливали зимой до 300 ставных крючков [189]. У ижемских

ками крючки для «октым» часто изготавливали из дерева, употребляя для этой цели развилки сухих березовых и еловых веток [190]. Такие же ставные крючки, изготовленные из дерева, в прошлом были известны и другим народам Европейского Севера [191].

Широко практиковался лов рыбы переметом (подольник, продольник). Ловили им только в реках. «Продольник» представлял собой бечеву длиной около 30 м, к которой на коротких поводках в 25—30 см на расстоянии 1,5—2 м привязывались железные крючки. Одним концом бечева с крючками привязывалась к палке, которая втыкалась в землю, а другой конец с привязанным камнем забрасывали в воду. Ловили «продольником» и зимой и летом. На Вычегде для ловли стерляди использовалась крючковая снасть — «самолов», представляющая собой длинную веревку, один конец которой погружался с камнем в воду, а другой, привязанный к сухой палке, плавал на поверхности. К веревке на расстоянии около 1 м на коротких поводках привязывались крючки без наживы. Чтобы крючки держались прямо, к веревке через 30—35 см друг от друга привязывали берестяные поплавки.

Лучение рыбы («кыбём») применяли больше по маленьким рекам, в старицах и озерах, так как для лучения нужна спокойная вода. Этим видом добычи рыбы часто занимались осенью, во время охоты в промысловом угодье. Острога («азьлас») была самокованная с 5—6—8 и более зубьями, с жалами, направленными к центру. Огонь разводили в «козе» — железной подставке из прутьев или полос, установленной на носу лодки. Смолье для «козы» делали из щепы смолистого пня. На Верхней Печоре чаще использовали свертки бересты («сьюмёд трубашка»). Так как железо представляло в прошлом значительную ценность, то довольно часто из него изготавливали лишь зубья остроги, а все остальное делали из дерева. Иногда в качестве самостоятельного орудия использовался железный крючок с деревянной ручкой, обычно применявшийся для вытаскивания крупной рыбы из сетей. А. Хямяляйнен посвятил этому орудию отдельную статью, в которой отмечает его широкое распространение у большинства финно-угорских народов: финнов, саамов, венгров, обских угров и др. [192].

Из прочих распространенных способов добычи рыбы следует отметить «начкисьні» — глушение рыбы подо льдом осенью и в начале зимы, пока лед еще чистый и прозрачный. Глушили обычно ночью при освещении лучиной. По льду ударяли деревянным молотом или обухом топора. Затем лед прорубали и доставали оглушенную рыбу.

К вспомогательным орудиям рыболовного промысла у коми принадлежали пешни для прорубания льда («пыридз») и «водяные топоры» («вачер») для обрубаия под водой кустов и сучьев, захламляющих дно водоема. «Вачер» представлял собой наконечник с прямым плоским лезвием на длинной деревянной рукояти.

Коллективные способы лова рыбы. Рыболовецкие артели. Лов рыбы неводами большого размера, позволявшими перекрывать

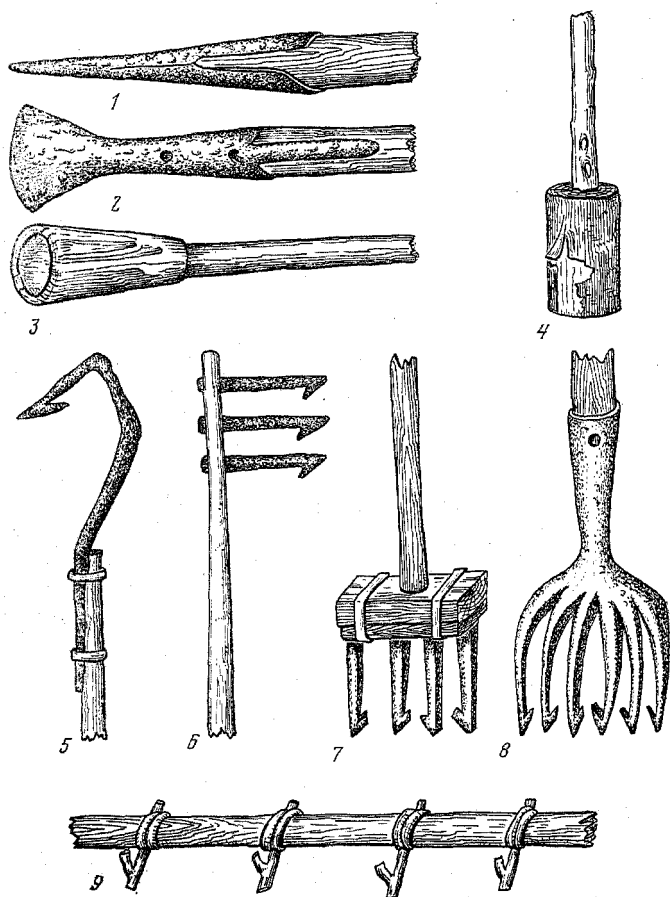

РИС. 59. Орудия лова и рыболовное снаряжение:

1 — пещня («пыридз»); 2 — орудие для обрубания сучьев под водой («вачер»); 3 — ботало («бурскан»); 4 — колотушка («нбш»); 5 — крюк для вынимания рыбы из сетей; 6 — «водяной топор» для крупной рыбы; 7 — острога с деревянной основой; 8 — острога («азьлас»); 9 — вешала для сетей

полностью даже такие реки, как Печора в среднем течении, был намного производительнее, чем лов небольшими сетями. В то же время изготовление сетей значительной длины, помимо большой затраты рабочего времени, требовало существенных финансовых издержек. Так, например, на невод в 300 сажень (630 м) уходило конопля и веревки на сумму около 80 руб., а на «плавун» в 200 сажень (420 м) — 57 руб. [193]. Кроме того, необходимое количество рабочих рук для ловли «плавуном», а тем более неводом могло поставить редкое хозяйство. Указанные факторы были основной причиной широкого распространения у коми се-

зонных объединений для совместного лова рыбы. Особенно распространено артельное рыболовство было на Средней Печоре.

Артели составлялись в большинстве случаев из односельчан или жителей соседних селений. Численность артелей зависела как от размеров сети, так и от времени лова. Артели для весенне-летнего лова белой рыбы (сиг, хариус, щука, окунь, язь, сорога и т. д.) обычно состояли из 4—8 участников, для осенней добычи семги, нельмы и сига объединялось до 16 человек (чаще 12—13 человек). Нередко в состав артели входили и женщины. Так, например, по данным С. В. Мартынова, на Средней Печоре в 30 обследованных белорыбных артелях на 138 мужчин приходилось 23 женщины, а при осеннем лове в 34 артелях насчитывалось 250 мужчин и 127 женщин [194]. Иногда в артели принимались и подростки. При составлении артели ее участники договаривались о размере пая, т. е. какое количество снасти, продуктов питания и соли для посола рыбы («дели») должен внести каждый член артели. Если хозяин «дели» не мог участвовать в лове рыбы, то практиковался наем работника за часть пая. Довольно часто без пая в «дели» принимали в артель при нехватке рабочих рук. Добытую рыбу засаливали на месте лова, а после его окончания производился раздел. Не внесшие своей доли в артельный невод, как правило, получали так называемый третий пай — «коймод пай» («сюа пай», печ.; «перка пай», уд. вым.): весь улов делили на две части, одна из которых делилась только между «дольщиками», а другая половина улова подлежала разделу между всеми участниками, включая и не вносивших долю невода. Неполный пай был равен половине обычного, кроме того, наемный работник питался за счет артели.

В. Н. Белицер выделила у коми артели с наемными рабочими в особый тип по принципу организации артели: артель обычного типа, созданная на добровольных и равных началах, и артель из наемных рабочих [195]. На наш взгляд, подобное деление коми рыбацких артелей неправомерно. Прежде всего отметим, что артели, состоящие полностью из наемных рабочих, у коми не практиковались. Они были характерны лишь для русского населения Нижней Печоры. Так, например, в 30 артелях для весеннего и летнего лова, обследованных С. В. Мартыновым в начале века на Средней Печоре, из 161 участника лишь 13 принадлежали к наемным рабочим: в семи артелях было по одному наемному рабочему, в одной — два, и в одной — четыре. В 34 артелях для осеннего лова на 387 артельщиков приходилось 27 наемных рабочих: в 19 артелях — по одному и в четырех — по два [196]. В абсолютном большинстве артелей, использовавших труд наемных рабочих, число последних не превышало двух человек, т. е. принцип равноправия в целом для артели не нарушался.

Во главе рыбацких артелей стоял «хозяин», которому обычно принадлежала лодка большого размера — «неводник», кроме того, он, помимо доли в неводе, должен был позаботиться об изготовлении мотни для спитой из «делей» сети. Он являлся руководи-

телем ловли и вместе с тем хранителем обрядовых традиций [197]. Какое-либо добавочное вознаграждение хозяин артели, как правило, не получал, хотя иногда ему выделялось еще, помимо пая, некоторое количество рыбы [198]. Иногда артель делилась на две части, работающие посменно, по дню каждая. Во время отдыха чинили и сушили снасти. Такое деление практиковалось чаще при лове «плавуном» и реже — при лове неводом, так как на обслуживание «плавуна» требуется 3—4 человека, а на невод — 6—9 человек [199]. В небольших деревнях на Мезени и Вашке на всю деревню иногда имелся лишь один большой невод, находившийся в общем пользовании. Им ловили в ближайших озерах и делили потом улов по числу всех душ в деревне или по числу участвовавших в лове.

Строительство запорных сооружений на больших реках также требовало как значительного числа рабочих рук, так и существенных затрат на сооружение «забой пласт» — отдельных щитов с крупноячеистой сетью, которыми перекрывали реку. Обычно «забой» строился вблизи селения, и в его сооружении участвовали все желающие. Работа по перекрытию реки «забоем» состояла в подвозке и вбивании кольев, установке «забой пласт», а в проходах — «морд» и вентерей. Из участвовавших в сооружении закола составлялась артель, между членами которой равномерно распределялись обязанности дежурства над ловушками и их проверки [200]. Количество членов артели было различным. На Верхней Печоре для добычи семги с помощью «забоя» нередко объединялось до 20 и более человек, иногда даже из различных близлежащих селений. Так, например, совместно сооружали «забой» для лова семги рыбаки из Покчи, Скаляпа, Кодача и Петрушино. Практиковался лов семги «забоями» и на нерестовых притоках Печоры: реках Шугор, Подчерем и Илыч. На Шугоре, где в конце прошлого века побывал писатель Ф. А. Арсеньев, добыча рыбы с помощью закола выглядела следующим образом. Две артели по 12 человек каждая (5 мужчин и 7 женщин), поднявшись несколько вверх по реке, совместно приступили к сооружению «забоя». Вбив сваи в дно реки и установив «забой пласт» из дранок, перевитых мочальными веревками на примыкающих к берегу участках закола, рыбаки перегородили оставшийся свободным участок редкой сетью с тяжелыми грузилами на нижней тетиве, лежащими на самом дне. В проходах были установлены «морды» до 7 арш. (5 м) длиной и до 3 арш. (2,1 м) высотой. После укрепления закола с 15 июля артели стали подниматься вверх по реке до главных притоков Шугора, по которым они двигались вверх до лесных заломов. У закола остались сторожевые рыбаки, которые следили за его исправностью и за ходом лова в «морды», поднимая их с помощью ворота. Артели, поднимавшиеся по притокам, с условленного дня начинали неводный лов рыбы с договоренностью встретиться в условленный день в известном месте на Шугоре. Продвигаясь вниз по притокам, артельщики, вылавливая часть рыбы, сгоняли основную массу вниз в

Шугор. После соединения артелей на Шугоре они совместными усилиями продолжали гнать рыбу вниз к «забою». При таком лове все, что не попадало в невода, попадало в «морды», установленные в «забое» [201]. В с. Колве существовал артельный лов налимов. Два раза в год, весной после вскрытия и осенью, как только станет лед на р. Колве, ее перегораживали «забоем». Все рыбаки, соорудившие закол и изготавливавшие «гымги», принимали участие в лове и затем поровну делили улов [202].

Обработка и использование продуктов промысла. Добытая пушнина, предназначенная для рыночного сбыта, подвергалась у коми охотников лишь первичной обработке. Шкурки мелких пушных зверьков с помощью острого ножа снимались «чулком», вывороченные наизнанку очищались ножом от жира и натягивались для сушки на правилки. Для более крупных шкурок (зайца, лисы и др.) применяли правилки из двух раздвигающихся планок («возжа»), для горностая — в виде плоской дощечки («зэв»). Шкурки белки сушили в вывернутом виде без правилки. После просушки шкурки складывали для хранения в промысловые кладовые. Шкуры крупных животных (диких копытных, медведя, росوماхи) снимались «пластом» и поступали в продажу также без выделки. Изготовление беличьих и других мехов на продажу в Коми крае не практиковалось. Для домашних нужд меха выделывались в небольшом количестве. Шкуры крупных животных обрабатывали только сыромятным способом, дубление встречалось крайне редко. Технология выделки была проста: вначале шкуру вымачивали в реке, затем ножом соскабливали мездру и окисляли внутреннюю сторону, намазывая ее забродившим тестом из ржаной муки. Выквашенные шкуры высушивали и начинали мять, смочив немного молоком или водой. Медвежьи шкуры для выделки окисляли с помощью медвежьего сала, а беличьи шкурки — кислым молоком [203]. Шкуры лосей, добытых летом, обрабатывали в виде замши.

Боровая дичь (в первую очередь рябчики), добытая с наступлением холодов, поступала в продажу без какой-либо обработки в замороженном виде. В оттепели, чтобы предохранить птицу от порчи, у нее удаляли внутренности и помещали внутрь лапки можжевельника, на Выми в начале XX в. для этой цели использовали сырую картошку.

Появившаяся в конце XIX — начале XX в. мода на перья для украшений стимулировала массовую заготовку на продажу хвостов глухарей и тетеревов, а также птичьих шкурок. О масштабах вывоза из России в этот период данной продукции охотничьего промысла, которая преимущественно поступала с Европейского Севера, говорит тот факт, что только в 1891 г. фирмой Герхард и Гей было отправлено в Лейпциг 59 тюков весом 319 пуд. 38 фун., а фирмой Мейер — в Париж 27 тюков весом 164 пуд. 28 фун. птичьих шкурок [204]. С территории Коми края в основном поступали шкурки куропатки, в меньших количествах — лебедей, гагар, крохалей, еще реже — гусей, нырков и хищных

птиц. Частные скупщики платили по 1 р. за хвосты глухарей и 50—70 к. за хвосты тетеревов за пару [205]. Шкурки куропаток закупались на Ижме в начале XX в. по 43 к. за пару и крылья — по 7 к. за пару [206].

Технология заготовки птичьих шкурок на продажу была несложной. Куропаток после доставки домой размораживали и отрезали им ножом крылья. Затем делали надрез на брюшке и шкурку выворачивали чулком до клюва, который подрезался и оставался при шкурке. Умелые съемщики за день снимали вдвоем до 600 шкурок. Снятые вывороченные шкурки подвешивали на бечевке для просушки дня на три-четыре, а если близко от печи — то на одну ночь. У высохших шкурок отрывали ножки, остававшиеся до того при них, связывали шкурки десятками за шейки и подвешивали в сухом месте до продажи. Отрезанные крылья в течение ночи подсушивали в печи на железных листах или на два-три дня клали на печь. В собственном хозяйстве птичьи шкурки использовались крайне редко — иногда из шкурок гагар делали подошвы для меховой обуви [207].

Основой внутрихозяйственного использования продуктов охоты служило их потребление в пищу. Для этой цели предназначалась в основном боровая дичь, добытая осенью в ближнем охотничьем угодье (исключая рябчиков), куропатки, водоплавающая дичь, зайцы, мясо диких копытных. Дичь заготавливали впрок обычно следующим образом: ощипанную и выпотрошенную птицу клали в горшок с водой и ставили ненадолго в печь к огню так, чтобы она не успела свариться, потом ее вынимали из горшка и помещали на ночь в печь на вольный жар. Приготовленная таким образом птица не теряла вкуса. Чтобы она не портилась, держали высушенную дичь всегда в сухом месте, обычно подвешивая на нитках около печи или на подволоке [208]. Так же сушили клестов, которых сотнями ловили дети. Сушеную дичь ели потом вместо хлеба с первым, она шла для начинки пирогов, из нее варили похлебку и т. д. Подобным же образом заготавливали впрок зайчатину. Если боровая дичь была добыта уже после наступления заморозков, то часть ее, выпотрошив, подвешивали под навесом крыши и хранили на морозе. Куропаток чаще засаливали в бочках и употребляли в пищу в соленом виде как для людей, так и для собак. Так же поступали с линными гусями. На р. Усе в голодные времена куропатками кормили скот. Коровам давали смесь, приготовленную из рубленых куропаток, мелкого ивняка и небольшого количества сена. Перед употреблением эта смесь заливалась крутым кипятком и распаривалась [209].

В основном засаливали и мясо диких оленей и лосей. Их языки коптили и употребляли в качестве деликатесов. Коми-ижемцы иногда коптили мясо медведя, хотя в целом для коми это не было принято.

Почти вся рыба, предназначенная для рыночного сбыта, заготавливалась впрок засолом. Засол производился либо на местах лова, либо рыба доставлялась в селение и засаливалась там.

Семгу, нельму, зельдь, хариусов, сига и налимов засаливали отдельно, прочую рыбу обычно не сортировали и засаливали все породы вместе. Пойманную рыбу в тот же день подвергали первичной обработке, для чего ее очищали от внутренностей, промывали и в таком виде оставляли на 10—12 часов для просушки. Потом, сделав несколько надрезов с внутренней стороны, рыбу посыпали солью, особенно тщательно просаливая жабры и внутреннюю полость [210]. Засаливали прямо «в посуде», т. е. в бочках. Для семги употреблялись бочки вместимостью 18 пуд., высотой 1 арш. 1 верш. (75 см), диаметром 1 арш. (71 см); для остальной рыбы — «мезенки» на 10 пуд., высотой 14,5 верш. (64,5 см), диаметром 13,5 верш. (60 см) и «баклашки» емкостью 6 пуд., высотой 11 верш. (48,8 см), диаметром 10 верш. (44,4 см). Были «баклашки» и меньшего размера — на 5 пуд., высотой 10 верш. (44,4 см) и диаметром 9 верш. (40 см). Изготовлением бочек занимались мастера, особенно развито бочарное производство было в селах Красноборск, Брыкаланск, Пижма и в д. Усть-Волосница [211]. Бочки с засоленной рыбой держали в прохладном месте или закапывали в землю. Часто для хранения использовали холодные карстовые источники — «кõдзв шор» [212]. При индивидуальном промысле вдали от поселения бочки изготавливали на месте лова. Клепки для них делались из сосны, обручи — из ивы и черемухи.

Расход соли при засолке рыбы обуславливался длительностью хранения. Рыба, предназначенная для быстрого использования, засаливалась из расчета около 10 кг соли на 100 кг рыбы, на продажу — 12 кг на 100 кг и для длительного хранения — 20 кг на 100 кг рыбы. Очень популярна у коми была малосоленая рыба со специфическим вкусом и резким характерным запахом, известная в литературе как «печорский засол». Для ее приготовления слабосоленую рыбу (4—7 кг соли на 100 кг рыбы) на несколько дней оставляли в тепле. В теплую погоду бочки с рыбой оставляли на солнце, при холодной ставили на печь до тех пор, пока рыба не скисала. От срока нахождения в тепле зависела степень размягчения рыбы. Слегка сквашенная рыба «с душком» сохраняла свою форму и подавалась на стол в виде закусок или ее употребляли для начинки рыбных пирогов («черинянь»). При более сильном квашении рыба становилась совершенно мягкой, кости ее легко отделялись от мяса и было достаточно слегка потянуть за хвост, чтобы вытащить весь скелет. Такую рыбу разминали ложками в мисках с холодной водой и ели ложками. При максимальной степени разжижения рыбу «печорского засола» разливали по лоткам, ставили на стол первым блюдом и ели с хлебом [213]. Рыба «с душком» в конце XIX — начале XX в. высоко ценилась также у саамов [214] и северных карел, которые зачастую предпочитали ее рыбе, только что пойманной [215].

Для внутреннего потребления часто заготавливали сушеную рыбу. Рыбу, выпотрошив и немного подсолив, помещали на ночь

в печь в вольный жар, чтобы она не особенно пересыхала. Сушеную рыбу потом варили или, размочив в горячей воде, употребляли для начинки пирогов [216]. Сушеную рыбу («косьтём чери») брали с собой на сенокос и в дорогу. Крупную белую рыбу (в основном щук), пойманную весной, заготавливали впрок, провяливая на солнце. Для этого ее распластывали со спины, распяливали поперечными палочками и раскладывали или подвешивали в месте, открытом солнечным лучам и хорошо проветриваемом. Если рыбу вялили на месте добычи, то для доставки домой ее клали на три-четыре тонкие жердочки, рядами, один на другой, «колодцем», на верхний ряд снова накладывали три-четыре жердочки и связывали их концы с концами нижних жердей. Получались компактные, удобные для переноски связки весом около полупуда каждая [217]. Зимой рыбу привозили и хранили замороженной. Ее складывали в деревянное корытце («вор») или в берестяной «чуман» и заливали на морозе водой. Получался монолитный, удобный для доставки и хранения пласт.

Из наиболее популярных рыбных блюд у коми следует отметить рыбные пироги («черинянь»), для приготовления которых рыба, выпотрошенная, но не очищенная от чешуи, целиком запекалась в тесте. «Черинянь» подавали на стол и в будние дни, и в праздники: на свадьбах, поминках и пр. Как и у коми, рыбные пироги занимали видное место в традиционной пище у карел [218]. Рыбу в пирогах в целом виде, а не кусками запекали также марийцы [219]. Из свежей рыбы, а иногда и сушеной варили уху («черива» или «юква»). Мальки («ар», «ёс»), которые в большом количестве добывались холстяными неводами, шли на приготовление супа, их жарили, сушили, а в соленом виде они считались лакомой закуской. На Удоре деликатесным считалось рыбное блюдо «чоля». С кишок крупной рыбы (щука, язь) очищали внутренний жир, протягивая их под лезвием ножа на дощечке. Затем его смешивали с икрой и молоками и засаливали как рыбу. Не менее популярен у удорцев был рыбный пирог с начинкой из молоки и печени («нека» — «муска курник»). Из рыбьих внутренностей варили рыбий жир («чери вый»), который шел как для приготовления пищи, так и для освещения. Для получения «чери вый» рыбы внутренности нагревали в котле с небольшим количеством воды, не доводя до кипения. Вытопленный жир снимали с поверхности воды ложкой и сливали в предназначенную для него посуду. На Печоре из чешуи крупной рыбы варили «чери лем» — рыбий клей, который использовался, в частности, для подклейки камусной обшивки лыж.

Оценивая значение продуктов охотничьего и рыболовного промыслов в жизни народа коми, необходимо отметить следующее: несмотря на превалирование товарной направленности добывающих промыслов, нельзя оставлять без внимания их высокого значения в традиционном быту. В частности, продукция охоты, шедшая для внутреннего потребления, позволяла в значительной мере разнообразить скудный рацион коми крестьянина. Рыба же

представляла собой одну из основ питания, не случайно бывший в середине прошлого столетия с обследованием в Коми крае штабс-капитан Услар отметил: «Зыряне круглый год питаются одною рыбой, и всякая другая пища остается у них как бы только добавочною» [220].

1. Сидоров А. С. Знахарство, колдовство и порча у народа коми. Л., 1928, с. 88.
2. Лобачев С. В., Бородин Л. Н. Угодья, сроки и способы охоты.— ТСЭ, 1932, вып. 1, с. 294.
3. Производительные силы Коми АССР. Животный мир. М., 1953, т. 3, ч. 2, с. 22.
4. А. А. Ж. Канинская и Тиманская тундры.— ИАОИРС. 1912, № 21, с. 971.
5. Максимов В. А. Вотяки: Краткий историко-этнографический очерк. Ижевск, 1925, с. 30.
6. Сепеев Г. А. Восточные марийцы. Йошкар-Ола, 1975, с. 91—95.
7. Тароева Р. Ф. Материальная культура карел (Карельская АССР): Этнограф. очерк. М.; Л., 1965, с. 42—45.
8. Руденко С. И. Башкиры: Историко-этнографические очерки. М.; Л., 1955, с. 67—72, 81—84.
9. Копанев А. И. Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1978, с. 170.
10. Кривошапкин М. Ф. Енисейский округ и его жизнь. СПб., 1865, с. 47—72.
11. Василевич Г. М. Эвенки. Л., 1959, с. 65; Павлов П. Н. Пушной промысел в Сибири в XVII в. Красноярск, 1972, с. 161—162.
12. Сергеев М. А. Некапиталистический путь развития малых народов севера.— ТИЭ. Нов. сер., 1955, т. 27, с. 88—90.
13. Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970, с. 185, 236, 311.
14. Шухов И. Н. Зыряне в Тарском округе Сибирского края.— КМ, 1927, № 8, с. 41.
15. Кузнецов В. А. Самоловные орудия добывания пушных зверей и охотничьих птиц.— В кн.: Календарь охоты. М., 1953, с. 297.
16. Волкис Н. Промыслы и сельское хозяйство Печорского края.— ТСПЭ, 1924, вып. 24, с. 63.
17. Бородин Л. Н., Лапин В. А. Промысловый инвентарь.— ТСЭ, 1932, вып. 1, с. 311—312, а также мои полевые записи.
18. Шухов И. Н. Зыряне Тарского округа и их охотничий промысел.— ИЗСМ, 1928, № 1, с. 115—116.
19. Бородин Л. Н., Лапин В. А. Промысловый инвентарь, с. 313, а также мои полевые записи.
20. Корсаков А. Некоторые данные к обзору охото-промыслового состояния Удорского района Коми АССР.— ПСХ, 1941, т. 8, ч. 2, с. 319.
21. Шухов И. Н. Зыряне Тарского округа, с. 116, а также мои полевые записи.
22. Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь..., с. 302.
23. Дубровский А. Н. Пушные звери Ямальского национального округа.— ТИПЗЖПХ, 1940, вып. 13, с. 32.
24. Матусевич И. В. Охотничий промысел на реке Усе: Научный отчет, 1933 г.— НАКФАН, ф. 1, оп. 6, д. 4, л. 24, 54.
25. Волков Н. Д. Удорский край.— ВГВ, 1879, № 34.
26. Бородин Л. Н., Лапин В. А. Промысловый инвентарь, с. 316.
27. Иевлев Д. Охота в Ижмо-Печорском районе области Коми.— ЗОИМК, 1930, вып. 4, с. 66.
28. Журавский А. В. Результаты исследований «Приполярного» Запечорья в 1907 и 1908 годах.— ИРГО, 1909, т. 45, вып. 1/3, с. 216.
29. Матусевич И. В. Охотничий промысел на реке Усе..., с. 50—51.
30. Арсеньев Ф. А. Охотничьи рассказы. М., 1885, с. 149.
31. Коми морт. Очерки зырянской охоты.— ЗОИМК, 1928, вып. 1, с. 83—84.

32. Кузнецов Б. А. Самоловные орудия..., с. 304.
33. Гофман Э. Северный Урал и береговой хребет Пай-Хой. СПб., 1856, т. 2, с. 42.
34. Лепехин И. И. Окончание дневных записок путешествия академика Лепехина.— ПСУП, 1822, т. 5, с. 245.
35. Сенников Д. Черемисская ловля рыбы дворами и тетеревей корзинами.— ЭЗ, 1861, № 20, с. 159.
36. Ежов Ф. Е. Заметки и воспоминания заезжего о зырянах.— Вят. ГВ, 1858, № 1, с. 4.
37. Сонни К. М. Об охоте зырян.— ЛЖ, 1840, ч. 4, с. 278—279.
38. Лепехин И. И. Окончание дневных записок..., с. 127; Волегов В. Звериный и рыбный промысел на Ростесском Урале.— ЮО, 1860, № 1, с. 15.
39. Симченко Ю. Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии: Этнограф. реконструкция. М., 1976, с. 87.
40. Матусевич И. В. Охотничий промысел на реке Усе..., с. 23.
41. Битрих А. Охота и пушной промысел севера Европейской части СССР.— МДИЕС, 1926, № 61, с. 13.
42. Лепехин И. И. Окончание дневных записок..., с. 245.
43. Гофман Э. Северный Урал..., с. 43.
44. Журавский А. В. Результаты..., с. 216.
45. Михайлов А. Очерки природы и быта Беломорского края России: Охота в лесах Архангельской губернии. СПб., 1868, с. 177.
46. Буров Г. М. В гостях у далеких предков. Сыктывкар, 1968, с. 33—34.
47. Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь..., с. 69, 197.
48. Павлов П. Н. Пушной промысел в Сибири в XVII в. Красноярск, 1972, с. 164.
49. Русанов В. А. Статьи, лекции и письма. М.; Л., 1945, с. 343.
50. Мезенская экспедиция.— ТЛЭ, 1929, т. 1, с. 375.
51. Гагарин Ю. В. Старообрядцы. Сыктывкар, 1973, с. 38.
52. Адлер Б. Ф. Лук и стрелы Северной Азии.— РАЖ, 1903, кн. 15—16, № 3/4, с. 191, 193.
53. Савельева Э. А. Пермь Вычегодская: К вопросу о происхождении народа коми. М., 1971, табл. 20.
54. Буров Г. М. В гостях у далеких предков, с. 65, рис. 15.
55. Шляпин В. П. Удора: Из воспоминаний о путешествии в Удорский край в 1888 г.— ЗР, 1921, № 1, с. 79.
56. Савельева Э. А. Пермь Вычегодская..., табл. 21.
57. Оборин В. А. К истории скотоводства и охоты у древних коми-пермяков.— УЗПУ, 1960, т. 12, вып. 1, с. 226.
58. Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Иркутск, 1932, т. 1, с. 147.
59. Wichmann J. Etymologisches aus den permischen Sprachen.— FUF, 1914, Bd. 14, H. 1/3, S. 115—116.
60. Vilkuņa K. Das syrjanisch-obugriscche Vogelnetz.— FUF, 1973, Bd. 40, H. 1/3, S. 249.
61. Vilkuņa K. Das syrjanisch-obugriscche Vogelnetz, S. 250—251.
62. Чернецов В. Н. Быт хантов и манси по рисункам XIX в.— СМАЭ, 1949, т. 10.
63. Руденко С. И. Перевес.— МПЭ, 1929, т. 4, вып. 2, с. 1—6.
64. Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. С приложением рапортов, донесений и других неопубликованных материалов. М.; Л., 1949, с. 321—322.
65. Михайлов М. И. Промыслы зырян Усть-Сысольского и Яренского уездов Вологодской губернии.— ЖМВД, 1851, кн. 4, ч. 33—34, с. 97.
66. Шамахов С. А. О русской заимствованной лексике в коми языке, характеризующей охоту коми.— УЗКПИ, 1953, вып. 4, с. 44—45.
67. Русанов В. А. Статьи, лекции и письма, с. 343.

68. *Малыревский К. Ф.* Отчет экспедиции по колонизационным обследованиям Севера РСФСР, 1926—1927 гг. Т. 1. Район Средней Печоры.— ИАКФАН, ф. 1, оп. 7, д. 2, л. 240.
69. *Керцелли С. В.* О типе ружья, наиболее пригодного для северного промышленника.— ИАОИРС, 1911, № 10, с. 780.
70. *Мышковский Е. В.* Замки русского огнестрельного оружия XVI—XVII вв.— СА, 1965, № 4, с. 194.
71. *Мартышев А. М.* Краткий очерк кустарных промыслов населения Усть-Сысольского уезда. Вятка, 1904, с. 24.
72. *Арсеньев Ф. А.* Зыряне и их охотничьи промыслы. М., 1873, с. 17.
73. *Перов С.* Свинцовые месторождения на Илыче.— ИВОНСК, 1915, вып. 2, с. 77.
74. Военно-статистическое обозрение Российской империи. СПб., 1850. т. 2, ч. 3, с. 147.
75. *Сонни К. М.* Об охоте зырян, с. 274.
76. *Смирнов А. П.* Донды-Карское городище.— ТОИВК, 1928, вып. 4, с. 30; *Оборин В. А.* К истории..., с. 226, 229; *Чисталев П. П.* Музыкальные инструменты пермских народов.— НД, 1980, вып. 61, с. 7.
77. *Соловьев Д. К.* Основы охотоведения. М.: Л., 1926, ч. 4, с. 659—661.
78. *Соловьев Д. К.* Охотничье население Печорского края и его быт.— КМ, 1927, № 12, с. 34.
79. Итоги экономического исследования крестьянского населения Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии. Пермь, 1903, т. 1, ч. 4, с. 24.
80. *Налимов В. П.* К этнологии коми.— КМ, 1924, № 3, с. 46—47.
81. *Мельников С. Е.* Разнообразная ловля оленей и предрассудки зырян.— ВГВ, 1853, № 33, с. 285.
82. *Русанов В. А.* Статьи, лекции и письма, с. 332.
83. Там же, с. 368.
84. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 21, с. 169, 174.
85. *Александров В. А.* Русское население Сибири XVII — начала XVIII в.— ТИЭ. Нов. сер., 1964, т. 87, с. 231.
86. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 20, с. 166.
87. *Мартынов С. В.* Печорский край. СПб., 1904, ч. 1, с. 162, 165.
88. *Соловьев Д. К.* Охотничье население..., с. 34.
89. *Соснин П.* Няр-Степан: Очерк охотничьей артели.— ПНО, 1901, № 4, с. 131; *Налимов В. П.* К этнологии коми, с. 46.
90. *Соловьев Д. К.* Охотничье население..., с. 35.
91. *Соснин П.* Няр-Степан..., с. 131.
92. *Лобачев С. В., Бородин Л. Н.* Угодья, сроки и способы охоты, с. 299.
93. *Сидоров А. С.* Знахарство..., с. 146.
94. *Брусиллов Н.* Опыт описания Вологодской губернии. СПб., 1833, с. 56.
95. *Мартынов С. В.* Печорский край, ч. 1, с. 165.
96. *Битрих А.* Охота и промысел в лесах нашего Севера.— ЛЖ, 1915, ч. 6/7, с. 1109; *Битрих А.* Охота и пушной промысел..., с. 13.
97. *Битрих А.* Охота и пушной промысел..., с. 13.
98. *Симченко Ю. Б.* Культура..., с. 89.
99. *Василевич Г. М.* Эвенки, с. 54.
100. *Белицер В. Н.* Очерки по этнографии народов коми. XIX — начало XX в.— ТИЭ. Нов. сер., 1958, т. 45, с. 86.
101. *Волегов В.* Звериный и рыбный промысел на Ростесском Урале.— ЖО, 1860, № 1, с. 15—16.
102. *Кривошапкин М. Ф.* Енисейский округ..., с. 41, 101.
103. *Лукьянченко Т. В.* Материальная культура саамов Кольского полуострова конца XIX—XX вв. М., 1971, с. 47.
104. *Михайлов А.* Очерки..., с. 55—56.
105. *Симченко Ю. Б.* Культура..., с. 90.
106. Образцы коми-зырянской речи. Сыктывкар, 1971, с. 68.
107. Производительные силы Коми АССР, т. 3, ч. 2, с. 38.
108. *Крюкова Т. А.* Материальная культура марийцев XIX века. Йошкар-Ола, 1956, с. 35—36; *Сенеев Г. А.* Восточные марийцы, с. 93—94.

109. Шренк А. Путешествие к северо-востоку европейской России через тундры самоедов к северным Уральским горам в 1837 г. СПб., 1855, с. 245—249.
110. Белинский Ф. Д., Чубинский П. П., Васильев Д. В., Сонин А. П. Отчеты комиссии по обследованию Печорского края в 1867 г. Архангельск, 1867, с. 76.
111. Лепезин И. И. Окончание дневных записок..., с. 246.
112. Симченко Ю. Б. Культура..., с. 102—103.
113. Попов А. А. Охота и рыболовство у долган.— В кн.: Сборник статей памяти В. Г. Богораза (1863—1936). М.; Л., 1937, с. 175—176.
114. Симченко Ю. Б. Культура..., с. 103.
115. Булыжников. Хозяйство Большеземельской тундры.— КМ, 1926, № 3, с. 7; Иевлев Д. Охота..., с. 65—66.
116. Хомич Л. В. Ненцы: Историко-этнографические очерки. М.; Л., 1966, с. 65.
117. Гребенщиков В. Е. Способы промысла песка в Ямальском округе.— ТИПЗЖПХ, 1940, вып. 13, с. 67—68.
118. Соловьев Д. К. О звероводстве на Печоре.— КМ, 1927, № 1/2, с. 4—7.
119. Лепезин И. И. Дневные записки путешествия академика Лепехина по разным провинциям Российского государства. СПб., 1805, ч. 4, с. 110; Деньгин А. Сведения о реке Печоре, собранные на местах Вологодским гражданином Алекс. Деньгиным.— ОЗ, 1828, ч. 36, № 104, с. 369; Гофман Э. Северный Урал..., с. 39 и др.
120. Батрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII вв. Л., 1935, с. 11.
121. Соловьев Д. К. О звероводстве..., с. 8—16.
122. Латкин В. Н. Дневник во время путешествий на Печору в 1840 и 1843 гг., ч. 1.— ЗРГО, 1853, кн. 7, с. 87.
123. Соловьев Д. К. О звероводстве..., с. 18.
124. Зелинский А. Н. Породы охотничьих собак.— В кн.: Календарь охоты. М., 1953, с. 318.
125. Иевлев Д. Охота..., с. 68.
126. Арсеньев Ф. А. Зыряне и их охотничьи промыслы, с. 20.
127. Иевлев Д. Охота..., с. 69.
128. Ляцкий Е. А. Поездка на Печору.— ВЕ, 1904, т. 6, № 11/12, с. 281.
129. Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Васюганско-ваховские ханты в конце XIX — начале XX в. Томск, 1977, с. 30.
130. Нат С. Леса и воды Печорского края Вологодской губернии.— ЛЖ, 1915, ч. 5, с. 797.
131. Мельников С. Е. Селение Синдор и озеро того же имени в Яренском уезде.— ВГВ, 1853, № 24.
132. Буров Г. М. В гостях у далеких предков, с. 16—17.
133. Там же, с. 40.
134. Sirelius U. T. Über die Sperfischerei bei den finnisch-ugrischen Völkern. Helsingfors, 1906, S. 136—151; Васильев В. И. Проблема происхождения орудий заборного рыболовства у обских угров.— СЭС, 1962, т. 73, вып. 4, с. 137—152; Жиганов М. Ф. Хозяйство мордвы в XIII—XVI вв.— ТИЭ. Нов. сер., 1963, т. 86, с. 74—75; Крюкова Т. А. Материальная культура марийцев..., с. 39; Лукьянченко Т. В. Материальная культура саамов..., с. 40; Сепеев Г. А. Восточные марийцы, с. 96—97 и др.
135. Руденко С. И. Башкиры..., с. 89—90.
136. Бернштам Т. А. Поморы: Формирование группы и система хозяйства. Л., 1978, с. 104—105, 144.
137. Хомич Л. В. Ненцы..., с. 78.
138. Василевич Г. М. Эвенки, с. 84.
139. Попов А. А. Охота..., с. 189.
140. Гурвич И. С. Культура северных якутов-оленьеводов: К вопросу о поздних этапах формирования якутского народа. М., 1977, с. 45.
141. Симченко Ю. Б. Культура..., с. 103—104.
142. Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь..., с. 291.
143. Там же, с. 278.

144. Горская Н. А., Задера А. Г., Пронштейн А. П., Шульсин В. С. Промыслы.— В кн.: Очерки русской культуры XVI в. М., 1977. ч. 1, с. 147.
145. Варпаховский Н. А. Рыбный промысел в среднем течении р. Печоры. СПб., 1900, с. 45—46.
146. Иваницкий Н. Сольвычегодский крестьянин, его обстановка, жизнь и деятельность.— ЖС, 1898, вып. 1, с. 45.
147. Арсеньев Ф. А. Картины дальнего севера: Шугор. Из охотничьих рассказов.— ВС, 1881, т. 2, с. 186.
148. Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь..., с. 84.
149. Redej K. Die syrjanischen Lehnwörter ins Wogulischen. Budapest, 1970. S. 106.
150. Крюкова Т. А. Материальная культура марийцев..., с. 38.
151. Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь..., с. 234.
152. Буров Г. М. В гостях у далеких предков, с. 39.
153. Михайлов А. Очерки..., с. 19—20.
154. Васильев В. И. Проблема..., с. 146—147; Симченко Ю. В. Культура..., с. 103—104.
155. Беляевский Ф. Поездка к Ледовитому морю. М., 1833, с. 120.
156. Лепехин И. И. Дневные записки путешествия... СПб., 1814, ч. 3, с. 18.
157. Василевич Г. М. Эвенки, с. 85.
158. Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки..., с. 238.
159. Буров Г. М. В гостях у далеких предков, с. 39.
160. Равдоникас В. И. Неолитические поселения западного Приладожья в свете этнографии некоторых народов Северо-Восточной Азии.— В кн.: Сборник статей памяти В. Г. Богораза..., с. 268.
161. Буров Г. М. В гостях у далеких предков, с. 59, 63.
162. Ракин А. Н. Основные принципы номинации трав и ягод в коми языке и народная этимология.— НД, 1977, вып. 32, с. 35.
163. Ермилов Н. Поездка на Печору: Путевые заметки. Архангельск, 1888, с. 69.
164. Полевые записи автора 1979 г.
165. Лепехин И. И. Дневные записки путешествия..., ч. 3, с. 18.
166. Чистов К. В. Традиционные и «вторичные» формы культуры.— В кн.: Расы и народы. М., 1975, вып. 5, с. 37.
167. Воленс Н. Промыслы..., с. 46.
168. Михайлов М. И. Промыслы зырян..., с. 91.
169. Иваницкий Н. А. Материалы по этнографии Вологодской губернии.— ИОЛЕАЭ, 1890, т. 69, с. 37.
170. Redej K. Die syrjanischen Lehnwörter..., S. 155.
171. Васильев В. И. Проблема..., с. 151.
172. Волегов В. Зверинный и рыбный промыслы..., с. 18.
173. Иваницкий Н. А. Материалы..., с. 36.
174. Кривошапкин М. Ф. Енисейский округ..., с. 181.
175. Варпаховский Н. А. Рыбный промысел..., с. 48.
176. Лыткин В. И. Дневник во время путешествий..., ч. 2, с. 3.
177. Веске М. П. Славяно-финские культурные отношения по данным языка.— ИОАИЭ, 1890, т. 8, вып. 1, с. 115.
178. Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь..., с. 145.
179. Буров Г. М. В гостях у далеких предков, с. 51.
180. Kalima J. Die ostseefinnischen Zehnwörter im Russischen. Helsingfors, 1915, S. 116.
181. Крюков К. И., Маслов В. И., Романов А. Н., Кучина Е. С. Производительные силы Коми АССР. Т. 4. Охотничий и рыболовный промыслы. 1951.— НАКФАН, ф. 1, оп. 5, д. 124, л. 201.
182. Иваницкий Н. А. Материалы..., с. 36.
183. Таросова Р. Ф. Материальная культура карел..., с. 38.
184. Сепеев Г. А. Восточные марийцы, с. 96.
185. Руденко С. И. Башкиры..., с. 93.
186. Савельева Э. А. Пермь Вычегодская..., с. 112.
187. Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь..., с. 155.
188. Redej K. Die syrjanischen Lehnwörter..., S. 84, 112.

189. *Мартынов С. В.* Печорский край, ч. 1, с. 157.
190. *Сидоров А. С.* Пережитки первобытнообщинного строя в быте и языке коми.— НАКФАН, ф. 1, оп. 13, д. 14; полевые записи автора, 1979 г.
191. *Лукьянченко Т. В.* Материальная культура саамов..., с. 36.
192. *Hätäläinen A.* Ein uraltes finnisch-ugrischen Fischereigerät.— FUF, 1937, Bd. 24, H. 1/3, S. 81—84.
193. *Белинский Ф. Д., Чубинский П. П., Васильев Д. В., Сонин А. П.* Отчет..., с. 56.
194. *Мартынов С. В.* Печорский край, ч. 1, табл. 3.
195. *Белицер В. Н.* Очерки..., с. 103.
196. *Мартынов С. В.* Печорский край, ч. 1, табл. 3.
197. *Сидоров А. С.* Знахарство..., с. 117.
198. *Воленс Н.* Промыслы..., с. 48.
199. *Ермилов Н.* Поездка..., с. 68.
200. *Воленс Н.* Промыслы..., с. 56.
201. *Арсеньев Ф. А.* Картины дальнего севера..., с. 185—187.
202. *Воленс Н.* Промыслы..., с. 58.
203. *Мартюшев А. М.* Краткий очерк..., с. 10—11.
204. *Силантьев А. А.* Обзор промысловых охот в России. СПб., 1898, с. 442.
205. *Мезенская экспедиция.*— ТЛЭ, т. 1, с. 365.
206. *Соловьев Д. К.* Экономика охоты в Печорском крае.— КМ, 1927, № 8, с. 32.
207. Там же, с. 32—33.
208. *Михайлов М. И.* Промыслы зырян..., с. 93.
209. *Соловьев Д. К.* Экономика..., с. 34.
210. *Мартынов С. В.* Печорский край, ч. 1, с. 105.
211. *Варпаховский Н. А.* Рыбный промысел..., с. 49—50.
212. *Варсановцева В.* На Илыче: Очерк природы и быта.— КМ, 1926, № 3, с. 21.
213. *Мартынов С. В.* Печорский край, ч. 2, с. 30—31.
214. *Лукьянченко Т. В.* Материальная культура саамов..., с. 150.
215. *Б-ков М.* О Карелии: Быт карела.— ИАОИРС, 1913, № 13, с. 109.
216. *Михайлов М. И.* Промыслы зырян..., с. 85.
217. *Гофман Э.* Северный Урал..., с. 66—67.
218. *Тароева Р. Ф.* Материальная культура карел..., с. 129.
219. *Крюкова Т. А.* Материальная культура марийцев..., с. 91.
220. *Военно-статистическое обозрение Российской империи*, т. 2, ч. 3, с. 328.

Глава пятая

ЭТИЧЕСКИ-ПРАВОВЫЕ НОРМЫ ПРОМЫСЛОВОГО НАСЕЛЕНИЯ

Право собственности на промысловую территорию и на добычу. Помещичья собственность на землю, существовавшая в большей части царской России, на территории расселения коми отсутствовала, так как она была отнесена к краю черных земель, т. е. земля, будучи собственностью государства, передавалась в пользование крестьянских общин. Согласно возникшим в глубокой древности нормам обычного права, земли, леса и воды являлись общей собственностью. В качестве основного правового принципа выступал труд, затраченный на освоение земельного участка.

Для получения права собственности на новые охотничьи угодья у коми было достаточно поставить охотничью избушку («вёр керка») в не освоенной еще никем местности и пометить затесами со знаком собственности («пас») путики. С этого момента весь участок леса, очерченный путиками, признавался собственностью промысловика. Он получал единоличное право добычи пушного зверя и дичи в своем угодье и ловли рыбы в водоемах, находившихся на его территории. Неофициальные права на охотничьи угодья, полученные промысловиком после устройства путиков, становились неоспоримым законом для остальных охотников, воспрещавшим появление на этом участке с целью добычи кому-либо, кроме хозяина угодья и членов его семьи.

После смерти владельца охотничьи угодья переходило по наследству по нисходящей родственной линии. Чаще всего новым владельцем становился младший сын хозяина угодья, который обычно оставался в родительском доме после женитьбы. Ему же переходил и отцовский «пас». Остальные сыновья по достижении совершеннолетия и обзаведения семьями устраивали свои угодья на еще не занятой другими охотниками территории. По мнению Дж. Фрезера, минорат обычно связан с примитивными формами хозяйства: подсечно-огневая и переложная системы земледелия и пастушеское скотоводство. Одним из необходимых условий существования системы наследования имущества младшим в роду он считает обилие земли и редкое население [1]. У коми-пермяков на отцовском гнезде оставался обыкновенно младший сын [2]. Такой же порядок наследования был у хантов [3]. Бытование минората зафиксировано у марийцев и вепсов, в той или иной мере он практиковался также в Поволжье и на Европейском Севере России [4].

Отсутствие неосвоенных, пригодных для промысла участков было одной из движущих сил миграционных процессов народа коми в прошлых столетиях. В наиболее рано обжитых районах Коми края острая нехватка площади, пригодной для устройства охотничьих угодий, послужила причиной существенного уменьшения размеров угодий в результате их раздробления между несколькими владельцами — наследниками устроителя угодья. Если в 1800 г. промышленник Верхней Вычегды имел район промысла в среднем около 5000 га, то через 130 лет в этом районе промышляло шесть-семь человек [5]. По этой же причине сложилась форма совместного владения угодьем двух или иногда даже трех семей, главами которых были родные братья — сыновья прежнего владельца охотничьего угодья.

В. Н. Белицер считает, что у коми еще в начале XX в. существовало владение охотничьими угодьями «котыром», т. е. группой родственных лиц, в котором она видит отголосок былой родовой собственности на охотничьи угодья [6]. На наш взгляд, данное утверждение правомерно для стадии разложения первобытно-общинного строя, когда «котыр» мог совпадать с «большой семьей», объединявшей три поколения родственников и выступа-

шей в качестве основной социально-экономической единицы. В настоящее время термин «котыр» употребляется только для названия родственников, не связанных одним хозяйством [7]. Процесс обособления индивидуальной семьи как носительницы отношений частной собственности не мог не коснуться собственности на охотничьи угодья, в результате чего возникла система семейных охотничьих участков. На господство малой семьи у коми указывает и миноратное право наследования. «Случаи миноратного наследования связаны с выделом старших сыновей в самостоятельные хозяйства, следовательно, сопутствуют малой семье» [8]. О слабости связи между родственными семьями у коми во второй половине XIX — начале XX в. говорит отсутствие родственного принципа в промысловых объединениях охотников на период зимнего промысла пушнины. На то, что совместное владение нескольких родственных семей угодьем, доставшимся по наследству, — явление относительно позднего происхождения, указывает факт его распространения лишь в районах с повышенной концентрацией населения. В местах, где плотность населения была не особенно велика, в частности на печорских притоках Мылве, Илыче, Шугоре, Подчереме, такая форма владения охотничьим участком практически не применялась. Один из старейших илычских охотников-профессионалов И. Е. Попов (1900 г. рожд.) рассказал нам: «У отца угодья были по Морт-ю. Нас было пять братьев. Когда мое время подошло, отец мне сказал: „Ищи себе место“. По Из-пыред место не было занято, там я и стал устраивать себе угодье. Отсюда до устья Из-пыред 30 км, да еще вверх по нему 40 км» [9].

На Вычегде, где к концу XIX — началу XX в. были освоены практически все близлежащие пригодные для охотничьего промысла лесные участки, совместное пользование доставшимся по наследству охотничьим угодьем встречалось достаточно часто. Но и здесь при наличии в семье большого количества детей мужского пола право владения угодьем получали лишь двое, крайне редко, — трое сыновей, а остальные либо осваивали какое-нибудь ремесло, либо подыскивали себе подходящий участок в верховьях притоков Вычегды за 100—120 км и более от села. В противном случае охотничье угодье просто теряло свою рентабельность, не оправдывая расхода на его оборудование и затраченное на охотничий промысел время.

О «котырной» форме владения охотничьими угодьями можно было бы говорить только при условии совместного ведения хозяйства всеми членами «котыра». Если промысловый участок в результате предыдущих разделов был мал по площади, то им, как правило, владела лишь одна семья, а если несколько, то у каждой из них имелось еще охотничье угодье, расположенное на более дальнем расстоянии, в единоличном пользовании. Близкие угодья родственных семей обычно находились в одной и той же местности, некогда освоенной их общим предком, и граничили между собой. Поэтому можно считать, что данная территория

находилась во владении определенного «котыра», в то время как частная собственность на охотничий участок была наследственно-семейная. Так, в с. Шошки Княжпогостского р-на, охотники которого промышляли в верховьях р. Выми, на р. Койн находились угодья «котыра» Лятевых, каждая семья которого имела свой участок и охотилась отдельно. По субботам все охотники этой фамилии собирались в определенном месте, делились впечатлениями, обменивались сведениями о добыче и мылись в бане. На следующий день они отправлялись вновь по своим угодьям [10].

Данные Верхневыхгодской охото-устроительной экспедиции, собранные в начале 30-х годов среди промыслового населения методом карточного опроса, также свидетельствуют о том, что «владельцем птицеловных ухажьев («путиков») обычно являлся один двор или одно хозяйство». Правовое отношение охотников Верхней Вычегды к производству охотничьего промысла в угодьях складывалось в это время следующим образом: 84,3% владельцев угодий получало их по наследству, 6,8 — захватило чужие, 5,2 — организовало новые угодья, 2,6 — купило и 1,1% арендовало угодья [11].

Купля-продажа и аренда угодий, как видно из приведенных в таблице данных, практиковались у вычегодских охотников редко. Наиболее распространенной причиной продажи охотничьего угодья было отсутствие наследников мужского пола. В прежнее время владелец угодья в таком случае иногда завещал его в дар церкви или кому-либо из односельчан [12]. Если не было сделано никаких распоряжений, то после смерти владельца, не имеющего наследников, его охотничье угодье поступало в распоряжение сельского общества, которое либо продавало его, либо сдавало в аренду. Так же поступали с угодьями переселенцев в другую местность, если от них долго не поступало никаких сведений и не было сделано указаний относительно оставшегося охотничьего угодья, ставшего, таким образом, бесхозным [13].

Наиболее высоко при продаже оценивались угодья, находившиеся вблизи селений, т. е. наиболее старые по происхождению. Цены на охотничье угодье устанавливались по принципу его пригодности к дальнейшей эксплуатации. В продажную стоимость включалась и стоимость оборудования, т. е. охотничьей избушки, кладовых для снаряжений и добычи, самолетных приспособлений стационарного типа (плашки, слопцы, кулемки и т. п.). Но основным критерием при оценке стоимости охотничьего угодья была его доходность и удаленность от населенного пункта, поэтому даже в случае полной изношенности оборудования цены на ближние угодья были достаточно велики. Например, на Мезени в начале XX в. дальние от селения угодья, находившиеся далее чем за 50 км, продавались за 50—100 р., ближние стоили значительно дороже [14]. На Печоре в 1901 г. «путик» с 600 слопцами, 700 силками на рябчиков и избушкой был куплен за 45 р. Купля и продажа охотничьих угодий совершалась обычно без каких-либо

письменных договоров в деревне при свидетелях, поскольку достоинства и расположение их были хорошо известны окружающим [15].

Право собственности на угодье сохранялось и в том случае, если по каким-либо причинам оно долго не использовалось. Так, М. И. Пархачев, переселившись в с. Шопика на р. Выми, с согласия родственников жены стал охотиться в их заброшенных угодьях. Каждый раз, вернувшись с охоты, он считал своим долгом отнести часть добычи в семьи сестер своей жены, мужьям которых, погибшим в войну, принадлежали угодья, хотя им практически полностью был обновлен весь охотничий инвентарь на «путиках» [16].

Неприкосновенность чужой промысловой территории, находящейся под защитой норм обычного права, строго соблюдалась всеми охотниками коми. Освоение территории, смежной с занятой угодьями, допускалось только с разрешения соседей. Нарушение права собственности на охотничью территорию влекло за собой разгром вновь устроенных «путиков», поджог сооруженной в пределах чужого угодья избышки и т. п. Подобные меры борьбы с нарушением права личной собственности, не имея под собой основы со стороны официальной юриспруденции, пользовались полным одобрением местного населения. Сознание своей правоты с точки зрения норм обычного права было решающим фактором в выступлениях коми крестьянства против церковных захватов земель. Устроители Спасской Ульяновской пустыни, получив от царя Алексея Михайловича право на земли для содержания братии, вели долгую и упорную борьбу с жителями сел Усть-Кулома и Деревянска за право обладания ими. Дважды, в 1673 и 1675 гг., церковь была ограблена, а в 1684 г. — сожжена. Виновников не смогло установить даже тщательное дознание, т. е. налицо была круговая порука [17]. Территория, захваченная церковью и в глазах официального закона не принадлежащая до того никому, находилась лишь в двух десятках километров как от одного населенного пункта, так и от другого, т. е. на расстоянии местонахождения наиболее ценных ближних промысловых угодий. Поэтому нет ничего удивительного в столь упорной борьбе местного населения за «ничейную» территорию. Часто случались столкновения за право обладания охотничьими угодьями между населением Удорского края и пришлыми русскими охотниками с Пинеги [18]. Еще сравнительно недавно, в 20-х годах нашего столетия, была сожжена избышка одного охотника из с. Нижняя Вочь, построенная в непосредственной близости к «путикам» керчемских охотников [19].

Охотник, пойманный с поличным во время промысла в чужом угодье, подвергался наказанию и немедленному изгнанию с чужой территории. Иногда, правда крайне редко, даже случались убийства на этой почве, о таком случае нам рассказывали в с. Мохча [20]. На Верхней Вычегде обычной мерой наказания считалось изъятие всей добытой незаконным путем дичи и пуш-

нипы, а после окончания охотничьего сезона виновный приносил охотнику, границы угодья которого нарушил, «парту» водки, после чего инцидент считался исчерпанным, хотя репутация провипившегося была испорчена в глазах окружающих нередко до конца жизни. У некоторых керчемских охотников существовал рецент особой приправы к приманке, которую давали собакам нарушителей, после чего они на долгое время теряли чутье.

На Мезени в правовом отношении к охотничьим угодьям приравнивались перевесища — места, подготовленные для установки сети на птиц («ветӧс»). После окончания работ по устройству перевесища становилось семейной собственностью производителя работ, если оно, конечно, не находилось на территории чужого охотничьего угодья. При охоте в звероловных угодьях, считавшихся общественной собственностью, преимущественное право на охоту принадлежало промысловику или артели, первыми в сезоне начавшими охоту в этой местности. При встрече на дальнем промысле двух артелей район охоты освобождала та, у которой был позже сооружен шалаш для ночлега («чом») или он находился дальше от места охоты [21]. Такое же право действовало при встрече в одном месте нескольких артелей у русских охотников в Сибири [22]. Обычно же артели охотников из одной местности собирались перед началом промысла в определенном месте и согласовывали маршруты движения так, чтобы были соблюдены интересы всех групп промысловиков. У верхнепечорских и ильчских охотников при походах за Урал таким пунктом сбора была д. Еремеево.

При встрече в районе промысла, не относящегося к личным угодьям, двух охотников, охотившихся в одиночку или в составе разных артелей, не разрешалось пересекать чужую лыжню, так как коми охотники обычно охотились в круге из сделанной ими лыжни, сворачивая за добычей внутрь. Пересечь чужую лыжню во время охоты было равноценно вторжению на чужую охотничью территорию [23]. Неприкосновенность права собственности на охотничью территорию отразилась в коми фольклоре в виде поучительного правоучения любителям поухаживать за чужими женами: «Йӧз лӧсасӧ эн пыр» («По чужой охотничьей тропе не ходи»). У карел, которые большую часть дичи добывали на «путиках», они также считались наследственной собственностью, а постановка силков на чужом «путике» приравнивалась к посягательству на чужую собственность [24].

На водные угодья право личной собственности у коми распространялось крайне редко. В виде исключения можно отметить наследственное право семейного обладания небольшими старичными озерами, зафиксированное на Вишере [25]. В качестве правового принципа здесь выступал труд, затраченный на расчистку озера, установление рыболовных заграждений с рыболовушками, предохранение рыбы от замора. На р. Визинга во временное индивидуальное пользование поступали участки реки вблизи семейных сенокосных угодий, если там сооружались «пуш тшун» —

рыболовные запруды для лова рыбы «мордой» [26]. Общинный способ распределения водных угодий (семужьих тоней) между членами общины, которые при желании могли продать свой пай, характерный для русского населения низовий Печоры, у среднепечорских коми распространения не получил. На всей территории Коми края река принадлежала на равных основаниях каждому члену общины, который в любом месте мог поставить орудие для лова рыбы: сеть, заграждение с рыболовушками и т. п., если, конечно, в данный момент это место не было занято.

На одном месте, особенно на тонях Печоры, иногда собиралось несколько артелей. В таких случаях вначале рыбачила одна артель, а вслед за ней — следующая. Если скапливалось особенно много лодок в одной тоне, то сначала одна артель ловила полные сутки, потом столько же — следующая [27]. Конфликтные ситуации из-за рыболовных угодий возникали только в особых случаях. Одна такая история была записана нами от старейшего жителя Усть-Усы, потомка первопоселенцев К. И. Канева, 1897 г. рождения [28]. Согласно семейному преданию, брат его прадеда был убит во время вооруженного столкновения при лове семги между рыбаками из Усть-Усы и жителями с. Кожвы, расположенного на 100 верст выше по реке. Случай этот произошел в ближайшее десятилетие после образования данных населенных пунктов и был связан с тем, что кожвинцы считали неправомерными действия усинских рыбаков, перегородивших реку на пути идущей вверх на нерест семги. Впоследствии взаимоотношения Усть-Усы и Кожвы в вопросе лова семги были урегулированы мирным путем.

Личная собственность на водные участки возникла лишь у коми-ижемцев, переселившихся в конце XIX в. на Обь. Выкупленные у хантов участки (водные, сенокосные, земельные) становились семейной собственностью. Покося покупались сроком на три года, за водные участки плату вносили каждый год, т. е. речь идет об аренде. Обычно для аренды водного участка объединялось несколько семей, которые и ловили на нем рыбу сетями, строили заграждения с «мордами» и т. д. [29].

Право собственности на добычу было тесно связано с правом собственности на промысловую территорию, с одной стороны, и с уважением к продукту чужого труда — с другой. Непростительным преступлением считалось убить белку, на которую лает в лесу собака другого охотника, или убить зверя, уже раненного кем-либо другим [30]. Зверь, подстреленный промысловиками одной артели, но добытый другой, возвращался без споров первой, как бы ни легка была нанесенная ему первой рана [31]. Рыба, дичь или зверь, попавшие в ловушки или оставленные при промысле в общественных угодьях на месте добычи с «небѳг» — куском бересты, на котором выцарапывался «пас» промысловика, считались неприкосновенными для других. Уличенный в хищении с целью наживы добычи из чужих ловушек или кладовых наказывался битьем или изгонялся на несколько лет из угодий,

в которых раньше мог свободно белковать. Имя такого человека становилось гласным, и он подвергался презрению даже в сельском быту [32]. Кроме того, он нередко награждался позорной кличкой. Так, в одном из сел Троицко-Печорского р-на до сих пор под прозвищем «Дозмёр-Вась» (Вася-глухарка) фигурирует бывший охотник уже весьма преклонных лет, награжденный этой кличкой еще в молодые годы за «любовь» к чужим слопцам. На Вычегде и Печоре существовала также такая мера наказания, как «распятие» виновника: ему привязывали руки к концам палки, пропущенной через рукава сукмана, и в таком виде отпускали домой. Добраться до жилья с распростертыми в стороны руками, с большим трудом пробираясь между деревьями, было сложной задачей, особенно зимой. Нередко после подобного наказания нарушитель права собственности охотника на добычу, спасаясь от позора, насовсем переселялся в другую местность.

Падение промысловых прав, наблюдавшееся в конце XIX — начале XX в. в ряде мест Коми края, вызывало нередко и более суровые меры борьбы с нарушителями. Над профессиональными похитителями чужой добычи устраивалась расправа, известная под названием «сарё пуктём» (воцарение). Виновников сжигали живьем в собственных избушках или прищемляли связанного и раздетого догола уличенного в хищении охотника за волосы в расщепе стоящего дерева и так оставляли [33]. На Вычегде один из охотников рассказывал нам со слов своего деда об охотнике по имени Сила, который «был грешен» и после неоднократных предупреждений приговорен специально собравшимися по этому поводу наиболее уважаемыми охотниками района к смерти. Трое охотников, в том числе и дед рассказчика, выбрали момент, когда Сила отсутствовал несколько дней в своей охотничьей избушке, и положили на стол в «вёр керка» «черинянь» (рыбный пирог), начиненный сулемой, как будто бы оставленный кем-либо из ночевавших в избушке за время отсутствия хозяина. Как и предполагалось, Сила, появившись после перерыва в своем уголье и обнаружив в охотничьей избушке рыбак, решил его отведать, что повлекло за собой смерть от отравления. Официальное расследование, проведенное царской администрацией, никаких сведений от местного населения, несмотря на тщательные распросы, не могло получить, и дело было прекращено [34]. Сходные по сюжету истории были записаны и у печорских охотников.

Не менее строго каралось хищение рыбы из вентерей, «морд» и ставных сетей. Д. К. Соловьев отмечает даже случай убийства похитителя рыбы из ловушек в заграждении для лова, происшедшем в начале этого века на Печоре [35]. Подобная жестокость по отношению к ярым нарушителям общепринятых правовых норм была вообще нередкостью у различных народов, будь то «воцарение» у коми или сельский самосуд над конокрадами у русских. Привлечению виновного к ответственности по официальным законам предпочитался суд народа, основанный на законах обычного права.

В ходе историко-экономического развития право личной собственности на добычу стало доминантой правовых отношений промыслового населения коми. Но в некоторых из обычаев можно увидеть пережитки более древних правовых норм. Например, в д. Канава еще недавно существовал обычай наделения частью добычи при возвращении с охоты и рыбного лова престарелых соседей, а также каждого, кто оказывал хоть какую-нибудь помощь промысловику, встретив при выходе его на берег: помог при выгрузке лодки или донес до дому часть добычи, снасть и другую вещь [36]. При коллективной охоте на медведя право на долю в добыче имел каждый, случайно оказавшийся на месте охоты, до того момента, пока с медведя не была полностью снята шкура, хотя он и не принимал участия в убийстве зверя [37]. В с. Палевицы было принято при дележе добычи после запора курьи давать равный пай со всеми участниками любому человеку, случайно оказавшемуся здесь в это время [38]. Когда в ближних озерах производили совместный лов рыбы всей деревней, то улов зачастую делили не по числу участвовавших, а по числу всех душ в деревне [39]. В данных обычаях более позднее по происхождению право личной собственности промысловика на добычу или право участника на пай в коллективной добыче уступало место праву на свою долю в добыче всех соплеменников, являясь как бы рудиментом первобытнообщинных отношений.

В более ярко выраженных формах подобный синкретизм правовых взглядов на добычу был характерен для народов Сибири (ср. эвенкийский обычай «нимат», когда охотник отдавал убитого зверя вместе со шкурой в распоряжение жителей стойбища [40], или обычай «ужа» у тувинцев, тофаларов и некоторых других тюркоязычных народов, согласно которому любой встречный мог крикнуть охотнику на промысле или по пути домой «Ужа!» и получить часть добычи [41]).

Существовавшие у коми в конце XIX — начале XX в. правовые нормы, закрепляющие право личной собственности на охотничьи угодья и добычу, являлись результатом длительной эволюции от первобытнообщинной собственности к частной на основные средства производства в промысловой среде. Данный процесс четко прослеживается на материалах по народам Сибири и Северной Америки, которые значительно позже более развитых народов (в результате экспансии торгового капитала) утратили первоначальные правовые воззрения на собственность. «У большинства малых народов Севера родовую общину в XIX — начале XX в. сменила соседская община с господством индивидуального хозяйства отдельных семей» [42]. Этапы, по которым происходило экономическое обособление отдельных семей, наглядно иллюстрируют данные по самодийским народам. Так, если на значительной части Ямальского полуострова в начале XX в. еще сохранялось родовое землепользование, «правда, уже в рамках перехода родовых угодий в руки отдельных больших семей», то у обдорских ненцев род уже распался на большесемейные коллективы, в соб-

ственности которых находились промысловые и пастбищные угодья, а «у большинства самодийских групп низовий Енисея больше-семейные коллективы, за редким исключением, к началу XX в. распались» [43]. У североамериканских индейцев к началу XX в. также завершался процесс раздела общинных промысловых угодий на семейные. «У всех племен род как экономическая общность уступает место большесемейной общине. Но и внутри этой общины активно шел процесс экономического обособления индивидуальной семьи в связи с индивидуализацией промыслового труда и развитием торговли» [44].

В первую очередь обособлялись промысловые участки, оборудованные орудиями лова. Так, у колымских якутов охотничьи угодья находились в пользовании соседских территориальных общин, но участки с «пастями» и другими ловушками считались личной собственностью [45]. У селькупов семейной собственностью считались охотничьи участки («чвэчо»), где проходили «путики» и стояла избушка [46]. В то же время у отдельных народов Сибири индивидуализация орудий лова еще не переходила полностью на участки, ими занятые. «Даже на участке, занятом „пастями“ эвенков одной группы, можно было промысливать ружьем, капканами и черканами, а также пасти оленей и ловить рыбу представителям другой группы» [47].

Роль катализатора в процессе вызревания отношений частной собственности у народов Сибири сыграла меховая торговля и данническое обложение пушниной после включения малых народов Сибири в состав Русского государства. «Охота на пушного зверя, не игравшая до появления русских заметной роли в хозяйстве большинства народов Севера, превратилась в важную отрасль производства» [48]. Аналогичный вывод следует по народам Северной Америки: «Вовлечение индейцев в европейскую меховую торговлю с начала XVIII в. чрезвычайно ускорило вызревание отношений частной собственности в их обществе и распад первобытнообщинных отношений» [49]. Первоначально право собственности на промысловую территорию и на добычу касалось лишь добычи пушных зверей. Как отмечает М. А. Сергеев, «продукция пушной охоты подлежала у всех народностей Севера индивидуальному присвоению и являлась, таким образом, частной собственностью добывшего ее охотника» [50], но на продукцию древнейших натуральных отраслей хозяйства (охота на диких копытных, гусей, коллективная добыча рыбы и т. п.) право частной собственности, как правило, не распространялось [51]. Причем даже в отношении товарной продукции охоты вытеснение прежних правовых воззрений на добычу новыми происходило постепенно. Так, у витимо-олекминских эвенков в середине прошлого века промысловые участки уже находились в собственности одной или нескольких семей. Право на участок оставалось за тем, кто его первый освоил. Но, как сообщал А. Мордвинов, «если случается, проходя по грани своей дачи, охотник заметит только что перебежавших в чужую соседнюю соболя, лисицу,

белку, куницу, может преследовать их, а убивши, пользоваться одним только мясом, шкурку же передает владельцу той дачи, где убил зверя» [52].

Сохранившиеся рудименты прежних правовых норм в отношении добычи свидетельствуют о том, что общинная собственность на промысловые угодья и добычу в прошлом была типична и у коми. Но процессы обособления частной собственности, аналогичные протекавшим у народов Сибири и Северной Америки, к началу XX в. у коми были уже завершены, поскольку влияние русской экономики и административной политики на социальное развитие началось по крайней мере на столетие раньше, чем у сибирских народов, и было более интенсивным.

Промысловая мораль. Специфика жизни промыслового населения: оторванность на долгое время от дома и от семьи, тяготы охотничьего быта, постоянная борьба с суровой северной природой, вынужденное длительное общение с узким кругом лиц при далеких походах артелями, а также соображения экономического характера были причиной возникновения и сохранения в промысловой среде целого ряда норм и правил отношения промышленников друг к другу. К сфере действия «обычного права» коми охотников и рыбаков относились как профессионально-деловые, так и морально-нравственные стороны промысловой жизни. Неукоснительное следование правилам и предписаниям, выработанным за долгую историю предыдущих поколений промысловиков, позволяло избегать каких-либо конфликтов в нелегкой жизни коми охотников при взаимном общении или разрешать их мирным, за крайне редким исключением, путем.

Основным стражем правовых интересов промыслового населения была промысловая мораль — своеобразный неписанный моральный кодекс, обязательный для каждого охотника и рыбака. Обучение охоте всегда начиналось с разъяснения ребенку правил поведения в лесу, ознакомления его с правами и обязанностями охотника на промысле. Понятие промысловой морали гораздо шире, чем просто уважение к чужой собственности, она включала в себя целый комплекс правил, обязывающих охотников к взаимовыручке, честности при разделе добычи, достойному поведению в промысловом коллективе, приучала ставить общественные интересы выше личных во время артельной охоты. Правила промысловой морали гласили: никогда не завидуй чужой добыче, а свою не ругай; если увидел в чужой петле или ловушке птицу, вынь ее и повесь рядом, чтобы зверь не достал, а ловушку насторожь; брать чужую добычу — «пеж» (скверна, нечисть). Каждый охотник считал своим долгом заботиться о сохранности чужой, случайно встреченной добычи, как о своей собственной.

Существовал у коми охотников и закон своеобразного сервитута — права пользования чужим имуществом в определенных пределах. Любая охотничья избушка была готова в отсутствие хозяина к приему нуждающихся в ночлеге. В «вөр керка» имелись небольшой запас продуктов (соль, сухари, иногда сушеное

мясо), трут, огниво, кухонная утварь и дрова, которые могли быть использованы почующими в ней. После ночлега в чужой избушке полагалось вымыть посуду и восстановить запас дров; если имелся излишек продуктов, то оставить и их. У охотников Верхней Вычегды было принято после ночлега в чужой избушке оставлять на столе кусок бересты со своим «пасом». Так как «пасы» друг друга были хорошо известны всем охотникам, то хозяин избушки всегда мог определить, кто воспользовался ночлегом в его отсутствие. При дальнейшем промысле охотники, чтобы не обременять себя ношей, в случае отсутствия в этих краях избушки складывали запас продуктов в яму и ставили «пас». При нужде можно было взять часть продуктов из чужого хранилища, взамен положив белок или рябчиков или, на крайний случай, оставив свой «пас» как обязательство вернуть долг в дальнейшем [53].

При коллективной охоте законодателем промысловой морали обычно являлся руководитель артели — самый опытный и обычно старший по возрасту охотник. Неуважение к товарищу, сварливость, сквернословие, попытка уклонения от работ по оборудованию лагеря для ночлега подвергались строгому осуждению. При многократных нарушениях общепринятых норм поведения в лесу кем-либо из артельщиков могло последовать наказание в виде исключения из артели. Так как отчисленного за провинность из одной артели в другую брали крайне неохотно, наказание это считалось среди охотников очень суровым. Особенно тяжким проступком у коми охотников признавались трусость, проявленная в критической ситуации, и оставление в беде товарища. При коллективной охоте на медведя «только тот не получает доли, кто, увидев в опасности товарища, не помог ему справиться со зверем или, как трус, сделав промах по зверю, не поспешил зарядить ружья и сделать второй выстрел, а удалился, оставив товарища в жертву разъяренному зверю: такой зверолов бывает в презрении у крестьян, и ни одна партия промышленников не принимает его к себе в пай» [54].

Высоко ценились среди коми охотников честность и верность данному слову. При артельной охоте действовал принцип уравнительного распределения всей добычи, при этом не принималось во внимание, кем и сколько зверя убито. Любая попытка утайки части добычи вступала в противоречие с промысловой моралью, если это был даже особенно ценный зверь, выслеженный и добытый в одиночку. В. А. Русанов приводит несколько примеров равного дележа добычи при охоте артелью. Так, когда охотник с Верхней Печоры при охоте артелью на рябчиков один на один убил медведя, вся выручка за шкуру пошла в общий фонд. В другом случае промысловик договорился с охотником из соседней избушки об организации охоты на встреченных им трех оленей, но при подготовке гона он сумел подкрасться и убить одного оленя, а остальные два ушли, обнаружить место их обитания ему не удалось. Хотя второй охотник так и не принял непосредствен-

ного участия в охоте, он получил половину выручки за шкуру и половину туши [55]. Исключительная честность коми охотников признавалась и чердынскими купцами — скупщиками пушныны, которые, давая охотникам в долг продукты и огнеприпасы, обходились обычно без каких-либо письменных обязательств.

В понятие промысловой морали входили и народные юридические нормы общения с живой природой, нарушение которых считалось также серьезным проступком. В них отразились народные понятия о необходимости бережного отношения к запасам дикого зверя и птицы, к лесной растительности. Известный охотовед Д. К. Соловьев отмечал, что у настоящих промысловиков-охотников «мы находим часто довольно точно регламентированное охотничье право и, главное, сознание, что зверь и птица не только „божьи“, но и человек играет роль в увеличении или уменьшении их количества. Отсюда — стремление сохранить основные запасы производителей, бережное (по возможности) отношение к животным в периоды беременности и вывода молодых, установление заказных участков, разграничение угодий и пр.» [56].

Редкий охотник, разве по неосторожности, убивал глухарку на току; строго запрещалось мусорить на тетеревиных токах, все окурки, пепел и другой мусор надлежало тщательно собрать и закопать где-нибудь в стороне. На Верхней Вычегде не разрешалось стрелять уток весной и собирать птичьи яйца. На Средней Печоре и Ижме запрещалось добывать сетями тетеревов во время токования [57]. До начала промысла коми охотники никогда не настораживали самоловные приспособления, а перед окончанием промысла весной непременною обязанностью считалось спустить все насторожки на птицу во избежание ее случайной гибели [58]. Так же поступали с ловушками на соболя русские промысловики в Сибири [59]. Коми охотники не начинали добычи боровой дичи до того, как молодежь встанет на крыло. Вплоть до успения (15 августа ст. ст.) охота на боровую дичь по общепринятым нормам была воспрещена вообще. На весь выводковый период запрещалось спускать с цепи собак или брать их с собой в лес без привязи. На Верхней Вычегде о каждой встреченной в этот период в лесу собаке сообщали ее хозяину и если тот не принимал мер, то собаке давали отравленную сулемой приманку. У усинцев при добыче песцов-крестоватиков для домашнего выкармливания никогда не трогали нор, занятых беременными самками, и обычно отпускали на волю случайно попавших в капкан взрослых песцов, летний мех которых не имел особой ценности [60]. Э. Гофман, присутствовавший в середине прошлого столетия при ловле рыбы на Илыче, обратил особое внимание на то, что из улова была взята только крупная рыба, а «самая мелкая брошена была опять в воду» [61]. По возможности бережно обращались промысловики и с лесными насаждениями. Верхневыхегодский охотник С. Е. Панюков вспоминает: «Меня дед учил охоте. Он часто говорил: „Леса лишнего не руби, свежий лес не трогай“. Я один

раз срубил около охотничьей избушки деревце — показалось, мешает, так он меня долго ругал» [62].

В роли блюстителей промысловой морали выступало обычно старшее поколение, которое поправляло, а при случае и наказывало за провинности молодых промысловиков. В промысловых артелях эта обязанность возлагалась на руководителя (хозяина) артели. В русских артелях Сибири в XVIII в. главный передовщик также строго наказывал каждому чужинскому передовщику (части артели) «смотреть за своей чунищею накрепко, чтоб промышляли правдою, ничего бы про себя не таили, и тайно бы ничего не ели» [63]. Кроме того, в промысловой среде широко бытовало убеждение в том, что любое нарушение морали влечет за собой гнев со стороны духов-хозяев леса и воды.

Тот факт, что промысловая мораль у коми находилась в тесной связи именно с промысловыми культами (культ духов — хозяев мест, культ промысловых животных), несмотря на сравнительно раннюю христианизацию Коми края, свидетельствует о значительной древности ее происхождения. Условия материальной жизни промыслового населения, определяющие в конечном счете его идеологию, в ходе исторического процесса претерпевали незначительные изменения, поэтому многие правила морали, выработанные еще на стадии первобытнообщинного строя, сохраняли свою жизнеспособность и после его разложения. По словам К. Маркса, «производство идей, представлений, сознания первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей, в язык реальной жизни. Образование представлений, мышление, духовное общение людей являются здесь еще непосредственным порождением материального отношения людей. То же самое относится к духовному производству, как оно проявляется в языке политики, законов, морали, религии, метафизики и т. д.» [64].

Но охотничий и рыболовный промыслы не могли существовать в полной изоляции от происходящих перемен в жизни общества, связанных с ростом производительных сил. Добывающие промыслы (охота и рыболовство) были лишь одним из укладов комплексного хозяйства народа коми, изменения в материальной и духовной сферах которого так или иначе оказывали свое влияние на промысловый быт. В процессе разложения первобытнообщинного строя возникла частная собственность на промысловые угодья. Расширение товарного сектора в хозяйстве означало вытеснение древних отношений коллективизма в труде и распределении и становление отношений частной собственности. Имущественная дифференциация была причиной появления и морально-правовых установок, оберегавших право частной собственности. Закон распределения добычи между всеми сородичами уступил место праву личной собственности промышленника на добычу, что повлекло за собой пересмотр как правовых, так и моральных норм. Моральные установки, требующие бережного отношения к природе и ее богатствам и бывшие идеологической основой разумного

природопользования, все более утрачивали свою силу в отношении добычи товарной продукции. В то же время общий ход исторического развития еще не успел полностью уничтожить многовековые промысловые традиции, которые (и в том числе и морально-правовые воззрения) сохраняли многие черты традиционной духовной культуры промыслового населения коми.

1. Фрезер Д. Фольклор в Ветхом Завете. М.; Л., 1931, с. 194—195.
2. Смирнов И. Н. Пермь: Историко-этнографический очерк.— ИОАИЭ, 1891, т. 9, вып. 2, с. 222.
3. Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Васюганско-ваховские ханты в конце XIX — начале XX в. Томск, 1977, с. 188—189.
4. Бикбулатов Н. В. Минорат: Проблема происхождения и исторического места в системе социальных институтов.— В кн.: Этнография Башкирии. Уфа, 1976, с. 14—15.
5. Лобачев С. В. Охотничье-промысловое население.— ТСЭ, 1932, вып. 1, с. 227.
6. Белицер В. Н. Очерки по этнографии народов коми. XIX — начало XX в.— ТИЭ. Нов. сер., 1958, т. 45, с. 72—73.
7. Воздвиженская О. Н. Материалы этнографической экспедиции 1950 г. в южные районы Коми АССР: Отчет.— НАКФАН, ф. 1, оп. 13, д. 8, л. 20.
8. Бикбулатов Н. В. Минорат, с. 43.
9. Полевые записи автора, 1976 г.
10. Сообщение А. М. Пархачевой.
11. Лобачев С. В., Бородин Л. Н. Угодья, сроки и способы охоты.— ТСЭ, вып. 1, с. 284.
12. Волков Н. Д. Удорский край.— ВГВ, 1879, № 34.
13. Иваненко Н. Охота как промысел в Вологодской губернии.— ЛЖ, 1877, ч. 5, с. 68.
14. Мезенская экспедиция.— ТЛЭ, 1929, вып. 1, с. 362.
15. Соловьев Д. К. Охотничье население Печорского края и его быт.— КМ, 1927, № 12, с. 37.
16. Сообщение А. М. Пархачевой.
17. Мельников С. Е. Описание Спасской Ульяновской пустыни на реке Вычегде, Вологодской губернии, Усть-Сысольского уезда.— ВЕВ, 1867, № 2, с. 45—52.
18. Мезенская экспедиция, с. 36.
19. Лобачев С. В., Бородин Л. Н. Угодья..., с. 285.
20. Полевые записи автора, 1977 г.
21. Михайлов М. И. Промыслы зырян Усть-Сысольского и Яренского уездов Вологодской губернии.— ЖМВД, 1851, кн. 4, ч. 33—34, с. 81.
22. Черкасов А. А. Записки охотника-натуралиста. М., 1962, с. 460.
23. Налимов В. П. К этнологии коми.— КМ, 1924, № 3, с. 46.
24. Оленев Н. В. Карельский край и его будущее в связи с постройкой Мурманской железной дороги. Гельсингфорс, 1917, с. 104.
25. Полевые записи автора, 1973 г.
26. Полевые записи автора, 1980 г.
27. Латкин В. Н. Дневник во время путешествия на Печору в 1840 и 1843 гг., ч. 2.— ЗРГО, кн. 7. СПб., 1853, с. 3.
28. Полевые записи автора, 1979 г.
29. Полевые записи автора, 1979 г.
30. Абрамов В. Жители Яренского уезда и их хозяйственный быт.— ВГВ, 1859, № 31, с. 273.
31. Михайлов М. И. Физические и нравственные свойства зырян.— ВГВ, 1853, № 18, с. 152.
32. Лобачев С. В., Бородин Л. Н. Угодья..., с. 299.
33. Сидоров А. С. Знахарство, колдовство и порча у народа коми. Л., 1928, с. 182—183.
34. Полевые записи автора, 1977 г.

35. Соловьев Д. К. Охотничье население..., с. 37.
36. Жеребцов Л. Н., Лашук Л. П. Этнографический уклад населения Верхней Вычегды.— ИФС, 1960, вып. 5, с. 98.
37. Сидоров А. С. Следы тотемистических представлений в мировоззрении зырян.— КМ, 1924, № 1/2, с. 32.
38. Сидоров А. С. Пережитки первобытнообщинного строя в быте и языке коми.— НАКФАН, ф. 1, оп. 13, д. 14, л. 5.
39. Русанов В. А. Статьи, лекции и письма. М.; Л., 1945, с. 348.
40. Анисимов А. Ф. О социально-экономических отношениях в охотхозяйстве эвенков.— Сов. Север, 1936, № 5.
41. Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Л., 1926, т. 3, с. 63.
42. Вайнштейн С. И., Васильев В. И. Введение.— В кн.: Общественный строй у народов Северной Сибири. М., 1970, с. 16.
43. Васильев В. И. Социальная организация азиатских ненцев, энцев и нганасанов.— В кн.: Общественный строй у народов Северной Сибири, с. 199—201.
44. Аверкиева Ю. П. Изменения в экономике и социальной жизни индейцев Северной Америки.— СЭ, 1968, № 1, с. 61.
45. Гурвич И. С. Соседская территориальная община у колымских якутов.— КСИЭ, 1952, вып. 17, с. 46.
46. Пелих Г. И. Кольцевая связь у селькунов Нарымского края.— СЭС, 1962, с. 180.
47. Туголуков В. А. Социальная организация эвенков и эвенков.— В кн.: Общественный строй у народов Северной Сибири, с. 225.
48. Гурвич И. С. Соседская община и производственные объединения малых народов Севера.— В кн.: Общественный строй у народов Северной Сибири, с. 386.
49. Аверкиева Ю. П. К истории общественного строя у индейцев северо-западного побережья Северной Америки: (Род и потлач у тлинякитов, хайда и пимпнян) — АЭС, 1960, вып. 1, с. 108.
50. Сергеев М. А. Некапиталистический путь развития малых народов севера.— ТИЭ. Нов. сер., 1955, т. 27, с. 156.
51. Долгих Б. О. Основные черты отцовско-родовых отношений у народов Севера.— В кн.: Общественный строй у народов Северной Сибири, 1970, с. 93.
52. Мордвинов А. Орочены, или оленные тунгусы.— Современник, 1851, № 4, с. 129.
53. Брусилов Н. Опыт описания Вологодской губернии. СПб., 1833, с. 57.
54. Михайлов М. И. Промыслы зырян..., с. 66.
55. Русанов В. А. Статьи, лекции и письма, с. 346—347.
56. Соловьев Д. К. Основы охотоведения. М.; Л., 1926, ч. 4, с. 654.
57. Иевлев Д. Охота в Ижмо-Печорском районе области Коми.— ЗОИНК, 1930, вып. 4, с. 66.
58. Арсеньев Ф. А. Охотничьи рассказы. М., 1885, с. 289.
59. Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки: С приложением рапортов, донесений и других неопубликованных материалов. М.; Л., 1949, с. 266.
60. Соловьев Д. К. О звероводстве на Печоре.— КМ, 1927, № 12, с. 6.
61. Гофман Э. Северный Урал и береговой хребет Пай-Хой. СПб., 1856, ч. 2, с. 68.
62. Полевые записи автора, 1977 г.
63. Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки..., с. 261.
64. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 24.

РЕЛИГИОЗНОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ ПРОМЫСЛОВОГО НАСЕЛЕНИЯ

В универсальном определении религии, данном Энгельсом, говорится: «...Всякая религия является не чем иным, как фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни,— отражением, в котором земные силы принимают форму неземных. В начале истории объектами этого отражения являются прежде всего силы природы, которые при дальнейшей эволюции проходят у различных народов через самые разнообразные и пестрые олицетворения» [1].

С распространением мировых религий было связано преследование и постепенное уничтожение более ранних религиозных воззрений и верований у различных народов. Сравнительно ранняя христианизация коми-зырян и беспощадная борьба с народными верованиями, начатая Стефаном Пермским и успешно продолженная его преемниками, привела в конце концов к практически полному исчезновению и забвению некогда бытовавших в среде коми народа религиозных воззрений. Тем не менее отдельные их проявления в виде религиозного синкретизма сохранялись вплоть до недавнего времени. По словам Энгельса, «раз возникнув, религия всегда сохраняет известный запас представлений, унаследованный от прежних времен, так как во всех вообще областях идеологии традиция является великой консервативной силой» [2].

Религиозный синкретизм, т. е. не столько уничтожение, сколько поглощение местных религий, которые, трансформируясь, сливались с официальной религией (местные боги сливались с христианскими святыми, традиционные народные обряды приурочивались к дням церковного календаря и т. п.),— явление, характерное для христианства. Наблюдалось оно и при христианизации народа коми. Несколько иначе обстояло дело с образами низшей мифологии, которые, как правило, не находили себе места в официальной религии, а относились церковью к нечистой силе [3]. Сохраняясь в виде религиозных суеверий, образы леших, водяных, домовых и пр. в отличие от языческих божеств высшего ранга, которые у коми практически полностью были поглощены христианством, сумели в значительной мере сохранить свое первоначальное естество.

Несмотря на поздние напластования и общую тенденцию к превращению их в полусказочных героев, интересующие нас образы водяного и лешего продолжали нести у коми промыслового населения древнюю функцию духов — хозяев мест, обеспе-

чающих успех в охоте и рыбной ловле и наказывающих неудачей в промысле за непочтение к ним либо неуважительное отношение к добыче. Верования, возникшие на основе лесного охотничьего хозяйства, ближайшую аналогию которым можно найти в промысловых культах народов Сибири, занимали в прошлом, по всей видимости, существенное место в идеологической сфере народа коми.

В «Житии Стефана Пермского» приводится речь языческого жреца Пама в его своеобразном религиозном диспуте с первым пермским епископом, в которой Пам, защищая преимущества существовавших у коми-зырян верований, говорит: ...«У нас же мнози бози, мнози поспешницы, мнози поборницы, те нам дают ловлю и все елико еж в водах, и елико на воздухе, и елико в блатех и в дубравах, и в борах и в лузах, и в порослех, и в чащах, и в березнике, и в сосняге, и в елняге, и в рамении, и в прочих лесах, и все елико на древесех, белки или соболи, или куницы, или рыси и прочаа ловля наша» [4]. Епифанием же описаны кумирни древних божеств коми-зырян, в которых хранились приношения: «Или соболи, или куницы, или горностаи, или ласицы, или бобры, или лисицы, или медведи, или рыси, или белки» [5].

По указанным выше причинам в настоящее время затруднительно полное восстановление пантеона божеств, некогда бывших в чести у древних коми. В то же время нижняя иерархическая ступень поддается в значительной мере реконструкции, благодаря консервативной силе вековых традиций, которые сохранялись в промысловой среде ввиду существенного значения добывающих промыслов в жизни народа коми вплоть до недавнего времени.

Из духов-хозяев мест ведущая роль принадлежала владыке леса, носящему различные наименования описательного характера. Употребление эвфемизмов как в отношении духов-хозяев мест, так и основных промысловых животных, особенно наиболее ценных, было отличительной чертой промысловых культов и у сибирских народностей. Помимо общераспространенного термина «вõрса» (лесной) — аналог русского «леший», владыку леса называли «вõр олысь» (обитатель леса), «гõнапель» (мохнатое ухо), на Ижме — «ягса» (боровой), Верхней Вычегде — «вõр айка» (лесной свекор)*, Удоре — «чукля» (кривой), в Прилузье — «ыджыд» (большой), «ыджыд кõма» (в большой обуви) и «кузь» (длинный), на Печоре — «кольча син» (круглый глаз) и заимствованное у русских — «лешак», у летских коми — «вõр-пõль», а верхнесыольских — «вõр пõльö» (лесной старик) и т. п.

Последний термин заслуживает особого внимания. В коми языке «пõль» (вв., лл., уд.) или «пõльö» (вс.) сохранило значение «дед, дедушка (отец, отца)», так же обращались к старикам вообще. В марийском «põle, põlö» означает челове-

* В прошлом «айка» означало, видимо, хозяин или старший в семье.

ское поколение, род; «rölö — tule» — оплодотворяемая и рождающая природа [6]. У коми-пермяков в начале XIX в. существовало утраченное в современном языке слово «айпэл» в значении «мужчина» [7]. В коми этимологическом словаре «röl» отнесено к общепермскому словарному запасу [8]. Первоначальное значение этого слова, видимо, было близко к русскому «старейшина, родоначальник». С его помощью достаточно убедительно этимологизируется имя одного из немногих дошедших до нас имен древнекоми божеств — «Войпель-болвана» [9].

Буквальный перевод «войпель» — «северное ухо» мало соответствует предполагаемой сущности данного божества, поэтому ряд исследователей считает, что это искажение от «вой төл» — «северный ветер» [10]. Гораздо вероятнее предположить замену в русской записи «ö» на «е», т. е. в оригинале «Войпöль» (владыка севера). В пользу данного вывода говорит и тот факт, что в коми-пермяцких преданиях «Войпель» еще звали «Вөрпель» (ср. коми «вөрпöль» [11]). У удмуртов лесного хозяина также часто называли «mõji murt» — «старик» [12]. По-видимому, и другой эвфемизм «гöнапель» (мохнатое ухо) первоначально звучал как «гöнапöль» и обозначал буквально «мохнатый дед, старейшина» [13].

Олицетворением водной стихии у коми-зырян считался «васа» (водяной), «ваолысь» (обитатель воды) или «вакуль». Последний термин имеет, несомненно, очень древнее происхождение, о чем свидетельствует его широкое распространение не только у финно-угорских народностей, но и у представителей других языковых семей. Значение слов, образованных с корнем «кул», как правило, связано с миром мертвых: у коми — «кулöм» (мертвый), мари — «колем» (умирать), удмурты — «кулон» (смерть), пенцы — «хальмер» (смерть), эвенки — «колоки» (гроб), алтайцы — «кала (злой дух), камасинцы — «колму» (бог смерти). Г. М. Василевич обнаружила следы существования данного термина даже у шумеров — «галлу» (смертоносный дух) и этрусков — «калу» (бог смерти) [14]. Духа болота звали «тыса» (болотный), а дух ручья был известен как «шорса» (ручейный) или «кузь чуня» (с длинными пальцами).

Сходные названия духов-хозяев были у коми-пермяков: «вöра морт» (лесной человек), «вöра дядя» и «ыджыд морт» — леший [15]; «ваись морт» (водяной человек) или «вакуль» — водяной [16]. У удмуртов водяного духа звали «вумурт» (водяной человек), а лесного — «нюлэс мурт» (лесной человек), «нюлэс нюня» (старший леса) или «нюлэс кузё» (хозяин леса) [17].

Были и духи-хозяева отдельных местностей. Так, во владении духа-хозяина горы Сабля находилось и расположенное поблизости озеро, из которого было нельзя добывать рыбу. Существовало поверье, что если ослушников ждала смерть [18]. Местом обитания духов-хозяев считали наиболее глухие уголки леса, а также места с особенно живописной и впечатляющей природой. Таким местом, например, были Железные ворота на Шугоре — высокие скаль-

ные обнажения, стесняющие с двух сторон реку. Там, по словам печорцев, было «много разных духов, в водах, лесах, в расщелинах скал» [19]. В каждом лесу имелся свой дух-хозяин [20].

Внешний вид духов-хозяев, по представлениям коми-зырян, мог быть различным. Очевидно, в процессе эволюции языческих верований происходила неоднократная трансформация образов отдельных представителей языческого пантеона. Владыка леса невидимым, но он мог принять и вид человека — либо огромного роста, либо обычного. Иногда леший летал над деревьями в лесу, появляясь и исчезая, как птица, с шумным полетом [21]. Крик филинов в лесу приписывался его голосу. Вихрь, по мнению коми, представлял собой путешествие леших. Если кто-нибудь хотел его увидеть в это время, должен был посмотреть в сторону лешего между ног сквозь растопыренные пальцы рук [22]. У удмуртов аналогично поступали, чтобы увидеть духа ветров (тӧл пэри) в виде вихря [23]. В обычаях коми имеются некоторые указания на обожествление ветра в прошлом [24]. Есть основания предположить, что отдельные черты образа духа-хозяина ветра слились с образом духа-хозяина леса.

От информаторов был получен следующий словесный портрет «вӧрса»: «Лешак, он совсем как человек, но с сосну будет, и одежды нет» или «Вӧрса» высокий очень, похож на человека, очень некрасивый и бородатый». В образе обычного человека «вӧрса» часто фигурирует в охотничьих быличках. Так, в одной из них, записанной Ю. Вихманом, говорится о том, как на ночлег в охотничью избушку попросился какой-то человек, а наутро охотник, проявивший гостеприимство, пошел на охоту и добыл необыкновенно большое количество дичи. Дичь эта была послана «вӧрса» в награду за предоставленный ему ночлег [25].

Водяного часто представляли в виде огромного человека с большой головой, с темно-зелеными илистыми волосами, одетого в зеленый кафтан. Иногда он выходил в таком виде на берег, а когда бросался обратно в воду, поднималась буря [26]. Подобная антропоморфизация образов «вӧрса» и «васа», видимо, явление более позднего характера, так же как представления о том, что «зырянский леший живет в избе о трех углах и занимается звероловством», а «васа» имеет жен, детей, построенный на дне реки просторный дом и разводит жирных, очень молочных коров, которые не имеют рогов [27]. Наделение духов природы человеческими качествами и помещение их в привычную для себя обстановку было более характерно для сельского непромыслового населения.

Коми рыбаки за живое воплощение «вакуль» часто принимали крупных старых щук, особенно если они стояли в воде головой по течению, а не против, как обычно стоят рыбы. Таких щук остерегались бить острогой, так как верили, что они в силах обратить острогу против самого рыбака [28]. Поверье, что водяной принимает вид щуки, было распространено у коми-пермяков.

И. Н. Смирнов приводит записанную им быличку о том, как ударил рыбак острогой громадную щуку сажени в три длиной, а это оказался сын «вакуля» [29]. У близкородственных коми удмуртов также считалось, что «водяной может иногда принимать вид рыбы. В Сарапульском у. рыбаки видели его в образе щуки, которая отличалась от других своей величиной и тем, что во время сна держала голову в направлении, противоположном тому, какое принимают в это время другие щуки» [30]. В верховьях Вычегды местным населением особо почиталось небольшое, но довольно живописное Кадомское озеро. Это озеро окружено очень высокими песчаными берегами и в нем часто бывают бури. После каждой бури полагалось на другой день при восходе солнца принести жертву водяным духам, а к лову рыбы в озере приступали лишь после того, как в сети попадала большая щука, которую с триумфом несли в избу и сохраняли до ближайшего праздника [31]. У коми-пермяков было зафиксировано поверье, что в оз. Адты обитает огромная щука — хозяин всех рыб. Она позволяет рыбачить на озере всем желающим, но время от времени взамен забирает то лодку, то сеть, то собаку, а иногда даже — и человеческое дитя [32].

Аналогичное отношение к щуке как воплотившемуся водяному духу либо как к рыбе, особо почитаемой духом-хозяином водяной стихии, было распространено у обских угров [33], ненцев [34], народов Саяно-Алтайского нагорья [35] и других, тесно связанных с промыслами народностей. Существовало поверье и у русских, что водяной принимает вид рыбы [36].

Есть основания предполагать, что у коми-зырян подобным живым воплощением лесного духа считался медведь. В распространенном в фольклоре народа коми сюжете рассказывается об охотнике и его одиннадцати сыновьях, отправившихся в лесную избушку на промысел. Разделившись на две группы по шесть человек в каждой, они разошлись в разные стороны: одна группа пошла к реке на лов рыбы, а другая — в лес за зверем. Охотники в лесу встретились с огромным медведем («вѳрса ыджыд ош»), который их проглотил, а рыболовы стали добычей большого «васа» [37]. Популярны у коми были и сказания о девушке, проглоченной огромной щукой [38], т. е. как щука, так и медведь выступали в роли конкретных представителей сверхъестественных сил, властвующих над различными стихиями. От информаторов автору неоднократно приходилось слышать, что медведь — это хозяин леса. А. И. Емельянов на основании изучения удмуртских верований, связанных с медведем, пришел к выводу, что «к лешим может быть причислен также и медведь» [39]. В образе медведя представляли лесного духа ваховские ханты [40]. Подобное, более или менее полное слияние образа духа-хозяина леса или гор с медведем у целого ряда сибирских народностей отмечал Д. К. Зеленин [41].

Коми охотники верили, что собаки замечают близкое присутствие лесного духа раньше людей, в особенности «нѣль син пон»

(четыреглазая собака), т. е. собака со светлыми пятнами под глазами [42]. У хантов лесного духа (Вонт-лунг), превратившегося в зверя, от настоящего животного тоже могла отличить лишь собака [43]. Наряду с духами-хозяевами стихий или отдельных местностей, согласно языческим верованиям народа коми, существовали духи-хозяева отдельных видов лесных зверей: хозяева зайцев, лисиц, медведей и т. д. [44]. Время от времени они переселялись из одной местности в другую, и на тот период, который они отсутствовали, исчезали звери данного вида [45].

Для того чтобы заслужить расположение духов-хозяев, считалось необходимым делать им приношения. «Многие из зырян ежегодно в известные дни года ходят в лес для того, чтобы отнести в дар „лесному дяде“ ... пачку табаку, до которого он, по мнению зырян, большой охотник. Жертва эта относится в самый дремучий лес в одно из самых глухих мест, где предполагается жилище этого владыки леса, и кладется на пень или колоду. Делается это с той целью, чтобы задобрить его, потому что, по мнению зырян, от него зависит успех звериной ловли» [46]. Такие же приношения полагалось делать и «вакуль». Ему приносили в жертву табак, кусочки хлеба и другие продукты питания, кроме рыбного пирога [47].

Обычно жертвоприношения приурочивались к началу промысла, духам-хозяевам полагалась и первая добыча. Вымские рыбаки имели обыкновение бросать в воду кусочек хлеба, намазанный маслом, каждый раз, когда они приезжали на реку или озеро для рыбной ловли [48]. Отправляясь в плавание и отчалив от берега, рыбаки бросали в жертву водяному столько кусков хлеба, сколько было в лодке людей [49]. Охотники на Выми оставляли первого добытого рябчика на пне, предназначая его лесному духу [50]. Точно так же поступали рыбаки с первой пойманной рыбой, которую отпускали обратно в воду, обязательно еще живую [51].

Коми-пермяки приносили в жертву водяному перед началом лова яйца, блины, хлеб, деньги, клочки ситца [52]. Карелы перед первым в сезоне забросом невода бросали в воду кусочки хлеба [53]. Ханты во время ледохода перед началом рыболовного промысла забивали в жертву водяному духу теленка, набивали шкуру сеном и спускали под лед с просьбой послать им рыбу [54]. Удмурты Сарапульского у. перед началом охотничьего сезона оставляли в лесу под елкой вино, хлеб, быка или барана в дар лешему и просили его дать дичи, белок, лисиц, медведей [55]. Охотники ханты, придя на место промысла, прежде всего делали подарок обитающему здесь лесному духу (кусочек новой ткани, несколько монет и т. д.). Шкуру первого отстреленного зверька они также вывешивали на дереве для лесного духа [56]. Наличие сходных пережитков культа духов-хозяев было зафиксировано и у других родственных коми народов, что может служить доказательством глубокой древности этого культа

у финно-угров. Близкие аналоги можно найти и в образах лешего и водяного у русских.

В то же время следует отметить существенные региональные отличия. Как указывал Энгельс, «первоначальные религиозные представления, по большей части общие каждой данной родственной группе народов, после разделения таких групп развиваются у каждого народа своеобразно, соответственно выпавшим на его долю жизненным условиям» [57]. У народов преимущественно земледельческих отношение к духам-хозяевам в значительной мере утратило черты промыслового культа. Так, у мордвы хозяева стихий были божествами женского рода: «Вир-ава» (мать леса) и «Ведь-ава» (мать воды). Вир-ава охраняла зверей от охотников, но она же считалась повинной в пропаже детей в лесу, могла зачекотать путника, а в виде благосклонности показывала места, богатые ягодами и грибами. Ведь-ава была скорее злым духом, она наказывала людей болезнями, из-за нее тонули люди [58]. У вепсов лесной хозяин (*metsiine*) иногда выступал в роли помощника охотника, выгоняя на него множество дичи [59], но ему же ставили гостинцы (хлеб, соль, яйца, чай, сушеная рыба, табак), когда пропадала скотина [60]. У коми-пермяков в сельском быту к хозяину леса обращались во всех затруднительных случаях: пропажа скота, болезнь кого-либо из домашних, перед отправлением в извоз и т. д. Просьбу о помощи сопровождали жертвоприношениями (ярушник, убитый рябчик, ковш зерна, шкурка белки), которые относили в лес и клали под какое-нибудь дерево. «Он помогает пермяку во всех его начинаниях; он поднимает бури и вихри и сносит крыши с домов у тех хозяев, которые виноваты в краже или осмелились непочтительно отозваться о своем дядюшке» [61]. Существовали даже специальные «посредники», которые при пропаже у кого-либо скота составляли прошение лесному духу с просьбой вернуть его и относили берестяную грамоту в лес [62]. У коми сельского населения образы духов-хозяев также во многом были адекватны понятию о нечистой силе вообще, но в промысловой среде достаточно четко разделялись понятия о нечистой силе и злых духах, которые характеризовались явным антагонизмом к человеку, и духах-хозяевах, которые при соблюдении определенных норм и правил в целом были благосклонны к охотнику и рыболову. Для обозначения злых духов существовало наименование «мути». «Мути» представляли собой бесов, которые могли напасть в лесу на охотника и замучить его до смерти. По мнению В. М. Кудряшовой, «наиболее опасным для человека, особенно для охотника коми, считался леший, явившийся в женском образе» [63]. Речь идет о распространенном сюжете охотничьих быличек о появлении в лесу или в избушке злого духа под видом жены. Но сами охотники, как свидетельствуют опросные сведения автора, не приписывали данное явление «вõрса», хотя и признавали, возможно, существующую связь с его деятельностью. Для обозначения появления лжежены охотники обычно употребляли термин «вер-

житчис» (мне показалось); в рассказах, как правило, подчеркивается факт, что этот злой дух страшно боится крестного знамения, в то время как на «вёрса» оно не действует.

Гнев со стороны духов-хозяев, как правило, вызывался объективными причинами, чаще всего каким-либо нарушением норм промысловой морали. Неуважение к своим товарищам, несоблюдение чистоты в местах обитания птицы, зверя или рыбы, оскорбление добычи считались у коми охотников и рыбаков тяжкими провинностями, за которые могло последовать наказание от духов-хозяев. Охотники верили, к примеру, что если кто-либо возьмет из сложенных в хранилище чужих белок или рябчиков, то в течение года сам уже не убьет ни одной штуки [64]. Такое же наказание ожидало, по мнению промысловиков, охотника, утаившего часть своей добычи при артельной охоте [65]. В быличках часто рассказывается о якобы имевших место случаях мести со стороны лесных и водных духов охотнику и рыбаку, переступившему законы промысловой морали. Так, в быличке, записанной Ю. Вихманом, речь идет о рыболовной артели, в которой один из участников произнес ругательство после заброса невода; в наказание «васа» в клочья изодрал сеть у рыбаков, нарушивших промысловую мораль [66]. Сходная по сюжету быличка была услышана автором на Илыче, только в ней говорилось об охотнике, выброшенном из лесу «вёрса» за сквернословие.

Следует отметить, что в охотничьей среде существовало поверье, будто бы гнев со стороны хозяина леса может вызвать также нарушение общепринятых установок, не связанное непосредственно с промысловой деятельностью, но совершенное в лесу. Так, например, один вишерский промысловик, рассказывая автору о якобы происшедшей у него встрече в лесу с «вёрса», подчеркнул, что, увидев сидящего на пне владыку леса, он приготовился к смерти, поскольку незадолго до этого тяжело провинился: нашел в лесу труп неизвестного мужчины и вопреки правилам не захоронил его. «Спасло» информатора лишь то, что он, проходя мимо «вёрса», ни разу не обернулся.

Существовало поверье в «капризные» («сарья») озера. В таких озерах нельзя было ловить рыбу в грязной и сырой одежде, употреблять сети, не просохшие еще после лова в другом месте, бросать мусор в воду или на берегу, воспрещались ссоры или вражда между членами артели. При дальнейшем нарушении вместо рыбы в сети попадался конский навоз или же под «нечистым» рыбаком лодка вдруг начинала погружаться в воду [67]. Подобное привлечение религиозных воззрений в качестве «стража» общепринятых норм и моральных установок было характерно для большинства народов, особенно на ранних этапах общественного развития. С. А. Токарев отмечает: «Истоки человеческой морали коренятся не в религии, а в реальных условиях жизни людей как общественных животных. Однако уже в общинно-родовую эпоху религиозные верования призваны были закреп-

лять моральные нормы, придавая им сверхъестественную санкцию» [68].

Для того чтобы примирить с собой духов-хозяев, если неудачу на промысле объясняли предполагаемым или действительно совершенным нарушением общепринятых норм поведения, широко практиковался обряд очищения огнем. Вымские рыболовы в этом случае приставали к берегу, разводили большой костер и бросали в него часть подстилки из обуви или лоскуток от своей одежды, кусочек тины, вытащенной из воды и охапку хвороста, принесенного из леса. После произнесения заговора: «*Vaús-kö-vaö, vögrús-ko — vörö, mortjilyś-kö — biö*» («Если из воды — в воду, если из леса — в лес, а если из-за человека — в огонь»), все перепрыгивали через костер или обходили его три раза, проходя обязательно через дым [69]. Вишерские охотники при неудачной охоте перед повторным выходом на промысел разводили костер из лучин у порога внутри дома и, уходя на охоту, перешагивали через него [70]. Обычно обряд очищения «от бытовой скверны» проводился также перед началом промысла. На Верхней Вычегде подобный обряд совершался при прибытии на место охоты, перед началом промысла [71], а в с. Палевицы перед каждым забросом невода все участники рыболовной артели проходили через дым от веток можжевельника, брошенных на костер [72].

В тесной связи с культом духов-хозяев мест находился культ промысловых животных. В его отдельных чертах сохранялись древние анимистические представления об окружающем мире, наделяющие сверхъестественной душой все вещи, силы и явления природы. Одушевляя зверей и птиц, культ промысловых животных приписывал им способность воспринимать человеческую речь, особенно слова, к ним относящиеся. Этим объяснялся запрет говорить неодобрительно о добыче, так как она обидится; употребление различных эвфемизмов в охотничьем языке, чтобы раньше времени не спугнуть зверя. Существовало убеждение, что убитый зверь возродится, хотя бы в лице другой особи, поэтому его остатки тщательно собирали и зарывали или оставляли в укромном месте.

Основой охотничьей морали у коми-зырян было почтительное отношение к любой добыче независимо от ее ценности. А. С. Сидоров приводит популярный среди печорских охотников рассказ о промысловике, который «поставил капкан на лисицу, а попал в него заяц. В досаде на это охотник стал издеваться над зайцем: не берет его, а только колет своей пикой: „Шкуры бы я твоей не видел“, — приговаривает. После этого уже ни один зверь не попал ему в ловушку за всю его жизнь» [73].

Обязательно полагалось добывать раненого зверя или птицу, чтобы добыча не мучилась, и ни в коем случае не приносить ее еще живую в охотничью избушку или тем более домой. В тексте, записанном членами диалектологической экспедиции Коми филиала АН СССР в 1948 г., шестидесятилетний вымский охотник,

рассказывая об обучении его охотничьему промыслу, вспоминает, что дед ему первым делом сказал: «Никогда не следует борову» дичь нести живьем, надо убивать» [74]. Непростительным грехом считалось у коми охотников упустить подранка. Один из печорских старожилов рассказывал нам: «Был с товарищем в лесу. Вдруг услышал выстрел за выстрелом. Я подумал, вдруг медведь, поспешил на помощь, а у товарища в руках белка, и все. А на мой вопрос он сказал: „Ты еще молодой, а белку нужно обязательно добывать, или потом плохо будет“» [75]. У коми-ижемцев нельзя было осматривать на добыче место ранения, иначе потом зверь не будет попадаться [76].

Добычу мог оскорбить и кто-либо из посторонних, поэтому коми охотники скрывали ее от чужих, а шкурки обычно снимали ночью [77]. Вычегодские охотники при встрече на промысле никогда не называли действительное количество добытого зверя из опасения, что чужая зависть может обидеть зверей, и они перестанут попадаться. Предполагалось, что зверь и рыба чутко относятся к проявленной к ним явно или открыто недоброжелательности или симпатии. Печорские рыбаки при артельном ловле семги, когда круг невода оставался уже небольшим, по команде «хозяина» артели одновременно брали в рот что-нибудь — кто листик травы, кто кончик платка. Делалось это на случай, если в артели окажется случайно человек «с жестким сердцем» («чорыд сьёлёма»), испугавшись которого, семга может сильно рвануться и порвать сеть. Когда же такой человек возьмет что-нибудь в рот, его «жесткое сердце» направлено уже не на семгу, а на то, что у него во рту [78].

При поимке ценного зверя ему оказывалось особое почтение. У локчимских охотников в таком случае устраивался праздничный ужин из лучших продуктов. Снятая шкурка вывешивалась на самом видном месте, а тушка куницы или соболя хоронилась в неглубокой яме, выкопанной в пепле костра. Разговоры охотников были посвящены исключительно эпизодам прошедшей охоты, причем о добытом звере отзывались только доброжелательно, подчеркивалось, что ужин этот варится в честь «почетного гостя». Перед началом трапезы «почетного гостя» приглашали к котлу [79].

Так же уважительно было принято относиться и к пойманной рыбе. Нельзя было ее оскорблять, мять руками, отдавать собакам, позволять детям с ней играть. Особенно оскорбительным для рыбы считалось выбросить ее на улицу [80]. Интересно отметить, что при первом появлении в Вычегодском бассейне стерляди, рыбы до этого незнакомой коми рыбакам и не принятой ими за свою необычность, при ее поимке, напротив, практиковалось нарушение всех правил поведения, соблюдаемых при рыбной ловле. Случайно попавшую в сеть стерлядь старались всячески оскорбить, плевали и мочились нежелательной добыче в рот, а затем с проклятиями бросали обратно в воду [81]. Точно так же поступали коми-ижемцы с убитым волком, злейшим врагом домашних оленей [82].

Широко практиковалось в охотничьей среде употребление эвфемизмов. Как отмечал Д. К. Зеленин, «охотничьи табу запрещают называть собственными именами как раз тех животных, присутствие которых охотнику весьма желательно и важно: это его добыча» [83]. Некоторые из описательных наименований зверей столь прочно вошли в коми язык, что полностью вытеснили прежние названия или же существуют на равных правах с ними и в обиходной речи, а не только в охотничьем языке, как прежде. Так, коми название рыси («вёркань») переводится как «лесная кошка». Так же называли рысь («лесная кошка») финские охотники, иначе она якобы похищала скот [84]. В современном коми языке горностая называют «сьёдбёж» (черный хвост), в то же время в кратком списке коми-зырянских слов, записанных И. И. Лепехиным в конце XVIII в., в качестве общепринятого наименования горностая приведен другой термин — «чюдмор» [85]. В некоторых диалектах удмуртского и коми-пермяцкого языка до настоящего времени слово «чождмёр» обозначает горностая. В коми языке оно сохранилось лишь в фольклоре [86]. Старое наименование куницы («сер») обозначает в коми языке «пятнышко», в настоящее время обычно употребляется слово «тулан», которое лингвисты считают производным от исчезнувшего глагола «тулны» (мелькать, подкрадываться). Несколько названий существовало у росوماхи: «сан», «латшог» от общепермского «lašeg» (вор, хищник) [87] и «парья» сс. (ср. глагол «парьявны» — разрывать, раскидывать). Лось имеет в коми языке тоже два наименования — «йёра» и «лола». «Лов» («лол») означает в коми языке «душа», «жизнь», а «йёр», уд.; «ёр», л.; «вынйёр» вв., печ., скр., сс. — «сила», «мощь». Целый ряд описательных названий животных существовал в различных диалектах коми языка. Так, на Прупе и Вычегде медведя называли «дзор» (седой) или «дзор старик» [88], лиса — «кузь бёж», вв. (длинный хвост), волк — «лёк зьвер», иж. (плохой зверь), соболь — «небыд кок», печ. (мягкая лапа), выдра — «чул», или «чув», вс. лл. (от «чувкёс» — проникающий, подвижный), лось — «кузь кок», вв. (длинная нога) и др. [89]. Описательный характер носят и некоторые названия промысловых орудий и способов добычи. Например, загораживать реку изгородью для лова рыбы («дёмлыны») обозначает также «запирать, чинить»; у охотников Верхней Вычегды было принято говорить не «кульны» (снять шкуру), а «пёрччодны керны», т. е. «помочь снять одежду» [90]. Название сйлянки на горностая («дзуг») переводится с коми как «спутанный», а жердь, втыкаемая в медвежью берлогу, носит у коми-ижемцев наименование «кол'тан» (мутовка, мешалка). Собаку у коми-язьвинцев охотники называли «перук» от «пырьё» — так говорят собаке, чтобы она шла по следу [91].

На все время промысла налагался запрет и на произношение отдельных слов, обозначающих предметы или понятия, неприятные по какой-либо причине лесным духам. Так, по общепринятому у охотников мнению, неудачу на промысле могло принести

произнесение слов «женщина», «кошка» и «поп». Поэтому в охотничьем языке их тоже заменяли эвфемизмами, чтобы потусторонние силы и звери не догадались, о чем идет речь. Женщину называли «тшотшyd» (ровный, подрезанный), кошку — «сюръя дорын пукалысь» (сидящая на столбе), а попа — «кузь юрси» (длинные волосы) [92].

В русских звероловческих артелях Сибири в XVIII в. во время промысла также строго придерживались того, «чтоб по обычаю предков своих ворона, змею и кошку прямыми именами не называли, а называли б верховым, худою и запёченкой. Промышленные сказывают, что в прежние годы на промыслах гораздо больше вещей странными именами называли, например, церковь востроверхою, бабу шелухою или белоголовкою, девку простыгою, коня долгохвостым, корову рыкушею, овцу тонконогою, свинью низкоглядою, петуха голоногим и прочаа... Передовщик всякого, кто что назовет запрещенным от него именем, не меньше наказывают, как и за другие преступления» [93].

Таким образом, есть достаточные основания говорить о существовании в прошлом у промыслового населения Европейского Северо-Востока (как коми, так и русского) специального «тайного» охотничьего языка, в котором с помощью описательных названий обозначались, с одной стороны, объекты промысла, охотничье снаряжение, способы добычи и пр., а с другой — целый ряд предметов и явлений непромысловой среды.

Особым уважением пользовался у коми-зырян, как и почти у всех интенсивно занимающихся охотой сибирских и многих европейских народностей, медведь. Медведь — популярный персонаж коми пословиц и поговорок, некоторые из них, видимо, отражают прежние верования, связанные с медведем: «Мый эн кут волыны, ош гойён ёмой тшын!сны?» («Что не заходишь, или медвежьей шерстью окурили?»); «Ошкисны, ошкисны да ошкё и пёрис» («Хвалили, хвалили и в медведя превратился»). Существовал у коми и широко распространенный у сибирских народов мифологический сюжет, что медведь раньше был человеком [94]. Медвежьи клыки считались у охотников наиболее верным амулетом против порчи. У многих охотников старшего поколения они сохраняются до сих пор, хотя надобность в талисманах уже отпала, так как, по выражению одного из печорских старожилов, «раньше были колдуны, а сейчас все куда-то подевались». До настоящего времени во многих районах Коми АССР распространено предубеждение против медвежьего мяса.

Были зафиксированы у коми охотников и специальные обрядовые действия, связанные с медвежьей охотой. Перед началом охоты в лесу охотники варили в котлах ритуальное блюдо — сладкую кашу из ржаной муки («юм») и ставили ее перед охотничьей избушкой, чтобы «угостить» медведя, иначе охота будет неудачной. На другой день, увидев, что котел пуст, охотник никому не должен был говорить об этом [95]. Перед убитым медведем полагалось извиниться, говоря: «Эн скормы, тэп сидз

нин сийома» («Не сердись, так уж тебе суждено») [96]. По сведениям А. К. Микушева, колвинские коми, пытаясь снять с себя вину, говорили в таком случае: «Эн скормы. Эг ме тэнö ви, виис рочь пищаль» («Не сердись, не я тебя убил, убила русская пищаль») [97].

У удмуртских охотников к убитому медведю обращались со словами: «Дедушка, не гневись! Юноши тебя убили по ошибке, выстрелили в тебя случайно. Юноши не ходили тебя искать;

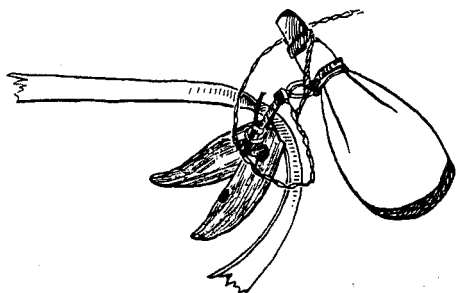

РИС. 60. Медвежьи клыки-амулеты на охотничьем поясе

запутанные собакой, они совершили ошибку» [98]. Широкие аналогии подобных извинений перед убитым «хозяином тайги» имеются у сибирских народов. Ср. у хантов: «...они бегают вокруг туловища медведя и много раз выкликают, спрашивая у него: „Кто тебя убил?“, и сами себе отвечают: „Русские“. — „Кто тебе голову отрубил?“. — „Русский топор“. — „Кто тебе распорол брюхо?“. — „Нож, который сделали русские“ [99]. У долган медведю говорили: «Не мы тебя убили, сам умер, черед придя» [100].

По мнению сысольских охотников, в медведя нельзя было стрелять повторно в случае неудачного выстрела, так как тогда он оживал, даже при смертельной ране [101]. С этой же целью у убитого медведя нужно было немедленно извлечь сердце и сделать на нем крестообразный надрез [102]. Сердце первого убитого медведя, съеденное охотником, наделяло его, по поверьям коми, отвагой при последующих медвежьих охотах [103]. Медвежье сердце, лучше сырое, считалось лучшим средством от страха, в частности от боязни медведя при охоте на него, и у русских на Индигирке [104]. У охотников существовало убеждение, что охота на сорокового медведя особенно опасна. Данное поверье было распространено также у удмуртов [105].

А. С. Сидорову удалось детально записать ритуальный церемониал, принятый во время коллективной медвежьей охоты в печорской д. Овининской [106]. Сведения эти исключительно интересны, поскольку представляют собой единственное зафиксированное исследователями коми быта описание целого комплекса сакральных действий, связанных с медведем. Подбор участников предстоящей охоты в д. Овининской происходил в глубокой тайне, особенно от женщин и детей. Охотник, затеявший это меро-

приятие, приходил в сумерках к наиболее опытным охотникам и задавал иносказательный вопрос: «Ме кытчекö мöдi, тэ мунан он?» («Я куда-то собрался пдти, ты идешь или нет со мной?»). В зависимости от решения спрашиваемых следовал положительный или отрицательный ответ.

Местом сбора была опушка леса по направлению места охоты. На место сбора охотники приходили обязательно в той одежде, в которой их застало предложение пойти на охоту. Но имевшие незадолго перед сговором половое сношение, даже с собственной женой, обязаны были пройти очищение, сходяв в баню, или в крайнем случае сменить одежду. Собравшись вместе, охотники обсуждали подробно порядок проведения охоты и договаривались об условных знаках, так как до окончания охоты строго воспрещалось произносить хотя бы слово. Перед тем как окончательно тронуться в путь, все участники должны были умыться в ближайшем водоеме, а при его отсутствии «мылись» землей, захватывая ее горстями.

После убийства медведя первым делом необходимо было лишить его клыков и когтей, только тогда он окончательно считался мертвым. Если на место охоты приходил посторонний человек, а у убитого медведя еще не были выбиты клыки и отрублены когти, то он получал право на пай. Нельзя было радоваться смерти медведя, не удалив еще клыки и когти: если эта несвоевременная радость была проявлена даже не охотниками, а кем-либо из услышавших выстрелы в деревне, медведь якобы мог ожить.

При снятии шкуры, как только она была удалена с грудной клетки, сразу же вынималось сердце, а сняв ее полностью, отрезали голову медведя. И голову и сердце нанизывали на кол и втыкали его в землю рядом с местом убийства медведя. Иногда их укрепляли на ближайшем дереве. Только теперь можно было выразить удовлетворение от удачного исхода охоты. Тем не менее запрещалось восхищаться упитанностью добычи или ее величиной.

У медвежьей туши перерезали сухожилия на ногах (у медведя отрезали лапы и подрезали сухожилия, чтобы он не ожил, и русские охотники в Сибири [107]), а на том месте, где была отрезанная голова, выкапывали неглубокую яму удлиненной формы, ориентированную с востока на запад. Если голова медведя находилась на упавшем дереве, то из него выпиливали кусок. В яму клали медвежью голову лицевой частью по направлению могилы и после заговора: «Вот тэно сюям увлань юрöн, рытылö-асылö банöн, он мöдысь лок татчö» («Вот тебя зарываем вниз головой, лицом по направлению с запада на восток, чтобы второй раз не пришел сюда»), ее забрасывали землей и утаптывали ногами. Затем захоронение головы маскировали мхом, колодами или пнями. По преданию, раньше хоронили и кости медведя. После захоронения останков медведя все возвращались в деревню. Продав шкуру, подносили угощение руководителю артели, могильщику и тем, кто был на медвежьей охоте впервые.

У удмуртов в прежние времена, когда добывали медведя, его голову погребали там, где его убили. Сверху место захоронения маскировали еловыми ветками. После возвращения с медвежьей шкурой в честь убийства устраивали большой праздник [108]. Существовал специальный ритуал при охоте на медведя и у карел [109].

Пережитки ранних верований коми народа, связанные с медведем, дают наибольшее основание сделать выводы о существовании некогда у таежных охотников Европейского Северо-Востока развитого медвежьего культа, во многих чертах сходного с медвежьим культом, зафиксированным у сибирских народностей. В первую очередь речь идет об особо уважительном отношении к медведю, как к живому, так и мертвому; о сохранении и захоронении его костей, и особенно черепа; об определенных ритуальных действиях, сопровождающих охоту. За подтверждение того, что в прошлом медведь занимал в верованиях коми-зырян одно из ведущих мест, можно признать упоминающийся в письменных источниках факт употребления медвежьей шкуры «с ногти» как символа, священного для обеих сторон, при взаимной клятве вымских и югорских князей в 1484 г. [110].

Л. С. Грибова обнаружила сходность аппликаций на наиболее старых по времени изготовления меховых сумках северных коми («тучу»), которые «по декорировке резко отличаются от ненецких и угорских», с одним из сюжетов пермского звериного стиля [111]. Речь идет об изображении медведя «в жертвенной позе», точнее, медвежьей головы, лежащей на передних лапах. Свидетельством того, что на них изображена именно голова, а не медведь целиком, служат оголенные шейные позвонки, которые можно увидеть как на отдельных бляшках, так и на некоторых изображениях медведя на сумках северных коми [112]. У обских угров медвежья голова, лежащая на лапах, была обязательным атрибутом так называемых медвежьих праздников [113].

А. К. Микушев, отмечая общие черты в коми и в угорском песенном фольклоре, подчеркивает: «Характерно, что в мансийских песнях юноша, побеждающий медведя, оказывается охотником-зыряннином. Например, такой сюжет. Голодный зверь проникает через крышу в сарай зырянина, а затем подстерегает охотника на его же охотничьей тропе. Зырянин убивает зверя и устраивает пышный медвежий праздник в его честь» [114]. А. Кастрен сообщает: «У обдорских остяков я видел даже маленькие изображения этого зверя (медведя.— Н. К.), вылитые из меди и чествуемые как кумиры. По преданию, эти изображения перешли сюда очень давно от пермяков и зырян, которые также поклонялись медведю» [115]. К. Редей обнаружил коми заимствования в терминологии, связанной с медвежьим культом у манси [116].

В выделении медведя среди других представителей животного мира свою роль, несомненно, сыграли его внешнее сходство с человеком, а также величина и сила. Еще В. Ф. Зуев писал про

медвежий культ у хантов: «Медведя же боятся и отдают ему, душа, столь усердное почтение потому, что дерет их нередко. Но есть ли бы в их стране слоны водились, то б они всех их за богов почитали» [117]. К такому же выводу приходил Ф. Белявский: «Остяки почитают также своими божествами медведя и волка. Должно думать, что такое почитание происходит от того, что эти звери сильнее всех им известных» [118]. Г. А. Старцев также отметил, что у ненцев медведь «не есть бог, дух или тотемный предок. Он чтится как сильнейший представитель фауны» [119].

Бесспорна связь медвежьего культа с культами промысловыми. По словам Д. К. Зеленина, «культ медведя — это большей частью не культ по отношению к демону, а те обряды, которые прежде совершались охотниками над всеми промысловыми животными» [120]. Именно сходство с человеком, видимо, было одной из причин появления распространенного среди коми населения поверья, что наиболее сильные колдуны обладали способностью обращаться в медведей. Но и здесь явно ощущается влияние промыслового культа духов-хозяев мест.

Прежде всего отметим, что понятие о колдовстве у коми сельского населения имело существенные отличия от отношения к колдовству в промысловой среде. Как у охотников, так и у рыбаков сфера колдовства ограничивалась «порчей» промыслового оборудования или собак, т. е. колдовством объяснялись неудачи на промысле. При отсутствии предполагаемого «злоумышленника» причину обычно искали в нарушении норм, общепринятых во время промысла, т. е. неудачный промысел объяснялся местью со стороны духов-хозяев. Собака могла «испортиться», если кто-либо ее неосторожно похвалил, а звероловные принадлежности — если кто-нибудь брал их без ведома хозяина добычу.

Исправление от порчи производилось обычно без помощи колдунов. Наиболее верным способом очищения считалась баня, после которой переодевались в чистое белье. Чтобы очистить принадлежности охоты, на них иногда мочились. Печорские охотники для исправления себя от порчи раскалывали вдоль ствол небольшой сосны и, раздвинув клиньями щель, пролезали в нее с собакой, ружьем и другим охотничьим инвентарем [121]. Широко была распространена вера в очистительную силу огня. В целом же в отличие от сельского населения охотники и рыболовы больше опасались мести со стороны духов природы, чем «порчи», посланной человеком. Верным талисманом, защищающим от порчи со стороны людей, у них считались медвежий и щучьи зубы, концы медвежьих лап с когтями, т. е. частицы животных, которые, по верованиям коми-зырян, были наиболее близки духам-хозяевам. Амулеты из просверленного медвежьего клыка употреблялись еще Пермью Вычегодской, о чем свидетельствуют материалы археологических раскопок [122]. У волжских финнов также существовало поверье, что колдуны и нечистая сила, с которой они связаны, боятся медведя и что лучший амулет против

порчи — это медвежий череп [123]. Кости медвежьих лап неоднократно зафиксированы в погребальном обряде в ладожских сопках [124].

Приписываемое колдунам умение превращаться в медведя можно трактовать как доказательство их приобщенности к кругам, близким к духам-хозяевам, которые и наделяли их властью. В пользу данного предположения говорит тот факт, что, по верованиям коми, как в медведя, так и в щуку могли превращаться лишь самые сильные колдуны. Так, в предании о знаменитом колдуне — разбойнике Ошланей говорится, что он имел медвежьи лапы вместо рук, а спасаясь от Стефана Пермского, поочередно превращался то в огромную щуку, то в огромного бурого медведя [125]. У ненцев сильные колдуны умели превращаться в щуку и волка [126]. В то же время наиболее действенными амулетами против колдовских чар были именно медвежьи клыки и концы лап с когтями, а также щучьи челюсти, т. е. как на медведя, так и на щуку власть колдуна не распространялась. В предании о колдуне Тунныряке, который умел путешествовать под водой, превращаясь в рыбу, говорится, что ему приходилось выходить из воды у устья р. Кулом, так как там стояла необыкновенно большая щука [127].

Много неясного в причине запрета на медвежье мясо, прежде всего с каких пор он существует. П. А. Сорокин, несколько сгущая краски, писал: «Медведя зыряне относят к нечистым животным... Мясо медведя, несмотря на его вкус, зырянами в пищу не употребляется и вообще считается поганым («сös», «пеж»). Даже жир медведя употребляется только для смазки тележных колес» [128]. Действительно, предубеждение к медвежьему мясу имело у коми очень широкое распространение, а у староверов считался поганым и жир животного.

Тем не менее даже на Печоре и Удоре — местах наиболее строгого запрета на медвежье мясо — сало медведя издавна применяли в лечебных целях [129]. На Вычегде для лечебных целей использовали медвежью желчь, которую в прежние времена старики обязательно сохраняли и высушивали про запас. Кроме того, предубеждение к медвежьему мясу существовало далеко не повсеместно; так, например, оно было мало распространено на Лузе и Летке, у коми-ижемцев да и в других местах охватывало далеко не все население. Находясь на промысле, в случае крайней необходимости при отсутствии других средств питания охотники достаточно часто пренебрегали запретом на медвежье мясо, если даже обычно его и не ели. По словам одного из информаторов, однажды за Уралом во время артельной охоты они съели медведя даже в великий пост [130]. При опросе населения в одном и том же населенном пункте можно получить как сведения, что прежде медвежье мясо всегда бросали на месте добычи, так и о том, что «ош-йя» ел сам и отец с дедом тоже, а медвежье сало, намазанное на хлеб, было любимым лакомством» [131].

Более строго соблюдали запрет на «ош-йя» женщины. Интересно отметить, что рыбаки коми не разрешали есть женщинам голову щуки [132] (ср. у манси женщины не ели голову, сердце и лапы медведя [133]). Из возможных причин появления предубеждения к медвежьему мясу наиболее часто называется его внешнее сходство с человеком: «Медведь — это «вөр-морт» (лесной человек)», «он с пальцами, как человек» и т. п. Некоторые из охотников сообщали, что они перестали есть медвежье мясо после того, как увидели медведя со снятой шкурой, когда он особенно похож на человека, хотя в детстве неоднократно ели медвежатину, добытую отцом и дедом. С религиозными мотивами запрет на мясо медведя связывался, как правило, лишь в старообрядческой среде.

Отсутствие ранних источников затрудняет вопрос определения времени, когда запрет на «ош-йя» возник и распространился у коми. На поселениях ванвиздинской культуры (IV—VIII вв. н. э.) в Вычегодском крае по количеству найденных костей бурый медведь стоит на третьем месте после бобра и северного оленя [134]. Принимая во внимание тот факт, что культура древних коми-зырян сформировалась на основе местной ванвиздинской культуры при участии пришлых пермскоязычных и, возможно, прибалтийско-финнских групп, можно прийти к выводу, что у предков коми-зырян данный запрет места не имел. Плохо увязывается с ним и упомянутый выше обычай съедать сердце первого убитого медведя, имеющий, несомненно, древнее происхождение. Употребляли в пищу как медвежатину, так и зайчатину близкородственные коми марийцы [135].

Возможно, предубеждение к медвежатине было связано своим появлением с распространением среди коми населения старообрядчества. Если запрет на заячье мясо, употребление в пищу которого считается у старообрядцев также грехом, был перенят лишь населением отдельных сел и деревень, то внушаемое старообрядцами отвращение к медвежьему мясу могло получить большее распространение, опираясь на всю сумму представлений о медведе как существе сверхъестественном. Употреблять в пищу мясо медведя считало за грех и старообрядческое русское население Верхней Печоры (Якша, Усть-Волостница, Курья, Усть-Унья), а также Пермской обл. [136]. Учитывая консерватизм быта старообрядцев, в том числе и в отношении пищи, обратное заимствование маловероятно. Окончательное решение этого вопроса мог бы дать анализ костного материала промысловых животных с коми городищ позднего средневековья. К сожалению, Пермь-Вычегодская на настоящий момент в основном изучена по материалам могильников, которые дают мало сведений по интересующему нас вопросу.

Попытка «привести к одному знаменателю» все проявления особого отношения к медведю у коми-зырян была бы явным упрощением. Видимо, в них нашли свое отражение многие и разновременные по своему происхождению верования народа коми.

Предположение, что медведь был родовым или даже общеплеменным тотемом у предков коми, и в этом весь ключ к вопросу [137], вряд ли можно признать соответствующим действительности. А. М. Золотарев, посвятивший одну из своих работ исследованию пережитков тотемизма у сибирских народностей, предостерегал от такого рода выводов: «Было бы рискованно видеть в каждом зооморфном культе, в каждом явлении почитания природы пережитки тотемического культа» [138]. Само понятие «общеплеменной тотем», по выражению А. М. Золотарева, представляет «нонсенс», так как тотемизм представляет собой родовой культ, но никак не племенной. Действительно, племя как этническая общность характеризуется прежде всего своей эндогамностью, в то время как любая тотемная группа обязательно строго экзогамна, т. е. в ней запрещены браки между всеми «родственниками по тотему». С разложением родового строя доклассового человеческого общества уничтожается сама основа существования тотемизма, поэтому на более поздних стадиях от некогда единого комплекса представлений, связанных с тотемизмом, сохраняются лишь их отдельные проявления. Подобные отголоски тотемизма крайне трудно выделить из-под остатков других ранних верований.

У коми-зырян, изучение ранних религиозных верований которых начато лишь около столетия назад, не было зафиксировано никаких явных проявлений тотемических представлений. По крайней мере, речь идет об основных признаках: наименование общественных групп, обычно родовых, именами животных, птиц и т. д.; признание данного животного предком, родоначальником, т. е. тотемом данной группы; запрет браков внутри данной группы. Наличие отдельных вторичных признаков (особое отношение к отдельным животным, пищевые запреты, табуирование имени и т. д.) находит более логичное объяснение из промысловых культов, которые в значительной мере определяли религиозное мировоззрение коми промыслового населения, и из других религиозных представлений, помимо тотемизма.

Поэтому смелые причисления отдельными авторами тех или иных животных к родовым или даже общеплеменным тотемам народа коми можно признать лишь гипотетическими. Возможно, что действительно некоторые из проявлений особого отношения к медведю у коми-зырян уходят корнями в древние тотемические представления, но мало вероятно, что эти корни продолжали питать и поддерживать существование медвежьего культа в качестве основного источника. В целом автор солидарен с выводами Г. М. Василевич по тунгусоязычным народам [139], А. В. Смоляк — по народностям Амура [140] и рядом других авторов против предположения о тотемическом характере суеверных представлений, связанных с медвежьим культом.

Помимо промысловых культов, в промысловой среде сохранились менее ярко выраженные следы культов огня и деревьев. В одном из мифологических сюжетов народа коми говорится, что

огонь раньше был человеком [141]. Перед приемом пищи коми охотники обязательно совершали обряд кормления огня, бросая в него крошки. В огонь возбранялось плевать, а тем более мочиться — иначе на губах или половом члене ослушников появлялась короста — «лём» [142]. Такой же запрет плевать на огонь — иначе на губах будут нарывы — существовал у венсов [143]. Огонь нельзя было затапывать ногами, а полагалось заливать водой [144]. Огню придавалась очистительная сила. Особую силу имел огонь, полученный с помощью трения. По словам Энгельса, «много времени спустя после того, как людям стали известны другие способы получения огня, всякий священный огонь должен был у большинства народов добываться путем трения» [145]. По сведениям, полученным А. С. Сидоровым, крестьяне одной из сысольских деревень, когда волки расплодились в такой степени, что давили скот даже в хлевах, добыли огонь при помощи трения березовых поленьев друг о друга. На этом огне они торжественно сожгли одного пойманного волка, причем строго наблюдали, чтобы никакая часть от него не осталась несожженной [146].

Одушевление деревьев в прошлом, видимо, было характерно для древней религии коми. Об этом свидетельствуют фольклорные данные о «живых» деревьях («ловья пу»), о существовании «своего» дерева («аслад пу»), почитание в ряде мест отдельных деревьев, которые считались священными [147]. От стариков и сейчас можно услышать рассказы, что по ночам деревья разговаривают между собой, сообщая увиденное днем нередко за несколько десятков километров. У верхневычегодских охотников при устройстве ночлега в лесу обязательно полагалось предварительно спрашивать разрешения у того дерева, под которым охотник укладывался, иначе оно своим шумом не давало уснуть [148]. «Когда коми охотник располагается со своими вещами на отдых под дерево или становится во время дождя под его укрытие, всегда предварительно обращается к дереву со словами: «Пуёй лэдз менё шойтчыны» («Дерево, прими меня на отдых») [149]. Был записан более подробный текст такого обращения, существовавший у вишерских охотников: «Козйё, козийё, лэдз менё ас улад узьны, видз менё лёк йёзысь, биысь и ваысь, лёк зверьясысь, тóлысь — падераысь» («Дерево, дерево (буквально — ель), пусти меня под себя спать, защити от плохих людей, от огня и воды, хищных зверей, ветра со снегом») [150]. Карелы — ливвики и венсы — также считали, что нельзя лечь под деревом, не спросив у него разрешения [151].

Как охотничий, так и рыболовный промысел всегда были связаны с риском неудачи, поэтому в промысловой среде существовал целый ряд всевозможных примет и запретов. В некоторых из них можно проследить остатки былого полового табуирования различных сфер хозяйственной деятельности. Так как промысловая деятельность считалась чисто мужским занятием, прикосновение женщин к орудиям промысла, а тем более перешагивание

через них могло повлечь за собой неудачу на промысле. Подобное табуирование промыслового снаряжения характерно для народов с ведущей ролью охоты и рыболовства. Например, у хантов женщинам запрещалось даже подходить близко к охотничьим орудиям [152]. Во время менструаций женщинам не позволяли ловить рыбу сетями в озерах, иначе и вода и сеть становились «нечистыми» («сѳс», «пеж»). Охотники в этот период не разрешали им даже смотреть на оружие. Собака, к которой прикасалась женщина в это время, также осквернялась и становилась негодной для охоты [153]. На Мезени и Вашке еще недавно вязание сетей считалось исключительно мужским делом, и занимались им в основном мальчики-подростки. Некоторые рыбаки даже сами сучили пилки для вязки сетей, чтобы к ним не прикасались женские руки. Мужским трудом считалось также плетение сетей у хантов [154], ненцев [155] и северорусского населения [156]. На Вишере запрещали детям, особенно строго — девочкам, играть с охотничьей собакой из боязни утраты ею промысловых качеств [157]. Охотнику нельзя было передавать из рук в руки женщине веретено, иначе он потеряет качества хорошего охотника, его можно было лишь положить рядом. Перед охотой и рыбной ловлей после интимного общения с женщиной было необходимо пройти очищение путем омовения тела. Охотникам запрещалось мыться в бане после того, как в ней помылись женщины [158]. Последний запрет соблюдался даже охотниками коми, переселившимися в Западную Сибирь и забывшими все прочие половые табу [159]. Существовал он и у коми-пермяков [160].

Многие приметы и поверья были близки к симпатической магии (подобное может вызвать подобное, а часть заменить целое) и магии синдиасмической — по сходству и подобию. Так, у коми-ижемцев не полагалось при еде разбрасывать кости рыбы, иначе она тоже разбегится и не будет попадать в сети [161]. У верхневыхгодских охотников до конца сезона не было принято выметать из промысловых избушек валяющиеся на полу перья, пух и прочие остатки добычи, чтобы «не вымести» птицу и зверя из своего угодья [162]. Широко бытовало поверье, что если бросить в печь и сжечь какую-либо неошипанную птицу, то сделавший это в продолжение всей своей жизни больше не добудет этой птицы [163]. Ср. запрет у хантов бросать в костер перо и пух ошипанных птиц, так как другие птицы будут с опаленными перьями и не смогут летать [164]. У локчимских охотников перед охотой на ценного зверя запрещалось жарить что-либо на масле, так как его треск мог спугнуть добычу на предстоящей охоте [165]. На Мезени, в с. Глотове, если ворон повадится похищать дичь из силков, в расщепе близстоящего дерева настораживался игрушечный лучок со стрелой, направленной вдоль «путика». Еще у нескольких деревень близ обворовываемых воронами силков в расщепках укреплялись игрушечные стрелы, заостренные с обоих концов. Все стрелы предварительно обмазывались особым раствором, а при их установке читался заговор [166].

Вера в магическую силу слова и в то, что животные понимают обращенную к ним речь, обуславливала существование заговоров, произносимых при поимке рыбы или зверя. По сведениям В. П. Налимова, коми рыбаки оглушали слегка пойманную рыбу обухом топора, клали ее в лодку и говорили: «Бейся, бейся, плещись! Зови отца, мать, деда, бабушку, прадеда, всех родственников. Не то на том свете одна без родных скучать будешь, не с кем будет тебе резвиться, играть! Зови всех!» [167]. У обских коми верили, что если при ударе рыба издавала писк, то лов будет удачный, — это она сзывает другую рыбу [168]. В 1961 г. в с. Вольдино на Верхней Вычегде был записан заговор, произносимый при опаливании боровой дичи:

Чишки, поришки,	Опались, очистись,
Туриштчи да пориштчи,	Топорщись, надуйся,
Сизим ареса ѓш ышта,	Будь таким, как семигодовалый вол,
Чипаст да чапест,	Позови, оклихни
Айтэ да мамтэ,	Родителей своих,
Чойтэ да воктэ,	Братьев и сестер своих,
Иньте да айтэ,	Супруга своего (супругу свою),
Рөдтэ да вужтэ	Родственников своих
Миян чөстуй вылэ.	На нашу охотничью тропу. [169]

Коми переселенцы в Тюменскую обл. при опаливании уток произносили следующий заговор:

Жариччы-париччы,	Жарься-парься,
Вөр лалаысь дзоялджыка,	(Стань) меньше лося,
А чукчи дозмерысь ыджыдджыка.	Но больше глухаря. [170]

Чтобы получить богатую добычу, охотники при установке силков произносили следующий заговор: «Порог-ул йог мында ин патч-кымес са мында!» — «Сколько мусора под порогом и сколько сажу в дымоходе (я хочу поймать в свои силки)» или «Патч-кымес са-мында, порог-ул йог — мыда мэдим шэдэ!» («Сколько копоти в дымоходе, сколько мусора под порогом (так много добычи) я хочу поймать») [171].

С верой в лечебную и предохранительную магию было связано широкое распространение в промысловой среде различных амулетов. Помимо медвежьих клыков и когтей, печорские охотники в качестве промысловых талисманов носили на поясе рысьи когти [172] или сушеную летучую мышь [173]. Коми рыбаки сохраняли щучьи челюсти или целые черепа и брали их с собой на рыбную ловлю [174]. В сельском быту щучьи зубы считались лучшим средством, облегчающим роды у коров. Их при отеле коровы сжигали с можжевельником и окуривали этим дымом, произнося заговор, корову и новорожденного теленка, «чтобы рос здоровым». При желтухе народная медицина рекомендовала поймать щуку и смотреть на нее больному более или менее длительное время. После этого щуку живой отпускали в воду, чтобы она унесла с собой болезнь [175]. Отношение к щуке как существу.

обладающему определенными магическими свойствами, было характерно и для русского населения Сибири [176].

Толченые медвежьи клыки «помогали» от зубной боли. Действенным оберегающим средством как в промысловом, так и в сельском быту считались высушенные тушки горностая. С. В. Лобачев обратил внимание во время экспедиции на Верхнюю Вычегду в начале 30-х годов нашего столетия на то, что «в каждой промысловой избушке мы видели висящую на стене закопченную дымом тушку горностая» [177]. Существовало убеждение, что «душа горностая, обитающая в его скелете, гонит злых духов, которые хотят вселиться в человека или в животное и сделать его больным» [178]. Распространена была вера во вредоносную парциальную магию — порчу по какой-либо вещи или ее части, принадлежащей охотнику или рыболову.

Нередко колдунами считались вожаки охотничьих и рыбацких артелей. По словам одного из исследователей быта коми, «каждый юр («глава») должен знать все приметы и наговоры, чтобы быть авторитетным. Ня-Степан слывет здесь за весьма знающего туна (колдуна) и часто фигурирует в этом звании на свадьбах и других торжественных событиях зырянской жизни» [179]. Тем не менее утверждение А. С. Сидорова, что в прошлом у коми-зырян «хозяином» артели при дальней охоте обязательно избирался сильный колдун и «главная его роль — охранять артель от колдовских чар со стороны могущих встретиться недоброжелателей и следить за исполнением всех предписаний охотничьей морали» [180], не совсем соответствует действительному положению вещей.

По сведениям, полученным от старейших охотников, от «хозяина» артели в первую очередь требовалось быть наиболее опытным промысловиком и хорошо знать места обитания добычи. Он был самым уважаемым человеком среди членов артели, поэтому то, что он следил за соблюдением морали, не вызывает удивления. Относительно же мнения, что «хозяин» артели был обязательно колдуном, следует привести бытовавшее у коми населения убеждение о причастности к колдовству всех особенно удачливых охотников, обладающих якобы сверхъестественной властью над животными. От одного из старожилов нами была записана быличка об известном раньше колдуне Якове из д. Кодач, который якобы однажды заявил: «Я в бога не верю, а верю в своих лесных друзей» — и, чтобы доказать свою силу, собрал на небольшой полянке в лесу несколько сотен лисиц [181]. В ходе полевых исследований в различных местах Коми АССР нам приходилось слышать об охотниках, останавливающих взглядом белок на дереве и заставляющих их спускаться прямо в руки или сгонявших колдовством десятки зайцев в принадлежащие им заячьи ямы («кбч гу»). В д. Кодач мы беседовали с целым рядом пожилых охотников, еще помнивших «колдуна» Якова. Их общим мнением было, что Яков, хотя и умел лечить травами, но в «порче» людей или собак сведущ не был, а вот охотник он был «ярый»,

«если Прокоп Як прошел — другому охотнику делать нечего». Относительно же обвинения его в колдовстве один из информаторов так и сказал: «А раньше был хороший охотник — говорили колдун» [182]. В другой истории, услышанной нами в с. Покча, речь шла об убийстве в лесу старика-охотника, случившемся на памяти информатора. Когда охотник был найден, то, помимо множества огнестрельных ран на теле, обнаружили на его руках и ногах перерезанные сухожилия, что обязательно полагалось сделать колдуну, так же как убитому медведю, иначе он не мог умереть. Колдуном же этого охотника считали лишь из-за того, что он в свои семьдесят с лишним лет ежегодно добывал пушнины больше, чем другие промысловики, даже молодые [183], т. е. не колдуны имели предпочтение при выборе «хозяина» артели, а просто опытейшие из охотников, которые и избирались на эту должность, имели зачастую такую репутацию в сельском быту.

Не подтверждаются фактическим материалом и предания о столкновениях в лесу охотничьих артелей из разных мест во главе с сильными колдунами [184]. Охотничье право четко регламентировало правила поведения, право на добычу и промысловую территорию во время артельной охоты, и любое нарушение их не допускалось общественным мнением. Возможно, что данный сюжет сохранился в фольклоре со времен межплеменных вооруженных конфликтов коми и манси и свидетельствует о том, что вождь совмещал военные и религиозные функции. Шаманы в прошлом предводительствоваали и воевали в первых рядах у ненцев [185]. По фольклорным данным, шаман исполнял обязанности вождя рода и организатора военных походов у иганасан и звенков, а также ряда других народов [186].

Основные способы очищения от порчи были уже рассмотрены. К помощи «знающих» людей охотники прибегали чаще всего для лечения от порчи собак, выразившейся в потере чутья, общей вялости и отказе идти на зверя, т. е. явной их болезни. И. Е. Попов, старейший илычский охотник, рассказывал нам, как лечили от порчи его лайку, которая совсем перестала брать зверя. «Сведущий» человек попросил привести собаку и принести ее привязь. Процедура лечения заключалась в нескольких уколах треугольной иглой в нос собаки и произнесения заговора. Кроме того, одновременно с заговором собачья привязь трижды была пропущена вокруг ноги «колдуна». Вскоре собака действительно выздоровела, но прежнее чутье к ней так и не вернулось [187]. С собакой были связаны и определенные религиозные суеверия. Помимо того, что она издавала чужла лесных духов, коми охотники верили, что собака прокликает убившего ее хозяина, и три поколения собак отказываются ему служить. Охотникам предписывалось покормить собаку из котелка («рач») раньше, чем самого себя. Перед едой охотники первую ложку ячменной каши сперва подносили собаке, давая ей понюхать [188].

Обрядовая сторона промысловых верований изучена недостаточно. Из зафиксированных сведений следует выделить формы сакрального поведения, связанные с началом промысла, а также с первой добычей. На Печоре из первой крупной пойманной рыбы готовился обрядовый обед для всей артели. Убивали ее не ножом, а ударяя камнем по голове, положенной на другой камень. При потрошении также обходились без ножа, выдавливая внутренности рукой [189]. Архаичность подобного способа обработки рыбы служит доказательством глубокой древности происхождения данного обряда. На Верхней Вычегде сразу после ледохода на рыбалку выходили семьями, из первой пойманной в этот день рыбы варили уху и хранили ее в погребке на льду до следующего ледохода. Перед началом нового рыболовного сезона ее съедали в торжественной обстановке [190].

А. В. Круглов в конце прошлого века записал в д. Визябож обряд, совершаемый перед отправлением на осеннюю охоту. Ранним утром перед деревенской церковью собирались все охотники и их сородичи. После полуторачасовой обедни они выходили на площадь перед церковью, где устанавливался большой стол, на который укладывали зарезанную овцу. Мясо овцы делили на три части, одна из них была предназначена священнику, другая шла на продажу в пользу церкви, а остаток варили в котле для общей трапезы. Когда мясо было готово, все садились на полочки, постеленные на землю, и приступали к еде, запивая мясо пивом («сур») из большой круговой чаши. На вопрос автора: «Какая же цель подобного обряда?» — ему сказали: «Жертва нужна... обычай таков». На охоту промысловики вышли утром следующего дня [191]. Несомненна трансформация данного обряда под влиянием официальной религии, но его языческая сущность достаточно ясна.

Результатом синкретизма являлось и приурочивание определенной промысловой обрядности к дням церковных праздников. В великий или страстной четверг перед пасхой, который считался днем обновления на предстоящий год всего хозяйства, охотники стреляли из ружей. Рыбаки в ночь на страстной четверг возились у снастей или занимались чем-либо у воды, окунали в воду сеть или топили в ней «морду» [192]. Существовало поверье, что если в этот день обуться в том углу, где стряпают, то найдешь тетеревиный ток (хлеб — символ полноты), если же на мельничной полке — будет удача на промысле круглый год [193]. У печорских охотников и рыболовов в этот день, чтобы промыслы шли успешно, совершался специальный обряд: перед рассветом приносили в дом можжевельник и пихтовый кряжик. Часть можжевельника клали под матицу, часть жгли посередине избы и прыгали через огонь. Пихтовый кряжик оставляли в избе на весь год [194]. У коми-пермяков [195] и вепсов [196] охотники в ночь накануне страстного четверга выходили в поле и стреляли из ружей. Было распространено охотничье и рыболовное «колдовство» накануне великого четверга и у русских в Сибири [197].

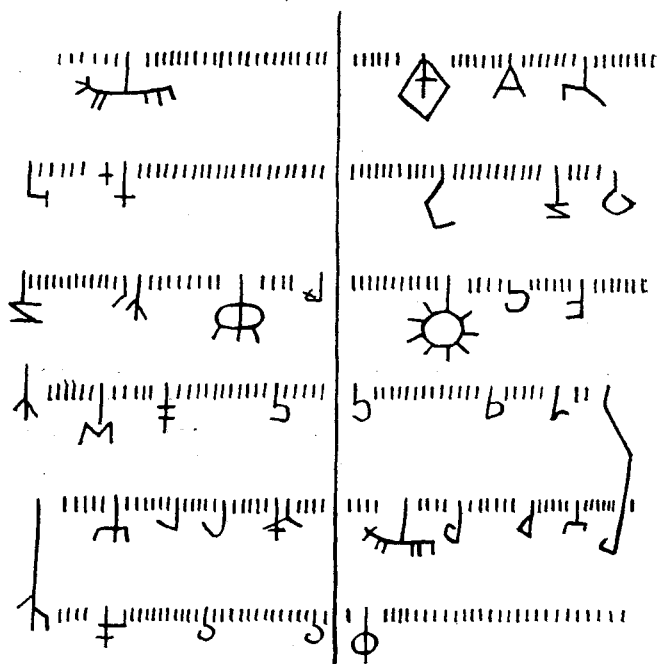
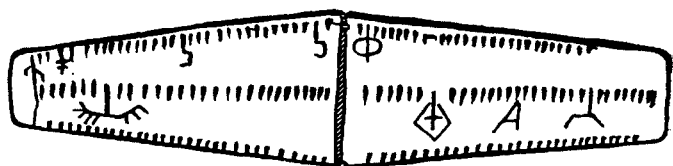

РИС. 61. Пу-святцы

В первый день пасхи после первого приветствия священника за заутреней: «Христос воскрес» — некоторые охотники и рыболовы не отвечали как принято: «Во истину воскрес», а произносили наименования ценных зверей, птиц и рыб, надеясь получить на целый год удачу в промыслах [198]. Первоверховный апостол Павел считался покровителем промыслов. В день св. Петра и Павла (29 июня по ст. стилю) рыбаки обращались к Петру с молитвами об успешном лове рыбы, так как в его ведении находилась водная стихия. «В ночь на первоверховных апостолов у жителей Зырянского края собирается, кроме других трав, «Петров корень», или «Петров крестик», называемый крестиком потому, что листья на стволе его крестовидные. Каждый почти зырянин, отправляясь на охоту, считает священной обязанностью запастись в путь Петровым корнем, в уверенности, что он в состоянии избавить его от могущих встретиться с ним несчастий.

Корешок этот в пути носится на шейном гайтане» [199]. Проводя мужа на промысел, хозяйка приговаривала: «Сет, Петр-Павел, чери» («Дай, Петр-Павел, рыбу»). На Вычегде, после того как первый улов был приготовлен и съеден, желали: «Господе, Петыр-Павелэ, сет чери кечйысьлы здоровье да лыысьсьомы мыдта пуд да тув чери» («Господи, Петр-Павел, дай рыбаку здоровье да рыбы столько пудов и фунтов, сколько (осталось) чешуи да косточек») [200].

Почитание апостола Петра как покровителя рыбных промыслов было широко распространено у русского населения Европейской России, Западной и Восточной Сибири [201]. К коми оно, вероятно, пришло вместе с христианизацией от русского населения Севера. Закономерность подобных заимствований отметил Ю. В. Гагарин: «Коми восприняли православие, уже синкретизированное, со многими остатками русских языческих обрядов, обычаев и представлений» [202]. Идеология официальной религии существенного места в мировоззрении промыслового населения не занимала, хотя она оказывала определенное влияние на промысловый быт. Уходя на дальний промысел, охотники брали с собой деревянный календарь «пу-святцы» — шестигранный бипирамидальный брусок с насечками на ребрах. Общее число насечек соответствовало количеству дней в году, церковные праздники были обозначены специальными значками — «пасами». Прошедшие дни отмечали, заклепывая зарубки воском или лиственничной смолой. Такие же деревянные святцы со счетом года с марта были в употреблении в сельском быту коми. М. Ф. Кривошапкин отметил их широкое распространение у русских на р. Лене, а также у эвенков [203]. В промысловых избушках иногда присутствовали небольшие образки, а при походах артелями некоторые охотники брали с собой «сизь доз» — небольшой медный образок, врезанный в деревянный брусок, имеющий с обратной стороны выемку с крышкой, наподобие пенала, для свечки [204].

В крупные церковные праздники охотники из ближних промысловых угодий обычно возвращались на несколько дней домой или ходили в гости в соседние промысловые избушки односельчан. В артелях на дальнем промысле церковные праздники считались нерабочими днями и в эти дни старались по возможности разнообразить питание: готовили квас, блины и т. п. Тяжелым испытанием для охотников было оказаться в дальнем походе артелями в великий пост.

Нет сомнения, что ранние верования народа коми претерпели существенные изменения в ходе общественно-экономического развития. Тем не менее зафиксированные в промысловой среде рудименты ранних религиозных воззрений обнаруживают значительное сходство, несмотря на разные уровни развития производительных сил, производственных и общественных отношений, с верованиями коренного населения Сибири. В данном случае сохранение на протяжении веков опыта одной из ранних форм традиционного природопользования послужило консервирующей

силой, позволяющей частично реконструировать духовный мир населения лесо-таежной зоны к западу от Урала в более ранние периоды.

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 328.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 315.
3. Токарев С. А. Религия в истории народов мира. М., 1976, с. 509.
4. Епифаний Премудрый. Житие святого Стефана, епископа Пермского. СПб., 1897, с. 47.
5. Там же, с. 35.
6. Wichmann Y. Etymologisches aus den permischen Sprachen.— FUF, Bd. 16, 1924, S. 202.
7. Тепляшина Т. И. Рукописный удмуртско-коми-пермяцкий словарь начала XIX в.— УЗППИ, 1969, т. 66, с. 208.
8. Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970, с. 228.
9. Послание митрополита Симона в Пермь Великую 22 августа 1501 г.— АИ, 1841, т. 1, № 112.
10. Белицер В. Н. Очерки по этнографии народов коми. XIX—начало XX в.— ТИЭ, Нов. сер., 1958, т. 45, с. 318; Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь..., с. 61 и др.
11. Ожгова М. Н. Коми-пермяцкие предания о Кудым-Оше и Пере-богатыре.— УЗППИ, 1971, т. 92, с. 15.
12. Munkacsi B. Volksbräuche und Volksdichtung der Wotjaken.— MSFOu, 1952, Bd. 102, S. 101.
13. Возможность подобной трансформации гласных в коми языке подтверждает кандидат филологических наук Г. Г. Бараксанов (устное сообщение).
14. Василевич Г. М. Языковые данные по термину ХЭЛ — КЭЛ.— СМАЭ, 1949, т. 11, с. 156.
15. Розов Н. Материалы для описания быта пермяков.— ЖМВД, 1858, т. 29, с. 74.
16. Смирнов И. Н. Пермяки: Историко-этнографический очерк.— ИОАИЭ, 1891, т. 9, вып. 2, с. 268.
17. Удмуртско-русский словарь. М., 1948, с. 214.
18. Бессонов Б. В. Поездка по Вологодской губернии в Печорский край к будущим водным путям в Сибирь. СПб., 1909, с. 110.
19. Арсеньев Ф. А. Картины дальнего севера: Щугор. Из охотничьих рассказов. ВС, 1881, т. 2, с. 198.
20. Попов И. Очертание демонологии зырян.— ВГВ, 1859, № 4, с. 32.
21. Fuchs D. R. Beiträge zur Kenntnis des Volksglaubens der Syrgjänen.— FUF, 1924, Bd. 16, S. 256.
22. Аврамов В. Жители Яренского уезда и их хозяйственный быт.— ВГВ, 1859, № 34, с. 299.
23. Максимов В. А. Вотяки: Краткий историко-этнографический очерк. Ижевск, 1925, с. 82—83.
24. Белицер В. Н. Очерки..., с. 319.
25. Wichmann Y. Syrgjänische Volksdichtung.— MSFOu, 1916, B. 37, S. 135.
26. Жаков К. Ф. Языческое мирозерцание зырян.— НО, 1901, № 3, с. 73.
27. Попов И. Очертание демонологии зырян.— ВГВ, 1859, № 5, с. 44; Немирович-Данченко В. И. Поверья зырян.— Живописное обозрение, 1873, № 28, с. 442.
28. Сидоров А. С. Следы тотемистических представлений в мировоззрении зырян.— КМ, 1924, № 1/2, с. 48.
29. Смирнов И. Н. Пермяки..., с. 273, 278.
30. Емельянов А. И. Курс по этнографии вотяков. Казань, 1921, вып. 3, с. 126.
31. Ежов Ф. Е. Заметки и воспоминания заезжего о зырянах.— Вят. ГВ, 1857, № 30, с. 195—196.

32. Климов В. О чем говорят названия пармы. Кудымкар, 1971, с. 124.
33. Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Васюганско-ваховские ханты в конце XIX — начале XX в. Томск. 1977, с. 130; Шатилов М. Б. Ваховские остояки: Этнографические очерки.— ТТКМ, 1931, т. 4, с. 104.
34. Костилов Л. Законы тундры.— ТПК, 1930, т. 3, с. 41.
35. Зеленин Д. К. Култ онгонов в Сибири.— ТИАЭ, 1936, т. 14, вып. 3, с. 191.
36. Айвазян С., Якимов О. Указатель сюжетов русских быличек и бываньщин о мифологических персонажах.— В кн.: Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975, с. 171.
37. Микушев А. К. Эпические формы коми фольклора. Л., 1973, с. 17—49.
38. Микушев А. К., Чисталев П. И. Коми народные песни. Сыктывкар, 1966, вып. 1, с. 41, 43.
39. Емельянов А. И. Курс..., с. 125.
40. Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Васюганско-ваховские ханты..., с. 127.
41. Зеленин Д. К. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии.— СМАЭ, 1929, т. 8, ч. 1, с. 101.
42. Fuchs D. R. Beiträge zur Kenntnis..., S. 261.
43. Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Васюганско-ваховские ханты..., с. 126.
44. Fokos-Fuchs D. R. Volksdichtung der Komi (Syrjänen). Budapest, 1951, S. 248—250.
45. Fuchs D. R. Beiträge zur Kenntnis..., S. 261.
46. Заварин Н. А. О суевериях и предрассудках, существующих в Вологодской епархии.— ВЕВ, 1870, № 1, с. 25.
47. Немирович-Данченко В. И. Поверья..., с. 442.
48. Жаков К. Ф. Языческое мирозерцание..., с. 72.
49. Иваницкий Н. А. Материалы по этнографии Вологодской губернии.— ИОЛЕАЭ, 1890, т. 69, т. 11, вып. 1, с. 125.
50. Сидоров А. С. Знахарство, колдовство и порча у народа коми. Л., 1928, с. 155.
51. Сивков А. Как у нас ловят рыбу.— КМ, 1924, № 7, с. 115. На коми яз.
52. Смирнов И. Н. Пермьяки..., с. 248.
53. Материальная культура карел (Карельская АССР): Этнографический очерк. М.; Л., 1965, с. 39.
54. Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. СПб., 1904, Т. 1. Общий обзор страны и промышленной деятельности населения, с. 97.
55. Емельянов А. И. Курс..., с. 122.
56. Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Васюганско-ваховские ханты..., с. 165—166.
57. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 313.
58. Мокшин Н. Ф. Религиозные верования мордвы. Саранск, 1968, с. 17—19, 25—27.
59. Пименов В. В. Вепсы: Очерк этнической истории и генезиса культуры. М.; Л., 1965, с. 240.
60. Зайцева М., Муллонен М. Образцы вепсской речи. Л., 1969, с. 271—275.
61. Добротворский Н. А. Пермьяки: Бытовой и этнографический очерк.— ВЕ, 1883, № 3—4, с. 574.
62. Теплоухов Ф. А. «Кабала», или прошение лесному царю: (Из пермских суеверий).— ПК, 1895, т. 3, с. 291—299.
63. Кудряшова В. М. Образ лешего в коми устной несказочной прозе.— ТИЯЛИ, 1979, № 21, с. 36.
64. Ежов Ф. Е. Заметки..., с. 136.
65. Брусилов Н. Опыт описания Вологодской губернии. СПб., 1833, с. 56.
66. Wichmann Y. Syrjänische Volksdichtung, S. 1—2.
67. Nalimov V. Zur Frage nach den ursprünglichen Beziehungen der Geschlechter bei den Syrjanen.— JSFOu, 1908, Bd. 25, S. 15; Сидоров А. С. Знахарство..., с. 118—119.
68. Токарев С. А. Религия..., с. 548.
69. Сидоров А. С. Знахарство..., с. 136.
70. Полевые записи автора, 1970 г.
71. Nalimov V. Zur Frage nach..., S. 6.

72. Сидоров А. С. Знахарство..., с. 117.
73. Там же, с. 116.
74. Образцы коми-зырянской речи. Сыктывкар, 1971, с. 205.
75. Полевые записи автора, 1976 г.
76. Старцев Г. А. Влияние самоедов на ижемских зырян.— КМ, 1926, № 1, с. 34.
77. Налимов В. П. Загробный мир по верованиям зырян.— ЭО, 1907, т. 72, с. 18.
78. Мартюшов А. Кое-что о колдунах и о книге А. С. Сидорова.— КМ, 1929, № 2, с. 38.
79. Сидоров А. С. Пережитки культа промысловых животных у охотников коми.— КМ, 1926, № 5, с. 30.
80. Сивков А. Как у нас ловят рыбу, с. 118.
81. Сидоров А. С. Знахарство..., с. 155.
82. Старцев Г. А. Влияние..., с. 34.
83. Зеленин Д. К. Табу..., с. 7.
84. Там же, с. 18.
85. Лепехин И. И. Окончание дневных записок путешествия академика Лепехина.— ПСУП, 1822, т. 5, с. 231.
86. Микушев А. К. Коми эпические песни и баллады. Л., 1969, с. 273.
87. Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Дополнения к краткому этимологическому словарю коми языка.— ТИЯЛИ, 1975, вып. 18, с. 30, 41.
88. Fuchs D. R. Beiträge zur Kenntnis..., S. 262.
89. Хаузенберг А. Р. Названия животных в коми языке. Таллин, 1972, с. 17, 22, 48, 55, 98.
90. Сидоров А. С. Следы..., с. 48.
91. Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь..., с. 237.
92. Nalimov V. Zur Frage nach..., S. 5—6.
93. Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки: С приложением рапортов, донесений и других неопубликованных материалов. М.; Л., 1949, с. 261—262.
94. Fuchs D. R. Beiträge zur Kenntnis..., S. 251.
95. Жаков К. Ф. Языческое мирозерцание..., с. 10.
96. Доронин П. Г. Пережитки старины в быте крестьян Прокопьевской волости Усть-Вымского уезда.— КМ, 1924, № 1, с. 92.
97. Микушев А. К. Эпические формы..., с. 12.
98. Munkacsi B. Volksbräuche und Volksdichtung..., S. 93.
99. Ивс И., Бранд А. Записки о русском посольстве в Китай (1692—1695 гг.). М., 1967, с. 102.
100. Попов А. А. Охота и рыболовство у долган.— В кн.: Сборник статей памяти В. Г. Богораза (1865—1936). М.; Л., 1937, с. 202.
101. Сидоров А. С. Знахарство..., с. 23.
102. Сорокин П. А. Пережитки анимизма у зырян.— ИАОИРС, 1910, № 20, с. 55.
103. Коми морт. Очерки зырянской охоты.— ЗОИКК, 1928, вып. 1, с. 97.
104. Биркенгоф А. Л. Потомки землепроходцев. М., 1972, с. 116.
105. Munkacsi B. Volksbräuche und Volksdichtung..., S. 94—95.
106. Сидоров А. С. Следы..., с. 31—33.
107. Громыко М. М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII — первая половина XIX в.). Новосибирск, 1975, с. 202.
108. Munkacsi B. Volksbräuche und Volksdichtung..., S. 92—93, 100.
109. Гареева Р. Ф. Материальная культура карел (Карельская АССР): Этнографический очерк. М.; Л., 1965, с. 44—42.
110. Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII вв. Л., 1935, с. 86.
111. Грибова Л. С. Древние мотивы меховой мозаики северных коми.— ТИЯЛИ, 1972, № 13, с. 89.
112. Грибова Л. С. Пермский звериный стиль: Проблемы семантики. М., 1975, табл. XVIII.
113. Соколова З. П. Пережитки религиозных верований у обских угров.— СМАЭ, 1971, т. 27, с. 226.

114. Микишев А. К. Эпические формы..., с. 21.
115. Кастрен А. Путешествие Александра Кастрена по Лапландии, Северной России и Сибири (1838—1844, 1845—1849).— МЗИП, 1860, т. 4, ч. 2, с. 189.
116. Redej K. Die syrjanischen Lehnwörter ins Wogulischen. Budapest, 1970, S. 87.
117. Зуев В. Ф. Материалы по этнографии Сибири XVIII в.: Описание живущих в Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих народов-остяков и самоедов.— ТИЭ. Нов. сер., 1947, т. 5, с. 49.
118. Беляевский Ф. Поездка к Ледовитому морю. М., 1833, с. 99.
119. Старцев Г. А. Самоеды (ненча): Историко-этнографическое исследование. Л., 1930, с. 105.
120. Зеленин Д. К. Табу..., с. 17.
121. Сидоров А. С. Знахарство..., с. 116, 145.
122. Смирнов А. П. Раскопки археологической экспедиции в Коми крае в 1925 г.— ЗОИИИ, 1928, вып. 1, с. 41.
123. Мокшин Н. Ф. Религиозные верования..., с. 74.
124. Булкин В. А., Дубов Н. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники древней Руси IX—XI вв. Л., 1978, с. 67.
125. Доронин П. Г. Материалы по истории коми, т. 4, тетр. 1.— НАКФАН, ф. 1, оп. 12, д. 25, л. 111—112.
126. Старцев Г. А. Самоеды..., с. 124.
127. Микишев А. К. Эпические формы..., с. 213.
128. Сорокин П. А. Современные зыряне.— ИАОИРС, 1911, № 18, с. 534—535.
129. Соловьев Д. К. Экономика охоты в Печорском крае.— КМ, 1927, № 8, с. 31; а также мои полевые записи, 1976—1979 гг.
130. Полевые записи автора, 1976 г.
131. Полевые записи автора, 1977 г.
132. Nalimov V. Zur Frage nach..., S. 6.
133. Гондатти Н. Л. Культ медведя у западносибирских инородцев.— ТОЛЕАЭ, 1888, кн. 8, с. 77.
134. Буров Г. М. Древний Синдор: Из истории племен Европейского Северо-Востока в VII тысячелетии до н. э.— I тысячелетии н. э. М., 1967, с. 157.
135. Сепеев Г. А. Восточные марийцы. Йошкар-Ола, 1975, с. 223.
136. Маслова Г. С., Станюкович Т. В. Материальная культура русского сельского и заводского населения Приуралья.— ТИЭ. Новая серия. 1960, т. 57, с. 151.
137. Грибова Л. С. Пермский звериный стиль..., с. 84; Плесовский Ф. В. Свадьба народа коми: Обряды и причитания. Сыктывкар, 1968, с. 122 и др.
138. Золотарев А. М. Пережитки тотемизма у народов Сибири. Л., 1934, с. 4.
139. Василевич Г. М. Этнонимы в фольклоре.— В кн.: Фольклор и этнография. Л., 1970, с. 34.
140. Смоляк А. В. Представления нанайцев о мире.— В кн.: Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л., 1976, с. 151.
141. Fuchs D. R. Beiträge zur Kenntnis..., S. 245.
142. Супинский А. К. Промыслы коми (зырян): Поверья и обряды. 1935.— АИЭЛО, ф. К-V, оп. 1, д. 102, л. 24.
143. Зайцева М., Муллонен М. Образцы..., с. 279.
144. Кандицкий В. Из этнографии сысольских и вычегодских зырян: Национальные божества.— ЭО, 1889, кн. 3, с. 105.
145. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 430.
146. Сидоров А. С. Знахарство..., с. 140.
147. Грибова Л. С. Пермский звериный стиль..., с. 35; Доронин П. Г. Материалы по истории коми, т. 4, тетр. 1, л. 128; Сорокин П. А. Пережитки..., с. 44.
148. Полевые записи автора, 1977 г.
149. Доронин П. Г. Первобытнообщинный строй на территории коми: Научный отчет за 1948—1949 гг.— НАКФАН, ф. 1, оп. 12, д. 34, л. 118.

150. Полевые записи Ю. Г. Рочева.
151. Пименов В. В. Вещсы..., с. 240.
152. Беляевский Ф. Поездка..., с. 111.
153. Сорокин П. А. К вопросу о первобытных религиозных верованиях зырян.— ИВОИСК, 1917, вып. 4, с. 53.
154. Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Васюганско-ваховские ханты..., с. 32.
155. Хомич Л. В. Непцы: Историко-этнографические очерки. М.; Л., 1966, с. 82.
156. Иваницкий Н. Сольвычегодский крестьянин, его обстановка, жизнь и деятельность.— ЖС, 1898, вып. 1, с. 43.
157. Полевые записи Ю. Г. Рочева.
158. Nalimov V. Zur Frage nach..., S. 3—5.
159. Шухов И. Н. Зыряне Тарского округа и их охотничий промысел.— ИЗСМ, 1928, № 1, с. 107.
160. Рогов Н. Материалы..., ч. 1, с. 86.
161. Старцев Г. А. Влияние..., с. 34.
162. Борисов Д. От Усть-Сысольска до Ижмы.— КМ, 1925, № 3/5, с. 34.
163. Ежов Ф. Е. Заметки..., с. 271.
164. Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Васюганско-ваховские ханты..., с. 172.
165. Сидоров А. С. Пережитки..., с. 30.
166. Сидоров А. С. Знахарство..., с. 131.
167. Налимов В. П. Загробный мир..., с. 19.
168. Устное сообщение Ю. Г. Рочева.
169. Образцы коми-зырянской речи..., с. 107.
170. Рочев Ю. Г. Детский фольклор коми. Сыктывкар, 1972.— НАКФАН, ф. 5, оп. 2, д. 129, л. 133.
171. Fuchs D. R. Beiträge zur Kenntnis..., S. 273.
172. Сидоров А. С. Знахарство..., с. 135.
173. Сидоров А. С. Следы..., с. 48.
174. Налимов В. П. Загробный мир..., с. 4.
175. Сидоров А. С. Следы..., с. 48.
176. Громыко М. М. Трудовые традиции..., с. 207.
177. Лобачев С. В. Охотничье промысловое население.— ТСЭ, 1932, вып. 1, с. 133.
178. Налимов В. П. Загробный мир..., с. 4.
179. Соснин П. Ня-Степан: Очерк охотничьей артели.— ПНО, 1901, № 4, с. 131.
180. Сидоров А. С. Знахарство..., с. 24.
181. Полевые записи автора, 1976 г.
182. Полевые записи автора, 1977 г.
183. Полевые записи автора, 1976 г.
184. Доронин П. Г. Материалы по истории коми, т. 4, тетр. 1, с. 123—126.
185. Старцев Г. А. Самоеды..., с. 124.
186. Анисимов А. Ф. Шаманский чум у эвенков и проблема происхождения шаманского обряда.— СЭС, 1952, с. 234—235; Иванов С. В. Элементы защитного доспеха в шаманской одежде народов Западной и Южной Сибири.— В кн.: Этнография народов Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978, с. 139.
187. Полевые записи автора, 1976 г.
188. Налимов В. П. Загробный мир..., с. 18.
189. Сидоров А. С. Знахарство..., с. 156.
190. Полевые записи М. Б. Рогачева.
191. Круглов А. Близь тундры: Очерки глухого края.— СИШ, 1875, № 11, с. 421.
192. Сивков А. Как у нас ловят рыбу, с. 118.
193. Сидоров А. С. Знахарство..., с. 58.
194. Завагин Н. А. О суверениях..., с. 25.
195. Рогов Н. Материалы для описания быта пермяков, ч. 2.— ПС, 1860, кн. 2, с. 28.
196. Зайцева М., Муллонен М. Образцы..., с. 274.
197. Громыко М. М. Трудовые традиции..., с. 192—193.

198. Асрамов В. Жители..., с. 307.
199. Заварин Н. А. О суевериях..., с. 25.
200. Козлова Е. В. Производственные, бытовые и семейные заговоры у коми как отражение древних верований. 1980. Рукопись. Хранится у автора.
201. Громыко М. М. Трудовые традиции..., с. 191.
202. Газарин Ю. В. История религии и атеизма народа коми. М., 1978, с. 11.
203. Кривошапкин М. Ф. Енисейский округ и его жизнь. СПб., 1865, с. 40.
204. Шухов И. Н. Зыряне..., с. 119.

Глава седьмая

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ПРОМЫСЛОВЫХ ТРАДИЦИЙ

Характеризуя механизм закрепления промысловой производственной традиции у русских крестьян Сибири, М. М. Громыко отметила, что она вторгалась «живой струей в догматические рамки православных канонов, создавала свои идеальные модели мастерства, своих реальных и мифических героев этой области деятельности, формируя репутацию в общественном мнении, закрепляя навыки и наблюдения в приметах, пословицах, поговорках, рождая особые сакральные процедуры и творя свои циклы в разных жанрах фольклора» [1]. С полным основанием данное высказывание можно отнести и к народу коми, у которого охота и рыболовство, занимая вплоть до недавнего времени видное место в производственной деятельности, находили свое отражение в той или иной мере во всех проявлениях духовной жизни.

Языковые данные. Анализ лексики финно-угорских языков позволил исследователям частично реконструировать словарный запас древних языковых общностей, условно подразделив их по этническому и временному факторам на уральский, финно-угорский, пермско-прибалтийский, прапермский и другие периоды. Общие для ряда финно-угорских народов корневые слова, не представляющие собой заимствования, дают сведения об окружающей природе, животном мире и основных хозяйственных занятиях древних финно-угров. Более тысячи слов относится к допермской лексике в коми языке. Значительное место среди них занимают слова, обозначающие различных животных, орудия охотничьего и рыболовного промыслов, что свидетельствует о превалирующем значении этих хозяйственных занятий в жизни пракоми. Еще до выделения пермской группы (коми, коми-пермяки и удмурты) появились слова «руч» (лиса), «низь» (соболь), «мой» (бобр), «ур» (белка), «кѳр» (олень), «кѳин» (волк), «байдѳг» (куропатка), «юсь» (лебедь), «чѳж» (утка), «чукчи» (глухарь), «сьѳла» (рябчик), «гыч» (карась), «мык» (елец), «сын» (язь),

«лэч» (силос), «нбѡв» (стрела), «шы» (копье), «кола» (шалаш), «норт» (нарты), «лыжны» (стрелять), «кулѡм» (сеть), «пыж» (лодка), «маль» (весло) и др. [2]. Таким образом, промысловая лексика народа коми зародилась еще несколько тысячелетий назад; обогащаясь и изменяясь в ходе дальнейшего историко-экономического развития, она внесла свой вклад в создание общесловарного запаса языка коми.

Сохранение ведущей роли охоты и рыболовства в течение почти всей многовековой этнической истории народа коми было причиной появления в коми языке целого ряда терминов, обозначающих объекты окружающей живой и неживой природы. Длительное пребывание охотников во время промысла в лесу требовало от них наблюдательности и умения хорошо запомнить пройденную дорогу. Этим объясняется появление и закрепление в словарном запасе коми языка большого количества слов, обозначающих местность с теми или иными особенностями рельефа и растительности. Так, помимо слов «вѡр» (лес вообще) и «рас» (лиственный лес), в коми языке имеются следующие термины: «войт» (место в пойме реки, поросшее мелким лесом и кустарником), «гыбад» (сырое, мшистое место с крупным, высоким лесом), «дав» (лиственный лес на сухом месте), «егыр» (заболоченный сосновый лес), «жувѡд» (болотистое место, поросшее кустарником), «кывѡр» (мелкий лес на сыром месте; уд.), «лач» (сухая возвышенность на болоте; иж.), «лѣкин» (чаща, непроходимое место); «модзѡв» (ельник с мшистой почвой; л.), «оль» (смешанный березово-еловый лес на заболоченных, кочковатых низинах), «парма» (ельник на высоком месте), «понѡль» (хвойная поросль), «резѡб» (сырая чаща, еловая поросль на сыром месте), «сойм» (густой ельник на сухом месте), «сорнича» (борзеленомошник; вв.), «сьѡорт» (низинный высокий ельник), «тіль» (болотистое место с низкорослым сосняком), «тод» (сырое место, заросшее кустарником и елками), «чагра» (дикое место, поросшее кедровым лесом; печ.), «яг» (сосновый бор на сухом месте) и т. д.

Подобным же образом различались крупные и мелкие водоемы и источники: «ты» (озеро вообще), «вад» (луговое непроточное озеро с топкими берегами и дном), «гоп» (маленькое озеро), «гуплѡс» (маленькое озеро с крутыми берегами), «тыкѡла» (маленькое озеро в сырых, захламленных кустарниках), «ва» (река), «ю» (речка), «ѣль» (лесная речушка), «шор» (ручей), «вис» (проток), «сѡр», иж. (заливное озеро) и др.

Наблюдения во время зимней охоты за снежным покровом, от состояния которого зависела сохранность следов, возможность или нет преследования зверя на лыжах, предпочтительность тех или иных способов добычи, прослеживаются в следующих терминах: «лым» (снег вообще), «катшапанѡо» (снег-крупка, иж.), «кижа» (мелкий, сухой снег, падающий в морозы), «кукта» (ком слежавшегося снега на деревьях и пнях, печ.), «пакта» (снег пылью, сухой мелкий снег), «рапна» (мокрый снег, иж.), «слѡт» (крупные мокрые хлопья снега), «тукта» (густой, косма-

тый иней на сучьях деревьев), «шоль» (зернистый талый снег), «юж» (плотный снег). Многие слова вошли в коми язык из охотничьего быта, например, «идас» (корм белок), «идны» (есть — о белке), «кевзіні» (кричать — о зайце), «критшкыны» (кудахтать — о глухарях), «чипсавны» (токовать — о рябчиках), «октас» (охотничье угодье с силками и ловушками), «чарс» (место, вытопанное стадом лосей), «гудас» (неглубокая ямка, выкопанная лесной птицей для откладывания и высидывания яиц), «пуртік» (открытое песчаное место, где купается лесная дичь), «репас» (ямки с ходами в снегу для ночлега лесной дичи в мороз) и многие другие.

Важное значение добывающих промыслов в жизни коми народа отражают и сохранившиеся следы былого половозрастного деления животных в наименованиях, например, «чукчи» (глухарь), «дозмёр» (глухарка), «вийёр» (молодой глухарь) [3].

А. Н. Ракин в своей работе, посвященной исследованию коми флористической терминологии, отметил большое количество фитонимов, фиксирующих некоторое сходство реалий с животными окраской и формой, например «сизьюр» (клевер красный) — «голова дятла», «уроз» (поленика) — «беличья земляника», «нюрывв коч турун» (молочай болотный) — «болотная заячья трава», «уткакок турун» (стрелолист обыкновенный) — «трава — утиная нога», «урббж» (хвощ лесной) — «беличий хвост». Ряд коми наименований растений отражает оказываемое им предпочтение теми или иными животными при питании либо указывает на место обитания последних: «утка турун» (белокрыльчик болотный) — «утиная трава», так как семена белокрыльчика — любимая пища уток; «юсь турун» (вид хвоща, растущий у берегов водоемов) — «лебединая трава», так как служит им убежищем; «тшук турун», иж. (роголистник погруженный) — «щучья трава», так как в ней часто прячутся щуки и т. п. [4]. Названия растений относятся к основному словарному фонду и отражают древнейшие занятия людей, поэтому широкое распространение в них у коми сравнений с животным миром является еще одним подтверждением ведущей роли охоты и рыболовства на ранних этапах истории коми народа.

Широко отражает промысловую деятельность коми населения топонимия. Десятки рек и озер, болот и островов на территории Коми края носят названия различных животных, птиц и рыб или орудий для их лова. То же самое относится к названиям отдельных населенных пунктов. Например, в бассейне Печоры известны: д. Абар и ручей Абаршор («абар», скр. — сеть с крупными ячейками для ловли карасей), п. Ветлосян («ветласян туй» — охотничья тропа), р. Дозмыр («дозмёр» — глухарь), пос. Кабанты и оз. Кабанты («кыбны» — лучить рыбу), д. Камгорт («кам», уд. — ток, токовище), с. Кельчюр («кельчи» — плотва), болото Койтысяннюр («койты» — токовище), д. Кулим («кулим» — нерест рыбы), р. Куница-ёль, р. Мой-ёль и р. Мойпыкёда («мой» — бобр, «пыкёд» — запруда), р. Ошка-ёль («ош» —

медведь), р. Честуя-эль и болото Честуя-июр («чөстуй» — «путик», оборудованный слопцами), реки Большая и Малая Шамья («тшамъя» — промысловая кладовая). В бассейне Вычегды: р. Вурда-эль («вурд» — выдра), р. Дозморка («дозмөр» — глухарь), р. Коин («көин» — волк), р. Коч-эль («көч» — заяц), р. Пальк-эль («нальк» — плашка), р. Ош-эль («ош» — медведь), р. Руч («руч» — лиса), р. и пос. Чинья (Чимия), Ворык («чими» — семга), р. Чужмер («чожмөр» — горностай), р. Чукчи («чукчи» — глухарь). На Удоре: оз. и д. Буткан («буткыны» — ловить рыбу ботанием), р. Коч («көч» — заяц), р. Пылема («пыльём» — кулемка), р. Чожюга («чөж» — утка) и многие другие [5].

Народные знания. Венгерский ученый Е. Эрдеди в своей статье «Названия небесных светил в уральских языках и их объяснение с точки зрения мифологии», рассматривая наименования наиболее важных небесных светил, отмечает их непосредственную связь с историей экономики уральских народов. В частности, он обращает внимание на частое употребление в финно-угорских языках названий птиц для обозначения звезд и созвездий, объясняя этот факт тем, что птицы в прошлом играли важную роль в пропитании финно-угорских народов [6].

У коми общепринятым названием Млечного Пути было «Утка туй» (Утиный путь), кроме того, существовал целый ряд местных вариантов: «Пётка лэбзян туй» (Путь полета дичи), «Кай туй» (Птичий путь), «Дзодзёг лэбзян туй» (Путь полета гусей), «Дзодзёг туй» (Гусиный путь). Фигурируют птицы и в коми названиях созвездия Плеяды: «Утка поз» (Утиное гнездо), «Утка позтыр» (Утиное семейство), «Сювчөж котыр» (Выводок уток-гоголей) [7]. Единственное из зафиксированных у коми названий Млечного Пути, не связывающее его с путем полета птиц, — «Лямпа туй» (Лыжный путь) своим появлением, несомненно, также обязано промысловой деятельности. Возможно, что последнее наименование более позднего происхождения и появилось у коми в результате этнокультурных контактов с сибирским населением, поскольку ономастический ареал обозначения Млечного Пути понятием «Лыжный след» локализуется на территории восточнее Урала (у хантов, эвенков и др.), в то время как название «Путь птиц» было свойственно финно-угорским и тюркским народам [8].

Ранняя пушная специализация охотничьего промысла оставила свой след в коми языке в виде терминов денежного счета: «ур» (белка) и «шайт» (прут, т. е. связка шкурок на пруте), употребляемых в значении «копейка» («ур») и «рубль» («шайт»). В том же значении слово «ур» сохранилось у мордвы [9] и марийцев [10]. По мнению Д. А. Тимушева, «коми денежный термин „ур“ возник путем перевода на коми язык названия русской монеты, именуемой „белка“, а термин „шайт“ возник тем же путем, что и «ур», т. е. словом этим было переведено какое-то русское название монеты» [11]. Против данного утверж-

дения свидетельствуют исторические источники, согласно которым можно достаточно точно констатировать факт употребления на северо-восточных окраинах России в качестве денежной единицы шкурок пушных зверей (чаще всего белки) вплоть до XVI — начала XVII в. Если в двинских владениях Новгорода белка сохраняла значение денег вплоть до присоединения Новгорода к Московскому государству в 1478 г. [12], то на территории Коми края и Перми Великой использование белки в качестве денежной единицы было в ходу еще более столетия. Так, в «Великопермской уставной грамоте Чердынцев и Усольцев», относящейся к XVI в., основной денежной единицей при выплатах или податях является именно белка и лишь если «не любя белка, ино за белку по две деньги» [13]. По сведениям И. И. Лепехина, казнохранилище старинных кожаных денег в Сольвычегодской соборной церкви было ликвидировано лишь во второй половине XVII в. Деньги эти «были не такие, какие, например, в Москве, но состояли из частей и целых звериных мехов» [14].

С охотничьим бытом связано происхождение коми народной меры длины «чомкост», обозначающей в разных местах расстояние на местности от 5 до 8 км. Еще Избрант Идес, посланный в 1692 г. Петром I во главе русского посольства в Китай, проезжая по территории расселения коми, обратил внимание на то, что местное население расстояния между различными пунктами измеряют не верстами, а «чумкасами», «чумкас же равняется большой немецкой миле» [15]. Слово «чомкост» переводится как «расстояние между двумя охотничьими шалашами», а величина этой меры зависит от сложности пути: на более легких участках она длиннее, на трудных — короче.

Значение охоты для коми отразил и их хозяйственный календарь. Древнекоми название месяца февраль («урсим») В. И. Лыткин производит от «урасьом» — «урасьны» (охотиться на белок), а название сентября «кичь» он так же, как и А. С. Сидоров, считает искаженной записью в русском написании (названия месяцев взяты из церковного устава 1608 г. на русском языке) от «кӱч» (заяц), так как это время охоты на зайцев [16].

Устное народное творчество. Тесно связана с традиционным бытом неотъемлемая часть духовной культуры — устное народное творчество. По словам К. В. Чистова, «фольклор (особенно если обратиться к прошлому) — не просто одно из многих явлений народного быта; фольклором был пронизан, буквально пропитан весь народный быт во всех его проявлениях» [17]. По коми пословицам и загадкам, сказкам и легендам, песням и балладам можно проследить всю историю народа, его думы и чаяния, условия жизни, окружающую природу, основные хозяйственные занятия. Не могли не оставить своего следа в коми фольклоре и занятия охотой и рыболовством, имевшие давние традиции и занимавшие видное место в жизни коми населения. С промысловым бытом связаны многие присловия и меткие выражения, ставшие

истинно народными. В одном из древнейших видов фольклора — загадках у коми часто употребляется сравнение различных видов человеческой деятельности или предметов окружающего мира с орудиями промысла и животными на основе точно подмеченного сходства:

«Быд керкаын варыш довъялӧ». — «В каждом доме ястреб качается» (рукомойник).

«Залавка тыр еджыд байдӧг». — «Полный поставец белых куропаток» (Рот и зубы).

«Чукля пу йылысь тар куштӧны». — «С кривого дерева терева теребят» (Прячение).

«Сир чужйӧ — сьӧд вӧр пӧрӧ, керка сувтӧ». — «Щука вильнет хвостом — темный лес валится, дом встает» (Сенокос) и др.

Популярны у коми были загадки об орудиях промысла: «Кыз, кыз пӧч да пырыс тыдалӧ». — «Толстая, толстая бабушка и насквозь просвечивает» (Гымга).

«Пу юра, пыш тушаа, из кока». — «Голова деревянная, тело конопляное, ноги каменные» (Сеть).

«Вӧрӧ кайӧ, дӧра вольсалӧ, а вӧрысь лэччӧ — дӧра вотйӧ». — «В лес идет — стелет холст, из леса идет — мотает холст» (Лыжи).

«Ныра и бӧжа, а абу ловъя». — «С посом и хвостом, а не живой» (Лодка).

«Китӧм — коктӧм пуӧ кайӧ». — «Без рук, без ног на дерево лезет» (Выстрел) и др. [18].

Глубокий след оставили охотничий и рыболовный промыслы в пословицах и поговорках народа коми. Хороший промысловик был раньше самым уважаемым человеком, поэтому у родителей новорожденного было принято спрашивать: «Вотӧс вотысь али чукчи вайысь чужй?» («Ягодница или добытчик глухарей родился?») или «Вӧрӧ кайысь ли пачӧ видзӧдысь?» («В лес идущий или следящая за печью?»). Про маленьких детей говорили: «Квайт тӧлысь нылыс ӧд чӧрс кузя аддзӧ, а зон — ружье ствол кузя» («Шестимесячная девочка видит на расстояние, равное длине веретена, а мальчик — на расстояние длины ствола ружья»).

Промысловая добыча обеспечивала благосостояние семьи, в пословицах или поговорках подчеркивалось: «Вӧрыд мяян — вердан-вердысьыс» («Лес — наш кормилец и поилец»); «Вӧрад-ваад быд бурыс эм» («В лесу, в воде всякого богатства много»), «Гӧстылы сетаң — кыйсигӧн босьтан» («На гостей израсходуешься — вернешь на охоте»).

В кратких, точных выражениях пословицы и поговорки характеризуют промысловую жизнь: «Чӧскыд эськӧ черийд, да юрыс сылӧн пыдын» («Рыба вкусна, да голова у нее глубоко в воде»), «Ӧтка пулятӧг ылі вӧрад эн мун» («В дальний лес без жакана не ходи»), «Йӧра діно кӧ мунаң, гу да горт лӧсьӧд, а ош дінӧ мунаң — небыд вольпась лӧсьӧд» («На лося идешь, готовь могилу и гроб, на медведя идешь — готовь мягкую постель»), «Зіль мортлы низьыд — мойыд керка пельӧсӧдыс

кайö» («Работающему человеку бобры — соболи сами в дом идут»).

Широко использованы в коми пословицах и поговорках примеры, заимствованные из промыслового быта: «Ва паныдтö пыжыд ачыс оз каб» («Против течения лодка сама не поплывет»), «Куштöм чери курьяö пырö-пырö нин» («Какая рыба жирует в курье, та туда и заходит»), «Сисьтöм черитö солыд оз спасит» («Гнилую рыбу соль не спасет»), «Кöч кыйиг пон сöмын кöчсо вöтлöдлö, а кöчьяссö кöзяиныс сейö» («Зайца собака гоняет, а зайчатину ест ее хозяин»), «Илöрысь понйыд ройö оз увт» («Старая собака на древесный мох не залает»), «Чирöм уртö кукань увтö» («Тощую белку и теленок облает»), «Гымгаö кöчыд оз пыр» («В вершу заяц не полезет»), «Киссьöм тывнад черитö он кый» («Рваным неводом рыбы не наловишь»), «Пыд пуысь пелыс пуыд век нин артмас» («Из заготовки для лодки рукоятка весла всегда получится») и др.

Наблюдения над повадками птиц и зверей послужили основой для создания целого ряда аллегорий: «Сöмын кöч ассьыс пиянсö вайсьöм бöрас эновто» («Только заяц своих детей после рождения оставляет»), «Лöсьыдджык лёк зверкöд овны лёк бабакöд дорысь» («Лучше с хищным зверем жить, чем с плохой женой»), «Дозмөр да сюзь öтлаын абу на рукавлöмаöсь» («Не было еще случая, чтобы глухарка с филином сидели вместе»), «Дозмөр быдлаö лэбалö да век лыс кокалö» («Тетерев повсюду летает и везде хвою клюет»), «Ийöраыд ыджыд, но и сийö конъясьлö» («Лось велик, но и он спотыкается»), «Кöч варов, да ручыс талаялас» («Заяц ловок, но лиса его ловит»), «Кунича сьöд, да дона, кöч еджыд, да донтöм» («Куница черная, да дорогая, заяц бел, да дешев»), «Сирös — виöма, а пиньыс кольöма» («Щука убита, а зуб ее остался») и др. [19].

Широко отражены промысловые наблюдения за природой в народных приметах: «Дзодзэгэас джудждаа лэбэныс, лым ус'ас» («Гуси высоко летят, выпадет снег»), «Таво коль артмöма, ура во ловö» («В этом году шишек много, будет белка»), «Пэлъысьыд кö уна, сьöла уна ловö» («Если много рябины, много будет рябчиков») и др. [20].

Богатый материал для исследователя представляют народные сказки и эпические сказания. По словам Н. Е. Ончукова, «по сказкам можно проследить не только особенности жизни и быта северного крестьянина (промысловая охота, рыбная ловля и сплав леса), но и свойства натуры северянина» [21]. Излюбленный герой коми народных сказок — это удачливый охотник, влюбленный в свое ремесло и предпочитающий тяготы промысловой жизни прочим благам. Так, крестьянский сын Федот, герой сказки «Федот-стрелец», приучился к охоте с малых лет и, отслужив двадцать пять лет в солдатах, опять поселяется в лесной избушке и добывает себе на жизнь охотничьим ружьем, с которым не расставался всю службу. Типичной счастливой концовкой коми сказок является сообщение, что герой «стал таким искусным звероловом, что слава о нем разнеслась далеко-далеко» [22].

Синдорский эпический богатырь-охотник Йиркап имеет чудесные лыжи, на которых он носится быстрее оленей, а в промысле не имеет себе равных: «Ни один зверь и ни одна птица не улетала от всеильного Йиркапа» [23]. Другой герой сказочного эпоса — Пера-богатырь тоже имеет трехсаженные лыжи, высотой до крыши дома, на которых он мчится быстрее борзых коней. Приглашенный царем на защиту Родины от нападения степных орд, Пера не берет в награду за победу предложенные ему полцарства, а просит шелковую сеть для ловли куниц и грамоту на владение лесными угодьями. Сказания о богатыре-охотнике Пере были так распространены в среде как коми-зырян, так и коми-пермяков, что академик И. И. Лепехин даже предположил, что «по крайней мере его семейство называлось перяки, и после оно перешло и к его соседям, а по времени для удобнейшего выговора из перяков произошли пермяки» [24].

Следует отметить, что, несмотря на внешнее сходство героев этих эпических сказаний, образы Перы и Йиркапа далеко не однозначны. Пера представляет собой образ идеального богатыря-охотника, выделявшегося среди прочих лишь своей силой и отвагой. Он горячо любим в народе и всеми уважаем. Йиркап же становится всемогущим благодаря случайности: после неудачной охоты он оказался свидетелем битвы лешего с водяным и пришел на помощь первому. В благодарность «вõрса» раскрыл Йиркапу секрет «своего» дерева («аслад пу»), из которого тот сделал себе лыжи «быстрее и легче ветра». Благодаря волшебным лыжам Йиркап стал самым удачливым охотником, но одновременно он вступил в конфликт с остальными охотниками, так как «отбил у них дичь и добычу», т. е. нарушил нормы промысловой морали. Не случайно поэтому трагический конец Йиркапа: сговорившись, другие охотники опоили его грязной водой, обладатель волшебных лыж отяжелел, провалился под лед и утонул [25].

У удорских коми существовало эпическое предание о юноше-богатыре, жившем в верховье Вашки в местечке Юаныб. Этот богатырь за час времени проплывал более 200 верст на лодке как по течению, так и против течения. «Силы у него было так много, что при каждом гребке под днищем лодки проглядывало солнце» [26]. Значительное место занимают образы охотников и в коми песенном фольклоре; герои героических баллад, подобно сказочным героям, также видят свое счастье в вольной промысловой жизни. Так, в балладе о Федоре Кироне (Педор Кирон) герой, призванный, как и Пера-охотник, на защиту Русской земли,

... встал на лыжи и пошел,
Вырвал с корнем огромную березу,
Все войско смел ею.
Князь повел богатыря в гости,
Накормил, напоил,
„Какая награда надобна
За ратный труд?“

— Мне ничего не надо,
Мне нужен лишь лес на Весляне;
Чтобы никакой охотник не
промышлял
В том лесу на двадцать верст
вокруг.
Вместо теплого дома будет мне

Жаркий ноябрь,
Вместо пуховой перины
Расстелю ветви пихты,
Одеялом станет мне

Небесный воздух
Вот и вся плата! [27]

В большой импровизационной охотничьей песне о Ведэ, записанной А. К. Микушевым в с. Мохча, подробно воспроизводится процесс добычи зверя и рыбы. В ней описан осмотр «путика»: «В один силок попался глухарь, в другой силок попалась глухарка, к третьему силку направился — горностай попался», последующая обработка добычи в охотничьей избушке, охота на медведя, осмотр рыболовных верш и продольников, засолка рыбы в изготовленной тут же, на месте, посуде из бересты [28].

В песне о «Горностай-девице Чабанэ» («Чужман-нылой Чабаной») описывается сватовство охотника, которого привередливая невеста упрекает в физических недостатках: кривых ногах, горбе, кривом носе и косоглазии, на что он отвечает:

У меня ноги искривились
От того, что долгий путь прошел. . .
У меня горб вырос
Из-за того, что охотничьи нарты далеко таскал. . .
У меня нос искривился
Из-за того, что белок выслеживал по запаху. . .
У меня глаза стали косыми
Из-за того, что с верхушек елей выматривал белок. [29]

Интересный вариант русской народной песни «А мы просо сеяли» был записан в с. Маджа. В ее зачине говорится:

Ме сияла, сияла да.	Я силки ставлю, силки ставлю.
Мыйён жё пö сиялад,	Какие же силки, силки?
сиялад?	
Ме сияла сиясён, сиясён.	Я силки ставлю из конских волос. [30]

Земледельческие образы русской песни превратились в образы охотничьей поэзии путем превращения русского «сеяла» в коми «сиявны», т. е. ставить охотничьи силки. Наполненная новым содержанием, песня стала более близка ее исполнителям.

Промысловая тематика обязательно присутствовала в обрядовых песнях. В свадебных причитаниях невеста, говоря об уходящей юности, сравнивала себя с различными рыбами:

Кельчи ар этшён гыбалёмой,	Подобна мелкой сороге игра-кипение,
Екыш этшён бодритчёмой,	Подобно окуню бодрствование,
Еді этшён пасьялёмой,	Резвость моя, как у леща,
Сирпи этшён тюквялёмой да	Верткость, как у мелкой щуки. . . [31]
гожъялёмой. . .	

Или же с вольными птицами и дикими животными:

Вöвлі жö эськö вöльнöй көр кодъ, Была я прежде, как вольный
олень,

Бöвлі жö эськö ме пуалан
  ур кодъ,
Бöвлі жö ме суналан утка
  кодъ...

Была я прежде, как летающая с
  дерева на дерево белка,
Была я прежде, как ныряющая
  утка... [32]

Будущее невеста обрисовывает, как положение загнанного и пойманного зверя:

Кöджö öд йöршитасны
Кöч пиянöс моз.
Садöкö йöршитасны,
Руч пиянос моз.
Шупöм йöршитасны
Мой пиянöс моз

На плес загонят,
Как маленьких зайчат.
В клетку запрут,
Как маленьких лисят.
В плетень загонят,
Как маленьких бобров. [33]

Проя благословления у родителей, она восхваляла промысловое умение своего отца:

Отчö менам рöдимöйö,
Бöрсыс тэ вайлін котыр
  койднад,
Васыс тэ катін чобоз
  койднад.

Отец мой родимый,
Из лесу приносил дичь всем
  выводком,
От реки ты приносил полной
  „мордою“.

Ва пыдöсысь лэптин,
Быд пу йылысь кыйин,

Со дна реки доставал,
С каждого дерева сбивал,

Пöтка яйöн чöс модлін,
Чöскыд чериöн вердін.

Птичьим мясом угощал,
Вкусной рыбой кормил. [34]

В похоронных плачах также часто подчеркивалась удачливость умершего труженика — охотника и рыбака, называемого «Вöрысь потшалöмөн вайысь, вайысь пурьялöмөн катысь» («Из лесу дичь притуженными возами доставляющий, с реки улов целыми плотами добывающий») [35].

Находясь еще в колыбели, мальчик слышал песенные импровизации матери или бабушки, в которых ему предрекали судьбу удачливого охотника и рыбака:

Мед дедыд кодъ жо лоан
Кыйысь да вайысь,
Отпыр лыйöмөн пöтка
  узькöдысь!

Пусть, как дед, же будешь
Добытчик и приносчик,
Одним выстрелом птицу роняющий!

Кöркö быдман да
Вуграсьны кутан да
Бабукыслы чери кутан
  вайны.

Вот ты вырастешь,
Будешь рыбу удить,
Для бабушки будешь рыбу
  ловить [36]

Или же:

Көр вöтöдан пö дай кокъяснад,
Ур печöдан пö дай чунъяснад,
Дозмөр лыян пö дай синъяснад,
Вöрысь пö потшалöмөн вайысь,
Вамсь пö пурьялöмөн камысь.

Ноги твои обгонят оленя,
Пальцы твои прозорнее белки,
Глаза твои не проглядят глухаря,
Охотничью добычу будешь доставлять
  притуженными возами,
Улов будешь привозить плотами. [37]

Часто в колыбельных песнях будущее ребенка передавали в форме настоящего времени, называя его:

Вөр пу йылысь лэдзысьö, С лесного дерева сбивающий,
Ва пыдöсысь лэптысьö, Со дна водоема вынимающий,
Куш пельöссö тыртысьö. Наш пустой угол (продукцией промыслов)
заполняющий. [38]

Популярен был и колыбельный мотив, в котором ребенку сообщалось, чем занят в это время его отец:

Баю, бай,	Баю, бай,
Папыд вөрö мунöма,	Папа твой в лес ушел,
Сьöла — уръяс	Белок-рябчиков ловить,
кыявны,	
Кочьяс — ручьяс	Лисиц-зайцев стрелять. [39]
лыявны.	

Обряды. Особенно четко прослеживается влияние промыслового быта в свадебной обрядности. Основным блюдом, обязательным как на самой свадьбе, так и при сватовстве, у коми был «черинянь» (рыбный пирог), который подавался всегда в первую очередь. Жених был обязан преподнести «черинянь» в качестве подарка матери невесты [40]. На Сысоле, когда жених прибывал за невестой, подруги требовали от него жареную утку или какую-нибудь лесную дичь в выкуп за невесту [47]. Такой же гостинец, в виде глухаря или куропатки, жених был обязан сделать банщице, которая мыла невесту перед венчанием. На Удоре «байник яй» («банное мясо»), которым являлся жареный глухарь, либо мясо другой дичи (иногда зайца) приносил дружка жениха. Такой же подарок (мясо свежедобытой лесной или водоплавающей дичи) на Вашке был обязателен при посещении невесты, приносил его также дружка. На Выми в день свадьбы дружки дарили жареную утку или тетерку матери невесты за вход свиты жениха в дом. На Удоре во время свадебного пира жареную дичь приносили на блюде мать, крестный жениха или сам жених. В с. Кобра Койгородского р-на на свадьбу готовили «чомör»: жарили утку и на шею ей надевали калач. Жених вручал «чомör» родителям невесты. На Верхней Вычегде на свадьбе жареной дичью жених одаривал друг невесты [42].

По мнению Ф. В. Плесовского, обрядовая еда в бане или после нее, приготовленная из мяса лесной или водоплавающей дичи, означала в прошлом у коми приобщение к тотему [43]. На наш взгляд, этот далеко идущий вывод вряд ли соответствует действительности. Прежде всего, во всех без исключения случаях жареной свежедобытой дичью одаривали родню невесты либо ее подруг, а не саму невесту, которая и должна была бы «приобщиться к тотему» жениха. Кроме того, в данном случае речь идет скорее о традиционной или праздничной пище, а не о пище ритуальной, тем более что не было зафиксировано каких-либо ло-

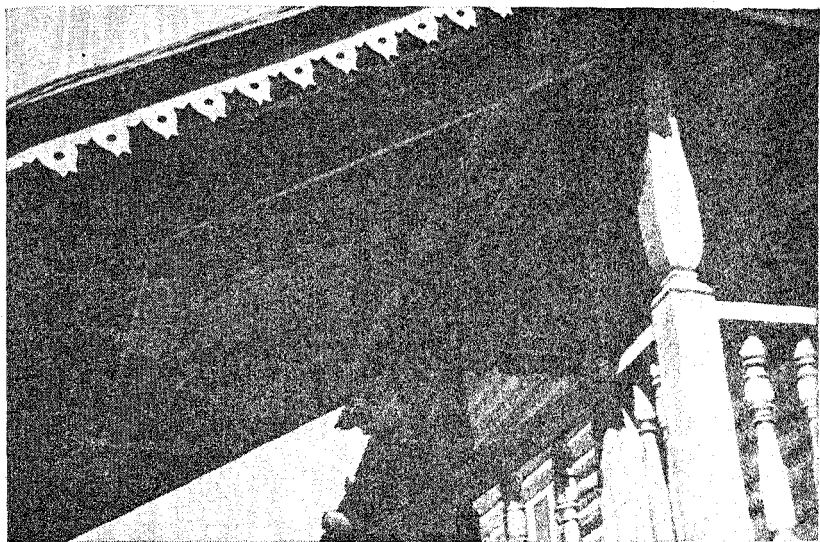

РИС. 62. Резные украшения крыльца «чери юр» (рыбья голова).

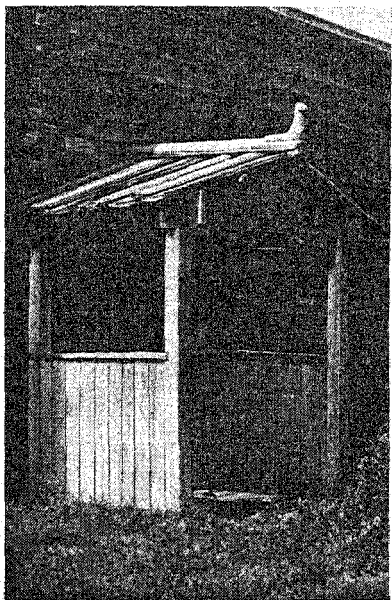

РИС. 63. Украшение по охлупно крыльца

РИС. 64. Украшение охлупия в виде лосиной головы

кальных различий в предпочтительности мяса того или иного животного. Более логичным объяснением причин возникновения данного обычая будет то, что жених демонстрировал этим приношением свои промысловые способности, т. е. в прошлом — способность обеспечить благосостояние вновь образовавшейся семьи.

Традиционным блюдом «черинянь» был и на поминках. В день похороп рыбный пирог клали на крышку гроба [44], а перед опусканием гроба в могилу кусок «черинянь» бросался в нее. В с. Мордино для умершего охотника подушку в гробе изготовляли из перьев лесной дичи, в то время как для всех остальных — из кудели [45].

При закладке первых венцов сруба для дома под передний угол хозяева подкладывали крыло рябчика или утки [46], а при закладке «князя» (последнего бревна на крыше) плотникам вместе с бураком браги подавали «черинянь», который ели для благополучия хозяина новой избы [47].

Народное искусство. Народное искусство, как и другие явления культуры, неразрывно связано с процессом материального производства. Г. В. Плеханов писал: «Искусство всякого данного народа, по моему мнению, всегда стоит в теснейшей причинной связи с его экономикой» [48]. Особенно непосредственная связь искусства с создавшими его трудовыми процессами на ранних ступенях развития общества. Для древнейших образцов искусства пермских народов основной темой являются изображения животных. Появившееся в ананьинскую эпоху (VIII—III вв. до н. э.) и достигшее своего расцвета к III—VIII вв. н. э. своеобразное искусство металлической пластики, так называемый пермский звериный стиль, позволяет нам, спустя многие столетия, воссоздать состав промысловой фауны тех дней: лось, медведь, рысь, соболь, куница, заяц, кабан, бобр, выдра, лебедь, утка и др. [49].

Зооморфные сюжеты сохранили популярность в искусстве народа коми и в последующие эпохи. В меховой мозаике северных коми-ижмцев, применяемой в шитье походных меховых сумок «патко» и «тучу», в большой группе рисунков «обнаруживаются черты, явно намекающие на зооморфность. Обычно это два глаза или два уха или обозначение морды (носа) в виде треугольника. Некоторые изображения напоминают растянутую шкуру животного, след зверя или птицы». Зафиксировано в меховой мозаике и несколько полных изображений зверя: оленя, стоящего на задних лапах медведя, летящей птицы [50]. Обнаруживается связь с промысловой тематикой во многих элементах коми орнамента. Местные названия отдельных узоров отчетливо отражают промысловую практику населения: «матка сер» (узор-компас), «сюрасер» (узор с рогами), «көр сер» (олений рог), «чомья сер» (узор-«чом»), «варышок» (ястреб), «кыйсан капкан» (охотничий капкан), «лэч» (силоч), «кӧч пель сер» (узор — заячьи уши) и др. [51].

Зооморфные сюжеты характеризовали резную деревянную пластику народа коми. Чрезвычайно распространены были искусство

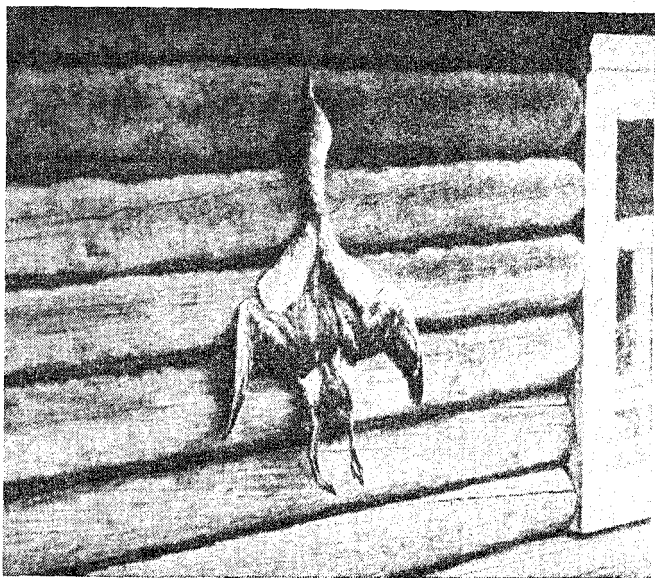

РИС. 65. Шкурка гагары на стене дома

изготовленные утки-солонки, ковши и братины в виде птиц. Вплоть до недавнего времени сохранялась традиция скульптурной обработки деталей деревянных построек. Уключины, поддерживающие кровлю, как правило, представляли собой резные изображения водоплавающих птиц: уток, гусей, лебедей. Особенно разнообразны были украшения охлупней: из комлевой части бревна, укрепленного на крыше с этой целью, вырезались фигуры водоплавающих птиц, глухарей, головы оленя и лося. Иногда вырезали только лосиную или оленью морду, к которой прибивали настоящие рога. У коми-ижемцев рога прибивались часто к «князевому» бревну взамен отсутствующего охлупня. У удорских коми можно нередко увидеть старый резной охлупень на крыше совсем недавно построенного дома, куда он был перенесен со старой, уже пришедшей в негодность постройки.

На Средней Печоре до сих пор наружные стены домов иногда украшают прибитой шкуркой гагары. По сведениям А. С. Сидорова, существовало поверье, что она предохраняет дом от болезней [52]. Возможно, это оригинальное украшение связано с древними религиозными воззрениями народа коми [53]. Тем не менее каких-либо отголосков подобной связи по результатам опроса информаторов нам обнаружить не удалось. Представители старшего поколения, отмечая, что в прошлом шкурки гагары на стенах домов встречались гораздо чаще, объясняли данный обычай достаточно прозаично: «Вешали их для красоты», «Сразу видно, что в доме живет охотник» и т. п. Шкурки гагары сохра-

няли и вешали на стены домов и обские коми, переселившиеся на Обь в конце прошлого века из Ижемского края [54].

Тесная взаимосвязь промысловой культуры с общенародной обуславливала, с одной стороны, богатство и многообразие последних, с другой — закрепление и сохранение промысловых производственных традиций, способствовала формированию понятия о престижности промысловой деятельности у подрастающего поколения.

Промысловое обучение детей. Сохранение и передача последующим поколениям основных элементов промысловой культуры были неотделимы от трудового воспитания детей. Еще в детстве будущие промысловики получали основные трудовые навыки и начинали непосредственно участвовать в процессе добычи, усваивали общепринятые нормы и правила поведения на промысле; в это время у них формировалось и сугубо профессиональное промысловое мировоззрение.

Подготовка детей к промысловой деятельности начиналась очень рано, первоначально в развлекательно-игровой форме. Этой цели служили образы героев-промысловиков в народном фольклоре; пословицы, поговорки и присказки, которые сопровождали ребенка в обыденной жизни. Так, даже нос ребенку вытирали под присказку: «Учи кычи петалась да вит пон тшапкас» («Ласка как только из норки выйдет, так пять собак (т. е. пять пальцев.— Н. К.) ее тут же схватят») [55]. Немаловажное значение имели знания, которые дети получали из пестушек, исполняемых взрослыми для них специально в воспитательных целях. Исследователи коми фольклора, в частности, отмечают: «Создатели этих пестушек тонко разбирались в строении леса и считали своей обязанностью уже с малых лет передавать эти знания своим детям. Так, в пестушке перечисляются: «вөр» (лес), «яг» (сосновый бор), «рас» (роща, лиственный лес), «лос» (кочковатая сырая пожня, покрытая осокой и заросшая местами ольхой и ивой), «войт» (сырое глухое место в пойме реки, поросшее кустами черемухи и смородины), «дав» (лесное пастбище) и т. д. [56].

У мальчиков с раннего возраста наиболее любимыми были игры в охоту, а из игрушек — лук и деревянное ружье [57]. На Ижме дети зимой часто играли в игру «Синдзёб» (букв.— «глаза прячь»). «Матка» одной партии прятал свою команду, зарывая кого под снег, кого под солому и т. д. Потом он возвращался к группе ищущих, которые хватали его за край одежды. После чего «матка» первой партии начинал водить противников так, чтобы незаметно подойти и выручить своих игроков. О своем приближении он возвещал прячущихся игровой припевкой:

Кынь локтö,

Сана локтö,

Мадка локтö,

Бурö, догадайтчы.

Песец приближается,

Росомаха приближается,

Матка приближается,

Хороший мой, догадайся. [58]

Подобные игры воспитывали в будущих охотниках терпение, умение маскироваться и давали общую закалку.

Уже лет с шести-семи начиналась «промысловая деятельность» — добыча мелких лесных птиц: снегирей, полярных воробьев, пуночек. Чуть позже основным объектом детского промысла становились клесты, которые в сушеном виде использовались в пищу. Возможность выступать в роли «кормильца» семьи и одобрительное отношение старших к этому занятию являлись мощным стимулом для того, чтобы после появления с первым снегом клестов мальчики, забросив все прочие занятия, целыми днями пропадали в близлежащих лесах, устанавливая силки на птиц. Орудиями лова были волосяные силянки («дзуг»), которые дети мастерили сами из свитых вдвое конских волосков, прикрепленных деревянными клинышками к брускам длиной около шести вершков (25—27 см). У каждой силянки было до 20 петель, устанавливали их штук по пять в одном месте на специально устроенных и притоптанных бугорках из снега. Для привлечения клестов бугорки поливали кислым квасом или мочой. Клесты слетались целыми стаями и в одну силянку нередко попадало до 10—15 штук за раз. Лов клестов продолжался около месяца, пока позволяла глубина снега, поскольку на лыжах в этом возрасте ходить умели еще немногие. В урожайный год добыча на одного юного промысловика доходила до 2 тыс. клестов [59].

Популярным орудием лова мелких птиц у детей были также «чёсы», состоявшие из доски длиной около 40 см и нехитрой насторожки, к которой привязывали приманку (хлеб, летом — мух и т. п.). Интересно отметить, что добыча птичек ловушками сопровождалась у детей своеобразными «промысловыми заговорами» типа:

Кай, кай, прилетай,	Птичка, птичка, прилетай,
Пезин выль	Садись на ловушку,
пуксы,	
Калябечё чужйы!	Пни по насторожке! [60]

Обучение охоте старшими начиналось лет с восьми-деяти, именно в этом возрасте, по сведениям информаторов, детей начинали брать с собой на промысел в ближнее охотничье угодье. Отец или дед наглядно показывали, как настораживаются ловушки, обучали выбору места для их постановки, знакомили детей со следами зверей, рассказывали о правилах промысловой морали и т. д.

Помощь в промысле взрослым вначале была минимальной, обычно она начиналась с привязывания рябины на жердках с силками. Потом доверяли проверку силков с последующей их насторожкой. Большое значение имел строгий контроль за первыми самостоятельными шагами, чтобы юные промысловики не допускали ошибок. Так, один из старых вишерских охотников рассказывал нам, что когда он спросил у отца разрешение пойти в первый раз по «путику» для проверки силков, то отец позволил,

но велел в конце «путика» оставить на дереве «пас» для проверки, дошел ли он до конца [61].

Девяти-десятилетних мальчиков брали на ближний промысел белки, они помогали вспугивать белок, ударяя обухом топора по стволу. В этом возрасте им уже доверяли пострелять из ружья в цель. В 11—12 лет подростки получали собственное, как правило, кремневое ружье и начинали охотиться самостоятельно. В. Н. Латкин сообщает, что один из его проводников, начав охотиться в 12 лет, через год добывал уже по три-шесть белок и до десяти рябчиков в день [62]. Некоторые подростки даже решались вступать в единоборство с медведем. Исследователями промысловой деятельности коми описаны случаи, когда одиннадцатилетний мальчик убил в одиночку из ружья встреченного им медведя [63], или два брата, один 11 лет, а другой — 13, выжили медведя из берлоги и убили трех его детенышей [64].

У коми-ижемцев при тундровой добыче куропаток наиболее производительным считался промысел опытного охотника с подростком 12—14 лет. Благодаря разделению труда — охотник выбирал места для установки силков и настораживал их, а подросток подготавливал снежные холмики под силки, приманку, привязывал силки и отвязывал куропаток, попавших в них, — обслуживалось вдвое больше силков, чем в одиночку [65].

Помимо обучения основным орудиям и способам промысла, в период охоты со старшими, опытными промысловиками подростки получали и другие ценные профессиональные навыки. Они вырабатывали у себя четкую топографическую память, умение узнавать стороны света (ночью — по звездам, днем — по коре деревьев), определять время по длине своей тени, подавать сигналы товарищам, ударяя обухом топора по сухому дереву и т. д. В это же время происходило знакомство с «пасами» (личными тамгами) промысловиков округа, приобреталось умение читать или передавать с помощью «пасов» простейшую информацию: обозначение направления пути, знак о посещении чужой промысловой избушки, заимствование при нужде припасов другого охотника и т. д. К 14 годам промысловое обучение практически заканчивалось, а с 16 лет молодые охотники уже отправлялись на дальний промысел полноправными членами артелей.

С раннего детства происходило знакомство и с рыболовным промыслом. Первыми орудиями лова у детей были удочки, подростки ловили рыбу саками и вместе с женщинами холстяными неводами. В 14—15 лет юношей (реже — девушек) принимали уже в рыболовецкие артели на правах пайщиков. По данным С. В. Мартынова, в начале XX в. в печорских весенне-летних артелях для лова рыбы каждый пятый-шестой участник был моложе 17 лет; в артелях для осеннего лова семги молодежи было меньше — около 9% [66]. Так же рано, с 10—12 лет, привлекали к промысловым работам подростков и русские сибирские крестьяне [67]. Раннее начало промысловой деятельности и опытное наставничество способствовали непрерывающейся преемственно-

сти трудовых традиций, связанных с охотой и рыболовством, что позволяло, в свою очередь, сохранять в значительной мере всю полноту и многообразие культуры промыслового населения.

1. Громыко М. М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII—первая половина XIX в.). Новосибирск, 1975, с. 4.
2. Лыткин В. И. Из истории словарного состава пермских языков.— ВЯ, 1953, № 5, с. 55—57; Тепляшина Т. И., Лыткин В. И. Пермские языки.— В кн.: Основы финно-угорского языкознания: Марийский, пермские и угорские языки. М., 1976, с. 214—216.
3. Коми-русский словарь. М., 1961; Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961.
4. Ракин А. Н. Основные принципы номинации трав и ягод в коми языке и народная этимология.— НД, 1977, вып. 32, с. 17—20.
5. Военно-статистическое обозрение Российской империи. СПб, 1850, т. 2, ч. 3, с. 134—155, 170—173; Туркин А. И. Краткий коми топонимический словарь. Сыктывкар, 1981, с. 17, 23, 27, 45—47, 64, 96.
6. Suhonen S. Eine Untersuchung der uralischen Sternnamen.— FUF, 1971, Bd. 39, H. 1/2, S. 125 (О раб.: Erdödi J. Uralicsillagnekvek es mifologiai magazazatok: A Magyar Nyelvitudományi.— Tarsasag Kiadvanyai, 1970, 124).
7. Туркин А. И. О чем говорят названия звезд.— ВК, 1974, № 4, с. 60. На коми яз.
8. Никонов В. А. Проблема ономастических ареалов.— В кн.: Проблемы картографирования в языкознании и этнографии. Л., 1974, с. 286.
9. Цыганов Н. Ф. Заметки о древнемордовской денежной единице.— ЗМЯЯЛИ, 1947, № 9, с. 137.
10. Крюкова Т. А. Материальная культура марийцев XIX в. Йошкар-Ола, 1956, с. 29.
11. Тимушов Д. А. О старом денежном счете коми и истории денежного термина «ур».— ТКФАН, 1954, вып. 2, с. 178.
12. Никитинский А. И. История экономического быта Великого Новгорода. М., 1893, с. 95.
13. Дмитриев А. А. Пермская старина. Пермь, 1889. Вып. 1. Древности бывшей Перми Великой, с. 191.
14. Лепехин И. И. Окончание дневных записок путешествия академика Лепехина.— ПСУП, 1822, т. 5, с. 268—269.
15. Идес И., Бранд А. Записки о русском посольстве в Китай (1692—1695 гг.). М., 1967, с. 56.
16. Сидоров А. С., Лыткин В. И. Древнекоми названия месяцев.— СФУ, 1966, № 2, с. 123—124, 126.
17. Чистов К. В. Фольклор и этнография.— В кн.: Фольклор и этнография. Л., 1970, с. 4.
18. Коми народные загадки/Сост. Ф. В. Плесовский. Сыктывкар, 1975.
19. Коми пословицы и поговорки/Сост. Ф. В. Плесовский. Сыктывкар, 1973.
20. Сахарова М. А., Сельков Н. Н. Ижемский диалект коми языка. Сыктывкар, 1976; Сахарова М. А., Сельков Н. Н., Колегова Н. А. Печорский диалект коми языка. Сыктывкар, 1976.
21. Ончуков Н. Е. Сказки и сказочники на Севере.— В кн.: Северные сказки. СПб., 1909, с. XIV.
22. Коми народные сказки/Сост. Ф. В. Плесовский. Сыктывкар, 1975, с. 101.
23. Доронин П. Г. Материалы по истории коми, т. 4, тетр. 1.— НАКФАН, ф. 1, оп. 12, д. 25, с. 129.
24. Лепехин И. И. Окончание дневных записок..., с. 160.
25. Доронин П. Г. Материалы по истории коми, с. 128—129.
26. Образцы коми-зырянской речи. Сыктывкар, 1971, с. 235—236.
27. Микушев А. К. Коми эпические песни и баллады. Л., 1969, с. 91—93.
28. Там же, с. 259.
29. Там же, с. 41.
30. Микушев А. К., Чисталев П. И. Коми народные песни: Выгедга и Сы-сола. Сыктывкар, 1966, вып. 1, с. 15.

31. Плесовский Ф. В. Устно-поэтическое творчество народа коми.— ИФС, 1958, вып. 4, с. 167.
32. Плесовский Ф. В. Свадьба народа коми. Сыктывкар, 1968, с. 252.
33. Там же, с. 251.
34. Там же, с. 184—185.
35. Микушев А. К. Эпические формы..., с. 10.
36. Рочев Ю. Г. Детский фольклор коми. Сыктывкар, 1972.— НАКФАН, ф. 5, оп. 2, д. 129, л. 26, 49.
37. Микушев А. К., Чисталев П. И., Рочев Ю. Г. Коми народные песни. Сыктывкар, 1971, вып. 3, с. 112.
38. Рочев Ю. Г. Детский фольклор..., с. 51; История коми литературы. Сыктывкар, 1973, т. 1, с. 196.
39. Рочев Ю. Г. Детский фольклор..., с. 43.
40. Плесовский Ф. В. Свадьба..., с. 83.
41. Микушев А. К. Коми эпические песни..., с. 8.
42. Микушев А. К. Эпические формы..., с. 208; Плесовский Ф. В. Свадьба..., с. 31, 54, 63, 69, 90.
43. Плесовский Ф. В. Свадьба..., с. 136.
44. Завагин Н. А. О суевериях и предрассудках, существующих в Вологодской епархии.— ВЕВ, 1870, № 4, с. 147.
45. Полевые записи М. Б. Рогачева.
46. Жеребцов Л. Н. Крестьянское жилище в Коми АССР. Сыктывкар, 1971, с. 76.
47. Воздвиженская О. Н. Материалы этнографической экспедиции 1950 г. в южные районы Коми АССР. Отчет.— НАКФАН, ф. 1, оп. 13, д. 8, л. 21.
48. Плеханов Г. В. Письма без адреса: Искусство и общественная жизнь. М., 1956, с. 44.
49. Грибова Л. С. Пермский звериный стиль: Проблемы семантики. М., 1975, с. 9.
50. Грибова Л. С. Древние мотивы меховой мозаики северных коми.— ТИЯЛИ, 1972, № 13, с. 92.
51. Шипунова Г. М. Народное искусство коми.— СЭ, 1960, № 2, с. 68; Климова Г. Н. Местные названия орнаментальных мотивов у народов коми.— ТИЯЛИ, 1976, № 17, с. 91—95.
52. Сидоров А. С. Знахарство, колдовство и порча у народа коми. Л., 1928, с. 141.
53. Согласно космогоническим мифам народа коми, гагара активно участвовала в процессе мироздания (Сидоров А. С. Знахарство, колдовство и порча, с. 46, 162; Сидоров А. С. Идеология древнего населения Коми края.— ТИЯЛИ, 1972, № 13, с. 13).
54. Устное сообщение Ю. Г. Рочева.
55. Рочев Ю. Г. Детский фольклор..., с. 134.
56. История коми литературы, т. 1, с. 202.
57. Круглов А. В. Лесные люди. М., 1910, с. 76.
58. Рочев Ю. Г. Детский фольклор..., с. 138.
59. Коми морт. Очерки зырянской охоты.— ЗОИКК, 1928, вып. 1, с. 81—82.
60. Рочев Ю. Г. Детский фольклор..., с. 95—96.
61. Полевые записи автора, 1978 г.
62. Латкин В. Н. Дневник во время путешествий на Печору в 1840 и 1843 гг., ч. 1.— ЗРГО, кн. 7. СПб., 1853, с. 59.
63. Михайлов М. И. Промыслы зырян Усть-Сысольского и Яренского уездов Вологодской губернии.— ЖМВД, 1851, кн. 4, ч. 33—34, с. 78.
64. Сидоров А. С. Знахарство..., с. 90.
65. Матусевич И. В. Охотничий промысел на реке Усе: Научный отчет. 1933.— НАКФАН, ф. 1, оп. 6, д. 4, с. 52.
66. Мартынов С. В. Печорский край. СПб., 1904, ч. 1, табл. 3.
67. Громыко М. М. Трудовые традиции..., с. 190.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование культуры промыслового населения коми позволяет достаточно достоверно реконструировать комплекс культурных особенностей, характеризующих присваивающие отрасли хозяйства населения таежной зоны Европейского Северо-Востока. Исторически сложившийся на данной территории тип природопользования, формы расселения и освоения территории и созданная на их основе модель комплексного присваивающе-производящего хозяйства к началу XX в. уже изжили себя на большей части территории Русского Севера. Оскудение естественных биологических ресурсов ввиду перепромысла, резкий прирост населения, ограниченность промысловой территории — факторы, отрицательно влияющие на динамику развития присваивающих отраслей. Тем не менее здесь указанный тип традиционного северного хозяйства продолжал еще функционировать в достаточно массовом количестве, в особенности на недавно освоенных землях. В трансформированном применительно к местным условиям виде комплексное присваивающе-производящее хозяйство сохранялось и восточнее Урала, у русского старожильческого населения Сибири.

Литературные источники свидетельствуют, что промысловая культура русских первопроходцев в Сибири во многом была идентична культуре промыслового населения коми. Достаточно широкие аналогии в элементах культуры северорусских промысловиков XVII—XVIII вв. и коми охотников и рыболовов XIX — начала XX в. позволяют говорить об относительной стабильности и общности промысловой культуры Европейского Северо-Востока в целом. История сложения северорусского и коми присваивающе-производящего комплекса в своей основе была единой. Добрососедские отношения между коми и русскими способствовали распространению элементов культуры, в том числе в социально-профессиональной среде промыслового населения. Естественно, речь идет лишь об основных производственных навыках, принципах конструкции орудий и предметов промыслового быта и т. д., конкретные формы которых могли иметь локальные отличия, обуславливаемые особенностями этнокультурного развития каждого народа.

Характеризуя культуру промыслового населения таежной зоны Европейского Северо-Востока в рамках присваивающе-производящего комплекса в целом, необходимо отметить ее многослойность как в этническом (синтез промысловых культур русского и финноязычных народов — коми и аборигенного населения, проживавшего здесь еще до появления коми и русских), так и

в хронологическом (разновременное возникновение ее отдельных элементов) отношении. Далеко не всегда удается выяснить генезис отдельных явлений, в силу того что к моменту их фиксации они были унифицированы на значительной территории. Анализ промысловой терминологии свидетельствует, что к моменту начала этнокультурного взаимодействия коми и русского населения на Европейском Северо-Востоке как у тех, так и у других уже имелись многие общие элементы промысловой культуры. Как правило, данные предметы и явления, обладая большим сходством, иногда вплоть до деталей, имели у каждого народа свою собственную оригинальную терминологию, что свидетельствует о значительной давности их появления. Заимствованная лексика позволяет в отдельных случаях определить предположительное авторство. Многие элементы промысловой культуры были результатом, по всей видимости, совместного творчества как финно-угорского, так и славянского населения Европейского Северо-Востока.

Наиболее типичные черты присваивающих отраслей и культуры промыслового населения коми и рассматриваемого региона обуславливались спецификой промысловой деятельности в рамках присваивающе-производящего комплекса. Прежде всего речь идет об оседлости, которую требовали занятия земледелием и скотоводством. Продукция производящего хозяйства в той или иной мере обеспечивала пищевые потребности, что наряду с ранним установлением регулярных товарных связей стимулировало превалирующее развитие товарной охоты и рыболовства. Но и натуральное рыболовство и мясная охота в значительной степени сохраняли свое значение ввиду низкой продуктивности экстенсивного сельского хозяйства. Многоцелевая направленность промысловой деятельности способствовала сохранению многообразия традиционных способов и орудий охоты и рыболовства. В то же время повышенная интенсивность товарного промысла и стремление к его активизации вели к ускорению эволюции сложившихся традиционных черт промыслового хозяйства. Несомненное влияние на промысловые традиции оказывали и изменения в уровне социально-экономического развития Восточно-Европейской провинции Российского государства, которая, несмотря на существующую отсталость, была достаточно тесно связана с Центральной Россией.

Промысловый быт коми охотников и рыболовов был во многом аналогичен быту сельского населения. Промысловая избушка и другие стационарные постройки в охотничьем угодье строились по образцу простейших жилых и хозяйственных построек на селе. Такие же промысловые жилища с одно- или двускатной крышей, печью-каменкой и нарами по стенам были широко известны по всему Русскому Северу (у русских, карел, венгров и др.). Их появление, по всей видимости, было связано со складыванием отношений семейной собственности на ближние охотничьи угодья, когда появилась возможность и необходимость благоустройства

мест постоянного промысла. Более древней по происхождению, принадлежащей к пласту культуры охотников и рыболовов лесотаяжной зоны Северной Евразии являлась конструкция промысловой кладовой на высокой ножке с выдвижной доской в полу вместо входа. У коми такие кладовые назывались «тшамъя», сходные наименования их были у обских угров и северорусского промыслового населения. Отсутствие убедительной этимологии данного термина не позволяет сделать выводы о времени и путях появления данной конструкции как у коми и обских угров, так и у русских промысловиков. Возможно, речь идет о раннем заимствовании у аборигенного населения.

Достаточно древней по происхождению является и конструкция временного промыслового жилища типа коми «чома», сев.-рус. «балагана» в виде трехстенного шатра с покатою назад односкатной крышей. В данном случае с определенной достоверностью можно связать его происхождение с культурой финноязычных народов, так же как и распространение костра типа «ноды».

Аналогичной сельской рабочей была и промысловая одежда, но в ней можно выделить наиболее древние специфичные элементы. Так, одной из отличительных черт промысловой культуры северной таяжной зоны Европейского Северо-Востока было наличие в промысловой одежде специальной лыжной обуви с загнутыми носками (коми «лызя кӧм», сев.-рус. «уледи») и оригинальной промысловой накидки типа «лузана». Узкая локализация и анализ термина дают основания считать «лузан» вкладом нермских народов в промысловую культуру рассматриваемого региона. Специальная лыжная обувь, по-видимому, была известна финноязычным народам еще до контактов с русскими и заимствована последними от них. Следы древнейшего пласта промысловой культуры всей Северной Евразии прослеживаются в отличительной черте промысловой обуви: отдельно изготавливаемой головке и пришивном голенище, а также в сохранявшейся конструкции спальных принадлежностей: меховом одеяле с мешком для ног.

Отличительной чертой промыслового питания было то, что большинство продуктов бралось с собой из дому в виде ярко выраженной товарной направленности промысла. Ассортимент потребляемой продукции был одинаков с используемой в пищу в сельском быту, поскольку большая часть ее подлежала доставке домой. Точно так же практически никакого отличия от употребляемой в сельском быту не имела хозяйственная утварь.

Лыжи — основное зимнее средство передвижения — были изобретены в глубокой древности, они издавна были известны как ранним засельникам территории Европейского Северо-Востока, так и появившемуся здесь позднее русскому и коми населению. На основании ранних письменных источников, археологических материалов и анализа терминологии можно считать, что в основу бытовавшего в рассматриваемый период на данной территории типа лыж (скользящие, со ступательной площадкой) были положены русские средневековые лыжи. Если участие коми в созда-

нии конструкции промысловых лыж можно только предположить, то их авторство или активное участие в изобретении лыжного посоха с лопаткой и металлическим наконечником на другом конце (коми «кыйбедь», сев.-рус. «кыйёк») более вероятно.

Финно-угорским и славянским промысловым населением были созданы специфические типы ручных охотничьих нарт (в спец. литер. — восточносибирский) и собачьей сбруи. У коми охотников сохранился и древнейший вид зимних транспортных средств — мешок-волокуша; был ли он известен русским промысловикам, сведений не имеется.

Водные средства передвижения на данной территории в значительной мере были унифицированы. Это относится и к наиболее архаичным конструкциям — долбленным колодообразным лодкам и долбленкам с разведенными бортами, и к более совершенным лодкам, сшитым из досок. Последние у коми появились, видимо, от русских. Особенно ярко многослойность культуры промыслового населения Европейского Северо-Востока прослеживается в основных орудиях и способах промысла. Как в охоте, так и в рыболовстве было характерно широкое использование как активных, так и пассивных способов, сочетание индивидуального промысла с коллективными формами труда. Следы наиболее древнего пласта охотников и рыболовов Северной Евразии сохранялись в использовании таких способов добычи, как сооружение ловчих ям, изгородей с ямами для крупных копытных, гон копытных по насту, добыча линной птицы, лов рыбы с помощью заколов и деревянных рыболовушек. Нетрудно заметить, что в большинстве своем эти способы предназначались для удовлетворения пищевых потребностей.

К культуре промыслового населения лесотаяжной зоны Восточной Европы восходит истоками широкое употребление и разнообразие всевозможных ловушек на зверей и птиц. Большинство из них не было известно восточнее Урала до появления там русских. То же самое относится к ловчим сетям для добычи зверей методом облав и подъемным сетям для ловли птиц. Не были распространены у сибирских народов и сетные орудия лова рыбы, в то время как в Восточной Европе они известны еще с мезолита.

Промысловая культура и славянских, и финно-угорских народов в своей основе имела трудовые традиции, связанные с этими древними культурами. Поэтому выделить орудия, присущие промысловой культуре лишь одного народа (или группы родственных), затруднительно. Большинство из них, видимо, было известно как коми, так и русским промысловикам еще до начала активных этнокультурных контактов между ними. К таким орудиям можно отнести деревянные самолеты типа слопца (коми «чӧс»), плашки («нальк»), кулемки («пыльӧм»); всевозможные петли (на жердочке, наземные и типа очепа) и силянки («дзуг»); дупланки для сбора яиц диких уток («горс»); подъемные сети на птиц типа перевеса («ветӧс») и сети для ловли зверей; рыболовушки типа «морды» («гымга») и ветеля; острога («азьлас»)

и дорожка («кыскан»); ставные и тягловые сети для лова рыбы и др. Тем не менее данный вывод не исключает заимствования тем или иным народом конкретной, более удачной конструкции уже известного типа орудия. Предположить заимствование неизвестного до того типа орудия можно лишь в отдельных случаях. Так, возможно, от коми распространилась лучковая ловушка типа черкана, а от русских промысловиков — самолов типа кляпцов и сетная рыболовушка «помча». Есть основания считать, что от автохтонного населения данной территории была приобретена конструкция сетного орудия «сырп».

Появление ряда орудий было связано с влиянием великорусской культуры. В отношении коми промысловиков их северорусские соседи служили в данном случае в роли посредников. Так они распространили среди промыслового контингента орудия ружейного промысла и железные капканы. Если появление ружей практически полностью вытеснило традиционное орудие активной охоты — лук, то металлические капканы не оказали столь резкого воздействия на применение традиционных самоловов, которыми по-прежнему добывалась большая часть боровой дичи.

Активизация пушного промысла, которой способствовала более высокая продуктивность ружейной охоты, вынуждала добытчиков пушнины на все более дальние походы. На основании традиционного опыта коллективных форм труда, переработанного применительно к существующим социально-экономическим условиям, возникла артельная охота за пушным зверем. В основу пушного артельного промысла было положено равное распределение затрат на снаряжение и припасы и эгалитарный принцип дележа добычи. В наиболее чистом виде такие артели сохранились у коми. В русских промысловых артелях уже во время пушного сибирского бума уравнилельный принцип все чаще уступал место найму за долю промысла. Наряду с пушной охотой коллективные формы труда сохранялись в таких видах промысла, в которых они были необходимы ввиду трудоемкости или большей безопасности — добыча медведя из берлоги, гон по насту крупных копытных, лов рыбы запорами и т. д. Но и здесь в основу встал принцип распределения добычи поровну между участниками, хотя и можно обнаружить отдельные рудименты былого распределения между всеми членами общины. В коми рыболовецкие артели в начале XX в. уже стали проникать некоторые признаки разложения артели классического типа: дополнительная плата в отдельных случаях владельцу лодки, наем за неполный рабочий пай работников и т. д., но в целом в отличие от русского населения Севера эти явления еще не стали типичными.

Использование продуктов промысла в сельском и промысловом быту преимущественно ограничивалось пищевой сферой. Вся товарная продукция, в первую очередь пушнина и рыба семейства лососевых, предназначалась для рыночного сбыта. Незначительное количество шкур потреблялось для изготовления предметов одежды, спальных принадлежностей и промыслового снаряжения

(например, обивка лыж камусами). Замкнутость натурального хозяйства, вероятно присущая присваивающе-производящему комплексу на начальных этапах его формирования, была достаточно рано разорвана все более активизирующейся пушной торговлей. Увеличение ассортимента товарной продукции и территории освоения позволяли населению Коми края и в начале XX в. придерживаться выработанной на протяжении нескольких столетий системы балансировки отдельных отраслей хозяйственного комплекса: земледелие и скотоводство удовлетворяли частично пищевые потребности и в значительной мере — потребности в одежде и других предметах быта; охота и рыболовство возмещали недостающую часть питания как непосредственно, так и покупкой зерна, муки, соли, солода и т. д. в результате реализации товарной продукции, кроме того, давали наличные средства для уплаты податей и приобретения недостающего или невозможного к получению в данных условиях сельскохозяйственного сырья и промышленных товаров.

Культура промыслового населения и все ее компоненты являлись неотъемлемой частью культуры общенародной. В то же время специфика промысловой деятельности определяла характерные ее особенности, которые затрагивали как материальную, так и духовную сферы. В духовной культуре особого внимания заслуживают этические-правовые нормы и религиозные воззрения промыслового населения. Процесс обособления отдельных семей и вытеснения частной собственностью общественной у народов, населяющих интересующий нас регион, в том числе у коми, завершился достаточно рано, о чем свидетельствует полное доминирование соответствующих им правовых отношений в рассматриваемый период. Тем не менее анализ зафиксированных у коми промысловиков морально-правовых норм позволяет сделать вывод о том, что ярко выраженному характеру права личной собственности на добычу предшествовало право на свою долю в добыче всех членов общины, а семейной собственности на ближние охотничьи угодья — право любого члена общины на промысел в любом месте, которое сохранилось в отношении дальних охотничьих и всех водных промысловых участков. Новые отношения права собственности были закреплены в нормах и правилах промысловой морали, которая стояла на страже правовых интересов промыслового населения. Кроме того, промысловая мораль регламентировала многие стороны промысловой жизни: взаимоотношения между промысловиками, отношения к окружающей природе и животному миру и т. д. В целом это был своеобразный моральный кодекс промысловиков, которому они обучались с детства. Промысловая мораль была тесно взаимосвязана с религиозными воззрениями, сохранившимися в промысловой среде. Своими корнями религиозное мировоззрение промысловиков уходило в древнейший пласт культуры охотников и рыболовов Северной Евразии, о чем свидетельствуют широкие аналогии с сибирскими народами: пережитки культов духов-хозяев мест и промысловых

животных, медвежьего культа, культов огня и деревьев, полового табуирования промысловой деятельности, магических поверий и т. д.

Культура промыслового населения сохраняла свою целостность и специфичность благодаря развитому механизму закрепления промысловых традиций. У населения территории, смежной с Коми краем, к рассматриваемому периоду данный механизм функционировал уже слабо, что нарушило преемственность промысловых традиций. В то же время у коми отмечались еще все признаки его активной деятельности: большая экономическая значимость добывающих промыслов и существенное число лиц, занятых ими, высокая оценка занятий охотой и рыболовством в общественном мнении и их престижность; активные внутренние контакты в промысловой среде и раннее знакомство с основами трудовой деятельности промысловиков под руководством старших и др. Кроме того, немаловажное значение имела тесная взаимосвязь промысловой культуры с общенародной, которая находила отражение практически во всех проявлениях духовной культуры коми.

Сопоставление промысловой культуры народа коми с промысловыми культурами северорусского и других народов Европейского Северо-Востока, имевших в прошлом аналогичный коми тип комплексного присваивающе-производящего хозяйства, позволяет сделать вывод об их общности и при необходимости дает возможность проецировать ее на более ранние периоды истории данных народов.

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ КОМИ ПРОМЫСЛОВЫХ ТЕРМИНОВ*

- азьлас — острога
бакилӧ (бахилы) — промысловая обувь с длинным голенищем
бережник, березник (бережник, сиб.) — рыболовное ограждение у берега
ботан, ботан кулӧм — ботальная сеть
боталӧ (бот, ботало) — шест с полой воронкой на конце для загона рыбы в сеть
бурскан — см. боталӧ
ветель (ветерь) — сетная рыболовушка на обручах
ветки (ветка, сиб.) — маленькая долбленая лодка
ветӧс — подвесная сеть на птиц, типа перевеса
вешйог — перекочевка с одного места промысла на другое
вӧр керка — промысловая избушка
вугыр — рыболовный крючок
вудж — охотничий лук
гежень (дежень, влгд., арх.) — толокненная болтушка
горс — дуплянка для сбора яиц диких уток
гымга (гимга, сиб.) — деревянная рыболовушка типа «морды»
дзав — дощечка для регулирования размера ячей при вязании сети
дзуг (дзюг, сев. рус.) — петельная ловушка на мелких зверей и птиц типа силанки
дукес, дукӧс — верхняя промысловая и рабочая одежда
ез (ез, яз) — рыболовное ограждение
жимок — приспособление для укрепления досок днища лодки
забой (забой) — рыболовное ограждение
зиб — лодочный шест
зэв — правилка для шкурок
из — рыболовное грузило, букв. — камень
из рузёдан — лучковое сверло для сверления камней на грузила
ишим (ишимы, сиб.) — промысловая обувь, состоящая из валяных голенищ и холщовых голенищ
йи гымга — «ледяная гымга» — рыболовушка, вырубленная во льду
йналӧм ӧшинь — льдинки, заменяющие оконные стекла в лесной избушке
казь — звероловная сеть типа обмета
карнана лэч — петля на зверей и птиц со вздергивающим устройством типа очепа
кебед — рыболовное грузило в виде камня в берестяной оплетке
кибас (кибас, сев. рус.) — см. кебед
керан — тесло для изготовления долбленых лодок, пазник
киска — полотна бересты для покрытия временных промысловых жилищ
кляпча (кляпец) — звероловушка, действующая благодаря энергии свитой жгутом веревки
койбедь (койк, сев. рус.) — лыжный посох охотника с лопаточкой и острым наконечником на концах
койт — токовище
койшы — см. койбедь
кокасян — см. керан
кокора (кокора, сев. рус.) — основание лодки из ствола дерева с естественным корневым изгибом
кола — промысловое стационарное жилище простейшего типа
колода (колода, сев. рус.) — долбленая лодка без развода бортов
кӧвтым — рыболовная сеть типа бредня
кӧм, лызя кӧм — специальная лыжная обувь с загнутыми носами, типа улевы, уледи (сев. рус., сиб.)
кӧч гу — яма для ловли зайцев
крӧшни (крошни, сев. рус.) — заплечная берестяная котомка
кулӧм — ставная рыболовная сеть
кушеньча — рукавицы

* В скобках — русский лингвистический аналог.

кыклоптыб пелыс — двухлопастное
 весло
 кыс — 1) шкура с ног крупных ко-
 пытных животных, камус;
 2) обувь из камусов
 кыс ноо — камусный мешок — во-
 локуша
 кыснан — крючковая рыболовная
 снасть типа дорожки
 лабаз (лабаз, сев. рус., сиб.) — 1) по-
 мост на дереве для охоты на
 медведя; 2) охотничья кладовая
 лаз, лоз (лузан, сев. рус., сиб.) —
 охотничья накидка
 лайкана лэч — петля на птиц и мел-
 ких зверей со вздергивающим
 устройством типа пружка
 липтича — меховые чулки
 лодас, лодод — загородка около на-
 земного силка для ловли птиц
 лызь — лыжи, подбитые камусом
 лэч — петля для ловли птиц и зве-
 рей
 лэч видзян — приспособление для
 ношения петель
 лямпа — лыжи-голицы
 мата пань (матафан, сев. рус.) —
 крупный центральный поплавок
 на рыболовной сети
 матка — компас
 мегыр — шпангоут у лодки
 морт волыс — ременная упряжь от
 нарт для человека
 мотыр — приспособление для подве-
 шивания посуды над костром
 набой (набой) — набивные борта
 лодки
 нальк — ловушка для мелких зве-
 рей типа плашки
 напарья (напарье, напарей) — бурав
 недотка (недотка) — холщовый не-
 вод
 нека — муска куринок — пирог с на-
 чинкой измолоков и печени
 рыб
 нодья (нодья, нодье, сев. рус.,
 сиб.) — костер из двух поло-
 женных друг на друга стволов
 ном дора — накомарник
 ноо — заплечный мешок
 норт (нарта, нарты, сиб.) — нарты
 охотничьи
 нощ — колотушка для забивания
 кольев
 ньов — стрела для лука
 нюлыс — колчан для стрел
 охтым — рыболовный ставной крю-
 чок
 оржы — деревянные клинышки для
 определения толщины бортов
 долбленной лодки

ош гу — берлога
 ожын — долото
 оключина — уключина
 опасной, опасника — гребное, уклю-
 чинное весло
 пань — см. дзав
 пас — знак, метка, клеймо
 пелыс — весло
 перк пай — неполный пай в артель-
 ной добыче
 пеша — светец
 пипу пыж — осиновая долбленная
 лодка с разводом типа осиновки
 плавуи (плавуи, плавия) — плавная
 сеть
 поддон — основа лодки
 подольник (продольник) — крючко-
 вая рыболовная снасть
 помча (помча, помцы, сев. рус.) —
 мешкообразная рыболовная сеть
 на перевесе
 пои волыс — собачья упряжь для
 нарт
 порок доз, порошок — пороховни-
 ца
 потка (потка) — дичь
 пурт — нож
 пуртос — ножны
 пуш — деревянная рыболовушка, ти-
 па морды, но без воронки
 пывсян — 1) см. вёр керка; 2) бань-
 ка
 пыдос — днище лодки
 пыж — лодка
 пыж бож — корма лодки
 пыж вбчысь — мастер-лодочник
 пыж ныр — нос лодки
 пыльом — деревянная звероловушка
 типа кулемки
 пыридз — пешня
 радз — мат из драпки для рыболов-
 ных заграждений
 риа лэч — см. карнапа лэч
 рож — игла для вязания рыболов-
 ных сетей
 сай — укрытие для охотника в виде
 загородки
 сак — рыболовная снасть в виде
 сачка
 сам — приманка
 сизь доз — промысловая икона
 ситка — накомарник с сеткой из
 конского волоса
 сором — промысловая пища из густо-
 разведенного толочка
 соля пирог — промысловая пища из
 круто посоленных лепешек
 сормод — поперечина у лодки
 сырп — кошелеобразная рыболовная
 сеть
 сьод пач — печь-каменка

сюза пай — см. перк пай
 сюмыс — ремень — потяг к карте
 таб — 1) поплавок из дерева; 2) см. дзав
 тас — рыболовное заграждение
 тасма (тасма, сб.) — охотничий пояс
 тоббк — промысловая обувь из камусов
 трегубеч — ботальная сеть — трехстенка
 турыш — промысловая кладовая
 тшамъя (чамъя, шамъя, сев. рус.) — промысловая кладовая на одном или нескольких столбах
 тшуп — рыболовное заграждение
 тыв — рыболовная сеть типа невода
 туюд — берестяной поплавок
 упруг (упругу, опруга) см. мегыр
 чаркан (черкан) — ловушка на мелких зверей с давилкой, опускающейся силой натянутого лука
 чер — топор
 чери — рыба
 чипсан — свисток-манок
 чоля — блюдо из соленых рыбных внутренностей
 чом — односкатное временное про-

мысловое жилище, типа сев. рус. балагана
 чомкост — расстояние на местности, определяемое необходимостью в остановке на отдых
 чомор — обрядовое кушанье из толкна
 чорвонь — подвязка для чулок и обуви с мягкими голенищами
 чорос — теплые чулки
 чос — деревянная ловушка на боровую дичь типа слопца
 чос туй — путик, оборудованный слопцами
 чуман (чуман, чумашник) — берестяной кузов или коробка
 шабур (шабур, шабурина, сев. рус.) — верхняя промысловая и рабочая одежда
 шагыр — период гона у белок и охота на них в это время
 шы — кошь
 шыдоса пирог — лепешка с начинкой из крупы
 ыж ку эшкын — одеяло из овчины конвертом для ног
 юква — уха
 юра — главный, старшой, руководитель артели

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ В ТЕКСТЕ (НАЗВАНИЯ ЯЗЫКОВ И ДИАЛЕКТОВ)

арх. — архангельское наречие русского языка
 болг. — болгарский язык
 вв. — верхневыхегодский диалект коми языка
 вепс. — вепсский язык
 влгд. — вологодское наречие русского языка
 вс. — верхнесысольский диалект коми языка
 др. рус. — древнерусский язык
 зап. сиб. тат. — язык западносибирских татар
 иж. — ижемский диалект коми языка
 кар. — карельский язык
 л. — лузский диалект коми языка
 лл. — лузско-летский диалект коми языка
 манс. — мансийский язык
 мар. — марийский язык
 мокш. — мокша-мордовский язык

нв. — нижневыхегодский диалект коми языка
 нен. — ненецкий язык
 печ. — печорский диалект коми языка
 польск. — польский язык
 рус. — русский язык
 сев. рус. — русский язык населения Европейского Севера
 сиб. — русский язык сибирских старожилов
 скр. — присыктывкарский диалект коми языка
 сс. — среднесысольский диалект коми языка
 уд. — удорский диалект коми языка
 удм. — удмуртский язык
 фин. — финский язык
 хант. — хантыйский язык
 чув. — чувашский язык
 эрз. — эрзя-мордовский язык
 эст. — эстонский язык

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АГВ — Архангельские губернские ведомости
 АИ — Акты исторические. М.
 АИЭЛО — Архив Ленинградского отделения Института этнографии им. Миклухо-Маклая
 АЭС — Американский этнографический сборник. М.
 ВГВ — Вологодские губернские ведомости
 ВЕ — Вестник Европы
 ВЕВ — Вологодские епархиальные ведомости
 ВК — Войвыв кодзув. Сыктывкар
 ВС — Вологодский сборник. Вологда
 ВЯ — Вопросы языкознания. М.
 Вят. ГВ — Вятские губернские ведомости
 ДАИ — Дополнения к Актам историческим. СПб.
 ВГ — Ежегодник Вологодской губернии. Вологда
 КМВД — Журнал министерства внутренних дел
 ЖО — Журнал охоты
 ЖС — Живая старина
 ЗМИЯЛИ — Записки мордовского научно-исследовательского института языка, литературы и истории
 ЗОИКК — Записки общества изучения Коми края. Сыктывкар
 ЗР — За работу (Великий Устюг)
 ЗРГО — Записки Русского географического общества. СПб.
 ИАОИРС — Известия Архангельского общества изучения северного края
 ИВОИСК — Известия Вологодского общества изучения Северного края. Вологда
 ИЗСМ — Известия Западносибирского музея. Омск
 ИКФВГО — Известия Коми филиала Всесоюзного географического общества
 ИОАИЭ — Известия общества археологии, истории этнографии при Казанском университете
 ИОЛЕАЭ — Известия общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете
 ИРГО — Известия Русского географического общества
 ИФС — Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. Сыктывкар
 КМ — Коми му. Усть-Сысольск
 КСИА — Краткие сообщения Института археологии
 КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии
 ЛЖ — Лесной журнал. СПб.
 МДИЕС — Материалы для изучения естественно-производительных сил СССР. Л.
 МЭИП — Магазины земледелия и путешествий. Географический сборник: Собрание старых и новых путешествий. М.
 МПЭ — Материалы по этнографии. Л.
 НАКФАН — Научный архив Коми филиала АН СССР
 НД — Научные доклады Коми филиала АН СССР. Серия препринтов. Сыктывкар
 НО — Научное обозрение
 ОАГ — Обзор Архангельской губернии. Архангельск
 ОЗ — Отечественные записки
 ОИОХ — Охота и охотничье хозяйство
 ПИО — Природа и охота. СПб.
 ПК — Пермский край. Пермь
 ПКВГ — Памятная книжка Вологодской губернии
 ПКС — Пермский краеведческий сборник. Пермь
 ПС — Пермский сборник. М.
 ПСУП — Полное собрание ученых путешествий по России. СПб.
 ПСХ — Природа и социалистическое хозяйство
 РАЖ — Русский антропологический журнал
 РС — Русская старина
 СА — Советская археология
 Сб. РИО — Сборник Русского исторического общества. СПб.
 СИШ — Семья и школа (СПб.)
 СМАЭ — Сборник музея антропологии и этнографии. Л.
 СФУ — Советское финно-угроведение
 СЭ — Советская этнография
 СЭС — Сибирский этнографический сборник. М.
 ТДФУ — Тезисы докладов на XVI Всесоюзной конференции финно-угров
 ТИАЭ — Труды Института антропологии и этнографии
 ТИПЭЖПХ — Труды научно-исследовательского института полярно-

го земледелия, животноводства
и промыслового хозяйства, се-
рия: Промысловое хозяйство
ТНЭ — Труды института этнографии
ТНЯЛИ — Труды института языка,
литературы и истории Коми фи-
лиала АН СССР
ТКФАН — Труды Коми филиала АН
СССР
ТЛЭ — Труды лесозоономических
экспедиций
ТОИВК — Труды общества по изу-
чению Вотского края
ТОЛЕАЭ — Труды общества любите-
лей естествознания, антропо-
логии и этнографии при Мос-
ковском университете
ТНК — Труды полярной комиссии
АН СССР
ТСПЭ — Труды северной научно-про-
мысловой экспедиции
ТСЭ — Труды северной методологи-
ческой охотоустроительной экс-
педиции

ТТКМ — Труды Томского краевед-
ческого музея
УЗКПИ — Ученые записки Коми го-
сударственного педагогического
института
УЗПИИ — Ученые записки Пермско-
го государственного педагогиче-
ского института
УЗПУ — Ученые записки Пермского
государственного университета
УЗУУ — Ученые записки Уральско-
го государственного универси-
тета
ЭЗ — Экономические записки. М.
ЭО — Этнографическое обозрение. М.
FUF — Finnisch-ugrische Forschun-
gen. Helsingfors.
JSFOu — Journal de la Societe Finno-
ougriene
MSFOu — Memoires de la Societe
Finno-ougriene. Helsinki
UJ — Ungarische Jahrbücher

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Аверкиева Ю. П. 181
Аврамов В. 7, 9, 180, 209, 214
Адлер Б. Ф. 115, 162
Айвазян С. 210
Александров В. А. 92, 124, 163
Алексеев М. П. 162
Алексей Михайлович, царь 170
Андреев А. А. 91
Анисимов А. Ф. 181, 213
Антропова В. В. 68, 90, 91
Арсеньев Ф. А. 7, 10, 33, 66, 90, 92,
156, 161, 162, 164—166, 181, 209
Ауфи Х. В. 75

Балуева Д. Д. 32—34
Бараксанов Г. Г. 209
Бахрушин С. В. 133, 164, 211
Беленкина Т. И. 33
Белинский Ф. Д. 63, 164, 166
Белицер В. Н. 8, 50, 62, 63, 92, 155,
163, 166, 167, 180, 209
Белявский Ф. 165, 197, 212, 213
Бернштам Т. А. 164
Бессонов Б. В. 209
Бикбулатов Н. В. 180
Биркенгоф А. Л. 211
Битрих А. А. 34, 162, 163
Богораз В. Г. 164, 165, 211
Богословский С. С. 33

Борисов Д. 213
Бородин Л. Н. 61, 62, 161, 163, 180
Бранд А. 211, 231
Брусилов Н. 163, 181, 210
Булкин В. А. 212
Бульжников 164
Бунаков Н. Ф. 33
Буров Г. М. 32, 68, 90, 91, 115, 141,
162, 164, 165, 212

Валеев Ф. Т. 63
Вайнштейн С. И. 181
Варпаховский Н. А. 7, 10, 34, 165, 166
Варсанофьева В. 166
Василевич Г. М. 62, 63, 74, 90, 91, 161,
163—165, 184, 200, 209, 212
Васильев В. И. 146, 164, 165, 181
Васильев Д. В. 63, 164, 166
Веске М. П. 148, 165
Вилкуна К. 116, 162
Вихман Ю. 8, 116, 162, 185, 189, 209,
210
Воздвиженская О. Н. 180, 232
Волегов В. 91, 163, 165
Воленс Н. 161, 165, 166
Волков Н. Д. 26, 34, 161, 180

Гаврилов И. 13
Гагарин Ю. В. 114, 162, 208, 214

Гваньини А. 6
 Герберштейн С. 6, 32, 75, 91
 Гладкова И. Г. 33
 Гладков В. П. 33
 Гондатти Н. Л. 212
 Горская Н. А. 165
 Гофман Э. 6, 7, 9, 62, 114, 162, 164, 166, 178, 181
 Гребенщиков В. Е. 164
 Грен А. Н. 8
 Грибова Л. С. 196, 211, 212, 232
 Громыко М. М. 62, 211, 213, 214, 231, 232
 Грумм-Гржимайло Г. Е. 181
 Гуляев Е. С. 61, 62, 63, 90—92, 161, 162, 164, 165, 209, 211
 Гурвич И. С. 62, 63, 90, 164, 181
 Гусельников В. Ф. 15

Давыдов Л. 16
 Даль В. И. 63, 90
 Деньгин А. 164
 Дмитриев А. А. 231
 Добровольский Н. А. 210
 Долгих Б. О. 62, 91, 181
 Доннер К. 90
 Дорошин П. Г. 90, 92, 211—213, 231
 Дубов И. В. 212
 Дубровский А. Н. 161
 Душин-Горкавич А. А. 91, 210

Едемский М. Б. 41, 62
 Ежов Ф. Е. 7, 9, 162, 209, 210, 213
 Емельянов А. И. 186, 209, 210
 Епифантий Премудрый 9, 209
 Ермаков Н. 34, 142, 165, 166

Жаков К. Ф. 7, 8, 10, 209—211
 Жеребцов Л. Н. 10, 32—34, 181, 232
 Жиганов М. Ф. 164
 Жилинский А. А. 34
 Журавский А. В. 106, 161, 162

Заварин Н. А. 210, 213, 214, 232
 Задера А. Г. 165
 Зайцева М. 210, 212, 213
 Засодимский (Вологдин) П. В. 7, 9
 Зеленин Д. К. 74, 91, 186, 192, 197, 210—212
 Зелинский А. Н. 164
 Золотарев А. М. 123, 200, 212
 Зуев В. Ф. 197, 212

Ибн-Фадлан Ахмед 75
 Иван III Васильевич, царь 13, 32
 Иваненко Н. 7, 9, 90, 180
 Иваницкий Н. А. 165, 210, 213
 Иванов С. В. 213
 Идес И. 211, 218, 231

Иевлев Д. 161, 164, 181
 Индова Е. И. 33, 34
 Иовий Павел 6

Ииркан. богатырь 221

Калима Л. 165
 Каменевская Р. В. 74, 91
 Каменевский Адам 15
 Кандицкий В. 212
 Канев К. И. 172
 Кастрен А. 196, 212
 Керцелли С. В. 118, 163
 Кирон Федор (Педор) 221
 Климова Г. П. 232
 Климов В. 210
 Козлова Е. В. 214
 Козлов П. И. 31
 Колесова П. А. 231
 Коловнин Бажен 16
 Комаров П. 16
 Копанов Н. Д. 10
 Копанев А. И. 161
 Копылов А. Н. 92
 Корсаков А. 161
 Костиков Л. 210
 Красильникова Э. Д. 32, 92
 Крашенинников С. П. 63, 68, 72, 91, 117, 162, 165, 181, 211
 Кривошапкин М. Ф. 62, 63, 90, 161, 163, 165, 208, 214
 Круглов А. В. 7, 9, 63, 206, 213, 232
 Крюкова Т. А. 62, 91, 92, 163—166, 231
 Крюков К. И. 165
 Кудряшова В. М. 188, 210
 Кузнецов Б. А. 161, 162
 Кулемзин В. М. 63, 164, 210, 213
 Кучина Е. С. 165

Лапин В. А. 61, 62, 161
 Латкин В. Н. 6, 9, 19, 33, 63, 164, 165, 180, 230, 232
 Лащук Л. П. 32, 33, 70, 72, 91, 92, 181
 Лебедев Г. С. 212
 Левин М. Г. 72, 74, 91
 Ленин В. И. 5, 21, 29, 31, 33, 34
 Лепёхин И. П. 6, 112, 113, 117, 162, 164, 165, 192, 211, 218, 221, 231
 Лобачев С. В. 62, 161, 163, 180, 204, 213
 Луккина Н. В. 63, 164, 210, 213
 Лукьянченко Т. В. 62, 163, 164, 166
 Лыткин В. И. 61—63, 67, 90—92, 161, 162, 164, 165, 209, 211, 218, 231
 Лыткин Г. С. 67, 90
 Лятиевы 169
 Ляцкий Е. А. 164

- Маковецкий И. В. 62
 Максимов В. А. 161, 209
 Максимов С. В. 7, 9
 Маляревский К. Ф. 63, 163
 Маркс К. 9, 18, 32, 163, 179, 181, 209, 210, 212
 Мартынов С. В. 27, 29, 30, 34, 63, 155, 163, 166, 230, 232
 Мартюшов А. М. 92, 162, 165, 211
 Маслова Г. С. 212
 Маслов В. И. 165
 Матвеев А. К. 44, 62, 63, 68, 90
 Матвеев Иван 15
 Матусевич И. В. 62, 63, 91, 161, 162, 232
 Мельников С. Е. 63, 136, 163, 164
 Мерзон А. Ц. 32
 Меховский М. 6
 Микушев А. К. 90, 194, 196, 210—212, 222, 231, 232
 Михайлов А. 162, 163, 165
 Михайлов М. И. 7, 9, 162, 165, 166, 180, 181, 232
 Михайлов С. В. 92
 Мокшин Н. Ф. 210, 212
 Мордвинов А. 175, 181
 Мстиславич Изяслав 5
 Муллагулов М. Г. 91
 Муллоев М. 210, 212, 213
 Мункаши Б. 209, 211
 Мышковский Е. В. 163

 Налимов В. П. 7, 8, 10, 163, 180, 203, 210—213
 Насонов А. Н. 9
 Нат С. 164
 Немирович-Данченко В. И. 209, 210
 Никитинский А. И. 231
 Никонов В. А. 231

 Оборин В. А. 32, 162, 163
 Овсянников О. В. 68, 91
 Ожегова М. Н. 209
 Оленев Н. В. 180
 Ончуков Н. Е. 220, 231
 Осколков А. Т. 19
 Осокин 18

 Павел, апостол 207, 208
 Павлов Кирилл 16
 Павлов П. Н. 32, 161, 162
 Паллас П. С. 77, 92, 117
 Паляйка, колдун 76
 Пам, жрец 183
 Панюков С. Е. 178
 Пархачева А. М. 180
 Пархачев М. И. 170
 Пекарский П. 91
 Пелих Г. И. 181
 Пера, богатырь 221
 Перов С. 163
 Петр, апостол 207, 208
 Петр I, царь 218
 Пименов В. В. 62, 90, 210, 213
 Плесовский Ф. В. 90, 91, 212, 224, 231, 232
 Плеханов Г. В. 226, 232
 Полевой Б. П. 32
 Померанцев Э. В. 210
 Попов А. А. 164, 211
 Попов В. Ф. 24, 33, 92
 Попов И. 209
 Попов И. Е. 168, 205
 Попов К. 9
 Походящий 18
 Принц Даниил 6
 Пронштейн А. П. 165
 Прыткова Н. Ф. 63
 Пыстин М. В. 83

 Равдоникас В. И. 165
 Ракин А. Н. 165, 216, 231
 Редеи К. 52, 63, 92, 141, 145, 152, 165, 196, 212
 Рогачев М. Б. 232
 Рогов Н. 209, 213
 Роланд Г. Ф. 128
 Романов А. Н. 165
 Рочев Ю. Г. 213, 232
 Руденко С. И. 91, 161, 162, 164, 165
 Русанов В. А. 7, 10, 92, 114, 117, 123, 162, 163, 177, 181

 Савельева Э. А. 32, 162, 165
 Сахарова М. А. 231
 Сельков Н. Н. 231
 Сеников Д. 162
 Сепеев Г. А. 161, 163—165, 212
 Сергеев М. А. 161, 175, 181
 Сергель С. В. 6, 63
 Сивков А. 210, 211, 213
 Сидоров А. С. 8, 10, 62, 92, 161, 163, 166, 180, 181, 190, 194, 201, 204, 209—213, 218, 227, 231, 232
 Силантьев А. А. 34, 166
 Симон, митрополит 209
 Симонов Афанасий 16
 Симченко Ю. Б. 63, 162—165
 Сирелиус У. Т. 10, 50, 62, 74, 91, 164
 Смирнов А. П. 163, 212
 Смирнов И. Н. 62, 180, 186, 209, 240
 Смирнов С. 16
 Смолковский З. А. 112
 Смоляк А. В. 200, 212
 Соколова З. П. 62, 211
 Соловьев Д. К. 121, 122, 126, 133, 163, 164, 166, 173, 178, 180, 181, 212
 Сонин А. П. 63, 164, 166
 Сонни К. М. 7, 9, 162, 163
 Сорокин П. А. 7, 10, 198, 211—213
 Соснин Н. 92
 Соснин П. 163, 213
 Станюкович Т. В. 212
 Старцев Г. А. 90, 197, 211—213

Стефан, епископ Пермский 5, 9, 182,
183, 198
Супинский А. К. 61, 62, 212
Сухановы 19
Сухонен С. 231

Тароева Р. Ф. 62, 63, 90, 92, 161, 165,
166, 211
Теплоухов Ф. А. 210
Тепляпина Т. И. 209, 231
Терюков А. И. 33
Тимушов Д. А. 217, 231
Титов И. П. 33
Тихомиров М. Н. 32
Тихонов Ю. А. 32
Токарев С. А. 189, 209, 210
Томилов С. 91
Туголуков В. А. 181
Тупныр Як, колдун 76
Туркин А. И. 231
Тывболев Н. П. 83

Федоров Сидор 16
Флетчер Джильс 6, 9
Фокош-Фукс Д. 8, 10, 210
Фрезер Д. 167, 180
Фукс Д. Р. 209—213

Харузин Н. Н. 61
Хаузенберг А. Р. 211
Хемпинг Р. 91

Хомич Л. В. 164, 213
Хямяляйнен А. 153, 166

Цыганов Н. Ф. 231

Черкасов А. А. 180
Чернецов В. Н. 52, 62, 63, 123, 162
Чисталев П. И. 163, 210, 231, 232
Чистов К. В. 144, 165, 218, 231
Чубинский П. П. 63, 164, 166

Шамахов С. А. 90, 162
Шатилов М. Б. 210
Шахов 116
Шахтаров П. В. 83
Шипунова Г. 62
Шипунова Г. М. 232
Шитова С. Н. 63, 92
Шипкин Н. И. 63
Шляпин В. П. 162
Шренк А. 6, 9, 164
Шуйский Василий, царь 32
Шульгин В. С. 165
Шухов И. Н. 95, 161, 213, 214

Эдейн И. 92
Энгельс Ф. 4, 9, 32, 124, 163, 181, 182,
188, 209, 210, 212
Эрдеди Е. 217

Якимова О. 210
Яков, колдун 204

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава первая	
ПРИСВАИВАЮЩИЕ ОТРАСЛИ ТРАДИЦИОННОГО ХО- ЗЯЙСТВА КОМИ	11
Глава вторая	
ПРОМЫСЛОВЫЙ БЫТ	34
Глава третья	
СРЕДСТВА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ	64
Глава четвертая	
ПРОМЫСЛОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	92
Глава пятая	
ЭТИЧЕСКИ-ПРАВОВЫЕ НОРМЫ ПРОМЫСЛОВОГО НА- СЕЛЕНИЯ	166
Глава шестая	
РЕЛИГИОЗНОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ ПРОМЫСЛОВОГО НАСЕЛЕНИЯ	182
Глава седьмая	
ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ПРОМЫСЛОВЫХ ТРАДИЦИЙ . . .	214
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	233
Краткий словарь коми промысловых терминов	240
Условные сокращения в тексте (названия языков и диалектов)	242
Список сокращений	243
Указатель имен	244

Николай Дмитриевич Конаков

КОМИ ОХОТНИКИ И РЫБОЛОВЫ

со второй половине XIX — начале XX в.

Утверждено к печати Институтом языка, литературы и истории
Коми филиалом АН СССР

Редактор издательства С. Н. Романова. Художник А. Д. Смеляков
Художественный редактор Н. А. Фильчагина. Технический редактор В. В. Тарасова;
Корректоры Н. И. Назарина, Л. В. Лукичева

ИБ № 26648

Сдано в набор 07.07.83. Подписано к печати 20.10.83. Т-16675. Формат 60×90^{1/16}
Бумага книжно-журнальная. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая
Усл. печ. л. 15,5 Уч.-изд. л. 18,1 Усл. кр.-отт. 15,75 Тираж 1950 экз. Тип. зак. 3063
Цена 2 р. 60 к.

Издательство «Наука». 117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука». 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10